С. КУЛИЧКИН

ВАТУТИН

С. КУЛИЧКИН

ВАТУТИН

К 100-летию
генерала армии
Н.Ф. Ватутина

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2001

ББК 68.49(2)243
К 90

Книга издана при финансовом участии Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»

Куличкин С.П.

К90 Ватутин: К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина. — М.: Воениздат, 2001. — 319 с., илл.

ISBN 5-203-01915-0

Н.Ф. Ватутин (1901—1944) входил в плеяду военачальников, приведших наш народ к победе в Великой Отечественной войне. В книге рассказывается о его жизни и боевой деятельности. В годы войны он был заместителем начальника Генерального штаба, представителем Ставки ВГК, командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Погиб в 1944 г., похоронен в Киеве.

ISBN 5-203-01915-0 **ББК 68.49(2)243**

© С.П. Куличкин, 2001
© Оформление, Воениздат, 2001

Зима 1944 года на Украине выдалась теплой. Даже в январе легкие морозы сменялись продолжительными оттепелями, а уж к концу февраля измученные капризами погоды войска всех четырех Украинских фронтов перестали обращать внимание на разбитые боевой техникой дороги, залитые дождями и грязью траншеи, землянки, блиндажи.

29 февраля, в шестом часу вечера, по безлюдному Ровенскому шоссе на большой скорости двигались четыре вездехода. В первой и последней машинах расположились автоматчики, почему можно было предположить, что они сопровождают высокое начальство. Во втором «виллисе» ехали командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Николай Федорович Ватутин и член Военного совета фронта генерал Константин Васильевич Крайнюков. Всего десять дней назад победоносно завершилась Корсунь-Шевченковская операция, в которой войска их фронта принимали самое деятельное участие, а сейчас готовились к новому наступлению, и генералы объезжали войска 13-й и 60-й армий, проверяя вопросы взаимодействия и материально-технического обеспечения. Первым посетили в Ровно командующего 13-й армией генерала Н.П. Пухова и от него двинулись в Славуту, в штаб 60-й армии генерала И.Д.Черняховского. Февральский день быстро терял силу, и Н.Ф. Ватутин спешил попасть к Черняховскому засветло.

Николай Федорович, как и всегда в преддверии предстоящей операции, был сосредоточенно деловит и не скрывал своего хорошего настроения. Еще несколько дней назад он болезненно переживал решение Ставки, передавшей ликвидацию Корсунь-Шевченковского котла соседнему, 2-му Украинскому фронту, но новая операция быстро развеяла обиду. Предбоевое, по-хорошему понятное нетерпение не отпускало его ни на час.

— Послушай, Константин Васильевич, — повернулся Ватутин к Крайнюкову. — Что мы прилипли к этому шоссе? Сворачиваем на проселок, спрямим путь километров на двадцать—тридцать. Скоро стемнеет, да и Черняховский нас заждался. Мне бы хотелось еще сегодня провести совещание.

— Я не против, — согласился Крайнюков, и водитель подал сигнал впереди идущей машине.

Через километр колонна свернула на проселок. Скорость заметно упала. Из-под колес впереди идущего вездехода полетели комки снега, грязи, и машина командующего немного отстала. Надрывно завывая, машины проехали несколько деревень. Промелькнули вросшие в землю, крытые соломой хаты, журавли колодцев, покосившиеся плетни.

Перед въездом в село Милятин Николай Федорович выглянул из машины. Впереди, за небольшим оврагом, куда нырнула машина охраны, белело несколько хаток. На устало опустившей ветви раките чернело гнездо аиста. Около хат толпились какие-то люди, а от ракиты к домам, высоко подбрасывая ноги, бежал белоголовый мальчишка, в рваном кожушке, без шапки. Из оврага вынырнула машина охраны, и сразу же в морозном воздухе застучали автоматные очереди. Машина Ватутина остановилась, из нее выскочил порученец командующего. Впереди идущий «виллис» тоже остановился, а потом, отчаянно взвыв мотором, задним ходом начал выбираться из села.

Недоуменно переглянувшись, Ватутин и Крайнюков вышли из машины. Подбежал запыхавшийся порученец.

— Товарищ командующий! — взволнованно закричал он. — Засада! Бандеровцы! Численностью до роты!

В воздухе засвистели пули. Генералы спрятались за машину. Вокруг заняли оборону автоматчики охраны.

— Беда, Николай Федорович, — тихо сказал Крайнюков. — Бандитов много, а у нас дюжина автоматчиков да несколько офицеров. Считаю необходимым вам взять портфель с документами и под прикрытием группы бойцов выйти из боя. Мы не имеем права рисковать вами и оперативными документами. Спешите, товарищ командующий...

Бандеровцы, развернувшись цепью, шли в настоящую атаку. Ватутин, прижавшись щекой к мокрому брезенту «виллиса», тщательно целился и стрелял из пистолета.

— Товарищ командующий! — повысил голос Крайнюков.

— Отставить, товарищ генерал! — повернулся наконец к нему Ватутин. — Мне, командующему, не к лицу оставлять бойцов в минуту смертельной опасности. С документами отправить одного из офицеров в сопровождении двух автоматчиков. И никаких полемик. Все!

На Крайнюкова смотрели непримиримые, ставшие непривычно жесткими глаза командующего, и тот понял, что возражать бессмысленно.

Бой между тем разгорался. Ватутин уже вел огонь из автомата убитого бойца. Подобрал автомат погибшего и Крайнюков, но едва он успел выпустить первую очередь, как рядом болезненно вскрикнул Николай Федорович. Пуля ударила командующего в бедро, и

он осел в грязный снег. По бекеше медленно расползалось кровавое пятно. Крайнюков подхватил Ватутина.

— Быстро в машину! — крикнул он подбежавшему порученцу.

Через минуту машина с раненым командующим, Крайнюковым и порученцем рванулась по дороге к Ровенскому шоссе. Вокруг продолжали свистеть пули. Вдруг застучал и заглох двигатель, машина встала. Проехали всего два километра.

Боевые товарищи на руках понесли раненого Николая Федоровича и несли бы сколько хватило сил, но, к счастью, навстречу попалась конная упряжка с испуганным выстрелами возницей. Ватутина уложили в сани и медленно, чтобы не беспокоить раненую ногу, двинулись в сторону шоссе. Как ни старался возница, сани подбрасывало на кочках, и Ватутин, стиснув зубы, с трудом переносил нестерпимую боль.

По Ровенскому шоссе поехали быстрее, но только через несколько километров, в населенном пункте, наткнулись на военного врача, который и оказал командующему первую помощь. К тому времени бекеша и брюки Николая Федоровича пропитались кровью. Через полчаса на тех же санях поехали по шоссе, но уже через несколько метров навстречу засветили фары «студебекеров». Командующий 13-й армией генерал-полковник Н.П. Пухов, узнав о ЧП от вынесшего портфель с документами офицера, выслал на помощь роту автоматчиков. С ней пришла санитарная машина, на которой Ватутина отправили в госпиталь.

Лежа на удобных носилках в быстро бегущей машине, Николай Федорович почувствовал себя лучше, но слабость не отпускала. Ему казалось, что он все еще слышит автоматные очереди, пистолетные хлопки, а перед глазами маячила фигура белоголового мальчишки в кожушке, бегущего по раскисшему снегу... В таком же рваном кожушке давным-давно бегал по родному Чепухино он, Коля Ватутин...

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Село Чепухино Воронежской губернии растянулось километра на два по отрогам меловых гор на берегу речушки Полатовки. На противоположном берегу — пестрый ковер лугов, за ними синеет лес.

До революции лучшие земли вокруг села принадлежали богатейшим российским помещикам: графине Паниной, графу Девиеру, сенатору Струве. Крестьянам оставалась худородная земля в десяти—двенадцати верстах от деревни — камень, пески, мел. Сельские урочища так и называются — Мелки, Гнилушки, Дальние.

Здесь, в семье крестьянина, 16 декабря 1901 года родился будущий полководец Николай Федорович Ватутин.

Тяжек был труд хлебороба. Крестьянские полоски, выделяемые обществом, лежали за помещичьими землями и были так малы, что ежегодно перемерялись не только саженями и аршинами, но и вершками. С утра до поздней ночи надрывались чепухинские мужики на своих клочках земли, но вечные долги, частые недороды так и не позволяли вырваться из нужды.

Отец Коли Ватутина, Федор Григорьевич, жил одной семьей со своими братьями и сестрами, всего тридцать человек. Возглавлял семью дед Григорий Дмитриевич, который вернулся в родное Чепухино после восемнадцати лет службы в кавалерии. Не было на селе более отзывчивого и справедливого человека, чем Григорий Дмитриевич, не было случая, чтобы он не помог попавшему в беду односельчанину. Сам работал, не жалея сил, и своих сыновей, дочерей и внуков воспитывал в трудолюбии. Впрочем, так испокон веков велось в больших крестьянских семьях, где каждый на виду, каждый отвечает за всех и знает, что ему делать по хозяйству. А уж старшего слушаться — первый закон. Без этого нельзя.

Много детей в доме Ватутиных. Коля — маленький крепкий паренек с вихрастой головой, носом пуговкой, веселыми глазами — по утрам вскакивал первым из детворы. Спала ребятня летом на сеновале, да и взрослые старались перебраться из душной хаты на вольный воздух. В хате оставались одни старики.

На дворах призывно замычали коровы. Подали голоса и их буренки. Сейчас же на крыльце хаты появился взлохмаченный дед

Григорий, в старом армячишке и подшитых валенках, несмотря на лето.

— Колька, пострел! Молодец! — крикнул он, увидев внука. — Гони коров! Аллюр три креста. Ар-р-р-ш! А я остальную ораву будить буду.

Дед расчесал пятерней седую, желтую от табака бороду, сунул в рот трубку, погладил лысину и зашагал к сеновалу. Вид у старика был самый решительный.

Коля, сверкая пятками, догнал коров, которые, поднимая уличную пыль, тянулись на звук рожка. За околицей деревенский пастух собирал стадо.

Когда Коля вернулся домой, все ватутинское семейство было уже на ногах. Возле дома на траве белела широкая холстина. По ее углам поставлены большие миски на семью каждого сына, лежат деревянные ложки, горкой нарезан хлеб, пучками брошен зеленый, весь в каплях воды лук, рассыпаны пупырчатые огурцы и репа. Семья собиралась завтракать. Ватутины из-за большого числа едоков зимой ставили в избе два стола, а летом ели запросто, на траве. Отец Коли Федор Григорьевич степенно раскладывал ложки в своем углу. По характеру он походил на деда Григория: такой же честный, работящий, отзывчивый. Рядом пристроились полукругом жена Вера Ефимовна, четверо дочерей и пять сыновей. Коля втиснулся между братьями, с удовольствием втягивая ноздрями духмяный запах исходящей парком каши.

Дед дал команду. Все дружно взялись за ложки. Ели молча, сосредоточенно и торопливо, в крестьянской жизни к еде относятся серьезно — как к работе: хорошо поешь — хорошая будет работа.

Коля во всем подражает старшему брату Павлу. Тот две зимы уже ходит в школу, а летом вместе со взрослыми на пахоте, сенокосе, уборке хлеба.

Завтрак закончился быстро, так же быстро убрали посуду и холстину. Взрослые, все как один, уехали в поле. Ребятишки дружной ватагой отправились в лес. Брали и самых маленьких. Их несли по очереди в корзинках, что предназначались для грибов и ягод.

Коля любил такие походы. В лесу чего только нет! Малина, черника, смородина. Кто первый найдет полянку — свистит, аукает. Но ягод так много, что свист стоит со всех сторон, не знаешь, куда бежать. Да и у тебя место не хуже. А грибы! Желтеют в ельнике юркие лисички, а вот и заветный бугорок, где в сухих ветках и листьях сгрудились крепкие боровички. О сыроежках и речи нет. Они всюду. Их красные, желтые, фиолетовые, серые шляпки торчат даже на тропинках. Вот на пути встает густой орешник. Корзины уже давно заполнены ягодами и грибами. В дело идут рубашки и девчачьи платки. Рубашонки деревенской детворы не только гре-

ют своих владельцев и прикрывают наготу, но иной раз служат и мешком для сбора диких яблок, орехов, неводом для ловли пескарей...

Но пора и домой. Обратно идут не спеша. Губы и руки фиолетовы от черники. Ягоды наелись досыта. Глаза на нее не смотрят. И только кто-нибудь из малышей, ковыляющих сзади, нет-нет да зацепит из корзины старшего горсть соблазнительной малины.

Блеснула в зарослях ивняка река. Вся ватага с громким криком бросается к берегу. Наскоро выкупавшись, ребята бегут домой. Показались первые избы деревни, сияет церковная маковка, а вот и родная хата — белые стены, соломенная крыша и ярко-красная труба. Недалеко от хаты зеленеет огород: огромные тыквы, картошка, огурцы, лук, капуста. Да мало ли чего надо на большую семью Ватутиных!

Перекусив, ребята разбегаются по двору. Солнце начинает клониться к закату, но работа в хозяйстве всегда найдется, и детвора — первые помощники. Чистят хлев, метут двор, окучивают картошку, выпалывают сорняки, поливают. Всем хватает дела.

Вечереет. Вернулись с поля взрослые. Отужинали на той же холстине и, едва небо потемнело, укладываются спать. Тяжко достается крестьянину хлеб. Земля плохая. Сколько ни работай — урожай не обилен, хлеба до новины никогда не хватает. Поэтому уходят из деревни на заработки за пятьсот верст и более — на Дон, Кубань, Терек, где нанимаются к богатым казакам косить сено. Работают там до изнеможения, болеют малярией, дизентерией, умирают от тифа, холеры. Всячески притесняли казачьи богатеи иногородних батраков. Драли с них три шкуры, платили гроши, не пускали косарей в станицы, гнали с базаров. Вот и приходилось им жить как перекати-поле. Много могил косарей осталось на казачьей земле.

На всю жизнь запомнил Коля Ватутин землю своих отичей — опаленные зноем, иссушенные ветрами меловые высоты. На этой земле трудились его дед, отец, мать, на ней работали его братья и он сам. На ней он познал цену крестьянского труда и научился упорству.

Взрослые давно спят, а детвора окружила деда Григория. Просит рассказать о войне с турками. Не может отказать дед внучатам, да и самому в охотку вспомнить прошлое житье-бытье, как воевал турка у Плевны под знаменами знаменитого «Ак-паши» — «Белого генерала», как звали турки генерала Михаила Дмитриевича Скобелева. Покрыв лысую голову малахаем и прихватив рыболовную снасть, зашаркал старик подшитыми валенками, направляясь к любимому месту на берегу реки. За ним поспешает детвора: кто с котелком, кто с картошкой, кто просто так.

Для Коли рассказы деда лучше всяких сказок. А какой гордостью наполняется его сердце, когда дед достает в очередной раз

конверт, в котором знаменитый Скобелев прислал ему, раненому солдату, Георгиевский крест. На конверте рукой генерала написано:

«В траншеях, 31 октября 1877 года.

Кавалеристу Ватутину, согласно обещания, за распорядительность, мужество и храбрость, оказанную в деле с 29 на 30 октября. За Богом молитва, за царем служба не пропадет. От души поздравляю тебя, уважающий Михаил Скобелев».

Что может быть лучше таких ночных рыбалок с дедом? Но приближалась осень, а с ней учеба в школе. Ее все в деревне называли «караулкой». Церковная сторожка мало походила на учебное заведение, и тем не менее не одно поколение чепухинских детей выучилось здесь грамоте. В сторожке было четыре крохотные комнатенки. В двух жили церковный сторож и учитель, а две другие, смежные, служили классами. Классы были тесно заставлены старенькими партами. Подслеповатые окна пропускали мало света и поэтому даже днем зажигали лампу. Называлась эта школа одноклассным училищем с четырехлетним сроком обучения.

К первому учебному дню Коля готовился долго. Накануне на речке тер песком покрытые цыпками руки, но так и не оттер их. Дед видел его мучения, посмеивался, но обещал утром дать кусок мыла. Утром Колю поджидал удивительно пахучий маленький кусочек мыла. Тщательно умывшись и причесав вихры, он с замиранием сердца осмотрел холщовую сумку, где лежали тетрадка, два карандаша и потрепанная азбука. Еще Павел начинал с ней учиться. По дороге в школу Коля все пытался выяснить у брата, строгий ли учитель, а когда узнал, что учителем будет тот самый дяденька, который организовывал с отцом в селе кооператив, успокоился окончательно. Коля хорошо помнил часто приходившего к отцу невысокого молодого человека в очках, с аккуратной бородкой, в чистой сатиновой рубахе и высоких сапогах.

Николай Иванович Попов был большим патриотом и прекрасным педагогом. Он прививал детям любовь к родине, к истории России, русскому языку. Занимаясь детьми, не забывал и о родителях, старался и тех привлечь к общественной работе. Для этого организовал в селе кооперативную лавку. Казначеем мужики единодушно избрали Федора Григорьевича Ватутина, заслужившего в деревне репутацию честнейшего человека. Ученики тоже привлекались к работе в лавке — помогали учителю и при этом решали арифметические задачи: сколько нужно мешков сахара для продажи, сколько ящиков мыла...

Впрочем, кооперативная лавка существовала недолго. Местные лавочники повели против нее настоящую борьбу: как могли, мешали получению нужного товара, перекупали лучшее и дешевое.

Дело это мужикам пришлось оставить. Но крестьяне долго еще вспоминали свое торговое товарищество.

И вот Коля Ватутин сел за первую в своей жизни школьную парту. Маленькая, исцарапанная и отполированная не одним поколением учеников, она показалась Коле самым дорогим и прекрасным предметом.

— Здравствуйте, дети! — вывел его из задумчивости приятный тихий голос. Перед доской стоял Николай Иванович, поглаживая бородку и весело поблескивая глазами из-за стекол очков.

Ему нестройно ответил хор ребячьих голосов.

— Садитесь. Что-то очень робко здороваетесь. Давайте знакомиться. Меня зовут Николай Иванович. Я буду учить вас чтению, письму, расскажу много интересного о жизни людей, постараюсь помочь вам разобраться во всем, что вас интересует.

Учитель положил на стол толстый журнал, открыл его, но, подумав немного, захлопнул и отложил в сторону.

— Думаю, еще успею познакомиться с каждым из вас, а сейчас хотел бы поговорить вот о чем. Задумывался ли кто из вас, где он живет, чем славится наша земля, которую топчут ваши босые ноги, почему деревня наша называется Чепухино?

Класс молчал. Николай Иванович отошел к окну и продолжал:

— Так вот. Судя по вашему молчанию, не знаете. Ну, слушайте. Много, много лет назад, когда русские люди попали под власть жестоких кочевников, в наших местах еще не было жителей. В лесах бродили медведи, в реках рыбы было видимо-невидимо. И все это богатство захватили завоеватели. Пришли они из далеких азиатских степей. В честный бой вступил с врагом русский народ. Но Русь была раздроблена на княжества, каждое из которых в отдельности не могло устоять под натиском кочевников. Но прошло время. Русские люди поняли, что им надо объединиться, чтобы победить грозного врага, изгнать его из страны. Так и произошло. На Куликовом поле победили русские татар, сбросили с шеи народа вековое ярмо, стало крепнуть русское государство...

Николай Иванович помолчал и, сев на стул, продолжил:

— Вот тогда-то и привлек наш район внимание Москвы. Здесь стала проходить южная граница нашего государства и был построен небольшой город Валуйки — крепость, оберегающая южные границы России. Да, те самые Валуйки, которые каждый из вас в ясную погоду может увидеть с наших меловых гор. Но и тогда еще эти земли были заселены слабо. Прошло триста лет. Во времена походов на Азов русский царь Петр I приезжал в Валуйки. Он сделал этот небольшой город настоящим военным лагерем. Здесь собирались русские войска, отсюда отправлялись на войну с турками. Примерно в это время поселил он между реками Оскол и Полатовка донских казаков. Казак Чепухин выбрал самое лучшее место на

берегу тихой и безлюдной Полатовки, построил хату, и от него пошло наше село — Чепухино. Другой казак — Насонов основал соседнее село — Насоново. Бежали сюда с Украины преследуемые польскими панами бедняки, «мандровали» по нашим землям и, наконец, осели на них. «Мандровать» — значит путешествовать. Так появилось село Мандрово, нынешний волостной центр...

Долго еще рассказывал учитель о родном крае, и перед глазами Коли Ватутина и его товарищей будто заново открывались знакомые места.

Коля учился с удовольствием. Учеба давалась ему легко. Каждый день, проведенный в школе, становился для мальчика праздником, приносил новые знания. Николай Иванович строил занятия интересно. Часто ходил с ребятами по окрестным лесам и полям. Ботаникой и зоологией занимались обычно прямо в лесу. Водил Николай Иванович ребят и на раскопки древних курганов, которых было великое множество в окрестностях села. В раскопах находили предметы утвари, монеты. Первым помощником учителю был Коля Ватутин. Ребята еще по детским играм признали его вожаком, а теперь этот авторитет подкреплялся отличной учебой.

Незаметно пролетел первый школьный год. Вот и каникулы. Детворе — раздолье, хотя никто из ребят не думает отлынивать от домашних дел. Быстро прошло лето. За несколько дней до начала учебного года в селе случилось большое несчастье, и виной ему была бедняцкая детвора, пекшая в костре картошку. Павел и Николай Ватутины, как старшие в семье Федора Григорьевича, работали с отцом на жатве. Своя полоска была уже убрана, но дел в поле оставалось еще много. За долги надо было отрабатывать на графских полях. Федор Григорьевич вторую неделю вместе с сыновьями безвылазно жил в поле. К последнему воскресенью августа работу закончили. Время было полуденное, когда на селе ударил набат. Тревожный гул докатился до самых далеких полей и пастбищ. Вздрогнули работавшие чепухинцы. Тревожно забилось у крестьян сердце от этого звона.

Скачущий во весь опор к стану деревенский пастух, задыхаясь, крикнул:

— Пожар! Пожар, мужики! Горит Чепухино!

Но уже запрягали мужики лошадей, торопились в деревню, обгоняя друг друга. Издалека было слышно, как голосили бабы, ревели ребятишки. Зловещими клубами высоко поднимался над деревней черный дым.

Пожары в Чепухино случались часто. Бывало, выгорало все село. На сей раз пожар занялся с верхнего конца деревни. Изба Ватутиных находилась в стороне от пожара, но все семейство помогало тушить огонь. С колокольни не переставал звонить колокол.

Несмолкаемый гул голосов, крики и плач стояли на деревне. С треском рушились полыхавшие крыши, разбрасывая далеко в стороны снопы искр. От реки к селу вереницей стояли бабы и передавали друг другу ведра с водой. Мальчишки стерегли тревожно ревущую скотину, норовившую бежать куда попало.

Коля и Павел не отставали от отца, а Федор Григорьевич, выхватив топор, бросился к ближайшей горящей избе...

Пожар тушили день и всю ночь. К утру огонь стих, и только ветер разносил далеко в поля горячий пепел.

Когда через три дня чепухинские ребята пришли в школу, Николай Иванович велел им написать сочинение «О пожарах в селе Чепухино». Коля, за короткую жизнь которого пожары трижды уничтожали село, не стал описывать стихию. Он писал о причине пожара, ребятишках, которые хотели полакомиться печеной картошкой и нечаянно подожгли ригу.

Николай Иванович, обычно зачитывающий всему классу Колины сочинения, на сей раз просто объявил мальчику отличную оценку.

В этот учебный год в школе было особенно интересно. Николай Иванович задумал организовать для деревенских детей драматический кружок. Инспектор народных училищ, приезжавший в Чепухино с комиссией, не мог сдержать смеха.

— Видели ли вы подобное, господа? Ха-ха-ха! — заливался он. — Сиволапые мужики и театр. Ох и уморили же вы нас, господин Попов. Ну-ну, дерзайте...

Зря смеялся чиновник. Школьный кружок скоро заработал, да еще как! Ребята под руководством учителя инсценировали рассказ Чехова «Каштанка». С интересом смотрели спектакль и мужики, удивлялись, радовались за своих собственных детей. Коля Ватутин был непременным участником всех представлений. Любимой его ролью стал Балда из пушкинской сказки. С удовольствием играл он мальчика в инсценировке стихотворения Никитина «Жена ямщика», а поскольку в доме Ватутиных все пели, не мог отказаться Коля и от школьного хора.

Школу Николай Ватутин окончил первым учеником. Очень ему хотелось учиться дальше, но для этого надо было ехать в Валуйки, где находилось двухклассное земское училище. Сама поездка не представляла труда, но где было взять деньги для платы за обучение? Федор Григорьевич ничего не говорил сыну, хотя знал, что учиться тому, видимо, не придется.

В тот год, после очередного пожара, часть крестьян ушли переселенцами в Сибирь и на Алтай. Некоторые подались в город на заработки. Стали распадаться дружные и прочные семьи. У Ватутиных дед Григорий тоже решился на раздел. Собрав сыновей, он без долгих объяснений объявил им свою волю:

— Вот что, сыны. Разделяемся без шуму и спора, чтобы ни одна живая душа в деревне не слышала о нашем дележе...

Старик сам и поделил имущество.

Отделившись, семья Федора Григорьевича особого облегчения не получила. Скорее наоборот. Надо было воспитывать девятерых детей самостоятельно, вести одному все крестьянское хозяйство. А долгов только прибавилось. Учитель Николай Иванович по старой дружбе заходил к Ватутиным и все убеждал Федора Григорьевича обучать сына дальше. Коля был самым способным его учеником. Но Ватутин-старший помалкивал. Он в душе соглашался с учителем, да не было лишних денег. Кроме Коли надо хоть как-то выучить остальных детей. И за всех надлежало платить. Сельская школа существовала на крестьянские деньги.

Вечером за ужином отец наконец решился и сказал Коле:

— Прости, сынок, но ученье твое закончилось. Нет у меня денег учить вас всех. Ты у нас и так самый ученый. И рабочие руки в доме нужны.

Отец умолк, и сидевшие за столом с сочувствием уставились на Колю. Все знали, как он хотел учиться. Коля сидел, потупив глаза, и бессмысленно водил пальцем по столу.

«Как же так, — думал он, глотая слезы. — Ведь я хорошо учился. Учитель все время говорил, что надо учиться дальше. И тятька всегда радовался моей учебе...»

Горе мальчика казалось безмерным. Чтобы не увидели его слез, Коля выбежал из-за стола и спрятался в сарае. Забравшись в душистое сено, неподвижно лежал он и широко открытыми глазами глядел в щели на бездонное звездное небо. Приходилось смириться с судьбой. Он понимал, что отец прав: денег в семье не хватало на самое необходимое.

Но судьба оказалась благосклонна к Николаю. Дня через два-три мальчик случайно услышал, как дед Григорий сказал отцу:

— Что же ты не сказал мне о деньгах? Пришел бы сразу ко мне. Уж я знаю, что такое грамота. С турками ходил воевать, в Балканах мерз, подыхал в лазарете и не мог из Булгарии строчки домой написать. Потом десять лет служил в городу Бирюч и все десять лет за каждое письмо домой платил грамотею-вахмистру из последних грошей. Словом, нечего рассуждать. Собирай мальчонку в Валуйки. Будет жить у Силина. Как-никак у него собственный дом, да и племянник он мне.

На следующий день счастливый Коля трясся в телеге на мешках с зерном. Дед Григорий сам вез внука на учебу, по-крестьянски решив заодно продать в уездном городке ячмень и гречиху. Дед собрал последние деньги, часть платы из скудного жалованья внес учитель. Он же купил учебники и тетради.

«Собственный дом» родственников Ватутиных оказался обыкновенной хатой, приютившейся на самой окраине города в Казацкой слободе и состоявшей из одной большой комнаты. В этой комнате и жило многочисленное семейство Силина. С утра до позднего вечера в комнате колготились и ревели на все лады ребятишки, стучали посудой женщины, а зимой в углу за печкой мычал теленок. Коле Ватутину приходилось ждать ночи, когда все заснут, и только тогда садиться за уроки. Но это скоро не понравилось хозяевам. Больше всего донимала Колю старая бабка Силиха. Коля молчал, чувствуя себя виноватым. Тогда он стал вставать задолго до рассвета и часа два перед уроками занимался в училище.

Как и в Чепухино, мальчика полюбили в училище. Правда, в первое время дразнили за маленький рост, но обидчики попробовали крепких ватутинских кулаков и присмирели. А вообще Коля всегда оставался сдержанным и уступчивым товарищем, вот только в учебе не уступал никому: лучшее сочинение — у Ватутина, первым решил задачку Ватутин...

В Валуйках у Коли появились два товарища — такие же горемыки из соседней Насоновки. Они жили в Казацкой слободе у родственников, питались кое-как, спали урывками, но упорно учились. Каждое утро друзья спешили в училище через весь городок. Пять верст в один конец, пять — обратно. Зимой — через занесенную снегом базарную площадь слободки, весной и осенью — через непролазную грязь. На праздники ребята пешком уходили в деревни повидаться с родными, узнать новости. А новости у Ватутиных неважные: пала одна из коров, не хватает хлеба. Пришлось брату Афоне бросить учебу, помогать отцу и Павлу.

После окончания училища Коля принес домой похвальный лист. Осторожно, с любовью трогали родственники невиданную бумагу с гербовой печатью, не зная, что с ней делать. В углу тихо посмеивался Николай Иванович. Он первым и подал голос:

— У меня есть предложение. В губернии сейчас растет торговля хлебом, пенькой, овощами. Помещикам и купцам необходимы грамотные помощники. Земство решило помочь лучшим ученикам получить образование. В Валуйках объявили конкурс на стипендию в коммерческое училище для способнейших учеников начальной школы Валуйского уезда. Экзамены строгие, но зато обучение бесплатное. Коля, я уверен, их сдаст успешно...

На сей раз семья Ватутиных согласилась сразу — слишком заманчивым было предложение. Месяц занимался Николай Иванович с мальчиком. И Коля, блестяще выдержав экзамены, был принят в коммерческое училище, располагавшееся в большой торговой слободе Уразово, в 30 верстах от Валуек.

Четыре года учебы в училище прошли как один день. Воспитанники, кроме стипендиатов, были сыновьями купцов и чиновников. Коля чувствовал себя среди них чужим и все свободное время отдавал учебе. В субботу же, сложив в старый ранец книжки и тетрадки, спешил домой.

Уже два года бушевала мировая война. Пустели города и деревни. Ушел на фронт и Колин отец. Бедность, и без того душившая крестьян, обернулась нищетой. Поэтому, когда в училище прекратили выплату стипендии, Коля особенно не огорчился. Он быстро собрал пожитки и вернулся в родное Чепухино.

Летом работал в поле, учил грамоте младших братьев и сестер, много читал. Зимой ему удалось определиться переписчиком в волостное управление. Небольшой заработок стал хорошим подспорьем семье.

В воздухе запахло революцией. Наступил семнадцатый год. Докатились революционные волны и до Чепухино. Сначала до села добрались демобилизованные по ранению солдаты, которые принесли невероятную весть о свержении царя. Потом появились юркие люди в коже, полувоенном обмундировании, а то и барском платье. Размахивая красными лоскутами, они говорили много и непонятно, но от главного вопроса о войне и земле уклонялись. Крестьянам стало скучно. И действительно, красные флаги скоро исчезли, а управляющий графини Паниной вновь затребовал недоимки.

Но вот осенью в деревню добрались первые солдаты-фронтовики, распущенные по домам полковыми комитетами. «В Питере советская власть», — пронеслось по округе. На стене волостного управления забелели листки — декреты о мире и о земле, — а на коньке крыши вновь заполыхало красное знамя. Коля Ватутин впервые услышал слово «Ленин». Фронтовики без лишних разговоров собрали население окрестных сел у меловых гор и повели тысячную толпу к волостному управлению. Возле памятника царю-освободителю Александру II в Валуйках возник стихийный митинг, который очень скоро кончился тем, что на памятник накинули веревку и под дружный рев толпы повергли его наземь. Возбужденная толпа рассыпалась на три части и устремилась к помещичьим усадьбам. Через час полыхнули барские дома, дворовые постройки, а уже на следующий день в селе Чепухино была объявлена советская власть и начала работать комиссия по разделу земли.

Шестнадцатилетнего Колю Ватутина, как самого грамотного, всеми уважаемого за честность и доброту, крестьяне выбрали ее председателем. Не простым делом оказался дележ помещичьих земель. Дождавшись передела, крестьяне очень ревниво следили за тем, кому какая земля достанется. Спорили до хрипоты, по неско-

льку раз бросали жребий, ругались и мирились, доходило дело до драк. Коля перемерял участки по нескольку раз за день и неизменно оставался ко всем доброжелательным. Чего ему это стоило, можно только догадываться. Но именно тогда зародился тот удивительный сплав твердости, целеустремленности и внимательной заинтересованности в чужом мнении, который так пригодился потом при руководстве крупными штабами, командовании фронтом. Тогда же появился первый опыт нелегкой работы с людьми. Когда вернулся с фронта отец, жить легче не стало. Забушевало по стране пламя Гражданской войны.

Нет в истории любого народа большего горя, чем гражданская война. И не только потому, что сын шел на отца, брат на брата. Смута, смятение умов поселились на обширных просторах тысячелетней державы, вылились в беспощадные неуправляемые бунты, кровавую вакханалию, надолго спутав, унизив, растоптав понятия нравственности, чести, добра и зла, ввергнув людей в бесконечную пучину страданий. В гражданской войне не бывает победителей... Тогда, в кровавой круговерти, трудно было разобраться в свершившемся не только чепухинским мужикам, но и лучшим умам России. Сколько их оказалось по разные стороны баррикад! Скольких жизнь выбросила в изгнание, сколько поднявшихся на гребне коммунистической волны очутились в пучине ГУЛАГа...

Где же по логике событий должен был оказаться шестнадцатилетний крестьянский паренек, познавший с детства тяжелый мужицкий труд и «справедливость» власть имущих, только благодаря счастливой случайности и собственному таланту получивший хоть какое-то образование? И не такие неокрепшие души попадали под влияние и обаяние простых, доступных каждому, а потому привлекательных большевистских лозунгов: «Мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим, хлеб — голодным». А как четко и предельно ясно определили большевики врага? Кто с белыми — тот с буржуями, помещиками, прочими кровопийцами, он — враг трудового народа. Чего же проще? Сковырнуть этого врага, добить — и сразу станет жизнь лучше, слаще, веселей. Как будет потом — не совсем ясно, но ясно одно — как жили раньше, жить не будем...

Валуек и окрестных сел война коснулась опосредованно, не так, как, скажем, донских или кубанских станиц, сибирских и украинских городов, пригородов Царицына или Петрограда. Пушки здесь не гремели так отчаянно, не сходились в ожесточеннейших схватках казачьи конармейские лавы, не пылили знаменитые тачанки Нестора Махно и жалких ему подражателей, не чадили копотью и смертью бронепоезда. Не мог чепухинский мужик сравнивать силу и справедливость различных властей. У него все это грозное время власть была одна. Она серьезно заявила о себе продотрядами, парт-

ячейками, уездной ЧК, мобилизационными комиссиями и напористыми агитбригадами, революционными театрами. А несла в массы кумачовое слово революции молодежь, комсомолия, «комса» — те, к кому всей душой только и мог потянуться недоучившийся студент коммерческого училища, бедняцкий сын Николай Ватутин. Еще в восемнадцатом году почти все мужское население села Чепухино выступило против немцев и гайдамаков, дошедших до Воронежской губернии. Постановлением схода был сформирован первый в округе отряд Красной Армии. В него вступили отец Коли Федор Григорьевич и старший брат Павел.

Весной 1920 года и Николай Ватутин добровольно вступил в Красную Армию.

АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА

С радостным, трепетным чувством перешагнул восемнадцатилетний паренек порог красноармейской казармы 3-го запасного полка. Крестьянского сына не смутили земляной пол, плохо оструганные нары с соломенными тюфяками, обмундирование грубого сукна, ботинки с обмотками и даже лапти, выданные для хозяйственных работ. Зато в руки впервые легла тяжелая винтовка, а поясной ремень ощутил тяжесть подсумков с боевыми патронами и гранат. Отныне все помыслы Николая были направлены на освоение нелегкой военной науки.

Восьминедельная программа обучения новобранцев включала изучение устройства винтовки, пулемета и уход за ними, ведение огня из различных положений, строевую подготовку, тактику (наступление, оборона, охранение, разведка), метание гранат. Кроме того, приходилось осваивать разные солдатские мелочи: как правильно намотать портянки, обмотки, заправить обмундирование, как нести внутреннюю и караульную службу, рыть окопы и др. Наглядных и учебных пособий почти не было, при обучении придерживались нехитрых, но давно проверенных правил: «Учи показом, а поясняй рассказом», «Тяжело в учении — легко в бою».

Исключительное трудолюбие и дисциплинированность позволили юному красноармейцу Ватутину уже через месяц блестяще освоить программу обучения. Немногословный и застенчивый по характеру, он тем не менее участвовал во всех внеслужебных мероприятиях, любил строевую песню и входил в число ротных запевал.

Скоро группу бойцов и в их числе красноармейца Ватутина направили в 113-й запасной батальон, дислоцировавшийся в городе Луганске. Запасной батальон поразил Николая четкостью внутреннего распорядка, выправкой бойцов и командиров, какой-то особой дисциплинированностью. Укомплектованный на сто процентов, он в каждой роте имел по нескольку литерных рот, предназначенных к отправке на фронт. Среди командного состава было много офицеров и унтер-офицеров бывшей царской армии.

К сожалению для Николая, в такую роту он не попал, но это не помешало ему уже через несколько дней после прибытия принять

боевое крещение. По Донбассу рыскали прорвавшиеся с Екатеринославщины махновские отряды. На борьбу с одним из них и выступил 113-й запасной батальон. В боях под Луганском и Старобельском красноармеец Ватутин впервые услышал свист пуль, выдержал в пешем строю не один налет махновской конницы, познал ярость и ужас скоротечных штыковых атак. Из этих боев Николай вышел закаленным и отважным бойцом, и неудивительно, что красноармейцы единодушно выбрали его секретарем батальонной рабоче-крестьянской инспекции.

Пришлось Николаю вспомнить знания, полученные в коммерческом училище, работу в волостном управлении, нелегкий передел земли и трудные разборы крестьянских жалоб. Инспекция осуществляла строжайший контроль за питанием бойцов, медицинским обслуживанием, вещевым снабжением и многими другими бытовыми вопросами. Время было тяжелое, страна страдала от разрухи, голода. На учете был каждый пуд хлеба, каждая исправная винтовка, каждый ящик с медикаментами. Война, голод, тиф косили людей нещадно. Как известно, в Гражданскую войну погибло 4,8 млн человек, из них 3 млн от болезней и голода. Рабоче-крестьянские инспекции работали во всех ячейках государства, в том числе и в армии. Нетрудно представить, каково было восемнадцатилетнему юноше контролировать довольно сложное батальонное хозяйство.

Обстановка на фронтах вновь осложнилась. Польша отвергла советские мирные предложения и начала военную кампанию. Пилсудский получил от Антанты 1500 орудий, 350 боевых самолетов, 3000 пулеметов, более 300 тыс. винтовок. Боевой состав польской армии достиг 200 тысяч штыков и сабель. На юге изготовился к броску барон Врангель — последняя надежда белого движения. Барон собрал под свои знамена без малого 130 тыс. штыков и 5 тыс. сабель отборнейших войск. Казачьи дивизии, офицерские полки рвались в бой при поддержке тысяч орудий, сотен самолетов, невиданных до того времени танков.

Бойцы 113-го запасного батальона стремились на фронт, и одним из самых настойчивых был красноармеец Ватутин. После третьего рапорта с просьбой об откомандировании на Польский фронт Николая вызвал комиссар батальона. Бывший прапорщик царской армии, член РКП(б) с 1916 года, он сам всей душой рвался на фронт и понимал молодого красноармейца, но для разговора были особые причины.

— Вы что же, товарищ Ватутин, забыли о воинской дисциплине? — спросил комиссар, нахмурив брови. — Или считаете, что командование хуже вас знает, кого надо посылать на фронт? В Красной Армии сейчас миллионы беспредельно преданных революции, опытных бойцов. Именно им партия доверила разгромить

врага. А у новобранцев нынешнего года другие задачи. Так что впредь никаких рапортов!

— Есть, никаких рапортов! — понурил голову Николай.

Комиссар подошел к юноше и по-дружески опустил на плечо руку:

— Не переживайте, Ватутин. У меня к вам стоящее предложение. Осенью начинаются занятия на 29-х пехотных курсах красных командиров. Курсы находятся в Полтаве, так что собирайтесь в дорогу. Командование батальона рекомендует вас как бойца грамотного, умеющего работать с людьми, хорошо проявившего себя в боях с белыми гадами. Ну, как вы?

— Я согласен, — просто ответил Ватутин.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся комиссар. — Я не первый год в армии. Поверьте мне, из вас получится настоящий командир. Пока позанимайтесь.

Однако позаниматься перед отъездом в Полтаву Николаю так и не удалось. Лето выдалось слишком жарким и по погоде, и по делам. Разметав немногочисленные заслоны красных войск, в Таврию на оперативный простор вырвался из Крыма Врангель. Республика спешно создавала Южный фронт, а по красноармейским тылам вновь начали рыскать махновские отряды. На борьбу с ними были брошены части особого назначения, запасные батальоны, добровольческие комсомольские отряды. Почти не выходил из огня и 113-й запасной батальон. В одном из боев Ватутин заменил раненого командира взвода. Впервые в жизни в жестоком бою он повел своих товарищей в штыковую атаку. Шли практически на верную смерть против окруживших их у небольшой балки конных бандитов. Пешие против конных, они штыками и гранатами не только прорвали кольцо окружения, но и обратили врага в бегство. Маленький, юркий Николай Ватутин успевал орудовать штыком и руководить подчиненными. В этом бою батальон понес большие потери. Погибли и трое из пятерых направляемых вместе с Колей в Полтаву молодых бойцов.

В середине августа на следовавшем с врангелевского фронта санитарном эшелоне Ватутин с товарищами уехал на учебу.

За дверью теплушки охраны, в которой устроились бойцы, мелькали сожженные деревни, забитые мешочниками железнодорожные станции, голодные дети на руках изможденных матерей, залитые карболкой и еще не убранные трупы умерших от тифа. Бойцы и рады бы были чем-либо помочь несчастным, да у самих осталось по два сухаря, а сколько предстояло еще ехать, никто не знал.

Чтобы хоть немного отвлечься от горестной картины народного бедствия, Николай предложил товарищам позаниматься. К его удивлению, товарищи оказались просто малограмотными, а один

вообще с трудом читал и не знал даже арифметических действий. Коля решил тут же в теплушке организовать «краткосрочные курсы» по ликвидации неграмотности. В ход пошли старые газеты, плакаты, но скоро этот запас бумаги иссяк, и Ватутин вооружился большим куском мела, а стены вагона заменили классную доску. Правда, произошло одно недоразумение, о котором впоследствии Ватутин вспоминал часто. На станции Красный Лиман, забитой воинскими эшелонами, санитарный поезд застрял надолго. Чтобы не сидеть в душной теплушке, Николай предложил продолжать занятия на свежем воздухе. Доской служила все та же стена вагона. Не успел Коля исписать цифрами полстены, как по бокам его встали два красноармейца с винтовками. Учеников тоже взяла в кольцо невесть откуда взявшаяся охрана.

— А позвольте вас спросить, чем вы это занимаетесь? — пробился в круг подозрительно поблескивающий стеклами пенсне железнодорожник. — Подсчитываете воинские эшелоны!

— Да вы что! — возмутился Ватутин. — Это же просто арифметика. Таблица умножения. Мы — будущие краскомы.

— Насчет краскомов это еще надо подумать, а что разведсведения собираете, очень похоже, — не унимался железнодорожник. — Шпионы! — закричал он вдруг. — Товарищ Мостовой!

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не появился сам товарищ Мостовой, военком станции, высокий мужчина в кожанке и шикарных малиновых галифе.

— Отставить! — гаркнул он простуженным басом. — Где вы шпиенов увидали? То ж наши хлопцы, а эту арихметику я помню еще с церковно-приходской школы, и документы у них в порядке. Сейчас старшой представил. Дорогу будущим краскомам. Такое стремление к знаниям надо только приветствовать. Это по-нашенски, по-рабочему. Ехайте, хлопцы, с богом. Сейчас отправляем состав...

Под дружные аплодисменты недавней охраны Ватутин с товарищами забрался в теплушку, и почти сразу состав тронулся.

В Полтаву прибыли жарким днем 30 августа. После душной теплушки тенистые аллеи старого городского парка показались бойцам раем. До начала занятий осталось всего двое суток, и будущие командиры поспешили на курсы, которые нашли не без труда. Долго бродили по улицам, а пришлось вернуться все в тот же парк. Сели передохнуть у памятника в честь славной Полтавской победы и спросили у проходившего мимо военного, как найти курсы.

— Да вы же около них находитесь, — засмеялся тот и показал на массивное красивое здание, стоящее прямо против памятника. — Вот извольте — бывший кадетский корпус, а ныне курсы красных командиров...

Робко ступая запыленными башмаками, вошел Николай Ватутин в просторный вестибюль здания. Прямо на него сурово смотрела бронзовая статуя Петра Великого. С правой стороны от нее висела рельефная схема знаменитой Полтавской битвы. Николай внимательно рассматривал построение русских войск, любовно вылепленные знаменитые семь петровских редутов. Привлекали внимание маленькие фигуры Петра I на коне и Карла XII на носилках. Слева от статуи Петра висела скромная карта фронтов Гражданской войны. В сплетении красных и синих стрел Николай быстро отыскал родные Валуйки. «Как там в Чепухино?» — подумал он, но доносившиеся с улицы звуки оркестра прервали воспоминания. Из летних лагерей возвращались курсанты.

1 сентября с общеобразовательной подготовки начались занятия. Основной состав вновь набранных курсантов был малограмотен. Поэтому прежде, чем приступить к специальным дисциплинам, пришлось повторять азы начальной школы. Но и эти занятия пришлось скоро прервать. Курсы в срочном порядке бросили на борьбу с бандитами. Курсанты под командованием преподавателей на практике стали изучать основы тактики общевойскового боя. Ватутин, как и его товарищи, был в боях не первый раз, но теперь преподаватели старались привить им командирские навыки, приучали мыслить и действовать самостоятельно. Сколько дорог Украины в ту осень исколесили, а то и просто оттопали курсанты Полтавских курсов! И все с боями, теряя товарищей, постигая в перерывах между боями основы топографии, военной администрации, теории войн и так ненавистной некоторым математики. Воевали больше с бесчисленным количеством батек, атаманов. Поражала их бессмысленная жестокость, порождавшая столь же бессмысленную мстительность. Наверно, тогда, привыкнув к страшным картинам расстрелянных, порубленных, повешенных, Николай почувствовал, как черствеет сердце, и ужаснулся. Именно тогда у него выработался стойкий иммунитет ко всякой жестокости, несправедливости, именно тогда он впервые еще не совсем осознанно начал критически оценивать не только свои поступки, но и поступки старших командиров, замечать чудовищную некомпетентность некоторых начальников, представлявших любимую им Красную Армию. Именно тогда он понял, что армии нужны грамотные, высоконравственные командиры и его задача стать одним из них.

Как говорится, в частых боях и походах прошли лето и осень двадцатого года. К середине ноября остатки армии Врангеля частью ушли за кордон, частью приняли мученическую смерть, сдавшись на милость победителей и поверив в честное слово красного генерала Фрунзе и Реввоенсовета республики. Фрунзе просто не мог предположить, как распорядятся его словом *пламенные рево-*

люционеры Пятаков, Землячка, Бела Кун, а если бы и предположил...

Война кончилась, и хотя по стране еще пройдет волна восстаний, крестьянских бунтов уже против народной власти большевиков, приказом главкома все курсанты военно-учебных заведений возвращались к месту постоянной учебы.

Курсантов 29-х пехотных курсов приказ застал под Мелитополем, почти за тысячу верст от Полтавы, и их пришлось одолеть в пешем походном порядке, отбиваясь от кого-то или приходя на помощь кому-то, что в те времена было обычным явлением.

До Нового года еще не раз пришлось выступать против недобитых отрядов Махно, других атаманов, рыскавших вокруг Полтавы. Зимой началась настоящая борьба за топливо. Его не хватало железной дороге, городу, гарнизону. После нелегкого учебного дня, едва насытившись скромным пайком, курсанты разгружали составы с дровами, таскали, как заправские грузчики, рогожные мешки с углем.

После анархии Гражданской войны страна столкнулась с ужасающей разрухой. Везде требовались рабочие руки, а они в своем большинстве находились в армии. По инициативе председателя РВС республики, идола или дьявола революции Льва Троцкого попытались, недолго думая, перевести на трудовое положение армии, не участвующие непосредственно в боях, с перспективой загнать весь народ в трудармии. Но, к счастью, идея эта так и не воплотилась в жизнь. Началась организованная демобилизация и реорганизация многих воинских частей.

29-е пехотные курсы красных командиров преобразовали в 14-ю Полтавскую пехотную школу. Людей сократили почти втрое, предложив наиболее подготовленным, среди них оказался и Николай Ватутин, продолжить обучение. К этому времени Николай уже не мыслил себя вне армии и остался в школе. Скоро занятия продолжились.

Начальником школы был назначен бывший царский офицер Иван Петрович Сальников. Он не только проявил себя в действующей армии на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, но и с успехом занимался военно-теоретической деятельностью. С октября 1919 года Красная Армия занималась по учебнику тактики, написанному Сальниковым. В учебнике он сумел объединить опыт Первой мировой войны, ее позиционные формы ведения борьбы с маневренным характером Гражданской войны.

Николаю Ватутину сразу понравился этот высокий, подтянутый, тщательно выбритый, неизменно требовательный и при этом очень внимательный командир. С первого построения, на котором Сальников представился личному составу школы, с его первого приказа стало ясно, что учеба в школе будет нелегкой. Кто бы мог

подумать, что уже в первом, традиционном приказе о вступлении в должность он сочтет необходимым дать методические указания по боевой подготовке. В приказе говорилось: «Объявляю ниже сего описание приему прицеливания, приказываю принять его в школе к руководству. Этот способ допускает в течение часа проверить правильность наводки 30—40 курсантов. Отлично усваивается вся система стрельбы. Ни один человек не останется без ежедневной проверки. Все бойцы будут обучены в 3—4 раза быстрее...

Сальников добился введения курса военной истории, пополнил школьную библиотеку военно-научной литературой.

— Не бойтесь читать военных классиков, — неустанно повторял Иван Петрович курсантам. — Многим из вас придется продолжать военное образование в академиях, но даже если и не попадете туда, все равно читайте Клаузевица, Энгельса, Мольтке, Драгомирова. Военный человек должен постоянно повышать свой теоретический уровень, и чаще всего это придется делать самостоятельно. Особенно обращаю внимание на работы, освещающие события последних войн. Журналы «Военный вестник», «Военное дело» должны стать вашими спутниками на всю жизнь.

Николай Ватутин запомнил этот совет. В тот год он впервые познакомился с трудами Бориса Михайловича Шапошникова «Обзор боевых действий Красной Армии», «Первые боевые итоги маршала Пилсудского», «На Висле. К истории кампании 1920 года». Зачитывали курсанты до дыр и работы своего начальника школы. Скоро вышла в свет составленная Сальниковым «Методика обучения курсантов в 14-й пехотной школе».

Большое внимание в преподавании Сальников уделял работе с картой. Топографические и тактические задачи решались постоянно с реальной привязкой к местности. Причем сам начальник школы и все преподаватели серьезно подходили к качеству графических работ.

— Прививайте себе штабную культуру, — неустанно повторял Сальников.

Многие курсанты считали его требования чрезмерными, отдавая предпочтение практическим занятиям, стрельбам, но Ватутин не просто старался, он полюбил карту, строгость военной документации. Остро отточенные карандаши, циркули, линейки, четкие красные стрелы, зубчики рубежей обороны вызывали в его душе настоящий трепет. Эту любовь он пронесет через всю жизнь. Позднее, даже в должности заместителя начальника Генерального штаба, командующего фронтом, он будет нередко работать с картой сам, чем неоднократно удивит и начальников и подчиненных.

В практические занятия и тренировки новым начальником школы также было внесено много нового. На тактических занятиях курсанты выступали не только как обучаемые, но и как наблю-

датели. По итогам наблюдений необходимо было представить подробный отчет со своими замечаниями и предложениями. Однокурсники Ватутина впоследствии говорили, что у него были лучшие отчеты, а некоторые из них Сальников зачитывал перед строем.

Много внимания уделялось отработке приемов ведения боя как в обороне, так и в наступлении. Старались повышать морально-психологическую подготовку. И хотя большинство курсантов были обстрелянными бойцами, в школе детально отрабатывали атаки в сфере артиллерийского и пулеметного огня на дистанции от 2 тысяч до 300 шагов, то есть в сфере прямого выстрела.

После военно-специальных занятий на первом месте стояла физическая подготовка. Марш-броски, плавание в обмундировании, поднятие тяжестей, полоса препятствий — вот далеко не полный перечень обязательных упражнений. Николай Ватутин особенно любил гимнастические упражнения, акробатику. Маленький, крепко сбитый, он был на редкость прыгуч, владел своим телом в совершенстве. В модных в то время многоступенчатых пирамидах курсант Ватутин неизменно занимал самую высокую точку. Вообще, именно с курсантских времен он положил себе за правило обязательно начинать день с физзарядки и не изменял ему до конца жизни, находил для этого время и в Сталинградской операции, и во время жесточайших боев на Курской дуге.

Курсанты гордились своей школой, которая шла впереди не только всех учебных заведений округа, но и многих школ Красной Армии. Не случайно к полтавцам постоянно приезжали начальники Киевского, Краснодарского училищ, чтобы позаимствовать передовой опыт. Полтавцы тоже ездили к ним. Особенно интересными, поучительными и полезными получались совместные маневры, проводившиеся в летний лагерный период. Полтавская школа постоянно проводила настоящие «сражения» с Чугуевской пехотной школой и с Харьковской школой червонных старшин. Николай Ватутин особенно любил лагерную жизнь: четкий строй палаток в живописном уголке описанного великим Гоголем Диканьковского леса, свежесть молодой травы, голубизну неба, пение соловьев по ночам...

Ватутин учился вдохновенно, был на редкость трудолюбив, любознателен, исключительно дисциплинирован. Товарищи по учебе отмечали его необыкновенную скромность и доброжелательность. Человек очень увлекающийся, горячий и нетерпеливый, он нередко «зажимал» себя в кулак, стесняясь показаться выскочкой, зазнайкой, опасаясь потерять доверие товарищей. Товарищи и командиры уважали Николая.

Первый год обучения Ватутин закончил только с отличными оценками и был назначен командиром курсантского отделения, а через некоторое время помощником командира взвода.

Знание людей, их мыслей, забота о них — вот первое правило, которое он положил в основу своей работы. Высочайшая требовательность к себе и подчиненным — второе правило. Личный пример — третье.

Этим трем немудреным правилам он следовал всю жизнь, постигая на каждом более высоком уровне все новые нюансы нелегкой командирской деятельности. Вообще у Ватутина был особый педагогический дар. Он не только с удовольствием учил других, но и считал это для себя необходимым. Все, с кем приходилось в дальнейшем служить Николаю Федоровичу Ватутину, отметили эту его характерную черту. Бывший курсант отделения Ватутина А.Ф. Скиба вспоминал, что в школе товарищи и преподаватели называли его «психологом» за удивительную способность найти общий язык с любым человеком, не теряя при этом собственного достоинства.

В тот год произошло еще одно событие, которое Ватутин считал одним из важнейших в своей жизни. Он вступил в партию большевиков. Стать в двадцать лет коммунистом было весьма почетно, и появившиеся в этой связи обязанности налагали на молодого бойца особую ответственность. Ватутин основательно засел за политграмоту. Изучал труды Маркса, Энгельса, Ленина, читал работы видных теоретиков партии и первое время буквально страдал от обилия непонятных вопросов, фраз, умозаключений. В трудную минуту он спешил в партячейку, к комиссару школы за разъяснениями и постепенно начал представлять политику партии. Да и мудрено ли было путаться молодому красноармейцу, если в партии шли острые дискуссии, в которых и профессиональные революционеры, теоретики не всегда находили верную дорогу! С энтузиазмом было воспринял Николай идею Троцкого о превращении боевой армии в трудовую и создании в стране подобия казарменного коммунизма и очень огорчился, когда комиссар школы камня на камне не оставил от его рассуждений.

— Путаница у меня в голове, — жаловался Николай комиссару.

— Ничего, не ты один такой, — успокаивал тот. — Читай внимательно Ленина. Эх! Послушать бы тебе настоящего революционера!..

Такая возможность скоро представилась. Высокий авторитет 14-й Полтавской пехотной школы заинтересовал командующего войсками Украины и Крыма Михаила Васильевича Фрунзе. Появился он в школе неожиданно, на практических занятиях. Отделение Ватутина выполняло стрельбы из винтовки, когда на огневом рубеже в сопровождении командования школы оказался невысо-

кий человек, рыжеватый, со смеющимися голубыми глазами, в гимнастерке тонкого сукна, солдатских брюках и высоких сапогах. Курсанты сначала не признали в нем прославленного полководца. Ватутин подбежал с докладом, но Фрунзе только махнул рукой и легко опустился на колено рядом со стреляющим. Быстро проверив прицел, он приказал продолжать стрельбу. Потом обошел всех бойцов, внимательно расспрашивал о методике обучения, снабжении продовольствием, обмундированием, дровами. После занятий приказал построить курсантов.

— Товарищи бойцы! — пронесся над строем его мягкий голос. — Мне доложили, что ваша школа одна из лучших в армии республики. Я хочу убедиться в этом сам и приеду к вам еще не один раз. Сейчас же хочу сказать, что главная ваша задача — учиться военному делу настоящим образом. Это сказал Ленин. Вы, — повернулся он к преподавателям, — должны воспитывать курсантов так, чтобы стремление проявить самостоятельность, инициативу вошли в кровь и плоть каждого бойца, будущего краскома. Красной Армии нужны смелые, энергичные командиры. У вас должна быть дисциплина высшего предела, глубочайшая ответственность за судьбу Родины. Вы должны запомнить и крепко осознать, что наша республика находится на положении осажденной крепости, и, наконец, пожалуй, главное. Руководящая роль в жизни армии принадлежит партии большевиков... С коммунистическим приветом к вам, курсанты славной 14-й школы!

В общем-то обычные и типичные по тем временам слова. Но!..

— Ура! Ура! Ура! — дружно пронеслось над курсантскими рядами...

С этого дня Михаил Васильевич стал частым гостем Полтавской пехотной школы и даже шутил, что взял над ней шефство. Его можно было видеть в учебных классах, на плацу, на стрельбищах, на полевых занятиях, в столовой, в казарме — везде, где занимались и отдыхали курсанты. В школе его полюбили особой любовью. Знали наизусть биографию, восхищались работой товарища Арсения в первую русскую революцию, мужеством неоднократно приговариваемого к смертной казни большевика, месяцами ожидавшего смерти, изучившего в камере смертников несколько иностранных языков, основы военного дела. И уж, конечно, знали о той огромной роли, которую он сыграл в разгроме Колчака, туркестанских белогвардейцев, барона Врангеля.

Тем временем положение страны оставалось тяжелым. Трудно было достать не только продовольствие и топливо, но и газеты. Других средств информации не было, и агитаторам школы приходилось проявлять незаурядную изобретательность, чтобы донести до курсантов новости. Наконец выход был найден. В ежедневном приказе по школе ввели специальный раздел, рассказывающий о

памятных датах, важнейших событиях, происходящих в стране, за рубежом. Каждый день, стоя в строю, курсанты выслушивали такую краткую политинформацию.

В школе в связи с острой нехваткой книг курсанты сами составили литературную хрестоматию, выпускали журнал «Красный курсант», спортивную газету. Активно работал кружок культпросвета. Сейчас может показаться смешным, но победитель конкурса поэтов получил в качестве приза два фунта сахара, книгу стихов Демьяна Бедного с надписью: «Красному курсанту за пролетарское творчество».

В степях Украины вновь появились махновские отряды. Не обошли они стороной и села Полтавщины. Вновь запылали хутора, полилась кровь. Мятежи Антонова на Тамбовщине, кронштадтских моряков, выступления крестьян Сибири, Урала ускорили решение о замене продразверстки продналогом. Наконец крестьянин мог вздохнуть свободно, но с бандитизмом надо было кончать решительно и бесповоротно.

Ответственным за ликвидацию махновщины на Украине был назначен М.В.Фрунзе. Сначала, чтобы избежать напрасного кровопролития и спасти жизнь тысячам людей, он попытался вступить с махновцами в переговоры, но все попытки оказались безрезультатными. Тогда с присущей ему энергией Михаил Васильевич развернул широкомасштабные действия. К боям пришлось привлечь не только строевые части, но и военно-учебные заведения. Курсанты фактически уже участвовали в боях. Им приходилось отбиваться от махновцев во время заготовки дров в Диканьковском лесу, на полигонных занятиях, на маршах. Долго стояли перед глазами Николая Ватутина похороны погибших в неравном бою курсантов, охранявших продовольственный транспорт. Махновцы перехватили его на марше, вырубили всю охрану и, сложив обезображенные трупы в мешки, из которых вытряхнули продовольствие, заставили крестьян отвезти эту страшную поклажу в пехотную школу. Покрытые красным сатином гробы товарищей, скорбные звуки траурного марша, слезы на глазах живых вызывали в душе Николая жгучее чувство ненависти. Бандиты после этого случая обнаглели. Звонили в школу, угрожая скорой расправой.

В эти дни Ватутин и его товарищи не расставались с оружием даже ночью. Спали не раздеваясь, разрешалось только снять сапоги.

Махновцы предприняли попытку захватить Полтаву, но были отогнаны с большими потерями. Постепенно они начали терпеть одно поражение за другим, но бои шли жестокие. У станции Решетиловка был ранен сам Фрунзе, но из боя не вышел, продолжая руководить боевыми действиями. После стабилизации положения под Полтавой курсанты пехотной школы приняли участие в унич-

тожении банд на Полтавщине. Николай Ватутин вновь прочувствовал всю жестокость и скоротечность боев с маневренным противником. Бои под Перещепено, Михайловкой, в Константиноградском, Кобылякском, Зеньковском уездах заменили полтавским курсантам тактические занятия и учения.

Борьба с махновцами усугубилась новым бедствием. В стране свирепствовал голод. Главные житницы — Украину, Поволжье, Среднюю Россию — поразила страшная засуха. Для разрушенного войной хозяйства, измученного кровопролитием народа это была непосильная ноша. Вымирали целые деревни, по российским большакам и украинским шляхам потянулись скорбные фигуры голодающих. По стране прошел клич помощи несчастным. Люди отдавали последнее, чтобы остановить чудовищную напасть. Не оставалась в стороне и армия. Воинские части, учебные заведения брали на содержание голодающих детей. Каждые десять красноармейцев обязывались прокормить одного голодающего, отчисляя часть своего пайка в его пользу.

Однажды на вечерней поверке И.П. Сальников зачитал воззвание Центральной комиссии помощи голодающим ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам РСФСР.

«Великое стихийное бедствие — голод охватил житницу России Поволжье и поставил перед угрозой смерти более 22 млн населения, — разносился над строем спокойный голос начальника школы. — Советская власть делает все возможное для оказания помощи голодающим. Она обсеменила озимый клин, отпустила ссуду для ярового, дала 12 млн пудов зерна для питания голодающего населения. Но необходима всеобщая помощь. Рабочие, служащие, красноармейцы должны установить ежемесячные отчисления в фонд помощи голодающим. Смерть косит немилосердно, трудящиеся, честные граждане должны сделать все, чтобы отвести руку смерти от голодающих...»

Николай Ватутин с трудом понимал слова начальника школы. Коснулась страшная беда и его семьи. Два дня назад он получил письмо со страшным известием от недавно демобилизованного брата Павла. Голод поразил Чепухино, Насоново, все окрестные села. В церквах не переставали скорбно звонить колокола, отпевая покойников. Крестьяне съели все мало-мальски съедобное и принялись за несъедобное. Страшно было смотреть на опухших от голода, заедаемых паразитами детей. Сильно покалечился брат Афоня, упав с дерева, куда забрался обдирать молодую кору для пищи. Умер от голода самый младший брат — двенадцатилетний Егор. В семье ни у кого не было сил похоронить мальчика. С большим трудом сделал это отец Федор Григорьевич и, потеряв на этом последние силы, через два дня скончался. Тяжело умирал дед Григорий. Находясь в полном сознании, он тихо плакал, а руки намер-

тво вцепились в лежащий под головой мешочек с пшеницей. Это была ссуда, выданная государством на посевные работы. Глава ватутинского рода спасал семью, и как ни соблазнителен был этот мешок, никто не рискнул отнять его у умирающего. В конце письма Павел сообщал о том, что уже отсеялись, урожай 1922 года обещает быть хорошим, но семья не надеется дожить даже до теплых дней, первых съедобных трав.

Подобные письма получил не один Ватутин. Николай решил отсылать домой три четверти своего пайка и спасти семью. Также думали и его товарищи. С большим трудом Сальникову удалось убедить ребят оставлять и себе крохи продовольствия.

— Дорогие товарищи, — говорил он тихим голосом, — я вижу, какое горе охватило страну, нас с вами, но мы не можем допустить возникновения голода в армии, в нашей школе. Это будет подрыв боеготовности РККА, а значит, угроза безопасности республики...

Курсанты согласились со своим командиром, но долго еще в столовой собирались все крошки хлеба, а каждый кусочек сахара по нескольку раз перевешивался авторитетной комиссией. По некоторым данным, в голод 1921—1923 годов погибло 5 млн 900 тыс. человек. И это сразу после миллионных жертв Гражданской войны. Какой народ мог вынести такое?!

Позже Николай Федорович Ватутин скажет, что в те жестокие месяцы кончилась его юность. Он стал взрослым человеком.

Все в жизни проходит. Прошло и это страшное лихолетье. Уже к лету 1922 года положение с продовольствием в стране улучшилось, и, хотя еще было далеко до стабильности, люди вздохнули свободно. В Полтавской пехотной школе начался лагерный период, и курсанты второго курса — выпускники — старались изо всех сил. Приближалась пора выпускных экзаменов. Волновались не только курсанты, но и преподаватели. Даже начальник школы не находил себе места. Он по одному вызывал к себе выпускников и подолгу беседовал с каждым, рассказывал об особенностях полковой жизни, нюансах, с которыми придется столкнуться молодому командиру. Незадолго перед экзаменами он организовал показные строевые занятия всей школы, на которых каждый выпускник продемонстрировал свое умение.

Школа жила первым выпуском. Готовился концерт художественной самодеятельности, торжественное построение, встреча с жителями Полтавы. Специальный номер посвятил этому событию журнал «Красный курсант». С красочной обложки смотрел попирающий корону красноармеец в буденовке. Революционным призывом кричал со страниц лозунг: «Пожар мировой революции охватывает весь мир. Борьба за освобождение человечества разгорается. В центре ее стоят героическая Красная Армия и ее красные командиры». В журнале рассказывалось об отличниках учебы,

публиковались напутствия преподавателей и начальника школы, ответы выпускников на анкету о цели будущей жизни.

В середине сентября начались выпускные экзамены, длившиеся две недели. Николай Ватутин получил по всем дисциплинам высшие баллы и закончил школу с отличием.

Наконец наступил долгожданный момент. 1 октября 1922 года не по-осеннему теплым днем на знаменитом поле Полтавской битвы выстроился личный состав школы. На правом фланге в новеньком обмундировании, скрипящих кожей портупеях, в фуражках с красным околышем располагалась рота выпускников. Из 120 человек, начавших два года назад учебу, в строю осталось только 80. Кто погиб в жестоких боях с махновцами, кто умер от ран и лишений, кто просто не справился с программой и был отчислен. Перед строем возвышалась небольшая трибуна, около которой расположился оркестр и развевалось боевое знамя школы. Пришли жители Полтавы. Солнце сияло на штыках курсантов, обнаженных шашках ассистентов при знамени, медных трубах оркестров. Разноцветьем осени горел вдалеке лес. Настроение присутствующих было настолько приподнятым, что, когда вдали появился знакомый автомобиль командующего войсками Украины и Крыма, курсанты без команды грянули мощное «Ура!». Оркестр заиграл встречный марш...

Пройдя строевым шагом вдоль строя, Михаил Васильевич легко взбежал на трибуну и начал читать приказ о присвоении выпускникам звания красного командира и назначении на должность. Скоро Николай услышал: «... Ватутин Николай Федорович назначается командиром взвода 67-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии». Вздохнув полной грудью, он четко прошагал к боевому знамени, опустился на колено, поцеловал стяг, а когда поднял голову, увидел перед собой внимательные глаза знаменитого полководца.

— Поздравляю вас красным командиром, Ватутин. Желаю успехов в службе по защите отечества, — промолвил Фрунзе и крепко пожал юноше руку.

— Служу трудовому народу! — отчеканил Николай и, не чувствуя под собой ног, вернулся в строй.

Долго еще над историческим полем звучали взволнованные молодые голоса. Наконец все смолкло. Вперед вышел оркестр.

— К торжественному маршу! — скомандовал Сальников. — Поротно! На одного линейного дистанция! Первая рота — прямо, остальные — направо!

Оркестр заиграл «Прощание славянки», и, четко печатая шаг, роты двинулись мимо трибуны.

Вечером новоиспеченные краскомы собрались за накрытым столом в школьной столовой. Шефы — рабочие Полтавского железно-

дорожного депо — приготовили торжественный ужин. В меню значился морковный чай с сахарином и пирог с капустой. Алюминиевая солдатская кружка и кусок пирога стояли и перед Михаилом Васильевичем Фрунзе. Кумачовые лозунги, обилие цветов с трудом скрашивали скромную сервировку стола, но на лицах молодых краскомов был написан восторг. Фрунзе встал.

— Дорогие товарищи! — сказал он тихим голосом. — Разрешите еще раз поздравить вас с высоким званием красного командира. Вы теперь являетесь основой боевой мощи нашей армии, ее становым хребтом, но не забывайте, что вы не каста, а ветвь единого могучего организма. Вы — дети трудового народа, его плоть и кровь. Помните о том, что новая война будет другой, более сложной, поэтому уходите от стереотипов, будьте в военных вопросах всегда новаторами. Повторяю — новаторами. Еще раз поздравляю вас, товарищи!

— Ура! — дружно пронеслось под сводами зала.

Все, что говорил полководец в тот памятный вечер, Ватутин помнил хорошо всю жизнь. И не только помнил, но всегда старался применять в своей службе. Торжественный ужин закончился концертом художественной самодеятельности и пением Интернационала. На следующий день, получив трехнедельный отпуск, выпускники разъехались по домам.

КОМАНДИР

С трепещущим сердцем подъезжал Николай Ватутин к родному Чепухино. Из Валуек выехал с односельчанином в тряской бричке, и теперь при виде родных мест воспоминания нахлынули с особой силой. Прошло всего два года, а казалось, вечность. Не увидит он больше тихого, всегда занятого каким-нибудь делом отца, прошедшего фронты Мировой и Гражданской войн в скромном звании солдата. Не увидит горячо любимого деда Григория, младшего братишку, многих близких людей. Вот какими оказались эти два года. Тоскливо было на сердце, и только радость предстоящих встреч поднимала настроение.

Была у Николая и тайная причина, которая особенно согревала сердце. Перед самым уходом в армию завладела его сердцем совсем юная хорошенькая девушка Таня Иванова. Жила она в соседней Вороновке сиротой с больной матерью, батрачила с детских лет. Сельский сход оставил за горемыками отцовскую избу, в которой, несмотря на убогость обстановки, девочка наводила идеальную чистоту. Трудолюбивая сирота пользовалась в селе всеобщей любовью.

Коля сразу заприметил ее на посиделках, хотя девушка и старалась спрятаться в тени, стыдясь своего старенького платья и веревочных туфель. Конечно, он помнил Танюшку еще маленькой шустрой девчонкой, но никак не мог подумать, что из затюканной, робкой батрачки вырастет такая красавица. В тот вечер Коля и решил, что это суженая, и не только решил, но сразу сказал об этом девушке. Та зарделась как маков цвет и убежала. А скоро Коля понял, что счастье идет ему навстречу. Почти каждый день виделись молодые люди до самого отъезда Николая в армию.

Сейчас красный командир Николай Ватутин ехал домой с твердым намерением жениться.

Мысли о Тане подняли настроение, а когда впереди показалась знакомая соломенная крыша родного дома, сердце радостно застучало. Встречала молодого командира вся семья. Первыми навстречу выбежали сестры — Матрена, Дарья, Лена. За ними, вытирая на ходу слезы, спешила мать. На пороге избы улыбались Павел и Афанасий. Вера Ефимовна заметно сдала. Маленькая, сухонькая,

почерневшая от загара и работы, она уткнула счастливое лицо в грудь сына и тихо плакала.

— Ну, будет, будет, — гладил мать по голове Николай. — Что за напасть?

— Это я от радости, сынок. Как высоко ты поднялся, да красивый какой стал!

— Ну, хорошо, разбирайте подарки, — повернулся Николай к сестрам. — Купил на первую командирскую...

По случаю приезда брата сестры расстарались с угощениями, но долго пировать Николай не собирался.

— Все! — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Перво-наперво надо сходить на кладбище, а потом дело делать.

После кладбища он попросил у Павла старую одежонку.

— Ты что это надумал? — запротестовала мать. — Походи по селу, отдохни, себя покажи. И я бы с тобой пошла, пусть люди посмотрят.

— Пройдемся, мама, обязательно. А сейчас надо помогать Павлу. Афоня пока не работник. Крыша прохудилась, сарай, хлев подновить требуется. Зима ведь скоро.

Почти целую неделю от зари до темна трудились братья по хозяйству, а в субботу вечером, надев отглаженную командирскую форму, начищенные до зеркального блеска сапоги, заспешил Николай из дома. Давно уже ждала его желанная Танюшка. С этой субботы почти все вечера стал он пропадать в Вороновке.

— Что же ты, сынок, все в Вороновку да в Вороновку? — не выдержала мать.

— Это он к Танюшке Ивановой бегает, — наперебой запричитали сестры. — Он и жениться на ней задумал. Тоже нашел невесту! Под стать ли она тебе, братец, такому ученому и военному? Голытьба и неграмотная.

— Цыц, вы, сороки! — прикрикнул на сестер Николай. — Тоже мне нашлись богачки. Мы любим друг друга, и в полк я намерен поехать с женой. Так что готовьтесь, мама, к свадьбе. А то, что неграмотная — не беда. Грамоте я ее обучу. Эх, да что говорить, такая красавица. В Вороновке все это видят, только у вас глаза закрыты...

— Что ты, что ты, сынок? — забеспокоилась Вера Ефимовна. — Нам ли тебя учить! Мы только рады твоему счастью. Господи, благослови вас...

Свадьбу сыграли скромную, но веселую, а через два дня молодые уехали в Чугуев, где расквартировался 67-й стрелковый полк. Службу, как ни странно, пришлось начинать с домашних забот. В городе не оказалось свободных квартир, и Ватутины облюбовали небольшую крестьянскую хату в пригородной деревне Малиновке. Хозяйка, пожилая крестьянка, которой квартиранты приносили

немалую материальную поддержку, с удовольствием поделилась с Татьяной немудреной домашней утварью, отдала молодым свою кровать, ибо уже давно спала на печи. После столь быстрого обустройства Николай поспешил в полк. С первых дней жизни в Чугуеве он принялся обучать жену грамоте. Вновь сказалась педагогическая жилка. Для начала, развесив по всей избе вырезанные из картона буквы алфавита, он вывел на середину комнаты удивленную Татьяну.

— Ну вот, — сказал он улыбаясь, — теперь совмещай приятное с полезным. Делаешь какую-нибудь домашнюю работу, учи буквы, осваивай азбуку. А по вечерам будем заниматься письмом. Потом — чтением, счетом. Не беспокойся, все будет хорошо.

— А я и не беспокоюсь, — засмеялась Татьяна, обнимая мужа. — С таким учителем, да не выучиться грамоте...

— Не просто грамоте. Я хочу, чтобы ты стала образованной женщиной.

Чтобы поспеть на службу, вставать Николаю приходилось затемно, а жена вставала еще раньше, но всегда ждал его на столе горячий завтрак. Приходил же домой молодой командир иногда и за полночь. Но Ватутины были тогда молоды, счастливы и находили время не только на учебу, работу, но и на отдых. Уже к Новому году Татьяна начала читать и писать.

67-й Купянский стрелковый полк 23-й стрелковой дивизии жил напряженной жизнью. Украина была самостоятельной советской республикой, до образования СССР оставался еще месяц с небольшим, но военный союз между республиками существовал давно и все воинские формирования подчинялись Главнокомандующему вооруженными силами С.С. Каменеву и штабу РККА. С 1922 года в армии началась коренная перестройка. В стрелковых дивизиях расформировывались бригады, что значительно сокращало личный состав дивизии. Теперь дивизия состояла из трех стрелковых полков, артиллерийского дивизиона, школы младших командиров и подразделений обслуживания. В едином штате дивизии насчитывалось 15,5 тыс. человек, 156 пулеметов и 24 орудия. Бригады преобразовывались в полки, а полки — в батальоны, дивизии входили в стрелковые корпуса как высшие тактические соединения. В армии продолжалась демобилизация, и на повестку дня встал вопрос о военной реформе. В соответствии с декретом от 28 сентября 1922 года об обязательной воинской повинности граждан трудового происхождения в армию в основном прибывали представители беднейших слоев населения — малограмотные или совсем неграмотные ребята. Поэтому в частях приходилось организовывать школы по ликвидации неграмотности. Проводился специальный «день неграмотного красноармейца».

Николай Ватутин прибыл в полк, когда в нем только что прошла реорганизация и началось формирование так называемой показной роты, вооруженной только автоматическим оружием, станковыми и ручными пулеметами и автоматами Федорова. Новые огневые средства обещали невиданные перспективы, но для массового перевооружения их было слишком мало, да и личный состав по своему уровню не был готов осваивать даже такое оружие. Николай очень стремился попасть в это подразделение, но начать службу пришлось с новобранцами.

В его взвод определили только что прибывших, смущенных, испуганных ребят в старых свитках, фуфайках, бушлатах, с деревянными сундучками, мешками, корзинками. Они собрались в дальнем углу плаца. Перед ними уже расхаживал бравый ротный старшина, служака еще с царских времен, и отделенные командиры из старослужащих. Увидев Ватутина, старшина подал команду строиться.

— Не надо, старшина, — остановил его Ватутин. — Хочу сначала поговорить с молодежью. Давайте все ко мне, — сказал он новобранцам, и те быстро окружили командира взвода.

— Будем знакомиться, товарищи красноармейцы. Я ваш командир взвода Николай Федорович Ватутин, русский, из крестьян, в армии с 1920 года, член РКП(б), участник Гражданской войны, окончил Полтавскую пехотную школу красных командиров, женат. С вами хочу познакомиться сейчас, пока вас не переодели и все вы очень разные по внешнему виду...

Около часа беседовал Николай с бойцами, и, когда рота двинулась в баню, он уже имел первое представление о подчиненных. В бане бойкий парикмахер быстро постриг новобранцев наголо, и после веселого мытья с парком и шутками началось первичное превращение в красноармейцев. Перед каждым лежал комплект белья, обмундирования, сапоги, островерхий суконный шлем с алой звездой... Но сколько еще мучений предстояло перенести новобранцам, чтобы научиться правильно наматывать портянки, заправлять гимнастерку... В армии мелочей нет. От того, как замотаны портянки, зависит возможность совершения многокилометрового марша. Николай старался сам помочь новичкам, чем поначалу вызвал некоторое недовольство старшины, но тот скоро понял искреннюю заинтересованность молодого командира и проникся к нему уважением.

— Чует мое сердце, товарищ взводный, — сказал он как-то Ватутину после вечерней поверки, — ваши орлы скоро станут лучшими не только в роте, но и в полку.

Старый служака не ошибся. Завоевывая с первых дней сердце солдата, Ватутин по крупицам создавал отличный слаженный коллектив, именно создавал, ибо уже тогда считал работу командира

творчеством. Сколько бессонных ночей провел в раздумьях над организацией, казалось бы, простых занятий по огневой подготовке или изучению личного оружия.

— Учебный час должен проходить для бойца как мгновение, незаметно и насыщенно, — любил повторять он. — Младший командир обязательно должен знать каждого своего подчиненного, чем он дышит на службе и вне ее, что у него дома, что на душе. Надо заниматься с каждым бойцом.

И занимался. Персонально каждого бойца взвода обучил меткой стрельбе. Подолгу бился над постановкой дыхания, тренировкой глазомера. На тактических занятиях с каждым повозился в окопе, посидел в засаде. На строевых занятиях вышагивал в паре с отстающими. Даже во время несения караульной службы успевал проводить с бодрствующей сменой занятия по уставам.

Красноармейцы чувствовали заботу командира и отвечали ему большим доверием и любовью. Ватутин был строгим командиром, но его строгость определялась не размером наказания, а справедливостью. Ни одного проступка не оставлял Ватутин без внимания, и бойцы знали об этом.

Все, что делал Николай Ватутин, не ново, записано в уставах, но как нелегко бывает точно, с душой выполнять их требования не только подчиненным, но и командирам.

Помимо боевой подготовки была обычная солдатская жизнь с увольнениями, нарядами на работу, спартакиадами, концертами, учебой в начальной школе. Половина солдат взвода Ватутина оказались, как тогда говорили, «остромалограмотными», и он остатки свободного времени отдавал благородному делу приобщения людей к знаниям.

— У меня круглые сутки школа, — шутливо говорил он жене. — В полку и дома азбука, счетные палочки, чернила. По ночам стала сниться арифметика...

Через год службы взвод Ватутина завоевал звание отличного, а командир получил репутацию одного из лучших офицеров полка. Командование высоко оценило работу молодого краскома, наградило его именными часами, а в январе 1924 года направило на учебу в Киевскую высшую объединенную школу командного состава, где повышали квалификацию отлично зарекомендовавшие себя по службе младшие командиры — участники Гражданской войны. Срок обучения в ней составлял один год.

Тогда бушевали страсти о направлениях реформы РККА. Спорили об общей идее, какой должна быть армия социалистического государства и каковы пути создания и вооружения такой армии. В ходе дискуссии четко обрисовались два противоположных лагеря, яростно отстаивающие свои позиции.

Первое предложение исходило от партийных работников. Главным их идеологом был Н.И. Подвойский. Они считали, что принципы построения старой царской армии неприемлемы для государства рабочих и крестьян. Пропагандируя идею «вооруженного народа», они предложили ввести милицейскую систему строительства вооруженных сил. Суть ее заключалась в том, что все мужское население призывного возраста, способное носить оружие, в мирное время не служит, а проходит ограниченные военные сборы. В случае же войны все они встают на защиту отечества.

Противники этой идеи, в основном руководящий состав Красной Армии во главе с С.С. Каменевым и М.Н. Тухачевским, вполне резонно доказывали, что милицейская система в случае войны обеспечит лишь слабо обученное ополчение. Трудно будет при такой системе осваивать все более усложняющуюся военную технику. Профессиональные военные предлагали создать сравнительно небольшую, но хорошо подготовленную кадровую армию, сумеющую обеспечить безопасность страны.

Но в обоих случаях строительство мощной армии зависело от материальных ресурсов государства, образовательного уровня населения, классового происхождения призывного контингента. Надо было подумать и о том, как долго СССР будет находиться в международной изоляции и будут ли в будущем у РККА союзники.

Вопросы военного строительства обсуждались на внеочередном пленуме ЦК партии в феврале 1924 года. Было принято решение о проведении коренной перестройки в армии и обновления военного руководства. Буквально через неделю был утвержден новый Реввоенсовет СССР и началась военная реформа. Она предусматривала создание армии, состоящей из кадровых и милицейско-территориальных частей. Все мужчины трудового социального происхождения призывались на военную службу. Меньшая их часть проходила службу в кадровых формированиях в течение различных сроков в зависимости от рода войск, большая — в территориальных частях непродолжительное время, а потом периодически призывалась на кратковременные сборы. К территориальным формированиям относились только стрелковые и кавалерийские дивизии. В них примерно 20 процентов штата составляли кадровые командиры, политработники, остальной состав был переменным и призывался ежегодно в течение пяти лет на месячные сборы. Обучение одного бойца в территориальных формированиях обходилось государству чуть ли не в три раза дешевле, чем в кадровых частях, где призывники служили два года. Большое внимание реформа уделяла переподготовке командных кадров. В стране была развернута широкая сеть курсов и школ усовершенствования и переподготовки командного состава всех рангов. В одну из таких школ и прибыл Николай Ватутин.

Киев поразил Ватутиных своей красотой, величием и вместе с тем провинциальной простотой жизни. Николай и Татьяна сняли небольшую комнату в доме, находящемся всего в десяти минутах ходьбы от школы. Громоздких вещей за год совместной жизни они не нажили, а мелочь распродали в Чугуеве. В Киеве они купили только самое необходимое для жизни: кое-какую посуду, постельное белье. Жалованье у командира взвода было скромным, а товары в нэпмановских магазинах и на знаменитом Бессарабском рынке были не по карману. Николая более всего огорчало, что частные учителя соглашались заниматься с женой за непомерно большую плату.

— Я лучше брошу учебу или буду заниматься сама, — успокаивала мужа Татьяна.

— Ну уж нет, — возмущался Николай. — На это я не согласен. Ты должна стать образованной женщиной. Деньги сэкономим на моих обедах, обойдусь завтраками и ужинами. Не впервой.

— А на это я не могу согласиться. Уж я знаю, как ты работаешь, да еще голодать...

— Нет и нет, — не уступал Ватутин.

Грозившийся затянуться надолго спор разрешился весьма просто. Оказалось, что при городском Доме Красной Армии работали общеобразовательные курсы для членов семей командного состава и Татьяна могла их посещать. Все, казалось бы, наладилось, но Николай загорелся идеей приодеть жену. Не мог он стерпеть, чтобы его Танюша ходила на занятия в подшитых валенках и протертом во многих местах кожушке. Как ни сопротивлялась жена, но добротное драповое пальто и сапожки получила. И уж совсем затрещал семейный бюджет, когда хозяин квартиры, воспользовавшись тем, что Ватутины, заплатив вперед, не взяли расписки, потребовал повторной платы. Возмущению Николая не было предела, но вступать в тяжбу с негодяем и жуликом он посчитал ниже своего достоинства. От обедов все же пришлось на месяц отказаться.

Чтобы не вступать в споры по поводу расхода электроэнергии, Ватутин, как в детские годы в Валуйках, вставал пораньше и шел заниматься в школу, успевая хорошо там поработать до начала занятий. Вечерами тоже надолго задерживался, а воскресным днем можно было обходиться и без электричества. Татьяна только укоризненно покачивала головой и радовалась как ребенок, когда Николай неожиданно бросал все дела и тащил ее в городской парк, где играл гарнизонный оркестр, горели разноцветные фонари и тихо скользили по голубоватому льду конькобежцы.

Занятия были очень насыщенными. За год учебы предстояло освоить хотя бы в первом приближении работу штабов, основательно изучить организационно-мобилизационные мероприятия в связи с предстоящей реформой.

В школе постоянно шли диспуты о том, какой должна быть армия, возможна ли новая война и какой характер будет она носить, какова будет тактика Красной Армии, ее техническое оснащение. Спорили и по поводу операций наших войск во время Гражданской войны. Особенно острые споры развернулись вокруг Польской кампании. Часть слушателей критиковала командование Юго-Западного фронта за то, что оно не обеспечило флангов Западного фронта при наступлении на Варшаву. Другая, наоборот, критиковала Тухачевского, что тот переоценил свои силы и начал неподготовленную операцию. Поводом к спору послужили изданные работа М.Н. Тухачевского «Поход за Вислу» и рецензия на этот труд Б.М. Шапошникова «На Висле. К истории кампании 1920 года». Тухачевский, блестяще разобрав всю кампанию, все же не избежал субъективных оценок и перелагал всю вину за неудачное наступление на соседний фронт. Шапошников не менее блестяще доказывал, что, даже если бы взаимодействие между фронтами было идеальным, едва ли удалось окончательно разбить врага, ибо расчет сил и средств командование Западного фронта произвело неверно.

Ватутин принял сторону Шапошникова. Спорил он отчаянно, увлекался, но свою точку зрения отстаивал до конца, ссылаясь на речь В.И. Ленина, который на X съезде РКП(б) говорил: «При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка. Я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это звено от меня слишком далеко, — я думаю, что должно это составлять дело будущих историков... Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами».

Ленинские цитаты тогда и еще долгое время потом были главными аргументами в любых спорах.

Имя Ленина в те дни не только в Киевской школе, но и во всей стране произносилось с великой скорбью. Совсем недавно детекторный приемник донес до слушателей трагическую весть: не стало вождя мирового пролетариата. В Киеве в траурной колонне трудящихся шел в строю и Николай Ватутин. Печальные звуки песни «Замучен тяжелой неволей» скорбно неслись над засыпанными снегом крышами домов, скованным льдом Днепром, Дарницким лесом. Плакали женщины, дети, красноармейцы. Мужчины не стыдились слез. Молодые краскомы Киевской военной школы дали клятву не щадить сил для укрепления Красной Армии.

Весной начала активно претворяться в жизнь военная реформа. Многие дивизии переводились на территориально-милицейский принцип формирования. В одну из них на стажировку был направлен и Ватутин с товарищами. Каждый стрелковый полк дивизии формировался из военнообязанных призывного возраста конкрет-

ного района, в свою очередь каждый батальон в полку и каждая рота в батальоне имели свой район приписки. Артиллерия и специальные части комплектовались через специальный отбор со всего дивизионного района. Всей этой работой руководили военкоматы. Службу переменный состав проходил на сборах в учебных центрах, оборудованных силами базового полка и местных советов. К началу сбора туда прибывал постоянный состав командиров и политработников, военная техника и вооружение. Перед весенним призывом каждый военнообязанный проходил трехнедельную допризывную подготовку и прибывал на свой первый сбор, где и проходил в течение трех месяцев серьезное обучение.

Конечно, по качеству боевой подготовки территориальные части уступали кадровым, но имели удовлетворительную боеспособность. Ватутин и его товарищи видели это, понимали необходимость таких преобразований, но в душе каждый надеялся продолжить службу в кадровой дивизии.

Незаметно наступило лето. Киев расцвел каштанами и сиренью. Теперь уже и Николая Ватутина трудно было удержать в классе или дома. Выходные дни они с Татьяной проводили в парке на берегу Днепра. Любовались с крутого обрыва красотами Заднепровья, катались на лодке, купались, загорали на золотистом песке. Иногда Николай не выдерживал и, прихватив с собой учебники, занимался или устраивал экзамены жене.

В середине июня школа выехала в Дарницкие лагеря на левом берегу Днепра, где тактические занятия чередовались с боевыми стрельбами, марш-бросками, учениями. По-пластунски исползал Николай заднепровские низины, разведал сотни троп в вековых лесах и густых кустарниках. Мог ли он предположить, разглядывая в стереотрубу видневшиеся вдали колокольни Киева, что без малого через двадцать лет он приведет в эти места 1-й Украинский фронт?

Из Чугуева пришло письмо. Однополчане писали, что 23-я дивизия остается кадровой, но к началу осени в полках заканчивается комплектование командного и политического состава, и жалели о том, что Ватутина нет с ними.

Николай несколько дней раздумывал, а потом подал рапорт начальнику школы с просьбой разрешить сдать выпускные экзамены досрочно. Как передовику учебы, лучшему методисту Ватутину в просьбе не было отказано. Выпускные экзамены он сдал на «отлично» и уже к концу июля убыл к прежнему месту службы, в 67-й Купянский стрелковый полк.

Поселились Ватутины на старом месте, чем несказанно обрадовали хозяйку. Николая ожидало приятное известие. Он назначался помощником командира роты полковой школы, самого образцового подразделения. В школе готовили младший коман-

дный состав, и службу здесь проходили лучшие, наиболее подготовленные в строевом и методическом отношении командиры. Ватутин с необыкновенным рвением включился в службу и скоро стал выделяться даже среди передовых командиров. Уже через три месяца его избирают секретарем партячейки школы, членом партийного бюро полка, а еще через три месяца Ватутин назначается командиром роты. С этого времени все в полку стали называть его по имени и отчеству — Николай Федорович.

Тот, кто не командовал ротой, вряд ли станет военачальником. С давних времен при выдвижении на вышестоящую должность учитывалось, командовал ли выдвигаемый ротой. Сама жизнь доказала, что, не пройдя эту ступеньку, трудно управлять не только крупными воинскими формированиями, но и батальоном и полком. В роте солдат создается, живет, служит. Здесь решается успех боевой и политической подготовки, здесь первичное армейское хозяйство. Одним словом, это военная организация в миниатюре.

Ватутин принял роту, когда в кадровых войсках в соответствии с реформой произошли структурные изменения. Стрелковый взвод состоял теперь из трех отделений, имел на вооружении три ручных пулемета и один станковый. Рота состояла из трех стрелковых и пулеметного взводов. Батальон соответственно — из трех стрелковых рот и одной пулеметной. В полку впервые появилась шестиорудийная артиллерийская батарея. Поступили новые уставы.

Николай Федорович начал работу с внимательного изучения новых уставов и наставлений, не забывая знакомиться с личным составом. На первых порах пришлось заняться хозяйственными делами. Нового тут ничего не было, но одно дело знать, другое — отвечать. Можно было переложить многие заботы на ротного старшину, но Ватутин хотел все постичь сам. Поэтому и окунулся в черновую работу. Сам проверил все ротное хозяйство, просчитал имущество и только потом занялся вплотную боевой подготовкой. Здесь тоже требовался обыденный, постоянный труд. Он ходил на подъемы и отбои, проверял заправку обмундирования, ел вместе с солдатами, долго колдовал над расписанием занятий и нарядов.

Вдумчивый, кропотливый труд всегда приносит хорошие результаты. Начало налаживаться ротное хозяйство, строго выполнялся распорядок дня. Все это сказалось на состоянии дел в подразделении. Люди сами почувствовали, что жить и служить стало легче, а командир роты сосредоточил усилия на боевой учебе. По-прежнему Ватутин старался воздействовать на подчиненных личным примером: стрелял первым в роте, впереди бежал марш-броски, первым печатал шаг на строевых занятиях. Но одного личного примера было мало, ведь теперь у него были в подчинении и командиры. И вот тогда, организуя управление через командиров взводов, взаи-

модействие с другими ротами и батальонами, он впервые понял великую силу умело налаженного управления.

Практически безвылазно он находился в подразделении. Надо сказать, что у командиров взводов такой распорядок дня особого восторга не вызывал. Ребята они были молодые, холостяки, хотелось и на танцы сбегать. Полковая танцплощадка считалась лучшей в Чугуеве. Доставалось дома и самому командиру.

— Я уже начинаю забывать, что у меня есть муж, — робко укоряла его Татьяна. — Просыпаюсь — тебя нет, засыпаю — тоже...

— Вот сделаю роту отличной, тогда погуляем, — отшучивался Николай.

— Ну да, погуляем. Потом батальон будешь делать отличным, полк...

— Стоп, стоп! — остановил жену Ватутин. — Ты меня так скоро в комдивы произведешь.

— Ничего, такие, как ты, дослуживаются, — сама не ведая, насколько права, говорила Татьяна.

Надо сказать, что в это время боевая учеба в полку была весьма эффективной. Сказывались первые результаты военной реформы, закрепленные первым общесоюзным законом о военной службе, принятым ВЦИК и СНК СССР. В январе 1925 года М.В. Фрунзе назначается наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета СССР. Фрунзе пользовался в армии особой любовью и уважением не только как старый революционер и прославленный полководец, но и как обаятельный человек. К сожалению, его пребывание на этом посту оказалось непродолжительным. Уже 31 октября того же года после операции по поводу застарелой язвы желудка Фрунзе умер при весьма загадочных обстоятельствах. Но дело, начатое им, продолжало жить.

За год с небольшим Ватутин вывел свое подразделение в передовые. По итогам боевой и политической подготовки рота была признана лучшей в полку, а ее командир получил право на поступление в военную академию РККА, незадолго до этого названную именем Михаила Васильевича Фрунзе.

Татьяна только глубоко вздохнула, услышав весть о скором переезде.

— Сколько же можно учиться? Ведь грамотней тебя в полку никого нет, — тихо сказала она.

— Как ты можешь такое говорить? Я сам чувствую, что мне не хватает знаний. Академия — мечта каждого военного. Неужели не понятно?

— Да не кипятись ты! Конечно понятно, это я так, по-бабьи...

В аттестации Ватутина для поступления в академию было написано: «Сила воли развита в высшей степени. Энергичный. Авторитетный. Служит примером для комсостава полка. Здоров.

Выносливый. В обстановке разбирается хорошо. Оценивает правильно. Твердо знает свое дело. К себе и подчиненным требователен. Хороший стрелок. Методист стрелкового дела. Любит военную службу».

Любой командир мог гордиться такой аттестацией, но Николай Федорович понимал, что в академию отбирают лучших из лучших и готовиться к поступлению следует самым серьезным образом. Вступительные экзамены предстояли сложные. Политическая подготовка, тактика, оружие и боевая техника, военная история с древнейших времен и до наших дней, уставы — вот далеко не полный перечень дисциплин, которые следовало повторить. А времени оставалось мало. На два дня в неделю освобождался Ватутин от служебных обязанностей, но разве может командир отличной роты не зайти в свое подразделение? Зашел на минутку — и остался. Вот и приходилось Николаю Федоровичу вспомнить свои детские ночные бдения в Валуйках да бессонные ночи в Киевской военной школе.

Видя мучения мужа, Татьяна предложила сменить квартиру на большую и переехать в Чугуев, поближе к месту службы. Николай Федорович отказывался, считая это излишней роскошью.

— Это же только на время твоей подготовки, — убеждала Татьяна мужа. — А когда уедешь на экзамены, я снова перееду в Малиновку.

— Ладно, переезжаем, — согласился Ватутин.

Москва Ватутина ошеломила многолюдьем. Несмолкаемым гулом тысяч голосов. Пока с Киевского вокзала добирался до небольшого здания академии на Кропоткинской улице, дважды пришлось отбиваться от назойливых цыганок и нахальных торговцев папиросами. Доложив о прибытии и получив койку в общежитии недалеко от величественного храма Христа Спасителя, Николай Федорович сразу засел за учебники.

Экзамены продолжались почти месяц, и все свое время Ватутин делил между академией и общежитием. В окно комнаты были видны толпы верующих, направлявшихся в храм. Белоснежный, с золотыми куполами храм малиновым перезвоном колоколов отвлекал от учебы, и Николай Федорович в раздражении затыкал уши ватой. Ему ли, красному командиру, отвлекаться на церковные перезвоны, когда по всей стране идет борьба с «религиозным дурманом». Иногда Ватутин уходил в облюбованный им парк на Девичьем поле, спускался тенистыми аллеями к Москве-реке, до позднего вечера любовался замечательными видами Подмосковья, тихим разливом реки, зеленью Воробьевых гор. Нередко рядом заливалась гармоника, звенела гитара и проникновенный голос выводил:

В час, когда мерцанье
Звезды разольют
И на мир в молчанье
Сон и мрак сойдут,
С горькою истомой
На душе моей
Я иду из дома
На свиданье к ней...

К вечеру появлялись влюбленные парочки, занимавшие все скамейки в саду, и Ватутин спешил в общежитие.

Экзамены Николай Федорович сдавал успешно, чувствовал себя уверенно, когда входил в большую аудиторию и брал экзаменационный билет, слышал шелест карт, бумаги. После очередной «пятерки» он посылал в Чугуев телеграмму. Все шло хорошо, но волнения закончились только тогда, когда он увидел в списке принятых в академию свою фамилию. Через два дня Ватутин убыл в Чугуев с предписанием, в котором было сказано: «Командиру 23-й стрелковой дивизии. На основании приказа начальника академии откомандировать слушателя 1-го курса Ватутина Николая Федоровича в распоряжение начальника академии для обучения на первом курсе».

В полку Николая Федоровича встретили с поздравлениями, но больше всех радовалась жена. Неделя ушла на передачу дел новому командиру роты, прощание с товарищами, и Ватутины убыли в Москву, решив по дороге заехать в Чепухино. Перед началом учебы слушателям предоставлялся отпуск.

Деревня изменилась в лучшую сторону. Трудно было, глядя на хорошо одетых, сытых, безусловно довольных жизнью людей, подумать, что всего пять лет назад они терпели нужду, умирали от голода. Родной дом с подновленной крышей радовал глаз свежевыбеленными стенами, настоящим забором вместо плетня, большим, как при деде Григории, огородом, скотным двором с настоящей живностью. Мать, братья, сестры гордились успехами Николая, единственного красного командира из их деревни, поступившего сейчас в военную академию. А уж Танюшу Иванову не узнали не только в Чепухино, но и в ее родной Вороновке. Отпуск пролетел незаметно. Николай Федорович с удовольствием поработал с братьями в поле, а Татьяна Романовна хлопотала по дому. Наступило время отъезда, и полдеревни пошло провожать Ватутиных.

Снова Киевский вокзал столицы. Все имущество молодой семьи уместилось вместе с владельцами в коляске извозчика. Ехали довольно долго. Общежитие для семейных находилось в Ваганьковском переулке. Здесь на шестом этаже старинного особняка, в восьмиметровой комнате, предстояло Ватутиным провести три года. Неприхотливые в быту, они быстро устроились на новом месте и были

совершенно счастливы. Перед молодыми людьми открывался новый мир: огромный столичный город с театрами, музеями, концертными площадками. В двух шагах от общежития — Кремль, Красная площадь, Большой театр. Да мало ли чудес в Москве? Но Николай Федорович думал прежде всего об учебе.

1 сентября начались занятия в академии. Рабочий день у Ватутина с короткими перерывами длился с 7 часов утра до полуночи, а нередко заканчивался и в 2 часа ночи. Татьяна Романовна поступила в вечернюю школу. Конечно, в выходные дни Ватутины посещали театры, музеи, трижды выезжали с экскурсией в Ленинград, но главным все же оставалась учеба.

Академия располагалась на Кропоткинской улице. Старинное здание с просторными аудиториями, лучшей в стране военной библиотекой, физкультурным городком и тиром стало для большинства слушателей вторым домом. Первое высшее военно-учебное заведение советской республики, созданное еще в 1918 году, видело в своих стенах таких героев революции и Гражданской войны, как Павел Дыбенко, Василий Чапаев, Иван Тюленев, Леонид Петровский. К началу учебы в ней Ватутина академия превратилась в настоящую кузницу высокообразованных красных командиров. Возглавлял академию, сменив на этом посту 7 февраля 1925 года М.В. Фрунзе, «железный латыш» Роберт Петрович Эйдеман. Сын народного учителя, он в марте 1917 года вступил в РСДРП(б), был председателем солдатского полкового комитета. В октябре на 1-м Всесибирском съезде Советов был избран заместителем председателя ЦИК Сибири. В Гражданскую войну организовывал партизанское движение в Сибири, командовал отрядами, дивизиями на колчаковском и деникинском фронтах. В боях с Врангелем возглавлял 13-ю армию, которая громила врага в степях Таврии и Крыма. После войны был заместителем у Фрунзе, командовал Сибирским военным округом. В статье «Десять лет», посвященной юбилею академии, Эйдеман так определил ее задачи и уровень подготовки современного командира: «Мы делаем сейчас ставку на военно-техническую выучку академика, на умение не только принять решение, но и провести его в жизнь, пронизать основной идеей, вдохновляющей весь организм, каждое частное распоряжение и указание. Отсюда вытекает и то внимание, которое в настоящее время в учебных планах тактики уделяется военным играм на карте и на местности, технике управления и командному языку».

Научно-педагогический коллектив академии состоял из блестящих военных теоретиков, таких, как В.Ф. Новицкий, А.А. Свечин, И.И. Вацетис, Б.И. Доливо-Добровольский, А.К. Коленковский, Н.Е. Варфоломеев и другие. В марте 1927 года решением Реввоенсовета СССР им было присвоено почетное звание «преподаватель

высшего военно-учебного заведения РККА», а немного позже «профессор высшего военно-учебного заведения РККА».

Большим авторитетом в области оперативно-тактической мысли был будущий начальник оперативного управления Главного штаба РККА Владимир Кириакович Триандафилов, а в области инженерной службы — главный руководитель военно-инженерного дела во всех академиях Дмитрий Михайлович Карбышев.

Триандафилов первым начал разрабатывать теорию глубокой операции, предусматривающую подавление обороны противника на всю ее глубину за счет использования танков, авиации и воздушно-десантных войск. Триандафилов разработал теорию глубокого наступательного общевойскового боя, изложенными им принципами с успехом пользовались многие военачальники Второй мировой войны.

Карбышев был блестящим преподавателем. Учившийся в то время в академии будущий прославленный маршал И.Х. Баграмян впоследствии написал: «Едва ли не самым популярным из наших преподавателей был Д.М. Карбышев, руководивший кафедрой инженерной службы. Лекции он читал с таким знанием дела, так просто и ясно, что самостоятельная работа по его предмету не вызывала у слушателей затруднений. В его лекциях были широко представлены и материалы о новейших достижениях инженерной службы нашей и иностранных армий, и разнообразные исторические примеры, и подлинные документы прошедших войн. Слушатели очень любили консультации Дмитрия Михайловича, во время которых получали все данные, чтобы прийти к правильному решению той или иной задачи. Дмитрий Михайлович никогда не «натаскивал» слушателей, он старался развивать у нас самостоятельность мышления, оградить от шаблона, схемы. Главную свою задачу он видел в том, чтобы мы твердо усвоили и разумно применяли принципы, лежащие в основе инженерных расчетов».

Вот с какими преподавателями пришлось столкнуться Ватутину. Годы учебы в академии совпали с необыкновенным скачком советской военно-теоретической мысли. Один за другим выходят труды: М.Н. Тухачевского «Вопросы современной стратегии», И.П. Уборевича «Подготовка комсостава РККА», А.А. Свечина «Стратегия», А.К. Коленковского «О наступательной операции армии, входящей в состав фронта», В.К. Триандафилова «Характер операций современных армий».

Сначала Николая Федоровича очень увлекла работа Триандафилова. Уже в то время относительно роли танков тот писал: «В крупном тактическом значении танков для будущей войны теперь никто не сомневается. Имеющееся к данному времени увеличение автоматического оружия в пехоте, тенденция дальнейшего увеличения и качественного улучшения этого оружия, широкое распро-

странение искусственных препятствий в обороне и отставание средств подавления (артиллерии) от средств обороны выдвигают танки как одно из могущественных средств для будущей войны».

К сожалению, Триандафилов не довел свои теоретические разработки до конца. В 1931 году он трагически погиб в авиационной катастрофе.

В тот период большое впечатление на Ватутина произвела книга Б.М. Шапошникова «Мозг армии», в которой он знакомил читателей с основными взглядами на характер войны, ее способами и масштабами ведения, историческими, экономическими и политическими взаимосвязями, анализировал структуры Генерального штаба, сущность его работы и требования, предъявляемые к органам оперативного управления, военачальникам и штабным работникам. Ватутина особенно заинтересовали страницы, где речь шла о требованиях, предъявляемых к командиру, военачальнику, полководцу. Равновесие ума и характера, знаний и темперамента при хорошем строевом опыте — первое необходимое условие успеха. Но тут же Шапошников предупреждает, что злоупотребление силой характера стесняет свободу ума. Вспыльчивость и упрямство затемняют разум и делают полководца рабом чувства, а у него всегда должна быть «холодная голова». Особое значение для военачальника имеет чувство ответственности. Но даже при наличии всех этих качеств Шапошников особый упор делал на постоянное трудолюбие. На долгие годы запомнил Ватутин слова Шапошникова: «Современное военное дело настолько усложнилось, настолько быстро шагает вперед, что необходимость идти нога в ногу с ним вынуждает к усиленной работе. Сутки современного военачальника не имеют излишествующих часов, а наоборот, в них чувствуется недостаток, ибо нагрузка велика. Слов нет, что от такой нагрузки недалеко и до перегрузки, переутомления, поэтому очень важно нормализовать свою работу, прибегнув к системе научной организации труда».

Николай Федорович всегда отличался особым трудолюбием, но вопрос об организации труда ему показался очень важным и своевременным. Он стал учитывать каждую минуту, каждую мелочь, что помогло ему через много лет в боевых условиях за короткое время выполнять огромный объем работы.

Занимался он по привычке до глубокой ночи. Вступил в военно-научное общество, пытался сам разрабатывать теоретические темы, но это пока были робкие попытки. Не хватало практического опыта работы в войсках, руководства большими массами людей, да и многие теоретические разработки двадцатых годов значительно опережали существующее состояние вооруженных сил.

Особую тревогу вызывало техническое оснащение Красной Армии, отсутствие в войсках новых образцов военной техники и ору-

жия. Сказывалось трудное экономическое положение страны, оборонной промышленности.

Страна принимала все меры по улучшению технического состояния армии и флота. Увеличились ассигнования на оборонную промышленность, началось усовершенствование стрелкового, артиллерийского, морского вооружения. В 1922 году комсомол взял шефство над Военно-Морским Флотом. На флот ушло более 8 тыс. комсомольцев. Модернизируется почти полностью Балтийский флот, практически заново создается Черноморский флот, отряды кораблей на Баренцевом, Каспийском и Белом морях, на Дальнем Востоке. В 1921 году Совет Труда и Обороны принял программу-минимум строительства Воздушного флота. В 1923 году партия бросила клич: «Комсомолец, на самолет!», создается общество друзей Воздушного флота, которое за короткое время собрало около 6 млн рублей золотом, что позволило уже к 1925 году построить 300 первых советских самолетов и прекратить их закупку за рубежом.

Реввоенсовет СССР в 1924 году создает комиссию по военным изобретениям, работой которой руководили М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев, И.С. Уншлихт. Видные ученые К.Э. Циолковский, Ф.А. Цандер, А.Н. Крылов, С.А. Чапыгин помогают работе вновь созданных научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений. В знаменитом ЦАГИ конструкторы А.Н. Туполев и И.Н. Поликарпов создают образцы бомбардировщиков и истребителей, превосходящие зарубежные аналоги. В.А. Дегтярев совместно с В.Г. Федоровым конструируют лучший в мире ручной пулемет. На вооружение принимается новая 76-мм полковая пушка.

Страна делала все, что могла, но оснащение армии все еще оставляло желать лучшего. На вооружении стрелковых подразделений находились хоть и надежные, но требующие модернизации винтовки Мосина и пулеметы «максим». Автоматические винтовки существовали только в опытных образцах. Артиллерия насчитывала 7 тыс. орудий старых конструкций в основном среднего и малого калибра. Около полутора тысяч самолетов находилось на вооружении еще со времен Гражданской войны. Вся автобронетанковая техника насчитывала 100 танков и бронемашин и около тысячи автомобилей разных классов. Танковой, противотанковой, зенитной артиллерии и средств радиосвязи не было вовсе.

В это время западные государства стремительно наращивали свои вооруженные силы. Сейчас нередко можно услышать мнение, что это мы в двадцатые годы своей военной программой спровоцировали гонку вооружений, создали образ врага, а никто-де не собирался воевать с молодой Советской республикой. Как же понимать наращивание военной мощи этими государствами? Разве там не

знали, что у Красной Армии всего 100 танков, старенькие самолеты, трехлинейки и пулеметы «максим». Конечно знали. Если в Первую мировую войну в дивизии США или Франции насчитывалось 24 пулемета, то в 1927 году во Франции — 483, а в США — 947. Военно-воздушные силы Франции насчитывали 6114 самолетов, США — 3800, Англии — 3460, Италии — 1700, Польши — 500. В случае войны только Англия могла ежемесячно выпускать 2500 танков. Флоты крупнейших держав насчитывали сотни боевых кораблей различных классов. В Японии к 1929 году 63 процента продукции машиностроения производилось на военных заводах. Даже Германия, зажатая рамками Версальского договора, начала тайную подготовку к перевооружению рейхсвера. Уже в 1922 году между рейхсвером и крупными промышленниками было заключено соглашение о разработке перспективных образцов вооружения. А после того, как в 1926 году прекратила работу Союзная военно-контрольная комиссия, в Германии началось расширенное производство самолетов, бронетанковой техники, подводных и надводных кораблей. К 1929 году в Германии действовало 12 авиационных фирм, были созданы новые образцы артиллерийского вооружения, минометов, изготовлен танк, на базе которого в годы Второй мировой войны создавались все гитлеровские танки.

Гонка вооружений сопровождалась экономической и дипломатической блокадой СССР, осуществлялись военные провокации. Ультиматум лорда Керзона, бои на КВЖД, восточных, южных, западных границах не оставляли сомнений относительно враждебных намерений капиталистического окружения.

У Николая Федоровича и его товарищей не было сомнений в необходимости усиления Красной Армии и флота.

В мае 1927 года РВС СССР ввел новое Положение о высших военных учебных заведениях, которым на академию имени Фрунзе возлагалась задача подготовки командиров-единоначальников и штабных офицеров в звене полк — корпус и вносились некоторые изменения в учебный процесс.

Значительно сокращалось время на стратегию и оперативное искусство, но увеличивалось на изучение тактики. На первом курсе рассматривались действия полка, на втором — дивизии, на третьем — корпуса. Возрастал удельный вес самостоятельной работы, и к третьему курсу он составлял две трети в общем учебном процессе. Особый упор делался на практические занятия.

На ватутинском курсе всем слушателям выдали карты командира полка, и с той минуты они вступали в командование воинской частью. Преподаватели определили задачу части, задали исходные данные, сведения о «противнике», местности, погоде. Для начала требовалось уточнить данные о «противнике», провести подготовительные мероприятия к ведению боевых действий. И «война» нача-

лась. За «противника» играли опытные преподаватели. Задачи менялись чуть ли не ежедневно, марши сменялись разведкой боем, оборонительными или наступательными боями. Так продолжалось до конца всего академического курса, с той лишь разницей, что задачи усложнялись, так как постепенно приходилось переходить к командованию дивизией, корпусом.

Ватутин любил эти задачи, простые и головоломные, но всегда требующие для решения целеустремленности, настойчивости, глубины тактического мышления, самостоятельности. А поскольку он большей частью получал отличные оценки, значит, обладал этими качествами в должной мере. Преподаватели уже тогда подметили его командирские способности. В служебной аттестации того времени было написано: «Не признает шаблона. Склонен к ведению маневренного боя. Умеет трезво оценивать самые сложные ситуации и находить оптимальные выходы из них».

В академии Ватутин впервые вплотную столкнулся со штабной работой. Рабочая карта, бланки штабных донесений и распоряжений, расчет сил и средств увлекли его. Даже техника штабной работы привлекала молодого командира. Ему доставляло истинное удовольствие производить расчет маневра своих войск, вводить стройность в беспорядочную стихию ведения боевых действий.

В эти же годы он по-настоящему увлекся военной историей и с удивлением обнаружил, как хорошо она дополняет курс стратегии, оперативного искусства, расширяет военный кругозор. Казалось бы, что можно почерпнуть из походов Александра Македонского, Ганнибала? Интересно, красиво, но это было так давно. Волновали, поражали гениальностью Суворов, Наполеон, Кутузов, но и это было давно, когда не знали пулеметов, авиации, танков. Даже к операциям Людендорфа, Фоша, основным сражениям Первой мировой и Гражданской войн Ватутин научился подходить с критической оценкой. Но внимательное, заинтересованное изучение военной истории скоро убедило его, что в военной теории и практике зачастую действуют старые, как мир, закономерности, пренебрежение которыми при всех новаторских подходах нередко приводит к печальным последствиям.

Теоретическая учеба подкреплялась практическими, тактико-строевыми занятиями, учениями, войсковыми маневрами. На младшем курсе практические занятия проводились на стрелковом, химическом, артиллерийском или инженерном полигонах. На старших курсах практиковались поездки в войска для ознакомления с боевой учебой на месте.

Выезд в лагеря или полевые поездки Николай Федорович любил особенно. После монотонного, однообразного сидения за учебниками и картой что может быть лучше, чем окунуться в живую, богатую переменами войсковую жизнь?

— Ты выходным дням так не радуешься, как лагерям, — смеялась жена. — В театр тебя не дозовешься.

— Но ведь иду, — отшучивался Николай Федорович. — Разве мало мы ходим? По-моему, в Москве не осталось театра, в котором бы мы не побывали. Ездили в Ленинград, Новгород. Да и не время сейчас путешествовать. В твоем ли положении... Надо беречь себя.

Разговор этот состоялся зимой 1929 года. Николай Федорович учился на третьем курсе, а Татьяна Романовна ждала ребенка.

В феврале 1929 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О командном и политическом составе РККА». Партия требовала повышения военной квалификации и идейно-политического уровня комсостава. Командиры должны были не только умело управлять подчиненными в бою, но и направлять политическую работу. Ватутина товарищи выбрали членом партийного бюро курса.

В стране происходили серьезные экономические, политические, социологические преобразования, и по всем вопросам развернулась острая политическая дискуссия, а то и борьба. Отмена НЭПа, курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства ломали не только экономические отношения, но и психологию миллионов людей. Все эти сложнейшие вопросы стратегической политики партии, методы и формы претворения ее в жизнь вносили сумятицу в умы видных руководителей страны, приводили к победам и ошибкам, порой очень значительным, чреватым негативными последствиями. Историкам еще предстоит досконально изучить, проанализировать все происходящее тогда в стране: борьбу с троцкизмом, всевозможные уклоны Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина. И были ли эти уклоны? Или, наоборот, уклонялся от генеральной линии И.В. Сталин?

Тогда победила линия Сталина. Был взят курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Основная масса коммунистов, в том числе и военных, поддержала этот курс и сознательно с энтузиазмом претворяла его в жизнь. Ватутин, выступая в академическом журнале «Рупор» со статьей «Из опыта работы партийной организации третьего основного курса» писал: «Главнейшей задачей нашей партработы являлась постоянная и бдительная забота об укреплении идеологической устойчивости наших рядов на основе генеральной линии партии.

Мы своевременно организовали борьбу с правым уклоном и примиренчеством, являющимися основной опасностью для партии на данном этапе. Разгром контрреволюционного троцкизма сменился работой по ликвидации троцкистского болота и выкорчевыванию остатков троцкизма. Можно сказать, что к настоящему времени это болото почти осушено. Также успешно выкорчевываются остатки троцкизма.

Сплочение — под лозунгом выполнения пятилетки всех творческих сил рабочего класса и трудящихся крестьян, наступление на капиталистические элементы широким фронтом — вот идеологическая установка нашей партии на новом этапе социалистического строительства.

Под этим лозунгом строилась наша партийная работа. Работа среди беспартийных, несмотря на достижения текущего года, являлась одним из слабых участков. В будущем надо покончить с недооценкой этой работы и положить конец (хотя бы единичным) рассуждениям о том, что-де база наших беспартийных узка, что они являются людьми с оформившимися взглядами, а отсюда — нечего нам особенно заниматься этим вопросом.

Надо отметить, что целый ряд больших достижений возможен был лишь при условии правильного партруководства в академическом масштабе.

Только при этом условии мы могли в основной массе воспитать партийца-большевика, активного и непримиримого борца за ленинскую линию нашей партии, воспитать новую когорту активных строителей Красной Армии в духе решений нашей партии, решений пленума РВСР и на основе единства всего начсостава.

Уходя из академии, мы желаем, чтобы опыт нашей работы был учтен, чтобы академия организовала прочную связь со своими питомцами, а о себе мы говорим: «Мы готовы к работе в РККА».

В выпускной аттестации Ватутина отмечалось: «...в партийной, политической жизни активен. По своей подготовке и свойствам характера может быть единоначальником».

Выпускные характеристики уже готовились в строевом отделе академии, а выпускникам еще предстояли экзамены и последний майский парад на Красной площади.

1 мая 1929 года Николай стоял прямо против Никольских ворот в парадной колонне академии. Лучи весеннего солнца отражались от мокрой брусчатки, обнаженных клинков кавалеристов, штыков пехотинцев. Проскакал на белом коне нарком Ворошилов, прозвучали слова праздничного приказа, и грянул торжественный марш. После него выпускникам академии разрешили остаться у кремлевской стены посмотреть парад и демонстрацию трудящихся.

Потом Ватутины отправились в Сокольники. Прекрасная погода, праздничная суета тысяч людей поднимали настроение. По аллеям парка с песнями гуляла молодежь. Звонкие трели саратовских гармоник перебивались звуками маршей из рупоров репродукторов. Одетые по-летнему москвичи разбирали свежевыкрашенные голубой краской лодки, и скоро на уютных прудах стало тесно от отдыхающих. Тут и там образовывались импровизированные танцплощадки.

— Потанцуем? — спросила Татьяна Романовна мужа.

— Ну что ты! — смутился Николай Федорович. — Мне в форме как-то неловко, да и тебе надо поберечься. Уж больно долго ждали ребенка, как бы чего не вышло.

— Не беспокойся, все будет хорошо. Врачи, наоборот, советуют двигаться.

— Двигаться, но не танцевать, — решительно возразил Николай Федорович. — Вот походим здесь, поедем в город, погуляем по центру. Надо наглядеться на Москву. Скоро конец учебе и — прощай, столица...

Через две недели после майских праздников начались выпускные экзамены. Ватутин сдал их блестяще и был выпущен из академии, как говорили в старину, по первому разряду. Приказом наркома красном Ватутин назначался на должность помощника начальника оперативного отделения штаба 7-й стрелковой дивизии.

ОТ ШТАБА ДИВИЗИИ ДО ШТАБА ОКРУГА

Штаб 7-й стрелковой дивизии размещался в старинном русском городе Чернигове. Город внешне напоминал Полтаву: та же патриархальная тишина садов, зелень огородов, тенистые аллеи городского сада, перезвон теперь уже редких церковных колоколов, слепящее солнце и неизъяснимая прелесть украинских ночей. Здание штаба располагалось на задворках сада в старинном особняке.

Ватутины из Москвы прибыли с теми же фанерными чемоданами. Имущество их пополнилось лишь детскими распашонками, шапочками, пеленками, которые в последнее время с любовью шила Татьяна Романовна. Сразу по приезде они сняли недорогую квартиру в две комнатки недалеко от штаба. Окна выходили в небольшой, но густо заросший палисадник, за которым краснело здание, где предстояло служить Ватутину.

— Ну прямо как в Чугуеве, — сказал Николай Федорович, выглядывая в окно. — Только там из Малиновки часа полтора надо было добираться, а здесь — все рядом. Чаще можно будет домой заглядывать.

— Ой ли? — усмехнулась Татьяна Романовна. — Только что заглядывать. Теперь уж и вовсе поселишься в казарме с красноармейцами. Не успели приехать, а ты уже собираешься в казарму.

— Какая казарма, Танюша. Я теперь штабной работник, а это ответственность огромная. На службу же действительно тянет. Отдохнули хорошо, пора и за дело...

Как и всегда, в службу Ватутин включился сразу и с удовольствием. Небольшая первичная штабная должность на деле оказалась очень хлопотливой и ответственной. В общих чертах Ватутину предстояло помогать войскам в организации боевой подготовки, участвовать в обучении полковых штабов, готовить показные занятия, полковые и дивизионные учения, участвовать в них самому в составе оперативного отделения.

Трудности усугублялись продолжавшейся модернизацией армии, оснащением ее новым вооружением, доведением до войск положений новой военной доктрины.

Курс на индустриализацию страны начал приносить первые положительные результаты. Конечно, можно полемизировать, насколько был обоснован такой курс, правильными ли путями шло социалистическое строительство. Однако бесспорно, что судьба наших Вооруженных Сил, а значит, и будущая победа в Великой Отечественной войне была предопределена этим курсом. Маршал Г.К. Жуков по этому поводу писал: «Ведь можно было бы на пять—семь лет отложить такой крутой подъем тяжелой индустрии, дать народу, который стократ заслужил это, побыстрее и побольше товаров широкого потребления, продукции легкой промышленности. Разве это не было соблазнительно? Но поступи мы так, кто знает, когда бы завершился тот тяжелейший период, который мы называем начальный период войны, где, под каким городом или на какой реке были бы остановлены фашистские войска?..»

В 1929 году ЦК ВКП(б) принимает постановление «О состоянии обороны страны». Реввоенсовет СССР и народный комиссариат по военным и морским делам получили задачу наряду с модернизацией имеющегося вооружения организовать работу по производству принципиально новых видов вооружения. Речь шла о танках, самолетах и авиадвигателях, артиллерии, средствах химической защиты и связи. В РККА вводится должность начальника вооружения. Этот пост занял образованнейший и талантливый военачальник того времени И.П. Уборевич. Позже, в 1931 году его сменил на этом посту Тухачевский. Создается Управление моторизации и механизации РККА. Его возглавил большой знаток танкового дела К.Б. Калиновский.

До 1929 года страна не имела ни танковой промышленности, ни конструкторов, ни инженерно-технического состава. А поскольку повышение роли танков в современной войне, их влияние на состояние и уровень развития Вооруженных Сил стало бесспорным, началось мощное развитие танковой промышленности. Уже за первую пятилетку в войска поступило около 4 тысяч танков и танкеток, а в 1931—1935 годах армия в достаточном количестве получала современные боевые машины: танкетку Т-27, легкие танки Т-24, Т-26, быстроходный танк БТ, средний танк Т-28, тяжелый пятибашенный танк Т-35.

Принимается новый план строительства ВВС. Главное внимание здесь уделяется созданию бомбардировочной и истребительной авиации.

В том же 1929 году Реввоенсовет СССР принимает пятилетнюю программу артиллерийского перевооружения армии. Она предусматривала увеличение дальнобойности, скорострельности, огневой мощи орудий, создание крупных артиллерийских КБ, закладку новых заводов. Создавались образцы танковой, противотанковой, зенитной артиллерии, программа эта была выполнена

полностью, и за 1928—1933 годы производственные мощности артиллерийских заводов возросли в 6 раз, а производство, например, зенитной артиллерии увеличилось в 25 раз.

Помимо технического перевооружения серьезно встал вопрос о пересмотре руководящих документов боевой подготовки войск, чтобы организовать боевую учебу на более высоком уровне. Долгое время войска жили по уставам, принятым в 1924—1925 годах. Теперь сама жизнь требовала введения новых уставов. Основу их составлял временный полевой устав РККА 1929 года, часть II (дивизия, корпус). Согласно уставу, основным видом боя являлся общевойсковой бой, успех которого зависит от взаимодействия всех родов войск. Впервые был четко определен порядок использования авиации, танков, инженерных войск, организации ПВО, ПТО, ПХО.

Войска начали учиться по-новому. Не обошли новшества и 7-ю стрелковую дивизию. На тактико-строевых занятиях и учениях отрабатывались новые способы и формы ведения современного боя, осваивались новейшие образцы вооружения и военной техники. Серьезное внимание уделялось взаимодействию стрелковых частей с артиллерией, танками и авиацией в различных видах общевойскового боя. По-новому организовывалось управление, и от этого возросла нагрузка на штабы.

Николая Федоровича радовали все эти новшества. Он на практике убеждался в правильности теоретических положений, над которыми ломал голову в академии и которые теперь определяли всю деятельность войск. Во многом благодаря стараниям Ватутина оперативное отделение штаба уверенно чувствовало себя в учебно-боевой обстановке.

Не секрет, что успех проводимых в армии мероприятий в огромной степени зависит от уровня подготовки командных кадров. Командный состав РККА к тому времени на 90 процентов имел среднее специальное военное образование, но в свете новых требований восьми часов командирской подготовки в месяц явно не хватало. Приказ наркома об увеличении времени на подготовку командного состава до 42 часов в месяц был принят в войсках с энтузиазмом. Теперь наряду с тактической, огневой подготовкой серьезное место начала занимать техническая подготовка. Она проводилась по программе обязательного технического минимума по родам войск для каждой категории комсостава.

Ватутин был в дивизии единственным командиром с академическим образованием, и ему поручили проводить занятия с офицерами штабов дивизии и полков. Много времени отдавал он и подготовке к сборам командиров полков, батальонов, дивизионов. Проходили сборы под руководством командира дивизии, но многие материалы готовил Ватутин. Он же нередко проводил занятия. От-

рабатывались вопросы управления войсками в бою с привлечением современных средств связи. Чтобы не отрывать от боевой подготовки строевые подразделения, в качестве войск использовались полковые школы младших специалистов. Их сводили в своеобразные батальоны, полки. Командиры с помощью своих штабов учились управлять войсками в сложной обстановке.

Занимаясь такими непростыми вопросами, Николай Федорович постоянно работал над собой. Вся военно-теоретическая литература, имевшаяся в дивизии, сосредоточилась в его неказистом столе и тяжелом сейфе. Он штудировал военные журналы, писал письма в академию, в который уже раз перечитывал «Мозг армии» Шапошникова. Но особенно ценный материал он нашел в вышедшей в 1928 году книге Уборевича «Подготовка комсостава РККА». Книга захватила его по той простой причине, что в ней он нашел ответы почти на все вопросы, возникавшие у него в последнее время.

Уборевич давал методику совершенствования и воспитания комсостава, рекомендации по проведению занятий, сборов, учений. Материал был настолько блестяще разработан, дышал такой новизной и оригинальностью мышления, что Николай Федорович первый раз прочитал книгу залпом, не отрываясь. Основным условием успеха Уборевич считал качественную и всестороннюю военную подготовку. Поэтому при проведении учений, военных игр он предлагал менять должности командиров по родам войск. Пехотинец выступал в роли артиллериста и наоборот, строевик работал в штабе, а штабные командиры практиковались на строевых должностях. Эффективность любого занятия, по его мнению, на 80 процентов зависела от подготовки руководителей занятий. Руководитель должен сам продумать, проиграть всю динамику учений, проработать все возможные варианты и твердо держать в руках ход занятий. В то же время Уборевич считал, что следует особенно ценить самостоятельность мышления, творчество, проявляемые подчиненными на занятиях. Научить командира самостоятельно и быстро принимать решения, проводить необходимые расчеты, отдавать четкие, короткие, понятные приказы, добиваться их выполнения — вот суть командирской подготовки. Через всю книгу проходила мысль о недопустимости командирского всезнайства, шаблонного мышления. Шаблон, подражание убивают командира гораздо раньше врага.

Николай Федорович был настолько увлечен этой книгой, что делал из нее выписки. Он проникся к Уборевичу таким уважением, что и потом верил ему, несмотря на чудовищные обвинения, которые предъявляли ему. Увы, через десять лет имя Уборевича упоминать будет опасно, но Ватутин запомнил его рекомендации на всю жизнь.

Иероним Петрович Уборевич, по единодушному признанию всех знавших его военачальников, был самым талантливым, самым одаренным среди полководцев Гражданской войны. Родился он в семье литовского крестьянина. В революцию пришел семнадцатилетним юношей, арестовывался охранкой, но начавшаяся мировая война круто изменила его судьбу. Он закончил курсы при Константиновском артиллерийском училище и ушел на фронт. Воевал на Западном, Юго-Западном, Румынском фронтах. Командовал батареей.

В 1917 году подпоручик Уборевич возвращается к революционной работе, вступает в РСДРП(б). В Красной Армии он с первого дня ее основания. Командовал одним из полков, которые сдержали наступление немцев на Петроград. К сожалению, в одном из боев он попал в плен, оказался в тюрьме, из которой бежал и вновь вступил в Красную Армию. Воевал несколько месяцев на Северном фронте: командовал батареей, полком, бригадой, дивизией и в числе первых был награжден орденом боевого Красного Знамени. Еще через несколько месяцев он назначается командующим 14-й армией, с которой бьет Деникина, затем командовал 9, 13, 5-й армиями. Гражданскую войну он заканчивал на Тихом океане главнокомандующим Народно-освободительной армией Дальневосточной республики. Затем Украина, Крым. Заместитель у М.В. Фрунзе. Потом Тамбовщина. Будучи заместителем командующего по борьбе с антоновщиной, он одновременно командует сводной кавгруппой и принимает личное участие в боях. Потом снова Дальневосточная республика и необычная должность военного министра. В 1922 году двадцатипятилетний полководец, награжденный тремя орденами и почетным революционным оружием, избирается членом ЦИК СССР и остается им до своей трагической гибели. В 1935 году командует войсками различных округов. С 1926 года — член Постоянного военного совещания при РВСР.

Высокообразованный человек, владеющий иностранными языками, он хорошо знал литературу, искусство, прекрасно разбирался в технических вопросах и со знанием дела отвечал за вооружение РККА. Служивший вместе с ним в конце двадцатых годов К.А. Мерецков впоследствии вспоминал: «Он неоднократно говорил мне, что чтение книг явилось для него своего рода академией, давшей ему познания в различных областях науки, в том числе и в военном деле. Наблюдая, как некоторые командиры, прибыв на сборы, часто недосыпая, набрасывались на учебники, стараясь за короткое время восполнить свои пробелы в теории, Уборевич не одобрял их и говорил, что только систематическое чтение военной, художественной и иной литературы может способствовать приобретению знаний, развитию кругозора. Чтение — это работа. Оно должно быть непрерывным и регулярным, вестись изо

дня в день, а не урывками. Но от этого важного и полезного дела нужно отличать еще более важное, полезное и необходимое особенно на войне — умение действовать, руководить войсковым соединением в боевой обстановке, когда перед тобой реальный противник».

Командир дивизии после очередного отлично проведенного Ватутиным занятия поинтересовался, какие материалы использовал молодой штабист в подготовке. Николай Федорович протянул ему книгу Уборевича.

— О, это голова, — протянул тот. — Умница. Я под его началом еще Деникина бил. Образованнейший человек. У нас многие ветераны Гражданской, да и я грешу этим, все хвалятся, что *академиев* не кончали, а белых академиков бивали. Глупая это бравада. Вон Иерониму Петровичу от бога талант даден, а он не постеснялся подучиться. На год раньше тебя академию кончил, да еще германского генерального штаба. — Комдив поднял палец правой руки многозначительно, повел бровями. — Это тебе не фунт изюма. Война будет, куда до нее Гражданской, а он наперед знает, что и как. Слышал бы ты его речь на совещании РВСР, нам командующий округом рассказывал...

Ватутин, конечно, не мог слышать этой речи, но мы теперь можем узнать, что говорил тогда Уборевич, как оценивали его выступление другие военачальники. Тот же К.А. Мерецков писал: «Иероним Петрович вообще являлся наряду с М.Н. Тухачевским, В.К. Триандафиловым и некоторыми другими видными военачальниками одним из инициаторов постановки новых вопросов в подготовке войск. Так, выступая на расширенном совещании РВС Союза ССР 28 октября 1929 года относительно обучения и воспитания войск, он обратил особое внимание на изучение военной техники, которая в связи с техническим перевооружением армии во все возрастающем количестве поступала в войска. Он подчеркнул, что овладение современной техникой определяет все дальнейшее содержание военной подготовки. Однако тут же заметил, что здесь нам мешает, к сожалению, незнание элементарной математики, основ физики и химии, то есть именно того, что особенно важно в связи с применением в армии машин.

На том же заседании Уборевич поставил вопрос о создании базы для обучения танкистов. Нельзя с теми полигонами, стрельбищами и полями, которые мы имеем, говорил он, добиться большого успеха. Новый базис требует резкого отражения в финансовой смете и в решениях Реввоенсовета, чтобы обеспечить техническую учебу войск. Внимательно следя за развитием авиации и за состоянием наземных средств борьбы с ней, Уборевич пришел к выводу, что угроза нападения на важные объекты в глубоком тылу с каждым годом все возрастает, и выдвинул задачу усиления средств ПВО».

Важность этих вопросов, к сожалению, понимали не все наши военачальники, и, что самое главное, среди них был сам нарком обороны Ворошилов. Дорого будет стоить это непонимание советскому народу в годы Отечественной войны.

Хорошо еще, что такие штабные работники и командиры, как Ватутин, внимательно изучали работы талантливых полководцев, следовали их советам. Правда, не все от них зависело. Ватутин занимал скромную должность, а значит, чаще ему приходилось заниматься весьма прозаическими делами. На маневрах и учениях, в любое время суток, в любую погоду он выбирал местоположение штаба, организовывал связь с полками. Приходилось заботиться об обеспечении секретными документами, картами, машинистками, телефонными аппаратами, керосиновыми фонарями, тренировать личный состав штаба в отражении нападения противника.

Помотаться по лесам Черниговщины пришлось ему изрядно, и семья, как надежный тыл, только и давала редкие минуты радости. Например, тогда, когда, вернувшись из командировки, он узнал, что у него родилась дочь.

Полтора года прослужил Ватутин в 7-й стрелковой дивизии и завоевал уважение сослуживцев, комдива, многих командиров полков. Коммунисты, как и в академии, единогласно выбрали его членом партийного бюро штаба дивизии. Поэтому никто в дивизии особенно не удивился, когда он был выдвинут на должность помощника начальника одного из отделов штаба Северо-Кавказского военного округа.

Ватутины быстро снялись и отправились к новому месту службы. Даже появление в семье ребенка не на много увеличило их багаж. Николай Федорович и на новом месте быстро нашел себя. Глубокие военные знания, высокая штабная культура позволили ему уже в первый месяц самостоятельно выполнять ответственные задания командования. Ватутин откровенно радовался жизни: любимое дело, любимая жена, дочь. И только письма, приходившие из деревни, в последнее время вызывали озабоченность и тревогу. В деревне шла кардинальная ломка жизненного уклада, начиналась коллективизация. Судя по письмам брата, проводилась она поспешно, непродуманно.

Ватутин понимал всю остроту положения дел на селе. Коммунисты и на новом месте выбрали его членом партийного бюро и партийной комиссии. Он прекрасно разбирался в лозунге текущего момента, не сомневался в политике партии, и только письма брата вызывали неприятные сомнения. Разве можно так ломать деревенскую жизнь? Уже после первого года насильственной коллективизации, высылки в отдаленные края множества крестьян, а то и просто их уничтожения на страну обрушился невиданный голод. Действительно, были на деревне, и в немалом количестве, кула-

ки-мироеды, были явные и тайные враги советской власти, сжигавшие зерно, травившие скот, убивавшие коммунистов, но не мог весь народ быть врагом самому себе! По некоторым данным, от голода и репрессий тогда погибло 9,5 млн человек. Голод охватил самые хлебородные районы страны: Украину, Поволжье, Северный Кавказ. Хлебозаготовки, как когда-то в Гражданскую, под чистую вымели у новоявленных колхозников даже семенное зерно.

Ватутин вчитывался в газеты, слушал радио, выступления ораторов на митингах, выступал и сам. Как и многие оторванные от села люди, он видел причины бедствия в происках врагов, разгильдяйстве и перегибах руководства на местах. Уверенность эта еще больше окрепла после появления статьи Сталина «Головокружение от успехов». Мог ли он сомневаться тогда в искренности вождя?

Но его родственники голодали, колхоз в Чепухино распадался, и он отпросился у командования на трое суток домой. Татьяна Романовна уже несколько дней собирала продукты. К ним Николай Федорович добавил весь свой двухмесячный командирский паек, взял какие смог найти деньги и поехал в Чепухино. То, что он увидел, ужаснуло. Куда делись жизнерадостные, довольные жизнью люди? Больше половины домов в деревне было заколочено. Запустение гуляло по дворам. И родная хата с ободранной соломенной крышей, казалось, плакала подслеповатыми окнами. Семья пухла от голода, но братья держались бодро, ругали председателя колхоза, присланного из района и с началом беды сгинувшего невесть куда, но в советскую власть верили. Пряча глаза от Николая, они жалели многих односельчан, что совсем недавно покинули родные места, отправляясь на поселение.

— И как не жалеть, сынок, — тихо говорила мать. — Какие же они кулаки? Крестьяне, как и мы. И то, кабы не был ты командиром, и нам бы не миновать этой доли...

Приезд Николая, по сути дела, спас семью от голодной смерти, но он как коммунист не мог спокойно смотреть на гибель колхоза. После бегства председателя хозяйство быстро распадалось, погибал скот. Крестьяне разбирали его по домам. В колхозе осталось лишь тридцать семей, да и те были склонны к роспуску коллектива. Оставшиеся два дня отпуска Ватутин посвятил беседам с односельчанами в знакомой до боли чепухинской школе. Всю ночь дискутировали: быть в Чепухино колхозу или нет. Николаю Федоровичу все-таки удалось убедить односельчан в необходимости сохранить колхоз.

В часть Ватутин вернулся в подавленном настроении. Выступая на заседании партбюро штаба, откровенно рассказал о происходящих в деревне событиях, борьбе, перегибах. Развернувшаяся в округе подготовка к большим маневрам отвлекла Николая Федоровича от тяжелых дум, а скоро из дома стали приходить добрые вес-

ти. Постепенно, с большим трудом вставал на ноги чепухинский колхоз, вновь ожила русская деревня, перенесла очередное лихолетье. В эти дни Ватутина подкараулила еще одна неожиданная беда. Видимо, во время поездки в деревню он заразился тифом, долго держался на ногах, работал до тех пор, пока прямо со службы его не отвезли в госпиталь.

Только через несколько месяцев Николай Федорович почувствовал себя настолько хорошо, что смог приступить к работе. Уровень решаемых вопросов был выше, чем в штабе дивизии, большую часть служебного времени отнимали командировки. Инспектирования войск, контрольные занятия, учения позволяли ему в масштабе округа изучать действия стрелковых частей, артиллерии, кавалерии, авиации, их взаимодействие. Он не только обобщал опыт передовых частей и подразделений, но и распространял его по округу. За короткое время авторитет Ватутина среди товарищей и командования вырос настолько, что его стали отмечать едва ли не в каждом приказе по штабу округа. «Проведенные под руководством Ватутина опытные учения дали богатый материал по организации управления войсками...» — говорится в одном из них. В другом приказе можно прочитать: «Помощнику начальника отдела штаба товарищу Ватутину за добросовестное и вдумчивое инспектирование войск и за ряд ценных предложений объявляется благодарность».

Все, казалось, складывалось хорошо, но Ватутин жаждал самостоятельной работы, мечтал приложить силы в руководстве крупного штаба. Вскоре мечта его сбылась — молодого командира выдвинули на должность начальника штаба 28-й горно-стрелковой дивизии.

Вновь скорый переезд к новому месту службы и новые обязанности, новые сослуживцы. Николай Федорович несколько лет прослужил в этой дивизии и всегда потом повторял, что для него это была лучшая школа командирской практики. Дивизия — сложный организм, боевое соединение, находящееся в постоянной боевой готовности. Ее боеспособность определяют полки, обученность личного состава, состояние боевой техники. За все эти компоненты отвечал штаб и лично начальник штаба, как и командир дивизии.

Николай Федорович понимал сложность и своеобразие штабного руководства. Именно штаб проверяет боеготовность и обеспечивает правильность применения в бою сил каждого подразделения. Штаб дивизии и прежде всего его начальник должны владеть современной военной теорией и даже опережать ее развитие. Тридцатилетний Ватутин впервые получил под свое начало тысячи людей, на него легли очень серьезные обязанности и прежде всего — поддержание высокого уровня боеготовности соединения. По опыту прежней службы он знал, что больше всего штабы «спотыкаются»

в организации управления, и на эту сторону направил главное внимание и усилия. Для начала пришлось подтянуть теоретическую подготовку. Вновь на его столе появились книги Шапошникова, Триандафилова и новая книга Уборевича «Оперативно-тактические и авиационные военные игры». Но особенно заинтересовался он трудами Тухачевского «Бой пехоты», «Маневр и артиллерия», «Наши учебно-тактические задачи». Авторитет этого полководца, заместителя наркома в армии был чрезвычайно высок.

В армию Михаил Николаевич пришел после окончания Александровского военного училища в 1914 году. Он воевал в одном из первых полков русской армии — лейб-гвардии Семеновском. В Красной Армии с первых дней ее существования. Тухачевский командовал войсками 1, 8, 5-й армий, был помощником командующего войсками Южного фронта, командующим войсками Кавказского и Западного фронтов. Он возглавил ликвидацию Кронштадтского мятежа и восстания Антонова, занимал посты начальника штаба РККА, командовал войсками ряда округов, был заместителем наркома обороны.

Многие военно-теоретические взгляды Тухачевского совпадали с взглядами Уборевича, Шапошникова, он обладал даром военного предвидения. Вот как отзывался о нем Г.К. Жуков: «На посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу. При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М.Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме.

Все свои выводы в области стратегии и тактики Михаил Николаевич обосновывал, базируясь на бурном развитии науки и техники у нас и за рубежом, подчеркивая, что это обстоятельство окажет решающее влияние на организацию вооруженных сил и способы ведения будущей войны... В М.Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии».

Взяв на вооружение теоретические разработки Тухачевского, Шапошникова, Уборевича, Ватутин смело перестраивал работу штаба дивизии. Правда, не всем пришлись по душе его нововведения. Были в дивизии, в полках опытные, заслуженные командиры, считавшие свой опыт чуть ли не абсолютом, но и они скоро не устояли перед волей и профессиональной компетентностью Ватутина.

Для него же рабочий день длился с раннего утра до глубокой ночи. Везде можно было встретить невысокого, плотно сбитого, необычайно подвижного и жизнерадостного начальника штаба. Горная подготовка стала в дивизии дисциплиной номер один. Николай Федорович сам усиленно тренировался, получил разряд альпиниста, добился в штабе округа разрешения на организацию похода сводного отряда дивизии на вершину Казбека. Отряд шел на штурм в полной боевой экипировке с легким и тяжелым вооружением, в том числе с разобранными пушками. Через десять лет во время боев на Кавказе с гитлеровскими альпийскими стрелками этот опыт пригодился.

На осенних маневрах дивизия продемонстрировала отличную боевую выучку, способность совершать глубокие марши, быстро и правильно развертываться в боевые порядки, наносить стремительные удары, создавать прочную оборону. Во многом в этом была заслуга Ватутина.

Это были годы стремительных изменений в политике, экономике, культуре страны, да и всего мира. Оборонная промышленность набрала темпы, и в войска стала регулярно поступать новейшая боевая техника и оружие. А значит, совершенствовались военная теория, стратегия, тактика, изменялись организационная структура и практическая подготовка войск. В 1932 году впервые в мире в нашей армии создаются механизированные корпуса, включавшие две механизированные и одну стрелково-пулеметную бригады и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. 500 танков, более 200 броневиков, сведенные в единое формирование, по тем временам произвели настоящую революцию в военном деле. Через три года таких корпусов в РККА было уже 4 и еще 12 отдельных танковых бригад и полков, не считая танковых подразделений стрелковых частей.

Причин для такого роста вооружений было больше чем достаточно. Отгремели бои на КВЖД, и уже сам Китай подвергся агрессии со стороны Японии. Над кварталами Шанхая заклубился огонь боев, самураи ворвались в Маньчжурию. Почти на двадцать лет растянутся сражения в этом районе земного шара.

В Европе вслед за Италией фашисты пришли к власти и в Германии. Задолго до этого момента великий немец Эрнст Тельман предупреждал: «Гитлер — это война!» Но на Западе не только игнорировали подобные заявления, но и усердно вскармливали фашизм. Нацисты же не скрывали своих далеко идущих планов. Уже утром 31 января 1933 года, на другой день после сформирования своего правительства, Гитлер выступил перед личным составом рейхсвера с реваншистскими призывами, а еще через месяц заявил, что главной целью его правительства является «восстановление политического могущества Германии». Под ним новый

канцлер понимал создание мощных вооруженных сил и установление при их помощи гегемонии тысячелетнего рейха. «Строительство вермахта, важнейшая предпосылка для достижения цели — завоевания политического могущества, — разглагольствовал фюрер и тут же указывал направление своей агрессивной политики. — Отвоевание новых рынков сбыта...и, пожалуй, это лучшее — захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». Впрочем, об этом Гитлер написал еще несколько лет назад в своей «Майн кампф». Новым было лишь то, что эта программа начала активно претворяться в жизнь. Гитлер, дорвавшись до власти, уверенно взялся за дело. О том, как вооружалась Германия, говорят многочисленные факты. В первые три года фашистской диктатуры в строй вступило более 300 военных заводов, в том числе 60 авиационных, 45 бронетанковых и автомобильных, 70 военно-химических, 80 артиллерийских, 15 военно-судостроительных. Только годовой выпуск боевых самолетов с 1931 по 1935 год увеличился в 300 раз и составил 3183 машины.

Была ли в то время возможность приостановить рост могущества фашизма? Наверное, была. Это сложный вопрос, требующий серьезного изучения. Тем более удивительны скороспелые выводы некоторых нынешних историков, утверждающих, что именно внешнеполитические ошибки советского руководства, культ личности Сталина, давление на коммунистов Европы, разрыв с социал-демократами привели к усилению фашизма. Безусловно, эти факторы оказывали какое-то влияние, но сводить все только к ним — значит бросаться из одной крайности в другую. Опять же, хорошо рассуждать сейчас, зная весь расклад сил на мировой арене.

Тогда же фактом было образование мощного нацистского государства в центре Европы, в общем-то поддерживаемого западными демократиями, и СССР правильно оценил надвигающуюся на страну опасность. Среди крупных военачальников первым в открытую заговорил о ней Тухачевский. Он аргументированно доказывал, что Германия готовит сильную армию вторжения, основную мощь которой составляют высокоманевренные бронетанковые, механизированные, десантные соединения. Он неоднократно отмечал гигантский рост военно-промышленного потенциала Германии, ее возможностей по массовому производству самолетов, танков и прямо заявлял, что наш враг номер один — гитлеровская Германия.

И армия готовилась к защите Отечества. Повышались требования к комсоставу, а значит, нужно было совершенствовать систему его подготовки. Расширяется сеть военных училищ, причем упор делается на авиационные, бронетанковые, артиллерийские, технические. Для старшего комсостава открывается ряд академий: механизации и моторизации, артиллерийская, военно-химическая,

военно-электротехническая, военно-инженерная и военно-транспортная. Увеличился набор в академию им. Фрунзе и военно-политическую. Уже к 1932 году в высших военно-учебных заведениях обучалось 16,5 тыс. слушателей. Начали работать различные курсы усовершенствования. В 1934 году на такие курсы при академии им. Фрунзе был направлен Ватутин. Через пять лет он вновь переступил порог знакомого здания. В Москву на сей раз приехал один. Курсы были краткосрочными, без исключения из списков части, а переезд с маленькими детьми представлял определенную трудность. У Ватутиных к тому времени родился сын Витя. Да и Татьяна Романовна заканчивала вечернюю школу.

Академией с 17 апреля 1932 года руководил один из кумиров Ватутина — Шапошников. Николай Федорович получил счастливую возможность видеть, слышать видного военного теоретика и непосредственно у него учиться.

Борис Михайлович Шапошников, бывший полковник Генерального штаба царской армии, был из когорты тех военспецов, которые пришли в Красную Армию и отдали все свои силы и знания молодой республике. В 1918 году он добровольно вступил в РККА. Руководил разведывательным, а потом оперативным управлениями полевого штаба РВСР. Принимал самое непосредственное участие в разработке планов разгрома Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского. После Гражданской войны командовал войсками Ленинградского, Московского, Приволжского военных округов, три года возглавлял Генеральный штаб РККА. Авторитет его в армии был необычайно высок, а после выхода в свет трехтомного труда «Мозг армии» Борис Михайлович занял место одного из ведущих теоретиков.

Образованнейший военачальник, обладавший большими и разносторонними знаниями, человек высокой культуры, Шапошников развернул в академии серьезную работу по улучшению учебно-методического процесса, повышению уровня знаний не только слушателей, но и преподавательского состава. Разработанные под его руководством учебные планы отличались большой продуманностью, полноценным содержанием.

Несмотря на то что в академии преподавали лучшие теоретики, методисты, Шапошников особое внимание уделил подготовке профессорско-преподавательского состава. Кроме ежегодных общеакадемических сборов, где изучались новые образцы боевой техники, вопросы военного строительства, были установлены дни командирской подготовки, проводились занятия по иностранному языку и ежегодные пятидневные оперативные игры.

Столь серьезное отношение к подготовке преподавателей объяснялось еще и тем, что состав слушателей стал намного образован-

ней. Особенно в этом отношении выделялись слушатели академических курсов.

На них Ватутин познакомился с Ф.И. Толбухиным, А.И. Антоновым, И.С. Коневым. Вместе они с увлечением играли в военные игры друг против друга.

Шапошников лично курировал курсы, читал слушателям лекции, проводил иногда практические занятия, военные игры. Серьезнейшее значение придавалось изучению новой боевой техники во вновь оборудованных технических классах, при этом ее изучение увязывалось с освоением теории глубокого боя, операции. Именно тогда будущие полководцы впервые услышали о массированном применении танков, авиации, артиллерии на направлении главного удара и организации взаимодействия при прорыве полевой и долговременной обороны.

В оперативно-тактической подготовке делался упор на вопросы управления войсками. От слушателей курсов требовалось, чтобы они, выступая в роли общевойсковых командиров, могли не только принимать правильные решения, но и ставить задачи частям различных родов войск, организовывать между ними взаимодействие и контролировать выполнение своего решения. Шапошников значительно изменил ход проведения практических занятий. До него в процессе обучения доминировали групповые упражнения. Он же ввел военные игры на карте. Руководил ими, как правило, сам и был убежден, что именно игры лучше всего развивают оперативное мышление.

Особо подчеркивал он важность правильной деятельности штабов во всех видах боя. Надо сказать, что в то время бытовало мнение о второстепенной роли штабов. Грешили этим и слушатели. Услышав как-то на занятии, что один из слушателей назвал штаб канцелярией, Борис Михайлович возмутился.

— Штабник не есть какой-то неполноценный военный с пером за ухом, способный лишь записывать указания начальства, — страстно заговорил он. — Это, если хотите, военный мыслитель и военачальник в одном лице. Только при помощи штаба можно дельно руководить войсками. Тот же начальник, который захочет одновременно скакать в кавалерийском строю, руководить огнем артиллерии и регулировать движение обоза, будет фактически отсутствовать в своем соединении, потеряет управление, и бой пойдет самотеком. Никакая отвага и никакое превосходство в силах не могут возместить недостаток знаний и умения...

Потом практически на каждом занятии Борис Михайлович повторял эту мысль, и слушатели сами на военных играх убеждались, насколько важна в боевых условиях четкая работа штаба.

Ватутину, как штабному работнику, были особенно близки мысли начальника академии. И не только мысли. Он был один из не-

многих слушателей, кто с удовольствием овладевал навыками быстрой и правильной отработки боевых документов. Шапошников требовал, чтобы даже малейшие недостатки в оформлении карты устранялись немедленно, и буквально расцветал, видя идеально оформленную карту, донесение; он всячески поощрял слушателей, обладавших высокой штабной культурой. Ватутин постоянно оказывался в их числе. Неизменно сдержанный, скромный, внешне незаметный, он тем не менее выделялся своими знаниями даже среди безусловно способных однокурсников.

Несмотря на короткий срок обучения, слушатели академических курсов смогли значительно повысить уровень своей оперативно-тактической подготовки. Особую пользу им принесли постоянные контакты с видными военачальниками. На Николая Федоровича неизгладимое впечатление произвел почти трехчасовой доклад Тухачевского «Будущая война в свете выполнения нашей первой пятилетки». Как и все его работы, доклад подкупал оригинальностью мышления, глубоким научным предвидением. Ватутин впервые увидел на трибуне высокого, атлетически сложенного, красивого человека, услышал четкий, хорошо поставленный голос и залюбовался им. «В человеке все должно быть прекрасно», — вспомнил он чеховскую фразу, слушая докладчика.

Кратковременное пребывание в Москве Николай Федорович почти полностью посвятил учебе, очень скучал по семье, особенно по детям. Почти ежедневно он писал домой письма и столь же часто получал ответы. Татьяна Романовна с двумя малолетними детьми выбивалась из сил, а тут еще школьные занятия, которые не хотелось бросать. Учителя ходили к ней на дом, но вот математик почему-то перестал ходить, и она решила бросить учебу. Этого уж Николай Федорович допустить никак не мог. В одном из писем он пишет:

«Здравствуй, милая Танечка!

Сейчас получил от тебя письмо. Спешу ответить. Прежде всего о твоем несчастье, что у тебя нет учительницы. Постараюсь достать учебники. Теперь относительно процентов. Я не помню всего на память, ты посмотри все, что мы получили по заочному обучению. Там, кажется, правила есть. Я же тебе сообщаю следующее:

Процент — это одна сотая часть всякого числа. Например: у тебя 100 рублей. Одна сотая часть от 100 рублей будет 1 рубль. Так этот 1 рубль и есть 1% от 100 рублей...»

Самым подробным образом он описывает все математические правила, интересуется семейными делами и заботами. Таких писем было очень много. Рабфак на дому продолжал действовать. И все-таки Татьяне Романовне приходилось трудно. Дети болели. Особенно Ватутины беспокоились за младшего, Витю, у которого начал развиваться костный туберкулез. Николай Федорович очень

переживал, стремился всей душой домой. Наконец подошел срок окончания курсов. Ватутин закончил их с отличными оценками, а в его выпускной характеристике Шапошников дописал: «По всем вопросам имеет свое самостоятельное суждение».

В дивизии Ватутина ждали с нетерпением: прибывала новая техника, проекты новых уставов, менялись штаты. Ватутин с увлечением взялся за работу, но, к огорчению командования дивизии да и самого Николая Федоровича, из Главного управления кадров пришло указание откомандировать его в распоряжение командующего Сибирским военным округом на должность начальника отдела штаба округа.

Назначение было с повышением, но Николай Федорович огорчился, хотя виду и не подал. Его беспокоило здоровье детей, особенно Вити, сибирский климат мог задержать выздоровление мальчика. А главное, удручало, что округ — внутренний, второй категории, до которого не докатилась революция в военном деле. Новая техника шла прежде всего в пограничные округа, да и уход с самостоятельной работы на сугубо штабную не мог не огорчить.

Но приказ для военного человека дело святое, и, быстро собрав нехитрый скарб, Ватутины убыли в Новосибирск. В дороге Николай Федорович успокоился окончательно, посчитав свое назначение во внутренний округ стремлением высшего командования укрепить все округа высококвалифицированными специалистами.

В штабе округа Ватутина встретили доброжелательно, и скоро, забыв свои сомнения, он включился в привычный ритм работы. Международная обстановка тем временем ухудшалась с каждым днем. В ночь на 3 октября 1935 года вероломно, без объявления войны, итальянские фашисты напали на Эфиопию. Западные страны и Лига Наций рагировали совершенно спокойно. А ведь война в Африке при растянутых коммуникациях и ограниченности собственных ресурсов была бы для Муссолини невозможной, если бы не попустительство западных демократий. Под давлением миролюбивых сил и прежде всего Советского Союза Лига Наций вынуждена была объявить Италию агрессором и вынести решение о применении к ней экономических санкций. Но выполнять эти решения страны Запада не спешили, а США, Германия, Австрия, Венгрия вообще отказались выполнять решение Лиги. Война бушевала, а на заседаниях так называемого мирового содружества даже не хотели слушать представителя Эфиопии.

Снисходительное отношение европейских стран к итальянской агрессии и итогам плебисцита в Саарской области убедило германское правительство в том, что настало время проверить прочность Версальского и Локарнского договоров. 7 марта 1936 года гитлеровские войска беспрепятственно, под восторженные крики обывателей, заняли Рейнскую демилитаризованную область и вышли на

французскую границу. Париж, Лондон, Вашингтон хранили странное молчание, и Гитлер тут же заявил: «Дух Версальского договора уничтожен. В Европе должен возникнуть новый порядок». Летом 1936 года жертвой становится Испания. Вспыхнувший в стране франкистский мятеж быстро перерос в Гражданскую войну. Германия и Италия открыто выступили на стороне Франко. На Дальнем Востоке Япония практически полностью захватила Маньчжурию и вела успешные боевые действия в Среднем и Южном Китае. Фашистские государства перестали церемониться и в дипломатической сфере. 25 ноября 1936 года в Берлине был подписан антикоминтерновский пакт Германии и Японии, а спустя некоторое время заключен тройственный агрессивный союз Германии, Японии, Италии. Фашизм бросил вызов человечеству. И если на Западе еще питали на этот счет какие-то иллюзии, то Советский Союз не сомневался в намерениях фашистов и вынужден был готовиться к испытаниям.

В эти годы разработчики советской военной науки считали наиболее вероятным ведение длительной и трудной войны, ход которой во многом будет зависеть от ее начального периода. Тухачевский отмечал: «Первый период войны должен быть еще в мирное время правильно предвиден, еще в мирное время правильно оценен, и к нему нужно правильно подготовиться». Другой видный военачальник А.И. Егоров говорил, что «...противник, применяя скрытую мобилизацию, может быстро сосредоточить сильную армию из крупных мотомеханизированных, пехотных, авиадесантных частей, конных масс и боевой авиации и внезапно вторгнуться на чужую территорию. Военные действия сразу охватят пространство на глубину 400—600 километров и нанесут значительный урон коммуникациям, военным складам и базам, воздушным и морским силам. Таким образом противник способен уничтожить войска прикрытия, сорвать мобилизацию в пограничных районах, помешать развертыванию армии, занять важные в экономическом отношении районы...»

В ноябре 1935 года ЦИК и СНК СССР присвоили новые воинские звания большой группе видных военачальников. Маршалами Советского Союза стали В.К. Блюхер, С. М. Буденный, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский. Звания командарма 1 ранга удостоились И.П. Белов, С.С. Каменев, И.П. Уборевич, Б.М. Шапошников, И.Э. Якир; командарма 2 ранга — Я.И. Алкснис, И.И. Вацетис, И.Н. Дубовой, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, А.И. Корк, М.К. Левандовский, А.И. Седякин, И.Ф. Федько, И.А. Халепский; флагмана флота 1 ранга — М.В. Викторов, В.М. Серов; флагмана флота 2 ранга — Л.М. Галлер, И.К. Кожанов.

В течение 1935—1936 годов был полностью переаттестован командный, политический и инженерно-технический руководящий состав армии и флота. Было увеличено денежное содержание комсостава. Армия отвечала на заботу народа высоким уровнем боевой подготовки. В 1935 году штаб РККА подготовил проект Наставления по ведению операций, который ликвидировал образовавшийся разрыв между оперативным искусством и тактикой. Основной упор делался на теорию глубокого боя (частей и соединений), операции (фронтовые и армейские масштабы). Все теоретические положения нашли быстрое применение в практике. Маневры 1935—1936 годов, на которых войска продемонстрировали высокую мобильность в наступлении и упорство в обороне, поразили не только политическое руководство страны, но и многих иностранных наблюдателей. На маневрах успешно действовали артиллерия и танки, авиация, инженерные войска и части химзащиты. Маневры изобиловали крупными сражениями танков. А выброска воздушного десанта просто потрясла присутствующих на маневрах военных атташе.

Заместитель начальника штаба французской армии генерал Луазо в 1935 году писал: «Я видел могучую, серьезную армию, весьма высокого качества и в техническом и в моральном отношении. Ее моральный уровень и физическое состояние достойны восхищения. Техника Красной Армии стоит на необычайно высоком уровне. В отношении танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте. Парашютный десант большой воинской части, виденный мною под Киевом, я считаю фактом, не имеющим прецедента в мире. Наиболее характерным, конечно, является теснейшая и подлинно органическая связь армии с населением, любовь народа к красноармейцам, командирам. Подобного мощного, волнующего, прекрасного зрелища, я скажу откровенно, не видел в своей жизни».

Английский генерал Уэйвелл, докладывая правительству о применении русскими на маневрах воздушного десанта, сказал: «Если бы я сам не был свидетелем этого, я бы никогда не поверил, что подобная операция вообще возможна».

Значительно позже, оценивая проведенные гитлеровцами воздушно-десантные операции, один из американских военных журналистов в газете «Нью-Йорк таймс» от 19 мая 1940 года писал: «Сочетание парашютных десантов, которые захватывают аэродромы, с посадочными десантами, использующими их, является страницей, вырванной из книги о Красной Армии, которая первая в широких масштабах продемонстрировала эти методы на маневрах 1936 года».

Мастер танковых атак и ударов Гейнц Гудериан обратил особое внимание на «действующие в глубину боевые группы, которые пре-

следуют оперативные цели, наносят удары против флангов и тыла и парализуют противника одновременно на всю глубину его обороны». В немецкой военной газете он писал: «Масса танковых сил должна целесообразно объединяться в боевые корпуса, как это имеет место в Англии и России...»

Все, что делалось тогда в нашей армии, значительно опережало развитие военной мысли в капиталистических странах. И как горько сейчас говорить о том, что к моменту решающих испытаний мы многое из того, что было сделано в те годы, растеряли, а то и преступно уничтожили своими руками.

Но было бы ошибкой считать, что преобразования в армии шли без особых препятствий. Трудности были, и немалые. Прежде всего мы снова начали отставать в модернизации вооружения и военной техники, создании перспективных образцов самолетов, танков, особенно средств связи. Не все было гладко и в подготовке командного состава, особенно высшего. Эта категория военачальников должна была в совершенстве знать боевые и оперативные возможности соединений, объединений, родов войск, видов вооруженных сил, владеть искусством их применения в операциях, кампаниях, войны в целом. Они должны были обладать даром предвидения в развитии военного дела, строительства армии и флота.

И хотя в стране имелось уже 13 военных академий, теоретические разработки и практические мероприятия по подготовке и ведению операций с применением больших масс войск, авиации, танков, воздушных десантов и управления ими нигде, кроме Генерального штаба РККА, не проводились. В войсках и штабах округов просто не было специалистов такого масштаба.

Особенно наглядно эти недостатки выявились при проведении наркомом обороны Ворошиловым большой военно-стратегической игры. Непосредственно ею руководил начальник Генерального штаба РККА Егоров. Кроме руководящих работников Генштаба и наркомата в игре участвовали командующие войсками ряда округов, их начальники штабов, начальники всех академий. За «красную» сторону играли: в роли командующего Северо-Западным фронтом командующий войсками Ленинградского округа Шапошников, Западного фронта — командующий войсками Белорусского округа Уборевич, Юго-Западного — начальник штаба Киевского военного округа Д.А. Кучинский. Армиями во фронтах командовали начальники академий и командующие внутренних округов. За «синих» — противника — играли заместитель наркома обороны Тухачевский и командующий войсками Киевского округа И.Э. Якир.

Игра прошла с большим напряжением и серьезными просчетами с обеих сторон. На разборе выяснилось, что ошибки и сбои происходили в основном из-за отсутствия у участников единства

взглядов по ряду оперативно-стратегических вопросов. Озабоченное этим руководство Вооруженных Сил собирает 15 февраля 1936 года расширенный Военный совет, который после долгих дебатов признал необходимым создать для подготовки командиров высшего звена и развития оперативно-стратегических проблем специальное высшее военное учебное заведение.

2 апреля 1936 года ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров, рассмотрев представление Наркомата обороны, принимают решение «создать в Москве Академию Генерального штаба РККА». Срок обучения определяется в полтора года, количество слушателей — 250 человек. 11 апреля 1936 года вышел приказ наркома обороны СССР о создании академии и подчинении ее непосредственно начальнику Генерального штаба. В приказе говорилось, что Академия Генерального штаба является высшим военно-учебным заведением, предназначенным для подготовки высококвалифицированных командиров на высшие командные должности и для несения службы в Генеральном штабе, в крупных общевойсковых штабах и органах высшего командования. Академия должна была готовить командиров с широким оперативным кругозором, способных разрабатывать и осуществлять на практике армейские, фронтовые и более крупные операции. Кроме того, академия должна была разрабатывать вопросы теории стратегии и оперативного искусства. В положении об академии указывалось, что «профессорско-преподавательский состав подбирается из числа наиболее квалифицированных кадров преподавательского состава и общевойсковых командиров... Для чтения лекций по отдельным вопросам программы, а также проведения отдельных оперативных игр привлекаются руководящие командиры Генерального штаба РККА, начальники центральных управлений НКО и командующие войсками округов.

Начальником и комиссаром академии был назначен один из талантливых командиров Красной Армии — начальник штаба Киевского военного округа комдив Дмитрий Александрович Кучинский. Человек высокой культуры, он отличался не только серьезными военно-теоретическими знаниями, но и большими организаторскими способностями. Для преподавания в академию были направлены лучшие военные силы: опытные военачальники, передовые педагоги и методисты из других академий. Среди них комкоры М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.И. Верховский; комдивы Я.Я. Алкснис, П.И. Вакулич, В.А. Меликов, В.К. Мордвинов, И.Х.Паука, А.А. Свечин, Е.Н. Сергеев, Н.Н. Шварц; дивинженер Д.М. Карбышев; комбриги А.И. Готовцев, М.И. Дратвин, П.П. Ионов, Н.И. Трубецкой, Г.С. Иссерсон и другие.

Основной стала кафедра армейских операций, которая впоследствии развернулась в кафедры оперативного искусства и страте-

гии. Здесь изучались армейские и фронтовые операции, теория военной стратегии, операции ВВС, ВМФ и взаимодействие их сил с общевойсковыми армиями. Теорию и практику подготовки и ведения боя корпусами всех родов войск преподавали на кафедре тактики высших соединений. Серьезная научно-педагогическая работа велась и на кафедрах организации и мобилизации, военной истории, социально-экономических предметов и иностранных языков. За короткий срок было создано первоклассное военно-учебное и научное заведение.

Тем же самым приказом наркома обороны предписывалось командующим войсками военных округов и начальникам главных и центральных управлений НКО подобрать кандидатов на учебу из числа лучших командиров, окончивших одну из военных академий, отлично проявивших себя на практической работе.

Когда Ватутина вызвал командующий войсками округа и тот, войдя в кабинет, увидел там начальника управления кадров, сердце его забилось радостно и тревожно. «Наконец-то», — подумал он, будучи в полной уверенности, что получит «добро» на один из своих многочисленных рапортов об отправке в Испанию. Но слова командующего разочаровали Ватутина.

— Вы направляетесь на учебу в только что созданную Академию Генерального штаба. Приказ наркома об ее создании только что пришел. Набирают лучших из лучших со всей армии. Командование округа оказывает вам высокую честь, товарищ полковник. Впрочем, вы можете отказаться, но предупреждаю, что это никоим образом не повлияет на ход вашего рапорта об отправке в Испанию. Советую ехать в академию. Учитесь, пока есть возможность...

Николай Федорович понял, что о поездке в Испанию надо забыть, а отказываться от такой академии было просто нелепо.

— Есть, отправиться на учебу! — отрапортовал он, к общему удовлетворению присутствующих.

Дома предстоящей поездке в Москву обрадовались несказанно. Особенно дети. Подлила масла в огонь Татьяна Романовна, начавшая рассказывать, какое интересное в Москве метро, какие парки, музеи, цирк... Без долгих хлопот, все с тем же чисто символическим багажом отправились Ватутины в Москву.

Академия размещалась в двух зданиях по Большому Трубецкому переулку, выходящему на Большую Пироговскую улицу. В одном здании находились командование, отдел политической пропаганды, кафедры, учебный и научно-исследовательские отделы, лекционные аудитории и учебные классы, библиотека, спортзал. В другом — общежитие для слушателей, поликлиника, столовая, детский сад. Татьяне Романовне большая светлая комната, кухня, ванная комната и все остальное показались раем. За де-

сять лет совместной жизни Ватутины еще не жили в таких прекрасных условиях. Радовались дети. Да и Николай Федорович не скрывал своего удовлетворения. Он уже не мог дождаться дня начала занятий.

Следует отметить, что 138 командиров первого набора были действительно лучшими из лучших. Вместе с Ватутиным слушателями академии стали: комбриги Л.А. Говоров, П.А. Курочкин, Г.К. Маландин; полковники А.И. Антонов, И.Х. Баграмян, А.М. Василевский, А.И. Гастилович, В.Д. Грендаль, М.В. Захаров, В.В. Курасов, А.П. Покровский, К.Ф. Скоробогаткин, А.В. Сухомлин, С.Г. Трофименко, Н.И. Четвериков, А.И. Шимонаев; майоры М.И. Казаков, Л.М. Сандалов. Почти все они через несколько лет, в годину суровых испытаний, будут командовать армиями, фронтами, руководить крупнейшими штабами, станут прославленными военачальниками.

Многие слушатели знали друг друга по совместной службе, учебе в академиях, и у них очень быстро сложился дружный коллектив. Слушателей и преподавателей переодели в специальную форму одежды. На кителях и шинелях — черные бархатные воротники с белой окантовкой, фуражки с малиновым околышем, на брюках — малиновые лампасы с белым кантом. Татьяна Романовна, когда увидела мужа в новой форме, только всплеснула руками...

1 ноября 1936 года состоялось открытие академии. На торжественный акт прибыл начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза Егоров, некоторые руководители Наркомата обороны, представители других академий, общественности столицы. Торжественное собрание открыл комдив Д.А. Кучинский, он предоставил слово начальнику Генерального штаба. На трибуну поднялся Александр Иванович Егоров. Он говорил о сложной международной обстановке, задачах, которые ставят партия и правительство перед академией, призвал преподавателей и слушателей к упорной, напряженной и творческой работе. Потом с поздравлениями выступили представители других академий, военных округов, жены комсостава. В ответном слове Кучинский поблагодарил всех и обещал выполнить наказ партии.

5 ноября 1936 года на торжественном собрании академии было вручено Боевое Красное знамя и грамота ЦИК СССР.

Сразу после октябрьских праздников начались занятия. Учитывая теоретические знания и большой практический опыт слушателей, основной упор делался на самостоятельную подготовку.

Учебный год разбивался на три семестра. В первом главное внимание уделялось изучению вооружения и боевой техники, способов их применения дивизией, корпусом. Слушатели в группах по 15 человек сразу после курса лекций приступили к практической отработке на картах боевых действий стрелковых, механизирован-

ных, кавалерийских корпусов в различных видах и фазах сражения. Обучаемые решали задачи, попеременно меняясь в должностях командиров и начальников штабов дивизий, корпусов. Особое внимание уделялось вопросам взаимодействия с другими родами войск и частями обеспечения и обслуживания. Изучались полевые уставы, тактика и вооружение иностранных армий.

Обучение в Академии Генерального штаба для Ватутина стало вершиной непрерывного образовательного цикла, который он продолжал уже самостоятельно до последних дней жизни. Николай Федорович сам впоследствии признавался, что учился легко, с огромным желанием. Привычка учиться, постоянное недовольство собой, высокоразвитое чувство самокритичности позволили ему, особенно потом, на высших должностях, избежать таких типичных даже для талантливых людей ошибок, как самоуспокоенность и вера в свою непогрешимость.

Первый семестр закончился 4 февраля, и слушатели получили десятисуточный отпуск. Ватутины решили провести его в Москве. Николай Федорович, обычно работавший по двенадцать часов, позволил наконец дать себе передышку, походить с детьми по Москве, просто поиграть с ними. Кроме того, не хотелось прерывать курс лечения, который начал проходить Витя. Татьяна Романовна подозревала, что муж не выдержит и засядет за учебники, но Николай Федорович дал обещание и сдержал его. Сам сводил детей в Третьяковку, Пушкинский музей, на Сельскохозяйственную выставку, не раз подолгу гулял с ними на Красной площади. Вечерами ездил с дочерью на каток, пересмотрел с ребятами все немногочисленные в то время кинофильмы. Одним словом, отдохнули хорошо.

Второй семестр предусматривал освоение армейских операций с участием всех видов вооруженных сил и родов войск. Особое внимание уделялось теории глубокой операции. Учебных пособий по ведению армейских операций тогда, по сути дела, не было. Слушателям приходилось вместе с преподавателями создавать новую теорию. Очень скоро многие разработки академии по армейским операциям в соответствии с указаниями Генерального штаба стали рассылаться в войска, другие академии, управления Наркомата обороны. Академия реально становилась важнейшим военно-научным центром РККА.

Зимой слушатели досконально изучили стратегию боевых действий соединений и теорию армейских операций. С наступлением весны практические вопросы стали отрабатываться не только на картах, но и на местности. Начались ежедневные полевые занятия, на которых во всех группах вырабатывалось умение глубоко оценивать обстановку, принимать решения на операцию, бой.

Так же, как в первом семестре, при проведении оперативных игр на картах, каждый слушатель пробовал свои силы в различ-

ных должностях в полевом управлении армии: оператора, разведчика, начальника связи, даже начальника рода войск или службы. Ну и, конечно, командира и начальника штаба. Из всех докладов выбирались самые-самые смелые, оригинальные, и на их основе разрабатывались основные документы. Ватутин и здесь выделялся в лучшую строну. Достаточно сказать, что его в числе немногих слушателей преподаватели привлекли к работе в качестве помощника руководителя занятий и посредника на учениях. А через некоторое время вместе с А.И. Антоновым, А.М. Василевским, Л.А. Говоровым и М.В. Захаровым Николай Федорович назначается руководителем военных игр в группах.

Весь период обучения слушатели чувствовали на себе пристальное внимание Генерального штаба, руководства Наркомата обороны. Многие военачальники часто посещали академию, выступали с лекциями, докладами.

Большое впечатление произвели на слушателей показные военные игры на картах, проведенные командующим войсками Белорусского военного округа Уборевичем «Прорыв подготовленной обороны противника» и командующим войсками Киевского военного округа Якиром «Ввод в сражение механизированного корпуса». Блестяще владея материалом, используя только карты, схемы и личные записи, эти военачальники аргументированно и доходчиво раскрыли суть глубокой операции, показали, как новая теория находит практическое воплощение в деятельности войск. Слушая прославленных маршалов и командармов, Николай Федорович даже не мог подумать, что видит их в последний раз, что через несколько месяцев ему и его друзьям предстоит занять их место.

С 1 июня по 15 июля 1937 года, перед заключительным семестром, слушателям предоставили очередной отпуск.

Ватутины впервые поехали на курорт. Теплое, ласковое море, солнце, неповторимая красота сочинского побережья навсегда запомнились Николаю Федоровичу. Это был последний отпуск, который он использовал.

В последнем семестре состоялись поездки на Балтийский и Черноморский флоты, где слушатели знакомились с боевыми кораблями различных классов, их вооружением, боевыми возможностями и способностью взаимодействовать с сухопутными войсками на Приморском ТВД. На Украине, в приграничном районе, для слушателей организовали оперативное командно-штабное учение со средствами связи. Из них сформировали армейские управления сокращенного состава; за штаб фронта, командиров дивизий и корпусов подыгрывали преподаватели. После этого слушателей привлекли к участию в крупном учении войск Киевского военного округа. Они работали в армейских и корпусных штабах концевыми посредниками. После учений предстояла подготовка к экзаме-

нам и завершение первого курса. К сожалению, наиболее подготовленным слушателям не пришлось закончить курс обучения в академии.

Совершенно неожиданно в августе—октябре 1937 года более 30 слушателей были отозваны из академии и назначены на высокие командные должности. Полковник А.М. Василевский последовательно назначается преподавателем кафедры оперативного искусства академии, начальником кафедры Тыла и затем начальником отдела Оперативного управления Генерального штаба. Полковник А.И. Антонов назначается начальником штаба Московского военного округа, полковник М.В. Захаров — начальником штаба Ленинградского военного округа, полковник С.Г. Трофименко — начальником оперативного отдела штаба Киевского военного округа, полковник Л.М. Сандалов — начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа. Заместителем начальника штаба Киевского военного округа стал и Николай Федорович Ватутин.

В то лето многие получили неожиданные назначения, но еще больше лишилось не только постов, званий, но и жизни. По стране прокатилась волна чудовищных беззаконий, репрессий. Ушли в небытие сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Не минула сия горькая чаша и Вооруженные Силы.

Начав репрессии против ленинской гвардии, видных партийных, хозяйственных работников, деятелей культуры, да и простых людей, Сталин не мог не коснуться армии. Более того, он считал совершенно необходимым найти и разоблачить «врагов народа» прежде всего в Красной Армии, сменить, уничтожить старое военное руководство, обезопасить себя от реальной силы, способной противостоять ему в борьбе за власть. Авторитет Сталина в партии и народе был огромен, спорно говорить о каком-то военном заговоре. И тем не менее...

Через двадцать лет на XX съезде партии Н.С. Хрущев впервые заявил, что немцы через свои спецслужбы подбросили сфабрикованные документы — «доказательства» заговора, возглавляемого маршалом Тухачевским и другими видными военачальниками, а также сведения об их сотрудничестве с немецким генеральным штабом. Немецкая разведка рассчитывала на подозрительность, мнительность, жестокость Сталина и не без оснований.

Вопрос о том, существовал ли «заговор» Тухачевского, до сих пор остается открытым. Что там ни говори, а есть свидетельство известной спутницы жизни Маяковского Лили Брик, в те годы жены одного из «заговорщиков» — Виталия Примакова, командующего войсками Ленинградского военного округа. На их даче не раз тайно собирались те, кого Сталин вывел на знаменитые военные процессы 1937—1938 годов. До сих пор не верится, что

эти мужественные, не раз глядевшие в лицо смертельной опасности люди, могли согласиться с теми обвинениями, которые им были предъявлены на процессах, если бы не чувствовали за собой хоть какой-то вины. Нет, не исключена попытка создания оппозиции, если не самому вождю, то его приспешникам. Но это только предположения, делающиеся на основе тех сфабрикованных документов, которыми располагал Сталин. Тщательно исследовавший эту проблему германский историк И. Пфафф, использовавший архивы, мемуары государственных, политических и военных деятелей, пишет в своей работе: «Представляется достоверным, что Гейдрих приблизительно в середине декабря 1936 года доложил Гитлеру свой план дать ход фальшивым документам, которые должны были подтвердить существование мнимых связей Тухачевского с германским генштабом». В качестве передаточного звена гитлеровская разведка выбрала Чехословакию. Ставка была сделана продуманно и безошибочно: СССР и Чехословакию связывал договор о дружбе и взаимной помощи. Сама Чехословакия была объектом большой игры фашистских правителей и западных демократий. И фальшивые документы, попавшие в руки президента Чехословакии Бенеша, не могли не взволновать его.

Трагична ошибка чехословацкого президента, но она произошла. 7 мая 1937 года Бенеш уведомил в Праге советского посла Александровского о существовании в СССР «военного заговора», а 8 мая переслал все документы по этому вопросу Сталину.

Сталин получил-таки «доказательства», которые так долго ждал. 11 мая 1937 года по его приказанию первая группа военных «заговорщиков» была арестована, и уже через месяц по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были осуждены и расстреляны Тухачевский, Уборевич, Путна, Эйдеман, Корк, Примаков. Позднее их судьбу разделят и судьи — Егоров, Блюхер, Дыбенко, Белов и другие. 44 тысячи командиров и политработников различного ранга (более половины всего командного состава РККА) унесла с собой волна сталинских репрессий. Пострадали их дети, жены, родственники. Из пяти маршалов репрессировали трех, из четырех командармов 1 ранга — двух, всех 12 командармов 2 ранга, из 67 комкоров — 60, 136 комдивов из 199, 221 комбрига из 397.

И это все за три с небольшим года до начала кровопролитнейшей войны! Кто их заменил? Лейтенанты стали командирами полков, майоры — командирами дивизий. Все они стремились постигнуть сложнейшие задачи, поставленные перед ними жизнью, но далеко не все сумели подняться за короткое время до уровня настоящих военачальников.

Практически погиб весь высший состав Вооруженных Сил. Насколько же должен быть силен, талантлив народ, если он сумел дать новое поколение командиров, которому предстояло выдержать мощнейший удар гитлеровской военной машины и победить. Жуков, Конев, Василевский, Рокоссовский, Малиновский, Толбухин, Черняховский, Говоров, Мерецков — вот только самые знаменитые из них. В этот список можно смело поставить и Николая Федоровича Ватутина.

Сейчас, анализируя причины неудач, особенно в начале войны, мы вновь вспоминаем имена погибших в те годы военачальников. Безусловно, гибель их трагична, почти невосполнима для армии. Но, когда некоторые журналисты, историки бросаются в другие крайности, видят причину всех бед только в том, что во главе фронтов, Генерального штаба стали молодые и еще недостаточно опытные военачальники, хочется предостеречь от скороспелых выводов. В этой связи небезынтересно привести мнение на этот счет одного из полководцев Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза И.С. Конева, высказанное им через двадцать лет после окончания войны известному писателю К.М. Симонову. Симонов пишет: «Что касается первой проблемы — уничтожения головки армии, — он (Конев. — *С.К.*) высказался более подробно. По его мнению, когда берут эту проблему отторженно и педалируют на ней, изображая дело так, что если бы десять, двенадцать, пять или семь человек не были бы оклеветаны и не погибли бы в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, а были бы во главе армии к началу войны, то вся война выглядела бы по-другому, — это преувеличение. С его точки зрения, если оценивать военный опыт, военный уровень и перспективы этих людей, то тут нужно подходить индивидуально к каждому.

Блюхер, по его мнению, был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от Гражданской войны и принадлежал к той категории, которую представляли собой к началу войны Ворошилов, Буденный и некоторые другие конармейцы, жившие несовременными, прошлыми взглядами. Представить себе, что Блюхер справился бы в современной войне с фронтом, невозможно. Видимо, он с этим справился бы не лучше Ворошилова или Буденного. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил...

Тухачевский, по мнению И.С. Конева, человек даровитый, сильный, волевой, теоретически хорошо подготовленный. Это его достоинства. К его недостаткам принадлежал известный налет авантюризма, который проявился еще в Польской кампании, в сражении под Варшавой. И.С. Конев говорил, что он подробнейшим образом изучал эту кампанию, и, каковы бы ни были ошибки

Егорова, Сталина на Юго-Западном фронте, целиком сваливать на них вину за неудачу под Варшавой Тухачевскому не было оснований. Само его движение с оголенными флангами, с растянувшимися коммуникациями и все его поведение в этот период не производят солидного положительного впечатления. По мнению И.С. Конева, некоторые замашки бонапартистского оттенка были у Тухачевского и потом. Но главным недостатком Тухачевского он считает, что тот не прошел ступень за ступенью всю военную лестницу, и хотя некоторое время был командующим округом, но непосредственно войсками командовал мало, командного опыта после Гражданской войны имел недостаточно. Тем не менее если подводить итоги, то Тухачевского можно представить себе на одном из высших командных постов во время Великой Отечественной войны с пользой для дела.

Якир, по мнению Конева, человек умный, со способностями, но без настоящей военной школы, без настоящего военного образования, человек, не лишенный блеска, но не обладавший сколько-нибудь основательным военным опытом для руководства операциями крупного масштаба. Его Конев с трудом представляет себе, скажем, в роли командующего фронтом на Великой Отечественной войне.

Егорова и Корка он считает людьми средних способностей, образованными, знающими, выдержанными, но не блиставшими сколько-нибудь заметными военными дарованиями. Дыбенко и Белова он относит к той же категории людей, таких, как Ворошилов и как Буденный, которые в военном отношении были целиком в прошлом, в Гражданской войне, и, будь они живы, они были бы обречены на то, чтобы показать в условиях большой войны свою отсталость и беспомощность.

Самым крупным военным деятелем из числа всех погибших И.С. Конев считает Уборевича, оценивает его чрезвычайно высоко. Высоко оценивает его опыт в период Гражданской войны. Высоко оценивает его как командующего округом, как человека прекрасно знающего войска, пристально и умело занимавшегося боевой подготовкой, умевшего смотреть вперед и воспитывать кадры. Плюс ко всему сказанному, по мнению И.С. Конева, Уборевич был человеком с незаурядным военным дарованием, в его лице наша армия понесла самую тяжелую потерю, ибо этот человек мог и успешно командовать фронтом, и вообще быть на одной из ведущих ролей в армии во время войны.

Потом И.С. Конев говорил о том, что в общем в Отечественную войну, которая произвела отбор кадров, выдвинулись люди хотя в большинстве своем участвовавшие в Гражданской войне, но без громкого прошлого за плечами. Это прошлое на них не давило, не навязывало им своих концепций, не заставляло смотреть назад — в

Гражданскую войну. Они заканчивали оформляться как военачальники уже после Гражданской войны, проходили одну за другой нормальные ступени службы и именно поэтому шли вперед, а не останавливались на месте и не жили старым. И то, что из числа именно этих людей выдвинулись все ведущие кадры Великой Отечественной войны, не случайно...»

Сам Симонов, комментируя высказывания маршала Конева, сделал довольно убедительный вывод: «Определение меры ущерба, нанесенного армии арестами тридцать седьмого — тридцать восьмого годов, выбытием огромного количества командных кадров, в том числе высших, — проблема очень сложная психологически. К ней надо подходить очень осторожно и очень справедливо. В конце концов надо взять как аксиому, что по нашим представлениям, сложившимся к тридцать седьмому — тридцать восьмому годам, мы не можем делать окончательные выводы о том, как бы кто воевал в сорок первом году с немцами. Это один из коренных вопросов. Ответить на то, кто из погибших тогда людей как воевал бы с немцами, как мы и в какой срок победили бы немцев, будь бы живы эти люди, — все это вопросы, к сожалению, умозрительные.

В то же время существует факт непреложный, что те люди, которые остались, выросли в ходе войны и оказались у руководства армией, именно они и выиграли войну, находясь на тех постах, которые они постепенно заняли. И их право помнить об этом и относиться с известной горячностью и нервозностью к разговорам о том, что все бы пошло по-другому, если бы были живы те, кто погиб в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах.

Мне кажется, что справедливее ставить вопрос в другом аспекте. Неизвестно, как бы воевали Тухачевский или Дыбенко — беру крайние точки, — но не подлежит сомнению, что если бы тридцать седьмого — тридцать восьмого годов не было, и не только в армии, но и в партии, в стране, то мы к сорок первому году были бы несравненно сильней, чем мы были. В том числе и в военном отношении...»

Безусловно, записанные Симоновым рассуждения Конева сугубо субъективны, как субъективен и сам Симонов в своих комментариях, но зерно истины тут есть, и в будущих серьезных исследованиях они имеют право на существование. Действительно, дело ведь не только в тех десяти—пятнадцати крупных военачальниках, но и в десятках тысячах командиров, которые пошли вслед за ними на смерть. Армия же осталась без руководящего состава в той тяжелой атмосфере подозрительности, которая разлагала все и вся, лишала людей инициативы и самостоятельности. Наконец, говоря о жертвах тех лет, нельзя не вспомнить, что многие из них пожали то, что посадили и любовно взращивали. Разве можно забыть о том море крови, которое пролил славный большевик Иона Якир

при расказачивании на Дону и Кубани? А сколько невинных душ на совести интеллигентнейшего человека, любителя искусств, скрипичного мастера, атлета и жизнелюба красавца Михаила Тухачевского?! Ведь это он залил кровью мятежный Кронштадт, он отдавал приказ сметать с лица земли артиллерийским огнем вместе с жителями деревни восставшей Тамбовщины. Он, не поведя бровью, уже в тридцатом году расправился с группой военных специалистов старой школы, преподававших в советской академии. А что вытворяли Дыбенко, Смилга, целая плеяда «железных латышей»? Вспомнили ли они об этом, когда их вели в последний путь палачи Ежова и Берии?..

Николай Федорович всю ночь по дороге из Москвы в Киев не спал. Думал о неожиданном назначении, об арестах, не прекращавшихся ни на день. Было отчего растеряться молодому полковнику, только что назначенному на высокую должность. Врагами были объявлены те, с кого он долгие годы брал пример, арестовано все командование академии, более половины преподавателей, десятки его сокурсников, сослуживцев. Верил ли он в их вину? Не верил — свидетельствует Татьяна Романовна. Считал трагической, нелепой ошибкой, чьей-то злой волей, скрывавшей от вождя истинное положение дел. Вера в Сталина оставалась непоколебимой. Ее поддержал и скорый арест и осуждение, как многим тогда казалось, главного виновника всех бед — Н.И. Ежова. Мог ли тогда Ватутин подумать о том, что все это дело рук того, кого боготворила вся страна, что эти «ошибки» будут повторяться еще долгие годы и видные военачальники будут так же исчезать в бериевских подвалах, как и в ежовских? Даже в самые трудные месяцы войны, когда не только командиры, но и каждый солдат, каждая винтовка и штык были нужны, как воздух...

«Кому верить?» — в сотый раз задавал себе вопрос Николай Федорович, вглядываясь в пролетавшую мимо вагонных стекол темноту.

В штабе округа царила та же растерянность и подавленность. Только что прошли массовые аресты. Вакантные должности занимали вновь прибывшие командиры, зачастую даже не представлявшие, чем им придется заниматься. Обстановка усугублялась атмосферой всеобщей подозрительности. В этих условиях необходимо было отбросить все сомнения и, засучив рукава, браться за дело. Ватутин так и поступил, принявшись, по сути, за формирование нового коллектива. Приходилось учить людей штабной работе, возвращать им веру в свои силы, способности. Во многом его стараниями в штабе создавалась по-настоящему рабочая, творческая обстановка.

Вот выдержки из аттестации, полученной им в то время: «Товарищ Ватутин Н.Ф. идеологически устойчив, морально выдержанный, бдительный, беззаветно предан делу Ленина-Сталина и социалистической Родины. Умеет хранить военную тайну. Активно боролся с врагами народа и провел большую работу по ликвидации последствий вредительства. В партийно-политической работе принимает самое активное участие. Связан с массой, чутко относится к нуждам и запросам командного состава и красноармейцев. Правильно нацеливает и мобилизует парторганизацию и командный состав на выполнение поставленных задач».

Относительно активной борьбы с врагами народа в архивных материалах данных не обнаружено. Видимо, эта фраза являлась обязательным атрибутом и служила пропуском на благонадежность, ибо повторяется во всех без исключения аттестациях того времени.

Да и некогда уже было заниматься врагами народа. Даже Сталин, зная, насколько обескровлена армия в преддверии большой войны, беспокоился, с какими военачальниками встретит суровые испытания. И хотя оставался верен своему принципу — незаменимых людей нет, начал исподволь приглядываться к оставшимся кадрам, брать на заметку людей для будущего выдвижения. Так постепенно его пристальное внимание стали ощущать на себе Жуков, Павлов, Конев, Попов, Мерецков, Василевский, Ватутин и другие. В армию в срочном порядке возвратили некоторых еще не сломленных пытками репрессированных военачальников. Они помогли молодежи поднять армию. Не будь их, трудно сказать, с какими бы итогами кончилась смертельная схватка с фашизмом.

НАКАНУНЕ

В конце 1938 года комбриг Ватутин назначается начальником штаба Киевского Особого военного округа. Название особых получили тогда все западные приграничные округа. Войска таких округов должны были отличаться особенно высокой боевой готовностью. В округе знали, что Ватутин сам готовит и проводит учения, а значит, следует ожидать всяких неожиданностей и новшеств. Знали, что энергичный, всезнающий начальник штаба потребует самостоятельных, оригинальных решений, что обстановка на учебном поле будет приближена к боевой.

Ватутин любил поднимать войска и штабы по боевой тревоге с непременным выводом их в поле. В работе штаба округа он не терпел волокиты, формализма и бюрократизма. Сам работал оперативно и четко. В разговоре с подчиненными он был неизменно спокоен, корректен, не торопил их, не одергивал, терпеливо объяснял непонятное, показывал, учил. Все это поднимало его авторитет, вызывало не только уважение к нему, но и любовь. Вместе с тем войска чувствовали, что штаб округа возглавил энергичный, требовательный, высокообразованный начальник.

1938 год начался с аншлюсса Австрии. Гитлер исподволь готовил эту акцию. 4 февраля в результате реорганизации руководства рейха и вермахта он сосредоточил в своих руках функции главы государства и верховного главнокомандующего. В феврале он приглашает к себе в резиденцию в Берхтесгаден австрийского канцлера Шушнига и, шантажируя готовностью немецкой армии к вторжению в Австрию, вынуждает его подписать протокол, который предусматривал контроль Германии над внешней политикой Австрии, легализацию нацистской партии в стране и предоставление ее функционерам ключевых позиций в правительстве.

Фактически это означало конец независимости Австрии. Австрийский народ, возмущенный планом присоединения к Германии, выступил с требованием плебисцита. Гитлер вновь пригрозил вторжением, а когда австрийское правительство обратилось за помощью к Англии и Франции, то получило отказ и уже 11 марта капитулировало. На следующий день вермахт перешел австрийскую границу, а 14 марта Гитлер подписал указ об объявлении Ав-

стрии провинцией рейха. Проведенный через месяц референдум был полностью фальсифицирован нацистами. Впрочем, западные державы не стали дожидаться его и признали захват Австрии законным, сделав вид, что не заметили исчезновения независимого государства.

Протестовало только правительство СССР. Гитлер же еще более уверовал в свою безнаказанность. Территория Германии увеличилась на 17 процентов, население — почти на 7 миллионов человек. Австрийская экономика была полностью подчинена интересам Германии.

Через месяц с небольшим Европу вновь охватила тревога, связанная с угрозой германского вторжения в Чехословакию. Сначала Гитлер, опираясь на пятую колонну в стране, хотел повторить австрийский вариант, хотя имел наготове план внезапного нападения «Грюн». Но он побаивался, что Чехословакию поддержат союзники, а воевать с коалицией стран Германия была не в состоянии. Поэтому он очень надеялся на интриги, угрозы, подрывную деятельность. Кроме того, Гитлер не сомневался, что Запад все же отдаст ему Чехословакию. Правда, сначала эта уверенность несколько поколебалась. Чехословацкое правительство объявило частичную мобилизацию — под ружье встало более 180 тысяч человек, которые вместе с регулярной армией заняли первоклассные укрепления в пограничных районах. Чехословакия могла рассчитывать и на Советский Союз, с которым была связана дружественным договором, на Англию, Францию, Польшу. Казалось бы, позиция твердая, но никто из этих стран, за исключением СССР, не думал протянуть руку помощи Чехословакии. Более того, стремились помешать ее оказанию. Так, польский посол во Франции Лукисевич заверял американского посла Буллита, что Польша немедленно объявит войну Советскому Союзу, если он попытается направить войска через польскую территорию для помощи Чехословакии, и что советские самолеты, если они появятся над Польшей по пути в Чехословакию, тотчас же будут атакованы польской авиацией.

Западные страны, стремясь любым путем избежать военного конфликта, усиливали нажим на правительство Чехословакии, рекомендуя договориться с лидером немецкого меньшинства страны Генлейном. Всю весну и лето длились эти странные переговоры. К сожалению, чехословацкое правительство в основном ориентировалось на Запад. По-прежнему западные демократии пугал призрак коммунизма, да и репрессии последних лет в СССР не укрепляли авторитет нашего государства. В беседе с английским посланником Ньютоном президент Бенеш прямо заявил: «Отношения Чехословакии и России всегда были и будут второстепенным фактором, зависящим от позиции Франции и Англии... Если Западная Европа

потеряет интерес к России, Чехословакия также утратит к ней интерес. Мысль о допуске советских войск на территорию Чехословакии Бенеш просто считал «ослоумием» и невообразимой глупостью.

А Гитлер интриговал, настаивал, угрожал. Как известно, дело кончилось тем, что на Мюнхенской конференции западных держав 29—30 сентября 1938 года Англия и Франция согласились передать Германии Судетскую область Чехословакии. Документ подписали Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье. Чехословацкая делегация ждала решения своей судьбы у закрытых дверей. Вот когда бы президенту Бенешу надо было подумать об «ослоумии»! До сих пор остается загадкой, в том числе и для чехословацкого народа, как могла без малейшего сопротивления капитулировать страна, обладавшая мощным потенциалом, современными вооруженными силами. Германия располагала к тому времени 47 дивизиями, из которых план «Грюн» предусматривал использовать только 39. Чехословакия имела 45 дивизий, под ружьем находилось 2 млн человек, на вооружении — 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий. Пограничные укрепления представляли собой систему мощнейших фортов, против которых были бессильны 210-мм крупповские орудия. На Нюрнбергском процессе один из бывших руководителей вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель заявил: «Я твердо убежден, что, если бы Даладье и Чемберлен сказали в Мюнхене: «Мы выступим», мы ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям. У нас не было сил, чтобы форсировать чехословацкую линию укреплений, и у нас не было войск на западной границе».

Только Советский Союз проводил подготовительные мероприятия, чтобы в случае необходимости оказать быструю и эффективную помощь своему союзнику. Приказом наркома обороны на территории Киевского и Белорусского Особых военных округов срочно формировались армейские группы. В Киевском округе их было четыре: кавалерийская, Одесская, Винницкая и Житомирская. Первая представляла собой подвижное объединение в составе двух кавкорпусов, танковых, артиллерийских и других частей усиления. Остальные три группы являлись объединениями армейского типа и включали в свой состав несколько стрелковых дивизий, танковые бригады, артиллерийские части.

Ватутин, как начальник штаба округа окунулся в эту сложнейшую работу. Формирование новых объединений проходило на фоне оперативно-стратегической игры руководящего состава. Проводили игру командующий войсками С. К. Тимошенко и начальник штаба Ватутин. Николай Федорович неделями не бывал дома. Под видом учений заканчивалась подготовка войск к ведению боевых действий. 21 сентября по прямому проводу Военный совет округа

получил директиву наркома, которая требовала начать выдвижение к государственной границе крупных группировок войск: Житомирской армейской группы в составе 8-го и 15-го стрелковых и 2-го кавалерийского корпусов — в район Новоград-Волынский, Шепетовка; Винницкой группировки в составе 17-го стрелкового, 25-го танкового и 4-го кавалерийского корпусов, двух отдельных танковых бригад — в район юго-западнее Проскурова.

Для доукомплектования стрелковых дивизий до штатов военного времени разрешалось призвать приписной состав по 8 тыс. человек на дивизию, мобилизовать лошадей и автотранспорт.

Для прикрытия и поддержки войск каждой армейской группе придавались по три авиационных истребительных полка, три полка скоростных и полк тяжелых бомбардировщиков. Истребительная авиация должна была действовать с передовых аэродромов, бомбардировочная — с постоянных.

В ночь на 21 сентября Ватутин доложил Тимошенко, что директива наркома доведена до войск в части, их касающейся, и те начали выдвигаться в указанные районы.

— Спасибо, Николай Федорович, — устало проговорил командующий и, вздохнув, вытер большим красным платком бритую голову. — В четыре часа докладываю в Генеральный штаб и сразу выезжаем в составе оперативной группы управления на временный командный пункт под Проскуров. Дома давно не был?

— Да уж почти неделю.

— Даже не знаю, успеем ли захватить что-нибудь из вещей.

— Мое все при мне,— улыбнулся Ватутин.

— Это хорошо, но домой приказываю заехать. Хоть на детей посмотри...

Николай Федорович за время совместной службы знал командующего как чрезвычайно требовательного, подчас сурового человека, но всегда чувствовал его внутреннюю душевную доброту и деликатность.

Сын бессарабского крестьянина, бывший солдат царской армии, Семен Константинович вырос в годы Гражданской войны до начдива 6-й, а потом 4-й кавдивизий знаменитой 1-й Конной армии. Казалось, он самой природой создан для военной службы — высокого роста, стройный, с широко развернутыми плечами, выправкой и статью он напоминал знаменитых дворцовых гренадеров. Но не только внешностью выделялся Тимошенко. В армии он считался одним из хорошо разбирающихся в вопросах боевой подготовки и обучения войск, требовательных командиров. Конечно, ему не хватало таланта, эрудиции, высокой военной образованности и культуры, которой обладали Тухачевский, Уборевич, Шапошников, но по уровню военного мышления, широте взглядов намного опере-

жал других знаменитых конармейцев — Буденного, Ворошилова, Городовикова, Тюленева.

Ватутин многому научился у этого человека, и прежде всего твердости, высокой требовательности. Сейчас, глядя на усталое лицо командующего, Николай Федорович с глубокой благодарностью вспоминал их долгие беседы во время совместных ночных бдений.

— Обстановка серьезная,— продолжал Тимошенко.— Больше всего меня беспокоит управление. Как дела со связью?

— Из Проскурова установлена прямая связь с армейскими группами, штабом округа и Москвой. Кроме того, из Москвы на командный пункт направлена новейшая аппаратура и обслуживающий персонал...

— Это уже хорошо, но одной техники мало. Как-то поведут себя люди в боевой обстановке?

— Неужели начнутся боевые действия?

— Это во многом зависит от чехов, но, думаю, они у нас попросят помощи. Договор ведь не зря заключали...

Тимошенко ошибся в своих предположениях.

Советский Союз находился в полной готовности. 23 сентября нарком обороны и Генеральный штаб отдали директиву о приведении в полную боевую готовность части войск Белорусского Особого военного, вновь созданного Калининского военного округов и выдвижении к границе их оперативных объединений. Проводились организационные мероприятия и во внутренних округах. Всего в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад. Еще через пять дней начальник Генерального штаба Шапошников директивой приостановил увольнение в запас красноармейцев почти во всех округах. В тот же день нарком обороны Ворошилов доложил правительству СССР о готовности направить в Чехословакию 548 самолетов. Но чехословацкое правительство предпочло принять мюнхенский диктат. Войска Красной Армии, простояв у своих западных границ до 25 октября 1938 года, возвратились в места постоянной дислокации.

Гитлер же не намеревался останавливаться на достигнутом. 14 марта фашиствующие элементы провозгласили «самостоятельность» Словакии. В ночь на 15 марта 1939 года Гитлер, приняв в Берлине президента Чехословакии Гаху и министра иностранных дел Хвалковского, предъявил им ультиматум с требованием о недопущении всякого сопротивления вторжению германских войск. Гаха и Хвалковский приняли ультиматум, а также подписали договор, в котором заявляли, что «передают судьбу чешского народа и страны в руки фюрера Германской империи». 15 марта немецкие войска заняли Прагу.

В Праге жители чешской столицы не скрывали слез. А Гитлер ликовал. И было отчего. Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43 876 пулеметов, 469 танков, свыше миллиона винтовок, 114 тыс. пистолетов, 3 млн снарядов, миллиард патронов, другую военную технику. Этим оружием Гитлер в короткий срок вооружил сорок дивизий, а захваченные заводы Шкода до сентября 1939 года выпустили столько военной продукции, сколько вся английская военная промышленность за то же время.

22 марта 1939 года, навязав правительству Литвы договор, фашисты оккупировали Мемельскую область и порт Мемель (Клайпеда). На следующий день таким же кабальным договором Германия прибрала к рукам румынскую нефть. Маховик войны неотвратимо раскручивался, и уже ни для кого не было секретом, что следующим объектом агрессии будет Польша, окруженная со всех сторон германскими войсками. Гитлер прямо заявил своим генералам: «Оккупацией Чехословакии была создана основа для действий против Польши».

Все лето 1939 года шла дипломатическая борьба. Переговоры, интриги, но никто в мире не сомневался в агрессивных намерениях фашистской Германии. Вопрос заключался только в том, куда будет направлена агрессия. Советский Союз находился в сложном положении. Уже несколько месяцев военные вопросы стояли во главе угла. Порохом запахло не только на Западе, но и на Востоке. Еще в июле 1938 года японские войска в составе двух пехотных дивизий, пехотной и кавалерийской бригад, нескольких отдельных танковых полков и пулеметных батальонов при поддержке 70 самолетов вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан. 2 августа войска Дальневосточной армии начали наступление, и через неделю агрессор был изгнан с нашей территории. Не прошло и года, как японцы еще раз решили проверить силу Красной Армии и в мае 1939 года предприняли вооруженное нападение на территорию дружественной нам Монголии. Халхин-Гольский конфликт, потребовавший серьезного напряжения сил, едва не перерос в настоящую войну. В этих условиях вопрос коллективной безопасности стал главным, и Советский Союз предпринимал большие усилия, чтобы если не избежать, то оттянуть начало большой войны.

12 августа 1939 года в Москве начались секретные переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции. На них, по сути дела, стоял вопрос о создании антигитлеровской коалиции. В состав советской военной делегации вошли нарком обороны К.Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников, нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов, начальник ВВС РККА А.Д. Локтионов и заместитель начальника Генерального штаба И.В. Смородинов. Английскую делегацию возглавлял близкий к

королевскому двору единомышленник Чемберлена, ярый антисоветчик адмирал Р. Дракс. Кроме него в делегацию входили маловлиятельные деятели британской армии — маршал авиации Ч. Барнет, генерал-майор Т. Хейвуд. Еще менее представительной была делегация Франции. Во главе ее был генерал Ж. Думенк. Даже западные специалисты довольно скептически относились к составу своих делегаций. Так, американский историк У. Ширер писал: «Дракс по своим данным был абсолютно неспособным вести на высоком уровне переговоры с русскими, которых он считал пришельцами с другой планеты... Барнет ничего не понимал ни в вопросах большой стратегии, ни в дипломатии...»

По поводу французской делегации советский полпред сообщал в Москву, что «подбор по преимуществу из узких специалистов свидетельствует и об инспекционных целях делегации — о намерении в первую голову ознакомиться с состоянием армии».

Переговоры носили странный характер взаимного недоверия, хотя советская делегация, особенно в начальной стадии переговоров, стремилась всеми силами претворить в жизнь идею коллективной безопасности и обуздания фашизма. Партнеры по столу переговоров с самого начала придерживались директив и инструкций, выработанных правительствами Англии и Франции, их военными штабами. Суть их сводилась к следующему: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы в военном соглашении ограничиваться как можно более общими формулировками. Этому вполне соответствовало бы что-нибудь вроде согласованной декларации о политике».

В это же время гитлеровская дипломатия активизировала свои попытки войти в соглашение с советским правительством. Уже с 19 мая немецкое посольство в Москве сообщает о готовности возобновить прерванные в феврале 1939 года экономические переговоры с СССР. 30 мая немецкие дипломаты доводят до сведения советского правительства о готовности к улучшению советско-германских отношений. Правительство СССР отвечает, что решение этого вопроса в первую очередь зависит от самой Германии. На короткое время дипломатическое зондирование приостановилось, но уже 2 августа Риббентроп в беседе с советским поверенным в Берлине Г.А. Астаховым заявил, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов, намекая на возможность разграничения интересов в различных регионах. И вновь СССР отвергает это предложение. 14 августа немецкий посол в Москве Шуленбург делает советскому руководству устное заявление по проблеме советско-германских отношений. И вновь советское правительство не идет навстречу. Наконец в двадцатых числах августа, когда уже

под сомнением оказалась сама возможность договоренности с Англией и Францией, Германия предпринимает самую решительную попытку вступить в переговоры с Советским Союзом. В телеграмме, направленной советскому правительству 20 августа, прямо говорилось, что вот-вот начнется военный конфликт Германии с Польшей, в который несомненно будет вовлечен и Советский Союз. Гитлер в письме Сталину писал: «Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа. Имперский министр будет облечен всеми полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении».

Советскому правительству предстояло решить сложнейшую задачу. Конфликт на Халхин-Голе достиг к этому времени наивысшего напряжения, и от Германии во многом зависела возможность его перерастания в большую войну. На западе обстановка была более чем неясная, и при нападении Гитлера на Польшу, а возможно и на республики Прибалтики, становилась просто угрожающей. Минск, Псков, Ленинград находились в каких-то десятках километров от границы. Впоследствии даже английский историк Тойнби признал, что Советский Союз стремился остановить германскую агрессию как можно ближе к границам рейха, в то время как Гитлер хотел распространить «жизненное пространство» Германии возможно дальше на восток и «вырвать сердце из Советского Союза».

23 августа в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении сроком на десять лет. Последние исследования некоторых историков показывают, что и советским правительством не все было сделано для положительного завершения переговоров с Англией и Францией. Приводятся данные, что в беседе, состоявшейся 22 августа, генерал Думенк сказал об имеющихся у него полномочиях французского правительства «подписать военную конвенцию, где будет сказано относительно разрешения на пропуск советских войск в тех точках, которые вы сами определите, т. е. через Виленский коридор, а если понадобится в соответствии с конкретными условиями, то и пропуск через Галицию и Румынию». Вот оно, долгожданное согласие. Но глава советской делегации Ворошилов медлил, давая понять, что вопрос прекращения переговоров с Англией и Францией предрешен. В качестве доказательства приводится текст записки помощника Сталина Поскребышева, переданной Ворошилову через одного из адъютантов. В ней написано: «Клим, Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку». Ставится под сомнение и тезис о возможной войне на два фронта. Ведь не открыла же Япония боевых действий на Дальнем Востоке в тяжелейшие годы Отечественной войны! Высказывается мысль о глубоком уроне, который был нанесен престижу нашего государст-

ва союзом с фашистской диктатурой. И, наконец, что Гитлер просто не в состоянии был после захвата Польши идти войной на СССР!

Думается, все эти вопросы требуют очень серьезной и длительной проработки, изучения всех документов. Пока же можно поставить под сомнение и вновь выдвинутые гипотезы. Тот факт, что мы поторопились с заключением советско-германского пакта и сами оттолкнули от себя западные демократии, далеко не бесспорен. Это сейчас такая возможность просматривается. А в то время были только разговоры и обещания, которые не подкреплялись действиями. Возможность войны на два фронта с точки зрения того времени отнюдь не исключалась. Это сейчас легко рассуждать, как поступила бы Япония. И уж совсем странно заявление о невозможности для Гитлера продолжать движение на восток после Польской кампании. Ведь те же исследователи сами утверждают, что он прекрасно знал о невосполнимом уроне, нанесенном нашей армии чудовищными репрессиями последних лет, и значительном отставании в оснащении РККА новыми видами вооружения. Гитлер не мог не понимать, что Советскому Союзу нужно время для наращивания своей мощи. Да, плана «Барбаросса» еще не было, но как можно поручиться за то, что, оказавшись в нескольких километрах от Минска, гитлеровские дивизии остановились бы? И еще не известно, как повели бы себя Англия и Франция. Примером тому может служить «странная война», развернувшаяся через несколько месяцев на Западном фронте. Что же касается престижа и торопливости, то не грех вспомнить и о том, кто первый вступил в сговор с фашизмом. Ведь это западные демократии подарили Гитлеру Чехословакию. А англо-германская декларация, подписанная 30 сентября 1938 года, и франко-германская декларация от 6 декабря 1938 года, по сути дела, являлись договорами о ненападении. Так кто первый начал? И рассуждение о том, что советско-германский пакт спровоцировал Вторую мировую войну, совершенно бездоказательно.

1 сентября 1939 года германские танки пересекли польскую границу. Сотни самолетов обрушили свой смертоносный груз на польские города и села. Началась Вторая мировая война.

В этот же день внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о всеобщей воинской обязанности.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, и это только подстегнуло Гитлера к увеличению темпа наступления в Польше.

Начало войны, пусть даже в другой стране, на военного человека действует особенно, а если боевые действия идут недалеко от границ твоей Родины, да еще не исключена возможность нападения на нее, все чувства обостряются до предела. Поэтому в штабе

Киевского Особого военного округа жили и работали в полуфронтовом режиме. Третий год Ватутин не пользовался отпуском, да и выходные дни давно отмечал только на листке календаря. Татьяна Романовна уже давно привыкла к жесткому распорядку дня мужа, и лишь редкие минуты отдыха семья проводила вместе. Николай Федорович очень переживал, что почти не занимается детьми, что видит их большей частью спящими. Но, наверно, от этого он любил их еще больше. Дети отвечали ему такой же восторженной привязанностью.

Помимо службы Ватутину приходилось заниматься общественной работой. Как члена партбюро штаба округа его избирали делегатом на XV конференцию большевиков Украины, а там — в Центральную ревизионную комиссию ЦК КП(б)У. В эти дни Николай Федорович познакомился с первым секретарем компартии Украины Никитой Сергеевичем Хрущевым. Невысокого роста, плотный, с живыми, умными глазами, доброй улыбкой, в простенькой косоворотке и кепке, Никита Сергеевич быстро располагал к себе людей. Николай Федорович скоро понял, что за внешней простотой скрывается цепкий ум, природная сметка, государственный масштаб мышления. Хрущев глубоко вникал в жизнь округа, помогал его командованию, и Ватутину часто приходилось встречаться с ним. Мог ли он тогда предположить, что всего через каких-то четыре года Хрущев станет членом Военного совета фронта, которым придется командовать ему, Ватутину? Хрущев тоже обратил внимание на энергичного военного, активно работающего в ревизионной комиссии, по достоинству оценил его способность работать до самозабвения.

Сама обстановка требовала такого самозабвения. В день вступления в войну Англии и Франции Ватутин получил телеграмму наркома обороны, предписывающую задержать увольнение в запас выслуживших срок службы красноармейцев и прекратить отпуска командного состава. Все части и соединения приказывалось перевести в повышенную боевую готовность, развернуть системы связи.

Тимошенко, выслушав доклад Ватутина, нахмурил брови.

— Думаю, на этот раз столкновения не избежать,— сказал он озабоченно.

— Неужели с немцами? Может, с поляками, румынами?

— Все будет зависеть от того, как долго продлится Польская кампания. Каковы планы Гитлера? Повернет ли он войска на запад или... Идет-то он на восток...

— Полагаю, Польше долго не продержаться, по техническому оснащению и боевой подготовке личного состава ее армия значительно уступает вермахту. Много показухи, но ведь и немцы еще не были в настоящих боях. И все равно, думаю, немцы сильнее...

Николай Федорович не ошибся. Через два дня стало ясно, что главные силы польской армии разбиты и немецкие танки устремились к Варшаве. Из Москвы пришла новая директива — поднять войска округа по боевой тревоге и к 7 сентября начать широкомасштабные учебные сборы с призывом из запаса военнообязанных. Но события в Польше опережали все предварительные мероприятия Генерального штаба РККА, правительство Мосьцицкого самораспустилось и бежало к румынской границе. 7 сентября польский главнокомандующий генерал Рыдз-Смиглы покинул Варшаву, и уже на следующий день немецкие танки завязали бои на окраинах польской столицы. Судьба Варшавы была предрешена.

В Киеве на узле связи Ватутин принял новую директиву наркома обороны. Киевский округ развертывался в Украинский фронт в составе трех армий под командованием Тимошенко. Такая же метаморфоза произошла с Белорусским округом. Ни Ватутин, ни даже командующие новыми фронтами не знали, что вступают в силу секретные статьи советско-германского договора, по которому Польша делилась на сферы влияния теперь уже Гитлером и Сталиным. Для Ватутина и его товарищей было ясно лишь одно — намечается поход в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Как и год назад, началась большая оперативно-организационная работа. Тимошенко, Ватутин, штаб вновь созданного фронта не знали покоя ни днем, ни ночью. Контролировали передвижение и развертывание войск, оснащение их вооружением и военной техникой, занятие исходных районов. В районе Перча, Олевск, Белокоровичи разворачивался 15-й отдельный стрелковый корпус; в районе Новоград-Волынский, Славута, Шепетовка — 5-я армия; в районе Купель, Сатанов, Проскуров — 6-я армия; в районе Гусятин, Каменец-Подольский, Яромолинцы — 12-я армия. Сам штаб фронта Ватутин вывел на знакомый командный пункт в Проскуров.

17 сентября польскому послу в Москве была вручена нота, в которой говорилось, что советское правительство не может безразлично относиться к дальнейшей судьбе единокровных украинцев и белорусов и потому отдало распоряжение командованию Красной Армии «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Вот куда завели мир нерешительность и антикоммунизм западных демократий, безнравственность сталинских политиков и безумные планы Гитлера.

Ранним утром 16 сентября Ватутин получил директиву: к исходу дня войска фронта привести в полную боевую готовность и с утра 17 сентября перейти государственную границу, начать наступательные действия. Николай Федорович приказал немедленно со-

брать операторов, поставил задачу на подготовку карт, документов. Сам же засел за боевой приказ. Через час командующий фронтом подписал его.

Шепетовской группе И.Г. Советникова было приказано наступать в направлении Ровно, Луцк и к исходу второго дня овладеть Луцком. Волочиской группе Ф.И. Голикова предписывалось наступать на Тернополь, Львов и к исходу 18 сентября подойти к Львову. Каменец-Подольская группа И.В. Тюленева должна была двигаться на Чертков и на второй день овладеть Станиславом. Приказывалось предпринять все возможное, чтобы исключить применение оружия. Четкой договоренности с польским правительством не было, да и могло ли оно как-то повлиять на ситуацию, находясь за пределами своей страны? Между тем воздушная разведка доносила, что немцы подходят к Львову с юга, севернее идут бои на Западном Буге. Все дороги в направлении на восток и в Румынию забиты беженцами и отступающими войсками. Кое-где на польско-советской границе появились польские гусары, они устанавливали орудия, пулеметы. Агентурная разведка доносила, что простой народ ждет Красную Армию, кое-где уже созданы ревкомы, в городах формируется рабочая гвардия, а в деревнях — крестьянская милиция.

Эта ночь показалась Николаю Федоровичу бесконечной. Поминутно звонили телефоны, работали аппараты ВЧ, появлялись и исчезали связные. Наконец в 4 часа 30 минут в армии пошла короткая, но долгожданная команда, и ровно в 5 часов утра войска двинулись вперед.

Ватутин надолго засел на узле связи. Здесь же находились начальник оперативного отдела В.М. Злобин, начальники разведки и всех других служб. Скоро начали поступать донесения.

— Как дела? — отрывисто спросил вошедший Тимошенко.

— Пока все нормально, — доложил Ватутин. — Организованного сопротивления нигде не оказано. Войска продвигаются успешно. Взято много солдат и офицеров польской армии, орудия, пулеметы, другое вооружение. Еще больше беженцев...

— Меня больше всего беспокоит львовское направление, немцы могут нас упредить.

— Меня тоже, поэтому прошу разрешения убыть в 6-ю армию, чтобы на месте проконтролировать выполнение приказа и оказать командованию при необходимости практическую помощь.

— Торопишься ты в войска, Николай Федорович. А впрочем, если все пойдет по плану, завтра в ночь можешь отправляться. За себя оставь Злобина. Обстановку прошу докладывать немедленно.

Ночью Ватутин убыл в штаб 6-й армии, находившийся уже где-то в районе Буски, Перемышляна. Ехали осторожно, держа наготове два ручных пулемета. По сведениям разведки, вдоль дорог

бродили разрозненные группы польских гусар, а то и просто бандитов.

В штабе армии Ф.И. Голиков доложил, что все идет по плану, только несколько беспокойно под Львовом. Там польские войска упорно сражаются с гитлеровцами и наиболее реакционная часть офицерства отказывается вступать в переговоры с Красной Армией.

— Надо еще и еще раз пытаться вступить в переговоры с поляками. Посылайте наиболее достойных командиров, с самыми высокими полномочиями. Это требование командующего, — подвел итог докладу Ватутин. — Со мной прибыл начарт фронта комбриг Яковлев. Он получил задачу сформировать передовой отряд и прорваться с ним к Львову...

Комбриг Н.Д. Яковлев, будущий начальник Главного артиллерийского управления, к 18 часам 18 сентября сформировал на западной окраине Тернополя передовой отряд в составе 200 красноармейцев, 32 танков БТ, 5 броневиков и сразу рванулся вперед. Вместе с ним был и представитель Наркомата обороны, герой Гражданской войны О.И. Городовиков. К 6 часам 19 сентября около селения Винники, что в трех километрах восточнее Львова, отряд вступил в соприкосновение с гитлеровскими войсками, охватывавшими Львов. Командир немецкого полка хоть и неохотно, но вынужден был уступить требованиям представителей советского командования. Вечером 19 сентября немецкие войска ушли с восточной окраины Львова, а 20 сентября вместе с прибывшими Ф.И. Голиковым, П.А. Курочкиным, И.А. Серовым Н.Д. Яковлев провел переговоры с начальником Львовского гарнизона генералом Лангером. Переговоры закончились успехом, и уже вечером в город вошли советские войска. Скоро туда передислоцировался штаб фронта.

Ватутин смотрел на опрятный, красивый город и недоумевал. Штаб фронта разместился в роскошном здании бывшего кадетского корпуса. Из высоких стрельчатых окон хорошо просматривались мощеные улицы, богатые особняки, тенистые парки с вековыми дубами и каштанами.

— Что так задумался, Николай Федорович? — подошел сзади Тимошенко.

— Да вот, смотрю на эту роскошь, богатство и вспоминаю места, которые только что проходили. В каких-нибудь пяти—десяти километрах от города настоящее царство бедности, удручающая нищета. Вдоль дорог на головах столбиками стоят крестьянские детишки.

— Почему же на головах?

— Сам удивлялся. Оказывается, они таким образом выпрашивают карандаши. Не поверите, штабники раздали весь запас.

— Как — весь? А чем работать будете? — улыбнулся Тимошенко.

— Ну, откровенно сказать, запасец есть, да и к концу все идет. А немцев, кажется, перехитрили.

— Похоже, что перехитрили...

Быстрые и решительные действия Красной Армии сорвали расчет Гитлера захватить Западную Украину и Западную Белоруссию. Через двадцать лет бывший генерал вермахта Форман признавал, что эти меры помешали осуществлению задуманного плана выхода немецких войск на границу СССР. Провалился и план фашистского правительства создать марионеточное государство — «самостоятельную польскую и галицийскую Украину». Немецкий генерал Гальдер назвал этот день «днем позора немецкого политического руководства», и все-таки Тимошенко с Ватутиным ошибались, что перехитрили немцев. Ошибались не только они, ошибалось все советское руководство и прежде всего Сталин. Гитлер вел свою игру очень четко и в итоге переиграл Сталина. Отдавая нам западные области Белоруссии и Украины, он, видимо, не сомневался, что вернет их в скором времени.

К 25 сентября Красная Армия при поддержке населения завершила свою «освободительную» миссию. Более 12 млн человек, в том числе 9 млн украинцев и белорусов, на территории почти 200 тыс. квадратных километров были пусть на время, но спасены от фашистской оккупации. Граница отодвинулась на запад на 250—300 километров и прошла по линии Керзона, признанной в свое время Англией, Францией, США и Польшей.

Войска Украинского фронта остановились на рубеже Ковель, Владимир-Волынский, западнее Львов, Тышковица, река Стрый, Долина. Николай Федорович, сутками не смыкая глаз, готовил с операторами отчет о действиях Украинского фронта. По окончании работы он вызвал к себе стажировавшегося при штабе слушателя Академии Генштаба С.М. Штеменко.

— Вам поручается доставить отчет в Генеральный штаб, — проговорил он, устало потирая виски. — До Киева полетите на самолете, дальше — поездом. За портфель с документами и картами отвечаете головой. В Генштабе все сдадите лично комбригу Василевскому...

Кампания закончилась. Принесла ли она положительный итог? Укрепила ли безопасность СССР? Безусловно. Даже У. Черчилль, в то время военно-морской министр Великобритании, 1 октября 1939 года в выступлении по радио заявил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть». Остается только сожалеть, что целый ряд объективных причин, а главное просчеты

Сталина, не позволили к началу Великой Отечественной войны в должной степени подготовить оборонительные рубежи на новой границе.

Войска Украинского фронта, вновь реорганизованного в Киевский Особый военный округ, занялись обустройством на новых местах и боевой подготовкой. Николай Федорович большую часть времени проводил в войсках, изучал новый театр военных действий, намечал будущие рубежи обороны, расположение укрепрайонов, размещение аэродромов, складов и баз снабжения. Итогом его деятельности в освободительном походе могут служить сухие строки служебной аттестации: «Всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба, проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями... Как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией».

На Западе начался период так называемой «странной войны». А Советский Союз так и не получил передышки. На северо-западных границах назревал конфликт с Финляндией. На Карельском перешейке граница проходила всего в 32 километрах от Ленинграда, а Финляндию буквально наводнили иностранные военные специалисты, причем, как ни странно, воюющих между собой сторон. Летом 1939 года страну посетил начальник германского генерального штаба Гальдер, проявивший повышенный интерес к состоянию финской армии, уровню ее боевой подготовки и размещению войск на границе с Советским Союзом. Английские, французские, немецкие инструкторы обучали личный состав шуцкора. Под руководством этих же специалистов создавалась мощнейшая линия Маннергейма, почти не уступающая линии Мажино. Она протянулась на 136 километров от Ладожского озера до Финского залива, имела три полосы обороны глубиной около 90 километров, 670 крупных дотов и дзотов, соединенных траншеями полного профиля и ходами сообщения с 800 казематами, ежи и гранитные надолбы, колючую проволоку в несколько рядов.

Финны благосклонно принимали помощь и гитлеровцев и союзников. Много позже президент Финляндии У. Кекконен не без огорчения признавал: «Тень Гитлера в конце тридцатых годов распростерлась над нами, и финское общество в целом не может отрекаться от того, что оно относилось к этому довольно благосклонно». В некоторых кругах поговаривали и о создании «Великой Финляндии» за счет захвата советской территории. Конечно, по большому счету маленькая Финляндия никак не хотела воевать с СССР, но нельзя не помнить и заявления одного из довоенных президентов Финляндии, П. Свинхвуда: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии».

Чтобы сейчас ни говорили, но Советский Союз стремился не допустить военного конфликта. В октябре—ноябре начались советско-финские переговоры о мерах взаимной безопасности. Советская сторона предложила перенести границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров от Ленинграда, обещая компенсировать 2761 кв. километр занятой территории 5529 в Карелии. Просили мы всего лишь об аренде полуострова Ханко. Разве это такой уж невыгодный обмен?

В Финляндии были силы, выступающие за договоренность с СССР, но были и те, кто толкал финское правительство на конфронтацию. Населению небезуспешно внушалось, что Финляндия может победоносно воевать с Россией. С Карельского перешейка срочно эвакуировались жители, начали разворачиваться войска. Западные демократии и гитлеровский режим поддерживали решительность Финляндии, несмотря на то что воевали друг с другом. Как же мог тогда поступить не менее твердый и решительный политик Сталин? Ведь он тоже, пусть и своими методами, старался обезопасить границы своего государства. Кто больше виноват? Как бы то ни было, но в Генштабе Красной Армии тоже были готовы планы ведения боевых действий. И после взаимного артобстрела сопредельных территорий, инициаторов которого до сих пор трудно установить, конфликт разгорелся. Советский Союз потребовал, чтобы финны отвели свои войска от границы на 25—30 километров. В ответ они настаивали на отводе советских войск на такое же расстояние. Советская сторона еще раз попыталась вступить в переговоры, но безуспешно. Тогда 30 ноября был отдан приказ войскам Ленинградского военного округа начать боевые действия.

Сейчас нередко можно слышать высказывания, что Советский Союз с самого начала думал решать пограничный вопрос военным путем. Но зачем домысливать, если существуют документы переговоров? Даже представитель госдепартамента США Р. Гартхоф четверть века спустя признал, что Советский Союз не хотел вооруженного конфликта с Финляндией. А вот западные державы были заинтересованы в этом конфликте. Министр внутренних дел США Г. Икс в момент начала боевых действий отметил в своем дневнике: «Финляндия используется аристократическими и финансовыми кругами Англии и Франции для того, чтобы причинить как можно больше вреда России». Западные державы надеялись втянуть в конфликт гитлеровскую Германию и повернуть-таки вермахт на восток. Гитлер же предполагал, что, вступив в войну, Советский Союз не только ослабит свой потенциал, но и развяжет ему руки на западе. Так оно, к сожалению, и получилось. Думается все же, что советское правительство и лично Сталин не все сделали для предотвращения военного конфликта. И уж, конечно, нельзя

оправдать варварских бомбардировок финских городов, жертв среди мирного населения.

Боевые действия развернулись по плану, разработанному командованием Ленинградского военного округа. По этому плану войска 7-й армии в составе 19-го и 50-го корпусов бросались на прорыв линии Маннергейма в целях разгрома главных сил финской армии. Командовал армией В.Ф. Яковлев, которого через неделю сменил К.А. Мерецков. На остальном, более чем 1500-километровом фронте от Ладоги до Мурманска в наступление пошли недоукомплектованные 8-я армия И.Н.Хабарова, 9-я армия В.И. Чуйкова и 14-я В.А. Фролова.

С первых же дней наступления стало ясно, что наши войска, особенно командиры, плохо знают организацию, вооружение и тактические приемы борьбы финской армии, недостаточно подготовлены к ведению боевых действий в сложных условиях лесисто-болотистой местности, в глубоком снегу при сильном морозе. За месяц боев войска 7-й армии, преодолевая жесточайшее сопротивление и неся большие потери, смогли пройти лишь зону заграждений и только подойти к линии Маннергейма. Попытки прорвать ее с ходу успеха не имели. Несколько лучше обстояли дела в Карелии и под Мурманском, но и здесь войска несли большие потери от снайперов — «кукушек» — и лыжников противника. Так, прибывшая с Украины 44-я стрелковая дивизия сразу же попала в окружение в районе Суомуссалми. Части и подразделения нуждались в дополнительном обучении методам преодоления заминированной местности и прорыва системы мощных железобетонных укреплений. Выявились серьезные недочеты в организации управления войсками, их оперативном и тактическом взаимодействии.

Пришлось срочно проводить организационные мероприятия, причем многие вопросы решались экспромтом. 7 января 1940 года по предложению Генерального штаба на Карельском перешейке был создан Северо-Западный фронт под командованием С.К. Тимошенко. Членом Военного совета был назначен А.А. Жданов, начальником штаба — заместитель начальника Генерального штаба И.В. Смородинов. Во фронт вошли две армии: 7-я К.А. Мерецкова пятикорпусного состава и 13-я В.Д. Грендаля из трех корпусов. Новый командующий фронтом совместно с Генеральным штабом проделали большую работу по подготовке прорыва и наступления. На фронт прибыло пополнение. Особое внимание уделялось росту количества артиллерии и авиации. Целый месяц войска в ближайшем тылу проводили практические занятия и тренировки. В начале февраля 1940 года подготовительные мероприятия закончились. 11 февраля фронт перешел в наступление и сразу начал успешно продвигаться вперед. Линия Маннергейма к 1 марта

была прорвана, а уже 4 марта 70-я стрелковая дивизия М.П. Кирпоноса по льду Выборгского залива обошла Выборгский укрепрайон, и через некоторое время город-крепость Выборг пал.

Видя неизбежность военного поражения, правительство Финляндии, несмотря на давление западных держав, согласилось с предложением СССР начать мирные переговоры. 7 марта в Москву прибыла финская правительственная делегация во главе с премьер-министром Р. Рюти. Через пять дней договор был подписан практически на тех условиях, которые советское правительство предлагало еще до начала конфликта.

Надо сказать прямо, война кончилась для нас с малоутешительными итогами. Политическое реноме СССР упало в мире так низко, что страна была исключена из Лиги Наций. Вскрылись и серьезные провалы в военной области. Большие потери из-за слабой подготовки рядового и особенно командного состава, штабов явственно показали тот вред, который нанесли армии репрессии последних лет. Не успели твердо встать на ноги не только командующие армиями, но и командиры дивизий, полков, батальонов.

Однако главная задача была решена: отодвинута граница от Ленинграда за линию Выборг, Сортовала, присоединены полуострова Рыбачий и Средний, создана военно-морская база на полуострове Ханко. Выявленная низкая боеспособность войск послужила хорошим уроком, заставила критически посмотреть на вооруженные силы страны, уровень подготовки рядового и командного состава, степень оснащения войск современной техникой.

1940 год не принес стране передышки. Заключение пактов о ненападении с Эстонией, Латвией и Литвой, а потом их «добровольное» вступление в состав СССР на какое-то время задержали продвижение агрессии на Восток. И опять Сталин думал, что обманул Гитлера, но тот совершенно сознательно отдавал на время Прибалтику, готовя бросок на Запад.

Немецкая группировка по соотношению сил и средств к 10 мая 1940 года практически сравнялась с союзниками, но по боевой подготовке, опыту ведения боевых действий намного превзошла их. Половина Европы уже лежала у ног Гитлера. В 5 часов 35 минут 10 мая 1940 года сухопутные войска Германии начали вторжение в Голландию, Бельгию и Люксембург, а уже 24 мая танковые части подвижной группы Клейста вышли на рубеж канала Аа в 20 километрах от Дюнкерка. Войска союзников во Фландрии были разбиты, и остатки британского экспедиционного корпуса спешно эвакуировались с континента. Непонятным до сих пор остается, почему Клейст остановился и дал спокойно провести эту эвакуацию. 6 июня вермахт начал сокрушительное наступление на Францию, и уже 20 июня в Компьенском лесу, где 22 года назад маршал Фош продиктовал условия побежденной Германии, в том же самом

белом салон-вагоне Гитлер принял капитуляцию Франции. На очереди еще оставались Греция, Югославия, но фактически вся Европа оказалась в руках фашистов. На повестку дня встал план «Барбаросса».

Несправедливо было бы утверждать, что партия, правительство, Сталин не видели того сложнейшего положения, в котором оказались армия, страна. Видели и делали многое, но груз предыдущих ошибок оставлял слишком мало времени для их исправления и не позволил в итоге должным образом подготовить страну к войне.

По решению мартовского пленума ЦК ВКП(б) в апреле 1940 года в Кремле проводилось расширенное заседание Главного военного совета. В его работе участвовали члены Политбюро, руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов округов и армий. На заседание были приглашены командиры корпусов и дивизий, участвовавших в Финской кампании, руководители высших военно-учебных заведений и Генерального штаба. Совещание подвергло тщательному анализу итоги освободительных походов на Западе, боев на Халхин-Голе, войны с Финляндией и операций вермахта в Польше. Много внимания было уделено перестройке принципов организации боевой подготовки войск и штабов. Предлагалось большую часть времени отводить практическим занятиям, увеличить число учений и маневров.

После заседания Главного военного совета были проведены большие организационные и кадровые перемещения. Следует помнить, что прошло чуть более полугода с принятия закона о всеобщей воинской обязанности. Численность армии за короткое время возросла почти в три раза, и ощущалась почти катастрофическая нехватка командных кадров. Срочным порядком было сформировано еще 42 военных училища, но опытных командиров все равно не хватало. Кроме того, ощущалась нехватка современного вооружения, средств связи, автотранспорта для оснащения вновь сформированных частей.

В целях повышения авторитета и ответственности командных кадров Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года устанавливались новые генеральские и адмиральские звания. Их получили 982 генерала и 74 адмирала. Серьезные перемещения были произведены в руководстве РККА. 8 мая 1940 года наркомом обороны назначается Маршал Советского Союза Тимошенко. Ворошилов оставался во главе Комитета Обороны при СНК СССР, но уже почти не вмешивался в практические дела боевой подготовки войск. Новый нарком с большой ответственностью принялся за преобразования в армии. Задача перед ним стояла сложнейшая — устранить недостатки в организации и подготовке

войск. По существу, стоял вопрос о непосредственной подготовке к войне, а времени оставалось все меньше и меньше.

Николай Федорович присутствовал на том совещании и в Киев вернулся с большими надеждами и планами. Еще во время совещания много было обдумано и обговорено с Тимошенко, но, как выражался последний, «поднимать округ» пришлось с новым командующим — героем Халхин-Гола Георгием Константиновичем Жуковым. В том беспокойном сороковом году им недолго пришлось поработать вместе, но и за эти дни они сумели не только по достоинству оценить друг друга, но и подружиться. Позже совместная работа в Генштабе, частые встречи на фронтах войны разовьют и усилят взаимную приязнь и дружбу. В общем-то суровый по натуре Жуков через много лет после войны скажет, что не только ценил, уважал, но и любил Ватутина. Николай Федорович же после первых докладов новому командующему сразу почувствовал, что из этого невысокого, плотно сбитого, с волевым лицом генерала скоро вырастет выдающийся военачальник. Когда несколько лет спустя Сталин спросил Ватутина, кого из командующих фронтами он считает настоящим полководцем, он не задумываясь ответил:

— Жукова, товарищ Сталин. Это не только блестящий военный мыслитель, практик, но и огромный природный талант. Такие военачальники рождаются раз в сто лет...

Летом 1940 года генерал-лейтенант Ватутин возглавил Оперативное управление Генерального штаба, а через несколько месяцев стал заместителем начальника Генштаба. Было ли это неожиданностью для Николая Федоровича? Скорее, нет. Он в свое время гораздо сильнее удивился назначению в Киевский округ, а работа в Генштабе привлекала его давно. Будучи в должности начальника штаба дивизии, он получил такую запись в аттестации: «может самостоятельно работать в оперативном отношении». А в 1932 году Высшая аттестационная комиссия при Реввоенсовете СССР прямо записала в протокол: «Считать целесообразным использовать Ватутина Н.Ф. в Генеральном штабе РККА». Помнил о способностях Ватутина начальник Генштаба Шапошников, знал его в деле новый нарком обороны Тимошенко, и появление Ватутина в Генштабе не было такой уж неожиданностью.

В это время Генеральный штаб заканчивал работу над планом по отражению возможной агрессии. Думается, не случайно из Киевского военного округа были отозваны одновременно начальник штаба Ватутин и его заместитель генерал-лейтенант Маландин. Самое деятельное участие в этой работе принимал заместитель начальника оперативного управления генерал-майор Василевский. Однокашники по Академии Генерального штаба встретились вместе, выполняя ответственное задание.

Переезд в Москву для семьи Ватутиных не составил большого труда. Вещей они так и не накопили. Быстро разместившись в служебной квартире, Татьяна Романовна принялась устраивать детей в школу, а Николай Федорович полностью погрузился в служебные дела. В первое время он несколько суток не ночевал дома, да и потом возвращался не раньше полуночи. Работать под руководством самого Шапошникова для Ватутина и его товарищей было не только настоящей генштабовской школой, но и удовольствием. Позже в своих мемуарах Василевский скажет об этом так: «Б.М. Шапошников обладал всеми необходимыми качествами для работы в генеральном штабе: отличным знанием военного дела, большой эрудицией, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Опыт крупной оперативно-штабной работы в годы Первой мировой и Гражданской войн, высокое доверие со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства позволили Б.М. Шапошникову превратить Генеральный штаб в подлинный центр руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной Армии. Его личный пример влиял на подчиненных. Выдержанность, вежливость, скромность, такт в общении с людьми, дисциплинированность и предельная исполнительность — все это воспитывало у лиц, работавших под его началом, чувство собственного достоинства, ответственность и точность, высокую культуру поведения. Подчеркну, что Б.М. Шапошников являлся олицетворением долга. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны он видел свою первейшую обязанность и сам смысл существования Генерального штаба».

Работа над оперативным планом занимала все мысли Ватутина и его товарищей. Главным и наиболее вероятным противником план определял Германию. В союзе с ней могли выступить Италия, Финляндия, Румыния и Венгрия. Военный конфликт на западе считался наиболее вероятным, опасным. В этой связи предусматривалась концентрация основных сил на этом направлении. Не исключалась возможность агрессии Японии на Дальнем Востоке, где также сосредоточивались силы, достаточные для сохранения устойчивого положения. Возможность войны на два фронта тоже не исключалась. Предпочтительным направлением главного удара считалось северо-западное и западное. Поэтому наши главные силы предполагалось развернуть от побережья Балтийского моря до Полесья. На южном направлении развертывались группировки несколько меньшего состава. О сроках начала возможной агрессии не говорилось.

Основные идеи плана принадлежали Шапошникову, но заканчивавшие над ним работу Ватутин, Василевский, Маландин, дру-

гие генералы и офицеры внесли много дельных предложений и разработок. Такой план мог быть результатом только коллективного труда.

В августе план был практически готов, но тут последовало неожиданное для всех перемещение Шапошникова с поста начальника Генерального штаба на должность заместителя наркома обороны по строительству оборонительных сооружений и укрепрайонов. Впрочем, особой неожиданности в этом не было. Мало того, частые перемещения руководящего состава армии и флота стали чем-то обычным. Место Шапошникова занял Мерецков. Все эти капризы Сталина не шли на пользу, не позволяли вновь назначенным товарищам вникнуть в суть дела, по-настоящему начать работу, да и не всегда в результате этих перемещений подбирались действительно достойные таких постов люди. Именно тогда выдвинулся на должность командующего войсками Белорусского Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов, несколько позже на Киевский округ был назначен генерал-полковник М.П. Кирпонос. Конечно, это были честные, храбрые командиры, но к тому времени уровень их военной подготовки, опыт, масштабы мышления не превышали уровня командира дивизии. Не последнюю роль стали играть такие военачальники, как Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис, Е.А. Щаденко, Ф.И. Голиков. Сталин доверял им, надеялся, что они смогут в полной мере заменить репрессированных полководцев, и просчитался. Дорого стоили стране эти так называемые просчеты.

В сентябре 1940 года проект плана отражения агрессии и стратегического развертывания войск Красной Армии докладывался лично Сталину. Присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б). Представляли план нарком обороны Тимошенко, начальник Генерального штаба Мерецков и его заместитель Ватутин. Жаль, что в этом не участвовал главный создатель плана, Шапошников, но, думается, и его присутствие не смогло бы изменить принятого после доклада решения. Сталин не согласился с определением направления возможного главного удара. По его мнению, агрессор основные усилия сосредоточит на юго-западном направлении, чтобы в первую очередь захватить крупные промышленные районы, богатые сырьевые и сельскохозяйственные регионы. В соответствии с этим Генштабу было предложено внести изменения в проект плана.

Николай Федорович впервые близко видел и слышал Сталина. В душе Ватутин был не согласен с его предложением, но возразить не решился. Так же безропотно приняли предложение вождя и Тимошенко с Мерецковым. Вот один из примеров потери самостоятельности под воздействием авторитета «отца народов». Конечно, с позиций сегодняшнего дня это кажется невероятным, но это сейчас все легко и понятно. Вместо осуждения тех людей надо попытаться

поставить себя на их место, в те конкретные исторические условия, в ту атмосферу. Тогда любое принципиальное несогласие с той или иной концепцией, точкой зрения могло быть расценено как «непонимание», «противопоставление», «политическая незрелость» со всеми вытекающими последствиями. А у всех еще были свежи в памяти политические процессы, на которых было подсудно все...

Не следует забывать, что в то время все военачальники безгранично верили Сталину, и не просто верили, но искренне любили его, находились под обаянием его личности. Об этом откровенно писали Жуков, Конев, Василевский, Мерецков. И Ватутин не был исключением.

После представления плана Генштаб немедленно приступил к его уточнению, и Николай Федорович принимал в этом самое активное участие. Но не только этим вопросом занимался заместитель начальника Генерального штаба. В пограничных округах в соответствии с приказом наркома обороны «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 года» резко увеличивалось число командно-штабных игр, маневров, учений с боевой стрельбой, и весь руководящий состав Наркомата обороны и Генштаба обязательно в той или иной мере принимал участие в этих мероприятиях. Но Николай Федорович не только принимал участие в них, но и по долгу службы разрабатывал или утверждал их планы. Осенью для проверки войск в Киевский военный округ выехал нарком обороны, в Западном Особом военном округе готовилась военная игра. Ватутин утверждал уже четвертый ее вариант, но сроки проведения каждый раз переносились.

— Что же это такое? — не выдержал он на очередном докладе у начальника Генштаба. — Люди в постоянном напряжении, срывается план боевой подготовки.

— А ты будто не понимаешь, — устало прервал его Мерецков, — правительство боится осложнения отношений с Германией, играем-то на границе. Нам же как воздух нужно оттянуть конфликт, как воздух!

— Но нельзя же вообще отказываться от учений. Новые формирования сырые, да и в старых командиры не больше двух лет в должностях. Когда же и как будем учить людей?

— Ты мне таких вопросов не задавай! Задай их себе. А об игре завтра с наркомом будем докладывать самому! Игра на моей совести. Ты же не забывай о доработке плана, все силы на него...

Но поработать над планом Ватутину не пришлось. На следующий день Мерецков вызвал его, едва вернулся из Кремля.

— Товарищ Сталин дал санкцию на проведение игры, — сказал он, как только Ватутин вошел в кабинет. — И проводить ее будешь ты! Да-да, не удивляйся. Так и сказал. Если-де учением будут ру-

ководить Тимошенко или Мерецков, то немцы примут меры для выяснения его характера. Да и не к чему им знать, чем занимаются сейчас Тимошенко и Мерецков. Пусть едет Ватутин как бы с инспекторской проверкой. Так что собирайся...

В тот же день Николай Федорович выехал в Минск. Командующий войсками округа Д.Г. Павлов подготовил игру самым тщательным образом, и она прошла организованно, с хорошим результатом. Ватутин остался доволен. Павлов понравился Николаю Федоровичу своей целеустремленностью, работоспособностью. Чувствовался, правда, некоторый недостаток опыта, военных знаний, эрудиции, но со временем из него должен был вырасти достойный военачальник. Особенно запомнилась Ватутину та страстность, с которой Павлов говорил о танковых войсках, перспективах их развития и роли в будущей войне.

В наши дни Павлова несправедливо упрекают в том, что, основываясь на своем опыте боев в Испании, он якобы отрицал самостоятельную роль танков, видел их применение лишь в сопровождении пехоты. На самом деле Павлов говорил только о том, что самостоятельные задачи не могут решать имеющиеся на вооружении легкие танки типа БТ, Т-26. А вот перспективные танки Т-34, КВ не только можно, но и должно использовать в составе танковых, механизированных корпусов, даже танковых армий.

Павлов показал Ватутину письмо Генерального штаба, в котором сообщалось, что по указанию Центрального Комитета в декабре в Москве собирается совещание высшего командного состава РККА. Павлову поручалось сделать на нем доклад на тему «Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции». После совещания намечалась крупная военная игра, где за «красную» сторону предлагалось подготовиться играть Павлову.

— Серьезная задача, — сокрушенно покачал головой Павлов.

— Серьезная, но выполнимая, — улыбнулся Николай Федорович. — Ты напрасно беспокоишься. Изложи все, что говорил мне о танковых и механизированных корпусах, и уверяю тебя — это заинтересует всех. Вопрос очень злободневный, и его надо выносить на самый высокий уровень. Ну, а в игре у тебя, думаю, проблем не будет.

— Дай-то бог, — проговорил Павлов и на прощание крепко пожал Ватутину руку.

В Москве обстановка по-прежнему оставалась сложной. Мерецков выглядел очень усталым. Василевский и Маландин работали с планом мобразвертывания и не уходили со службы сутками.

— Как раз вовремя! — встретил Ватутина начальник Генерального штаба. — Правительство оценило игру положительно. Сейчас

включайся в подготовку совещания. Павлов проинформировал? Я ему звонил.

— Так точно. Его беспокоит и доклад и игра.

— Всех беспокоит. Это крупнейшая оперативно-стратегическая игра на картах. За «синюю» (западную) сторону играет Жуков, за «красную» (восточную) — Павлов. «Синяя» сторона (немцы) условно нападает, «красная» (мы) — обороняется. Чувствуешь, какой расклад? Игра преследует цель проверить реальность и целесообразность плана прикрытия и действия войск в начальный период войны.

— Какова наша задача?

— Генштаб под руководством наркома будет подыгрывать за Юго-Западное направление, ну и, конечно, готовить все материалы для игры. Это под твою ответственность. Дома-то был?

— Нет, прямо с поезда сюда.

— Разрешаю съездить на часок. Больше не могу. Дорога буквально каждая минута...

Домой Ватутин не поехал. С этой минуты в течение нескольких месяцев он основную часть служебного времени отдавал подготовке к игре. Игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Со стороны «синих» должно было действовать свыше 60, у «красных» — более 50 дивизий. Обе стороны поддерживали мощные группировки авиации, обеспечивали все части и соединения поддержки и обслуживания. Особенно Николай Федорович требовал от операторов обязательного отражения в материалах игры последних действий гитлеровских армий в Европе.

23 декабря в Центральном Доме Красной Армии открылось совещание руководящего состава РККА. С первым докладом «Итоги и задачи боевой подготовки Сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава» выступил начальник Генерального штаба К.А. Мерецков. Потом начались прения, которые длились до 29 декабря включительно. С докладами выступали командующий войсками Киевского Особого военного округа Г.К Жуков — «Характер современной наступательной операции»; начальник Главного управления ВВС Красной Армии П.В. Рычагов — «ВВС в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе»; командующий войсками Московского военного округа И.В. Тюленев — «Характер современной оборонительной операции»; командующий войсками Западного Особого военного округа Д.Г. Павлов — «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв»; командующий Харьковского военного округа А.К. Смирнов — «Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне».

Доклады отличались глубиной изложения материала, злободневностью, практической направленностью. Всеобщее внимание привлекли доклады Павлова и Жукова. Содержательным показалось выступление героя Испании Рычагова. Большая доля критики и самокритики звучала в докладе Мерецкова.

В прениях по докладам выступило 60 человек. Все были единодушны в мнении, что вероятным противником Советского Союза будет гитлеровская Германия и вермахт сейчас является одной из лучших армий мира. Особо отмечался у немцев большой опыт ведения боевых действий, организация управления, взаимодействия, ведения современного боя. Большинство выступающих признали необходимость ускоренного формирования танковых и механизированных корпусов, перевооружения авиации, артиллерии, бронетанковых войск. Практически во всех выступлениях звучала тревога и глубокая озабоченность.

После Нового года большинство участников совещания разъехались по частям и штабам, лишь группа руководящих работников осталась на оперативно-стратегическую игру на картах. Руководил игрой нарком обороны.

Через много лет в своих мемуарах Жуков напишет: «Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

Общий разбор И.В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И.В. Сталина присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», остановил его, заявив:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Сделав еще несколько замечаний, И.В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С.К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов и несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С.К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д.Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания.

— В чем кроются причины неудач действий войск «красной» стороны? — спросил И.В. Сталин.

Д.Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И.В. Сталину явно не понравилась, и он заявил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось...»

Георгий Константинович не отметил в своих воспоминаниях, что Сталин, прервав Мерецкова, особенно болезненно отнесся к оценкам разведывательных сведений о германской армии в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе и состояния войск Красной Армии. Сталин хотел слышать совсем не то, что говорил Мерецков, и это его раздражало. Слишком уж обескураживающими были данные начальника Генерального штаба. Обескураживающие, но правдивые данные готовил Ватутин, и он попытался взять слово, доказать достоверность сведений и состояния дел, но слова ему не дали. Впервые Ватутин ощутил сталинский гнев, хоть и кратковременный...

Через несколько дней Мерецков вызвал Николая Федоровича.

— Предстоит серьезная работа. Как ты уже знаешь, в феврале состоится совещание у наркома. Ты будешь на нем выступать с докладом о состоянии железных дорог в приграничных военных округах.

— Мой доклад будет единственным?

— Нет, будут доклады по укрепрайонам, производству вооружения, боеприпасов. В общем, все важнейшие вопросы обороноспособности страны. Времени очень мало. Приступай.

— От Генштаба и вам, наверное, придется выступать?

— Мне не придется. Начальником Генерального штаба назначен генерал армии Жуков. Ему и доложишь подготовленный материал. Я возвращаюсь в Управление боевой подготовки. Ну, рад встрече с Георгием Константиновичем? А ведь он крут, не в пример мне.

— Не буду скрывать, рад. Но и с вами жаль расставаться. Не знаю, выиграет ли дело от такой быстрой перемены начальников Генштаба...

— Ну, не нам это решать, — нахмурился Мерецков. Генералы тепло попрощались.

Новое задание предстояло выполнить в сверхсжатые сроки, но не это беспокоило Ватутина, его озадачило то непонимание, которое он встретил в Наркомате путей сообщения. Уже первое сравнение своих материалов с документацией железнодорожников показало явное несоответствие. По данным НКПС, положение с

железными дорогами было чуть ли не блестящим. В диаграммах и справках пестрели цифры: длина путей достигла в 1940 году 106,1 тыс. км; грузооборот вырос по сравнению с 1913 годом в 6 раз и тому подобное. О том же, что наша сеть во многом уступает по пропускной способности той, которая создана предполагаемым противником, скромно умалчивалось. В ответ на недоуменные вопросы Ватутина и его помощников работники наркомата либо отмалчивались, либо ссылались на указания своего наркома Л.М. Кагановича. Несмотря на явное давление со стороны представителей НКПС, Николай Федорович решил свой доклад строить на основе объективных данных.

1 февраля, на следующий день после своего прибытия, новый начальник Генерального штаба вызвал к себе своего заместителя. Николай Федорович немного волновался, но, увидев знакомую плотную фигуру за письменным столом, успокоился. Жуков сосредоточенно читал какой-то документ, и настроение у него, судя по всему, было хорошее.

«Тоже побрился наголо по моде», — улыбнулся про себя Ватутин, вспоминая блестящие, как бильярдные шары, головы Тимошенко, Кулика, Павлова, Голикова...

— Здравствуй, Николай Федорович! — Жуков встал из-за стола и, пожав руку Ватутина, предложил сесть рядом. — Рад тебя видеть и передать привет из Киева. Тебя там помнят и, что странно для генерала, даже любят. Меня так больше побаиваются, а вот любить, не знаю... Я же Киев полюбил всей душой.

— Да, прекрасный город.

— Ну, хватит лирики. — Лицо Жукова приобрело обычное строгое выражение. — Буду просить у тебя первое время помощи. Ты ведь старожил Генштаба и вообще в штабной работе собаку съел.

— Какой там старожил, меньше года работаю.

— По нынешним временам это большой срок. Шапошников и Мерецков тебя хвалили, да я и сам видел, как ты подготовил документы к военной игре. Значит, освоил.

— Это не моя заслуга, а всего комсостава. Особенно хорошо работали генералы Василевский и Маландин.

— Слышал о них как об отличных генштабистах, скоро сам познакомлюсь в работе. Ты можешь не скромничать, твою работоспособность и знания я оценил еще в Киеве. Дел очень много, не тебе говорить, в какое тревожное время живем. А недоработок хватает, в том числе и в Генштабе. Я вот сразу обратил внимание, что ни у Генерального штаба, ни у наркома и командующих видами и родами войск не подготовлены командные пункты на случай войны. Как будем управлять войсками, передавать директивы, получать и обрабатывать донесения с фронтов? Да и Ставки Главного Командования не существует, не решен вопрос о ее структуре, составе,

размещении, аппарате материально-технического обеспечения. Думаю поднять этот вопрос на совещании у наркома. Ты, кстати, готов к совещанию?

— Так точно, доклад по состоянию транспортных коммуникаций на Западе готов. Разреши доложить?

— Пока не стоит. Оставь, я сначала почитаю сам. У меня все, Николай Федорович. Каждое утро жду твоего доклада. Пока подумай, какие еще острые вопросы Генштаб не ставил перед правительством.

На следующий день доклад Ватутина проходил в более нервозной обстановке. Жуков был недоволен.

— Что-то уж больно мрачная картина у тебя нарисована, — проговорил он, нахмурив брови. — Насколько я помню, по данным штаба Киевского округа и Наркомата путей сообщения, все не так уж плохо. Нарком явно будет недоволен. Я уж не говорю о правительстве.

— За каждую цифру могу ручаться головой, — покраснел Ватутин. — Считаю просто необходимым доложить истинное положение дел, а не фантазии железнодорожников. Извини, по-другому не привык.

— Не кипятись! Голова мне твоя не нужна, не нужно и вранье. Изволь доказать свою правоту.

Николай Федорович молча разложил на столе документы, и генералы углубились в работу. В пять часов утра Георгий Константинович перевернул последний лист бумаги, отложил в сторону карандаш и удовлетворенно улыбнулся:

— Спасибо, Николай Федорович. Все цифры и выводы безупречны. Будешь докладывать первым и знай: я тебя поддерживаю полностью...

Совещание состоялось в конце февраля 1941 года.

— Пограничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск, — начал свой доклад на совещании Ватутин. — Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железные дороги немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша литовская дорога, подходящая к границе Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести...

— Подождите, — перебил его Тимошенко. — Вы разве не знаете, что еще год назад по заданию ЦК Наркомат путей сообщения разработал семилетний план технической реконструкции западных железных дорог?

— Так точно, знаю. Был и в НКПС. Планы и графики хороши, но на сегодняшний день почти ничего не сделано, разве что кое-где перешили колею и провели элементарные работы по приспособлению железнодорожных сооружений под выгрузку войск и вооружения...

Тимошенко еще несколько раз перебивал докладчика, чувствовалось, что доклад его раздражает и он ищет ошибки у выступающего, но все ответы Николая Федоровича были точны и убедительны. Жуков удовлетворенно кивал.

— Ну это только железные дороги, — не выдержал в очередной раз нарком.

— Товарищ нарком! Вы же знаете, что железнодорожный транспорт у нас основной, автомобилей мало, ничтожно мало, и малой грузоподъемности. Но при всем этом остальные транспортные коммуникации к войне тоже не готовы. Сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины в плохом состоянии, многие мосты не выдерживают веса средних танков и артиллерии. Проселочные дороги вообще требуют капитального ремонта...

— Эка вы хватили, — поморщился Тимошенко...

В душе он был согласен с Николаем Федоровичем, знал, что это не субъективное мнение заместителя начальника Генерального штаба. Совсем недавно, 18 февраля, за № 867 на имя Сталина, Молотова и его пришло донесение командующего Западным Особым военным округом Павлова. Он просил выделить средства на реконструкцию дорог и писал: «Считаю, что Западный театр военных действий должен быть обязательно подготовлен в течение 1941 года, а поэтому растягивать строительство на несколько лет считаю совершенно невозможным». Читал Тимошенко и донесения других командующих округами. Но он знал, как болезненно воспринимает Сталин всякое напоминание о близкой войне, как стремятся отгородить вождя от нежелательных докладов Молотов, Каганович, Ворошилов, Берия.

Ватутин закончил, но и другие вопросы совещания не внесли успокоения в душу наркома.

Через день, во время очередного доклада начальнику Генштаба о сосредоточении большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше, на Балканах, о недостаточной боеготовности наших войск в приграничных округах, Жуков сказал Ватутину:

— Готовь материалы. Будем немедленно докладывать наркому. Он, кстати, с трудом отстоял нас от нападок Кагановича. Тот буквально рассвирепел, узнав наше мнение о состоянии железных дорог.

— Что же, если я не соответствую должности, прошу меня откомандировать из Генштаба, — обиделся Ватутин.

— Не горячись. Ведь это не только наше мнение, а всего Генштаба и Наркомата обороны. Относительно же своего соответствия узнаешь в праздничном приказе.

23 февраля 1941 года Ватутин был награжден орденом Ленина, и на следующий день они с Жуковым подробно докладывали наркому о недостатках в боевой подготовке войск, о состоянии мобилизационных планов, запасов, особенно по снарядам и авиабомбам. К сожалению, и промышленность не успевала выполнять заявки Наркомата обороны.

— Все это хорошо известно руководству, — устало заметил Тимошенко. — В настоящее время страна не в состоянии дать нам чего-либо больше. Я согласен с вашей оценкой положения. Вчера был у товарища Сталина. Он получил телеграмму Павлова и приказал передать ему, что при всей справедливости его требований о вооружении у нас нет сегодня возможностей их удовлетворить.

— Остается делать все, что только возможно в наших силах, — сказал Ватутин.

— И даже невозможное, — поддержал его Жуков...

Сумели ли они сделать все, что могли, по-настоящему, думается, не исследовано и сейчас.

В результате побед гитлеровской Германии и ее союзников в 1939—1941 годах их военно-экономический потенциал неизмеримо возрос. В распоряжении Гитлера были ресурсы не только союзников Германии, но и оккупированных стран Европы. Возможности экономики фашистской Германии возросли более чем в 2 раза по производству электроэнергии, чугуна, стали, автомобилей, добыче каменного угля, выплавке алюминия, в 3 раза — по добыче медной руды. В десятки раз выросли ресурсы по добыче нефти и бокситов. В 1941 году по сравнению с 1939 годом непосредственно в Германии производство чугуна и стали выросло на 28 процентов, цветных металлов — на 35, моторного топлива — на 56, добыча угля — на 23 процента... В 1940 и 1941 годах в Германии было выпущено около 300 тыс. станков. В 1941 году их насчитывалось в 2 раза больше, чем у Англии, и в 3 раза больше, чем у Советского Союза.

Все это позволило резко увеличить производство самого современного вооружения и военной техники. Придавая в «молниеносной войне» против СССР исключительное значение танкам, гитлеровское руководство добилось увеличения ежемесячного производства танков и штурмовых орудий со 180 в 1940 году до 270 в начале 1941 года. Пятую часть этой продукции давали чешские заводы. Вместо легких танков стали выпускаться в основном средние танки T-III и T-IV с 50-мм длинноствольной пушкой и более мощной броней. Вырос выпуск колесно-гусеничных бронетранспортеров.

Форсировался выпуск боевых самолетов, особенно истребителей Мессершмитт-109. В 1941 году в Германии был произведен 12 401 самолет. Их среднемесячное производство достигло 1030 штук. Усиленно шла модернизация самолетов всех типов. К моменту нападения на СССР боевой состав германской авиации состоял на 31 процент из истребителей и на 69 процентов — из бомбардировщиков.

Среднемесячное производство артиллерийско-стрелкового вооружения в 1941 году увеличилось более чем в 2 раза, а выпуск боеприпасов вырос так, что обеспечивал годовую потребность. Рос и германский военно-морской флот, особенно подводный. Так, если за пять довоенных лет было построено 57 подлодок, то к июню 1941 года — уже 147 и 428 находилось в постройке.

Вермахт, закаленный в боях, опьяненный победами на Западе и оснащенный самым современным вооружением, усиливался прямо на глазах. Танковая дивизия теперь насчитывала около 16 тыс. человек, от 150 до 200 танков, 27 бронемашин, 237 орудий и минометов. Немецкая пехотная дивизия насчитывала около 17 тыс. человек и 300 орудий и минометов. Все войска были в достаточной степени оснащены автоматическим оружием и, что самое главное, средствами радиосвязи.

Военно-воздушные силы состояли из пяти воздушных флотов, войск ПВО и воздушно-десантных войск. Флот состоял из одного-двух авиакорпусов, зенитного корпуса и отдельной авиаэскадры. Авиакорпус включал две-три эскадры бомбардировщиков, одну-две эскадры истребителей (в эскадре по штату около 100 самолетов), разведывательные и транспортные группы.

Военно-морской флот состоял из трех основных объединений надводных кораблей — «Запад», «Север», «Восток» — и подводного флота. Всего в составе флота насчитывалось 5 линкоров, 8 крейсеров, 43 миноносца, 161 подводная лодка, сотни вспомогательных судов и катеров.

Не следует забывать и союзников Германии. Уровень боевой подготовки их армий, характеристики вооружения отставали от немецких, но все же только в Италии под ружьем было около 1,5 млн человек, 16 тыс. орудий, 1500 танков, 2500 боевых самолетов. Мощный итальянский флот насчитывал 7 линкоров, 17 крейсеров, 108 эсминцев и миноносцев, 93 подводные лодки. Вооруженные силы Финляндии выросли до 650 тыс. человек и имели на вооружении 3500 орудий, около 100 танков и 307 самолетов. Примерно таким же военным потенциалом обладали Румыния и Венгрия.

В июле 1940 года в соответствии с планом «Барбаросса» началось стратегическое сосредоточение и оперативное развертывание вооруженных сил фашистской Германии у границ СССР. Меньше

чем за год у советских границ гитлеровцы и их союзники сосредоточили 190 дивизий, свыше 4000 танков, около 5000 самолетов, рассчитывая одним ударом покончить с нашей страной. Войска были полностью укомплектованы, хорошо обучены, командиры имели хороший опыт управления войсками в боевых условиях. Основная масса солдат и офицеров участвовала в боях.

Вот какая сила готовилась обрушиться на СССР. Представляли ли правительство, Генеральный штаб масштабы опасности и принимались ли меры к ее уменьшению? Думается, да. И когда порой читаешь в солидных изданиях высказывания некоторых историков, публицистов о том, что в стране практически ничего не делалось по укреплению обороноспособности и все только и выполняли преступные указания Сталина, чувствуешь скорее эмоциональный перехлест, чем стремление объективно оценить возможности страны, реальное положение дел. Вопрос готовности страны к войне, ее возможностей в этой подготовке требует длительного, скрупулезного изучения, сопоставления политических, экономических, социальных, военных аспектов, учитывающих все объективные и субъективные факторы. Мы же чаще всего бросаемся из одной крайности в другую. Вот уже сколько вышло историй Второй мировой и Великой Отечественной войн: сталинская, хрущевская, брежневская. Все претендовали на истину в последней инстанции — и что же? Сейчас готовится новый труд, и опять мы бьем себя в грудь кулаком — ну уж теперь только правда. Но, право слово, читаешь развернувшуюся дискуссию по основным вопросам, намечаемым авторами для освещения, и нет полной уверенности, что уж теперь-то действительно...

Как бы то ни было, но факты говорят, что к началу войны Советский Союз располагал мощной промышленностью, развитым сельским хозяйством, значительными трудовыми ресурсами. К началу 1941 года темпы производства электроэнергии в СССР в 2—3 раза опережали страны Европы. По добыче нефти мы были значительно впереди Германии и ее союзников. Бурно развивалась угледобывающая, металлургическая, машиностроительная промышленность. И все же мы отставали от вероятного противника и в производстве электроэнергии, и в добыче угля, выплавке черных и цветных металлов и, что самое важное, в машиностроении. Страна напрягала последние силы. Ежегодный выпуск промышленной продукции возрастал в среднем на 13 процентов, а оборонной промышленности — на 39 процентов. Все, что могла, страна отдавала армии. Жуков писал в своих мемуарах: «Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца все реальные экономические возможности страны. Хотя, со своей, так сказать, ведомственной точки зрения, мы и были правы».

Закон о всеобщей воинской обязанности, указы Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями», создание системы ремесленных училищ, школ ФЗО, по сути дела, превращали страну в военный лагерь. Но меры эти уже запоздали. Как часто мы сейчас называем их драконовскими, антигуманными, но хочется спросить нынешних обличителей, что они смогли бы в то время, в той обстановке предложить взамен, чтобы хоть как-то повысить производственную дисциплину, мобилизовать людей, по сути дела, на подвиг?

По штатам военного времени в стрелковой дивизии должно быть около 15 тыс. человек, 210 орудий и минометов, 29 легких танков и броневиков, 3 тыс. лошадей. Сила внушительная и сопоставимая с германской пехотной дивизией. Но, к сожалению, большинство дивизий в 1941 году насчитывало около 5 тыс. человек, а Сталин даже в марте 1941 года отказал наркому и Генштабу призвать приписной состав для укомплектования дивизий приграничных округов хотя бы до 8-тысячного состава. Правда, через месяц он все же согласится с военными, и около 800 тыс. человек было призвано, но сборы с ними планировалось провести только в мае—июне, и время опять оказалось упущенным.

«В итоге накануне войны в приграничных округах из ста семидесяти дивизий и двух бригад — 19 дивизий были укомплектованы до 5—6 тыс. человек, 7 кавалерийских дивизий в среднем по 6 тыс. человек, 144 дивизии имели численность по 8—9 тыс. человек. Во внутренних округах большинство дивизий содержалось по сокращенным штатам, а многие стрелковые дивизии только формировались и начинали учебу», — вспоминал Жуков.

Силами талантливых коллективов конструкторов под руководством Ж.Я. Котина, М.И. Кошкина, А.А. Морозова, Н.А. Кучеренко были созданы лучшие в мире танки — тяжелый КВ и знаменитый средний Т-34. Но производство их шло медленными темпами. В 1941 году промышленность смогла дать около 5,5 тыс. танков, а КВ и Т-34 к началу войны выпустила лишь 1861. По сути дела, эти танки только начали поступать в военные училища и пограничные округа.

Авиационная промышленность с осени 1939 года дала 17 745 самолетов, из них 3500 новых типов. Замечательные конструкторы А.Н. Туполев, С.В. Ильюшин, А.И. Микоян, С.А. Лавочкин, В.М. Петляков, А.С. Яковлев создали самые современные самолеты, и это в совершенно невозможных условиях — некоторые, как А.Н. Туполев, находясь в заключении. Авиацией много занимался

лично Сталин, но к началу войны 80 процентов от общего числа самолетов уступали по тактико-техническим данным однотипным самолетам Германии. Современной авиационной техникой были вооружены чуть больше 20 процентов авиационных частей.

Несколько лучше обстояло дело с артиллерией и флотом. С осени 1939 года до 22 июня 1941 года Красная Армия получила (с учетом танковых) около 100 тыс. современных орудий и минометов. Подавляющее большинство их приходилось на войсковую артиллерию, которая в приграничных округах была укомплектована до штатов военного времени. К сожалению, это в общем-то неплохое положение значительно ухудшалось низким уровнем производства боеприпасов. Флот только за 11 месяцев 1940 года получил более 100 миноносцев, подводных лодок, тральщиков, торпедных катеров, отличавшихся высокими боевыми качествами. Еще 270 кораблей находилось в постройке.

Особенно удручающее положение сложилось со средствами связи. Даже радиосеть Генерального штаба была обеспечена радиостанциями только на 60 процентов, а новыми — на 39. Западный Особый военный округ располагал радиостанциями на 27 процентов, Киевский — на 30, Прибалтийский — на 52. Большие надежды возлагались на средства Наркомата связи, но они себя не оправдали. «Все эти обстоятельства, — вспоминал Жуков, — обусловили главный недостаток в подготовке командиров, штабов соединений и армейских объединений: отсутствие умения хорошо управлять войсками в сложных условиях боевой обстановки. Командиры и штабы избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Что из этого получилось в первые дни войны — известно...»

Все эти объективные трудности наложились на крупные оперативно-стратегические просчеты политического, военного руководства страны и прежде всего И.В. Сталина. Он ошибся в определении направления главного удара противника, по его вине не было уделено должного внимания разработке и практическому освоению оборонительной операции (оборонительного боя). Одна фраза Сталина «Зачем культивировать отступательные настроения?», произнесенная на одной из военных игр, автоматически исключала серьезную подготовку армии к оборонительным боям. Войска не умели правильно отступать, вести бои в окружении. К каким трагедиям это привело — общеизвестно. УРы возводились слишком близко к новой границе, а неразбериха с их перевооружением привела к тому, что многие из них на старой границе были демонтированы. Снизило боеспособность армии ошибочное расформирование после боев в Испании танковых и механизированных корпусов и их лихорадочное создание накануне войны. В марте 1941 года было принято решение о формировании требуемых 20

механизированных корпусов, но задача эта в ближайшее время была невыполнима. Только для их оснащения требовалось не менее 30 тыс. танков. Такого количества просто было неоткуда взять. Нужны были и хорошо подготовленные кадры танкистов и прежде всего комсостава. И при таком тяжелом положении официальная пропаганда раздувала несуществующую мощь армии и флота. Кинофильмы, песни, книги, вдалбливали в головы людей уверенность, что «если завтра война...», то уж только на чужой территории. Эта дезинформация тоже во многом способствовала трагическим событиям первых месяцев войны.

К сожалению, Сталин уверовал в возможность отсрочки начала войны, а вера в непогрешимость вождя усугубляла положение. Конечно, нельзя утверждать, что, находясь под гипнозом собственной непогрешимости, Сталин ничего не делал в эти последние месяцы для подготовки страны к войне. Работа шла, и довольно целенаправленно. Начался призыв приписного состава. 5 мая 1941 года Сталин, выступая перед слушателями военных академий на приеме в честь выпускников, недвусмысленно говорил о скорой войне. 13 мая Генеральный штаб дал директиву внутренним округам, и к западной границе начали выдвигаться войска. С Урала в район Великих Лук — 22-я армия, из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21-я армия, из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия, из Харьковского округа на Западную Двину — 25-й стрелковый корпус, из Забайкалья на Украину — 16-я армия. Всего перебрасывалось 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. К середине июня предполагалось создать фронтовые управления в районе Паневежиса, Обуз-Лесны, Тернополя, Тирасполя, а к 22 июня эти полевые районы должны быть заняты фронтовыми и армейскими управлениями. Думается, на армию, руководящий состав не подействовало решительным образом и знаменитое сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года.

«У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, — вспоминал А.М. Василевский, — сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом. К тому же в конце того же дня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин разъяснил, что целью сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев, и оно больше не привлекало нашего внимания. В роковую ночь начала войны командование приграничных округов держало непрерывную связь с руководством Наркомата обороны и Генеральным штабом...»

И тем не менее при помощи оперативных мер все-таки удалось сосредоточить в приграничных округах 2,9 млн человек, более

1500 самолетов новых типов и довольно много старых конструкций, около 1500 танков КВ и Т-34 и значительное количество легких, около 40 тыс. орудий и минометов. Эти силы значительно уступали гитлеровским, но насколько тяжелей могла сложиться обстановка в начальный период войны, если бы не эти, хоть и недостаточные, мероприятия. Думается, можно согласиться с Жуковым, который писал: «Конечно, если бы можно было заново пройти весь этот путь, кое от чего следовало бы отказаться и кое-что поправить. Но я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить. Период же с 1939 года до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые дали Советской стране блестящую армию и подготовили ее к обороне.

Я свидетельствую об этом не затем, чтобы снять с себя долю вины, ответственности за упущения того периода... Мне важно другое: помочь читателю, особенно молодежи, понять истинное положение вещей...»

Обвиняя сейчас руководство страны, высшее военное командование, мы нередко закрываем глаза на, казалось бы, простые истины. Вот что пишет офицер запаса А.Е. Дорошенко из Минска: «27 мая 1941 года Генштаб дал западным приграничным округам указание строить в срочном порядке полевые фронтовые командные пункты, а 19 июня перевести туда фронтовые управления. Управление Одесского округа добилось такого разрешения ранее. 12—15 июня было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округов, ближе к государственной границе. 19 июня эти части получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, склады и базы, рассредоточить самолеты на аэродромах. Почему же не было сделано это повсеместно? По халатности и низкой исполнительности. В результате в первый же день войны более тысячи самолетов погибли, так и не взлетев.

Просчеты в определении срока нападения, вернее, отсутствие команды сверху — жди, мол, завтра в 4.00 на тебя нападут — не помешали тем частям, где был должный уставной порядок, как положено встретить врага. Черноморский флот отразил первый же налет фашистской авиации на порт Севастополь. Моряки в самом начале войны захватили два города на побережье Румынии и две недели удерживали их до получения приказа об отходе. Почему защитники Брестской крепости так долго дрались, почему в Заполярье остался участок границы, который фашисты так и не смогли преодолеть? А Перемышль на Украине?..»

А вот что вспоминает ветеран 6-й армии А.А. Каменцев из города Стрый Львовской области: «Как участник Великой Отечественной войны, испытавший трагедию 1941—1942 годов, не могу не

сказать: так называемая «внезапность» войны — это ложь. 11—12 мая 1941 года на совещании в штабе 18-го мехкорпуса в г. Аккерман (теперь Белгород-Днестровский) было четко и ясно сказано: с 22 по 28 июня Германия начнет военные действия. Против нашего Одесского округа стоят 11-я немецкая армия и 4-я румынская. Замполитам батальонов и полков это объявили сначала комкор-18 генерал П.В. Волох, а потом полковой комиссар И.А. Гаврилов.

В конце мая командир 44-й танковой дивизии полковник В.П. Крылов собрал в Тарутино (это местечко в тогдашней Измаильской области) совещание сержантского состава и отчетливо сказал: «С 22 по 28 июня начнется война. Против нашей дивизии на той стороне реки Прут стоит дивизия полковника Гофмеера». Полковника Гофмеера мы знали, так как с группой офицеров он был у нас в Тарутино на параде 7 ноября 1940 года. О какой внезапности можно говорить, если сержанты и лейтенанты почти точно знали о сроке нападения? Что же из нас «дурачков-винтиков» сделал верховный вождь для оправдания своих просчетов? Речи не может быть даже о тактической внезапности. Я специально называю фамилии комсостава, чтобы вы не думали, что я фантазер...»

Пишет о мифе «внезапности» и академик А.М. Самсонов, кандидат юридических наук Е.Н. Мельников из Москвы.

«Что касается наших войск в западных пограничных районах, — вспоминает Мельников, — то как раз для них-то и не было внезапным нападение. Наши пограничники даже домой писали — и эти письма мне известны лично, — что Гитлер вот-вот нападет, ибо уже совершенно отчетливо было видно и слышно по гулу моторов огромное сосредоточение гитлеровских войск на нашей границе...»

Все эти свидетельства получил академик А.М. Самсонов в ответ на ряд своих публикаций о начальном периоде войны. Это еще одно доказательство тому, что не только ошибки Сталина и высшего военного командования привели к трагедии первых лет войны, но и все то же головотяпство, отсутствие боевого опыта, неумение воевать.

Что же касается самого Сталина, то, представляется, и здесь нельзя упрощать проблему и сводить все к демоническим поступкам дорвавшегося до власти преступника. Нелишне еще раз вернуться к воспоминаниям Жукова.

«В этих ошибках и просчетах чаще всего (а сейчас можно сказать всегда. — *С.К.*) обвиняют Сталина, — пишет маршал. — Конечно, ошибки у И.В. Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических и политических факторов.

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки.

И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент...»

Конечно, Георгий Константинович не оправдывает Сталина, он призывает к глубинному анализу событий, сложнейших предвоенных процессов. Нельзя забывать о той продуманной, блестяще подготовленной и проведенной дезинформации гитлеровцев по поводу нападения на Англию. Не мог не видеть Сталин и стремления Англии, других западных держав столкнуть нас с Гитлером, и тому были документальные подтверждения. Зная антисоветские взгляды Черчилля, мог ли он ему доверять до конца? Нельзя не помнить, что на стол Сталина ложились не только донесения Рихарда Зорге. Начальник разведывательного управления Ф.И. Голиков убеждал его, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки». Такие же выводы на основе разведданных делали и нарком ВМФ Кузнецов, посол в Германии Деканозов. Поэтому, когда сейчас утверждают, что все вокруг предупреждали Сталина о близком нападении, а он упрямо шел наперекор здравому смыслу, это, думается, не совсем верно. Но и неверно сваливать все на Голикова и ему подобных. Сталин должен был, обязан перебороть себя, свои ложные предубеждения, ибо все эти так называемые просчеты слишком дорого стоили народу, стране. История никогда не простит ему этого.

Ватутин последние предвоенные месяцы работал буквально на износ по 18—19 часов в сутки. Впрочем, в то время таким был обычный распорядок для офицеров и генералов Генерального штаба. Помимо большой организационно-мобилизационной работы, теоретических исследований, много времени отрывали инспекционные поездки в войска, организация и проведение учений и маневров. В марте он контролирует разработку командно-штабных учений в Закавказском и Среднеазиатском военных округах, в апреле выезжает в Ленинград для проведения учений. Именно тогда ему из Москвы позвонил Жуков.

— Срочно вылетай в Москву, — сказал Георгий Константинович. И Ватутин через несколько часов был в кабинете начальника Генштаба.

— Включайся в работу по выдвижению войск в приграничные округа и контролю за формированием новых соединений, — приказал Жуков.

— А как же с учениями? Кто поедет на Юг? Я или ты?

— Никто. Здесь дел не переделать. Учения будут проводить командующие округами Козлов и Трофименко. Пошли кого-нибудь от Генштаба.

— Генерал-майора Шарохина.

— Хорошо.

Но уже на следующий день генерал Д.Т. Козлов был вызван в Москву, а из Среднеазиатского ВО пришло сообщение о болезни С.Г. Трофименко. И все же Ватутин остался в Москве. Учения провел генерал-майор М.Н. Шарохин.

Татьяна Романовна, встретив мужа после полуночи, только сочувственно покачала головой.

— Что-то мы в этот раз как будто не в Москве живем. Никуда не ходим. Дети отца не видят, — говорила она в сердцах.

— Думаю, твои упреки просто неуместны, — хмурился Николай Федорович. — Сейчас не то время, не те заботы. Все же изредка и с детьми бываю. Разве не правда?

— Правда, — улыбнулась Татьяна Романовна.

Правда эта заключалась в трехдневной поездке к сыну Вите в детский санаторий в Евпатории, где тот лечился от костного туберкулеза. Играли с сыном в шахматы, гуляли, читали книги, много порассказал он сыну и его товарищам о войне 1812 года, знаменитых русских полководцах Суворове, Кутузове, Багратионе. Вообще-то говоря, Николай Федорович приезжал на маневры Черноморского флота и сумел совместить полезное с приятным. В один из дней он вывел сына на крышу береговой спасательной станции, с которой хорошо были видны далеко в море корабли. Мальчик, затаив дыхание, слушал отца.

Правда, что два раза удалось Ватутину вырваться на охоту. Витя горько плакал, когда отец отказался взять его, но зато мальчик обрадовался, когда тот доверил ему подготовку оружия и снаряжения. Его глаза блестели, когда он чистил ружье, набивал патронташ, укладывал рюкзак. Хотя Витя и болел, он оставался живым, резвым мальчиком и с удовольствием играл с отцом в подвижные игры. После походов в музей Красной Армии он, например, с неделю играл в чапаевцев.

В большой дружбе был Николай Федорович и с дочерью Леной, которая была без ума от отца, откровенно баловавшего дочь. Она была просто в восторге, когда удавалось пойти с папой на каток, но чаще в ответ на ее телефонные звонки отец просил подождать часок, полчасика, еще полчасика... Только в десять часов вечера как-то генерал с дочерью приехали на каток. Залитые водой аллеи парка поблескивали синеватым льдом, часть фонарей уже погасла, не играл оркестр, но девочка была несказанно рада, что катается с любимым папочкой. Не однажды Лена звонила отцу на работу и диктовала тихим голосом условие задачки и просила помочь ее решить. И как бы ни был занят Николай Федорович, он непременно находил время продиктовать дочери порядок решения. Иногда Лена оставляла отцу на письменном столе учебник с отчеркнутой

задачкой, и утомленный генерал не ложился спать, пока не решал задачку...

— Что ты меня так рассматриваешь? — спросил Николай Федорович у жены.

— Да выглядишь ты неважно. Почернел, постарел. Ведь даже не высыпаешься, не говоря об отдыхе. Уж не болен ли?

— Ну, стареть нам не положено, а выгляжу очень даже хорошо, худеть надо. Вот освободимся немного — займусь вплотную физкультурой. Одной зарядки мало. Можешь насчет здоровья не беспокоиться.

Но Татьяну Романовну бодрые речи мужа не успокаивали. Она еще помнила Ростов, когда больной брюшным тифом Ватутин ходил трое суток на службу. А совсем недавно он едва не погиб от аппендицита. Приступы начались еще в конце прошлого года, но даже после двух особенно тяжелых Николай Федорович отказывался от операции, ссылаясь на нехватку времени. После третьего приступа, который случился рано утром, Ватутин поклялся жене, что заедет перед работой в госпиталь, но, конечно, и не подумал этого сделать. Пришлось Татьяне Романовне звонить старому заслуженному хирургу В.Ф. Мандрыке. Тот сам примчался в Генеральный штаб, выдворил из приемной и кабинета Ватутина всех посетителей и потребовал, чтобы Николай Федорович немедленно с ним вместе отправился в госпиталь на операцию, и через несколько часов Ватутин очутился на операционном столе.

— Даже я, старый хирург, удивляюсь, как он мог работать с приступами такой боли, — сказал Мандрыка в тот же день Татьяне Романовне.

Сейчас, глядя на улыбающееся лицо мужа, Татьяна Романовна мысленно перебирала в памяти все перипетии их совместной жизни, радости и огорчения.

— Ладно уж, верю, что здоров, — сказала она наконец. — Завтра, а точнее, сегодня опять рано вставать.

— Жуков разрешил в это воскресенье отдохнуть. Поедем за город, на Пахру, возьмем детей, покупаемся, позагораем...

Разговор этот происходил в ночь на 21 июня 1941 года.

В предвкушении завтрашнего отдыха Николай Федорович старался решить как можно больше вопросов. С начальником Генерального штаба за день встречались раза четыре, и вечерний вызов к Жукову не показался неожиданным. Вид у Георгия Константиновича был встревоженный.

— Звонил Пуркаев (начальник штаба Киевского военного округа. — *С.К.*), — сказал Жуков. — Докладывает, что к нашим пограничникам перебежал немецкий фельдфебель. Немец утверждает, что войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется завтра утром... Я уже доложил об этом товарищу Сталину

и наркому обороны. Приказано прибыть с Тимошенко в Кремль. Ты поедешь с нами. До того времени, как Тимошенко за нами заедет, давай набросаем проект директивы войскам. В ней надо указать только самое главное.

— Думаю, надо немедленно приводить войска в полную боевую готовность, занять боевые позиции, рассредоточить авиацию и начать выдвижение резервов.

— Да-да, давай думать...

Когда раздался звонок наркома, проект директивы был готов. Тимошенко быстро прочитал его и согласился с текстом.

В машине некоторое время все молчали.

— Это же война! — не выдержал Николай Федорович.

— Да, война, — почти одновременно ответили Тимошенко и Жуков. — Надо во что бы то ни стало добиться у товарища Сталина разрешения о приведении войск в полную боевую готовность, — добавил Георгий Константинович, и все молча согласились с ним.

Сталин встретил генералов один, был встревожен и озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он резко.

— Нет, — ответил Тимошенко, — мы считаем, что перебежчик говорит правду.

В кабинет тихо входили члены Политбюро. Сталин быстро и коротко проинформировал их и, помолчав, спросил:

— Что будем делать?

В кабинете воцарилась продолжительная тишина, которую нарушил Тимошенко:

— Предлагаю немедленно дать директиву войскам о приведении приграничных округов в полную боевую готовность.

— Читайте! — сказал Сталин.

Георгий Константинович сделал шаг вперед и, раскрыв папку, прочитал проект директивы. Сразу же заговорил Сталин:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно. Может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Николай Федорович хотел запротестовать, но под тяжелым взглядом Сталина понял, что его решение окончательное. Жуков кивнул ему, и они быстро вышли в приемную. Разложив на столе бумаги, Ватутин быстро набрасывал новый текст. Георгий Константинович сразу поправлял и уточнял некоторые детали.

Новый проект директивы Сталин выслушал спокойно, взял текст, сам еще раз прочитал его и, внеся некоторые поправки, передал на подпись наркому. Текст директивы гласил:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части перевести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

21.6.41 г. *Тимошенко, Жуков*».

ТРУДНЫЕ ДНИ СОРОК ПЕРВОГО

С подписанной директивой Николай Федорович немедленно выехал в Генштаб, где сразу же приступил к ее передаче в округа. 22 июня в 00 часов 30 минут директива была передана в округа и наркому Военно-Морского Флота.

Николай Федорович вернулся с узла связи в свой кабинет, отдал распоряжение всем работникам Генштаба и Наркомата обороны оставаться на рабочих местах, вызвать на службу всех отпускников и командированных. Позвонил домой.

— Ночевать не ждите, — сказал он жене и сразу положил трубку.

Через несколько минут зазвонил телефон — нарком приглашал к себе.

Тимошенко и Жуков, видимо, совсем недавно прибыли из Кремля.

— Как дела с директивой? — спросил Жуков.

— Директива передана в войска в 00.30 минут, — посмотрел на часы Николай Федорович.

Тимошенко сразу поднял трубку телефона правительственной связи.

— Разрешите доложить, товарищ Сталин, — глухо сказал он. — Примерно в 00 часов со своего командного пункта в Тернополе мне позвонил командующий Киевским округом Кирпонос. Докладывает, что в наших частях появился еще один перебежчик — немецкий солдат 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл реку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска начнут наступление. Директива в округа передана в 00.30 минут. Кирпоносу было приказано немедленно передавать директиву в войска и как можно скорее приводить их в полную боевую готовность. — Тимошенко с минуту помолчал, вслушиваясь, и сказал: —Есть! — и положил трубку.

— Все, товарищи! Приказано держать связь с округами и докладывать в экстренных случаях. Садитесь и давайте подумаем, что мы еще не сделали, что упустили.

— Меня больше всего беспокоит, что мы опоздали с директивой, — задумчиво проговорил Ватутин.

— Да, если перебежчики сказали правду, дело неважное, — поддержал его Жуков. — Как бы то ни было, надо рассчитывать на худшее, а войска, конечно, не успеют провести все мероприятия...

За окнами начало сереть небо. Большие часы в углу кабинета гулко ударили три раза. Резко зазвонил телефон. Тимошенко взял трубку и посмотрел на часы. Было 3 часа 7 минут. С узла связи доложили, что командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский по ВЧ пытается связаться с начальником Генерального штаба. Тимошенко протянул трубку Жукову. По мере того как Жуков слушал, лицо его все больше мрачнело.

— Ваше решение? — спросил он резко и повернулся к Тимошенко: — Октябрьский сообщает, что система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества самолетов. Флот приведен в полную боевую готовность. Севастополь затемнен. Командование флота предлагает встретить самолеты огнем ПВО кораблей и базы. Что ответим морякам?

— Надо открывать огонь! — сказал Ватутин.

— Надо, но это же война! — перебил его Тимошенко. — И все же другого выхода нет. Пусть действуют, только предварительно доложат своему наркому.

Жуков быстро дал указания Октябрьскому, положил трубку, но тут же перезвонил на узел связи.

— Прошу проверить связь с приграничными округами, быть в полной готовности! С Кузнецовым, Павловым, Кирпоносом и их начальниками штабов соединять немедленно. Все!

В том, что началась война, никто из присутствующих не сомневался. Зазвонил телефон.

— Три часа тридцать минут, — сказал Жуков и взял трубку.

Начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Через пять минут генерал М.А. Пуркаев доложил, что немецкие самолеты бомбят города Украины. Еще через пять минут командующий Прибалтийским округом генерал Ф.И. Кузнецов доложил о бомбежке Каунаса и других городов Прибалтики.

Жуков немедленно доложил обо всем Сталину и получил команду прибыть с Тимошенко в Кремль.

— Николай Федорович, — повернулся он к Ватутину, — мы уезжаем в Кремль. Прошу тебя все время находиться на связи и докладывать обстановку, важна каждая мелочь...

Вновь зазвонил телефон. Жуков взял трубку. Из Севастополя адмирал Октябрьский спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. В городе есть незначительные разрушения.

— Все, Георгий Константинович, едем, уже десять минут пятого, — сказал Тимошенко, надевая фуражку. — Ждем ваших докладов, Николай Федорович...

Через двадцать минут, когда Тимошенко и Жуков входили в кабинет И.В. Сталина, Ватутин принял первые доклады Западного и Прибалтийского военных округов. Оттуда докладывали, что гитлеровские войска начали боевые действия на сухопутной границе. Николай Федорович немедленно позвонил в Кремль. Последние сомнения развеялись. Это была война.

В 7 часов утра приехали Тимошенко и Жуков.

— Какие новости, Николай Федорович? — сразу спросил Жуков.

— Если откровенно, все очень неточно и отрывочно. Мы никак не можем добиться от штабов округов и войск точных сведений. Выяснилось, что во всех приграничных округах нарушена проводная связь, диверсанты убивают делегатов связи, командиров. Радиосредствами войска обеспечены слабо. В штабы округов из различных источников начали поступать противоречивые сведения, зачастую просто провокационного характера. Вся эта мешанина идет к нам. Как раз сейчас готовим сводку.

— Плохо! — скрипнул зубами Жуков. — Этого следовало ожидать! Сейчас надо немедленно передать в войска директиву наркома № 2. Потом сразу ко мне со сводкой.

В 7 часов 15 минут директива была передана в округа и Николай Федорович поспешил со сводкой к начальнику Генштаба.

— Докладывай! — нетерпеливо сказал Жуков.

— Георгий Константинович, не преждевременно ли говорить в директиве о наступлении и уничтожении противника? — сказал вдруг Ватутин.

— Я был против, — нахмурился Жуков, но нарком настоял, чтобы оставили именно слова «уничтожить». Ладно, что там на фронте?

— Авиация противника нанесла массированные удары по аэродромам Западного, Киевского и Прибалтийского военных округов. Особенно пострадали самолеты, не успевшие подняться в воздух и рассредоточиться по полевым аэродромам, — начал Ватутин.

— Каковы потери?

— Цифры уточняются, но, видимо, значительные. Кроме того, бомбардировке подверглись многие города, железнодорожные узлы, мосты и линии связи пограничных областей, военно-морские базы на Балтике и Черном море. Флот с честью выдержал первый удар.

— Ясно, как дела на сухопутном фронте?

— Бои идут по всей западной границе. На многих участках, в основном в Прибалтике и Белоруссии, немцы уже вступили в бои с

передовыми частями Красной Армии. Сложность положения усугубляется тем, что поднятые по тревоге стрелковые части, входящие в первый эшелон прикрытия, вступают в бой с ходу, не успевая занять подготовленных позиций... На участках Одесского и Ленинградского военных округов пока все спокойно.

— Спасибо и на этом, но данные более чем приблизительные. Надо принять все меры, чтобы уяснить обстановку.

— Есть, принять все меры!

Николай Федорович поспешил на узел связи, но не прошло и двух часов, как Жуков вызвал его снова.

— Николай Федорович, немедленно выезжаем вместе с наркомом в Кремль. Захвати с собой проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования. Ну и, конечно, карту с обстановкой...

В кабинете Сталина находились все члены Политбюро. Николая Федоровича поразил вид Сталина. За несколько часов он, казалось, не только похудел, но как-то почернел и все больше мрачнел, расхаживая по кабинету.

Быстро решив вопрос по мобилизации, проект создания Ставки Сталин попросил оставить у себя. С 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905—1918 годов рождения на территории почти всех округов, за исключением Средней Азии и Дальнего Востока. На европейской части страны вводилось военное положение. Приграничные округа преобразовывались во фронты.

Мельком взглянув на карту, Сталин помрачнел еще больше, и Тимошенко поспешил заверить его, что в ближайшее время обстановка прояснится и будет отображена на карте. Сталин молча кивнул, и Николай Федорович, быстро сложив карту, попросил разрешения убыть в Генштаб. Сталин снова молча кивнул.

Николай Федорович сразу отправился на узел связи, в коридоре его остановил адъютант, попросил позвонить жене. Ватутин снял трубку.

— Дело плохо, дорогая, — сказал он, — слушайте радио...

Операторы подготовили новые листы карты и под руководством Василевского наносили на нее элементы боевого порядка. Ватутин только включился в работу, как раздался звонок, — Жуков приглашал к себе.

— Еще не успели, Георгий Константинович, — начал было Ватутин.

— Ничего. Я по другому поводу. Мне приказано срочно убыть на Юго-Западный фронт как представителю Ставки Главного Командования. На Западный убывает Шапошников. За меня остаешься ты. Бери все в свои руки. Ставка и Генштаб должны знать об-

становку. Это прописные истины, но приходится их говорить даже тебе. Свяжусь с вами, как только прибуду на место...

Николай Федорович не хуже Жукова понимал, что даже частичная потеря управления значительно усложняет организацию отпора врагу, но что было делать? Несмотря на самые энергичные меры, к исходу дня Николаю Федоровичу удалось получить от фронтов только неполные данные. Времени на их осмысление почти не оставалось. Опять пришлось ехать с наркомом в Кремль для одобрения директивы № 3. Когда Ватутин прочитал текст директивы, он с удивлением посмотрел на Тимошенко:

— Товарищ маршал, ведь это же нереально, о каком разгроме противника на его территории может идти речь, если мы даже не знаем положения дел на фронте? Это ведь окончательно запутает командующих фронтами.

— Вопрос не подлежит обсуждению, — мрачно сказал Тимошенко. — Таково мнение товарища Сталина. Документ составлялся практически с его слов. Мнение свое ты, конечно, иметь можешь, но советую его держать при себе...

— Но вы-то пытались?

— Не пытался, и тебе, повторяю, не советую...

Сталин утвердил директиву сразу, и Ватутин, глядя в его запавшие глаза, понял, что вряд ли сейчас найдется человек, способный ему возразить.

Жуков позвонил вечером. Ватутин сам хотел с ним связываться. Перед отправкой директивы требовалась подпись начальника Генштаба.

— Сначала обстановку, — сразу прервал доклад Ватутина Жуков.

— Есть! — ответил Ватутин и придвинул к себе карту. — На данное время, несмотря на все принятые меры, нам не удалось получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения врага весьма приблизительные. Нет точных данных о потерях авиации и личного состава. Кузнецов и Павлов оба без доклада наркому уехали куда-то в войска. Штабы фронтов пытаются их разыскать...

— Но какие-то данные есть? — раздраженно прервал Жуков.

— Авиаразведка докладывает, что бои идут вокруг наших укрепрайонов и частично на глубину 15—20 километров нашей территории. Связи у фронтов с армиями нет.

— Что еще?

— Требуется твоя подпись под директивой № 3.

— В чем суть директивы?

— Переход в контрнаступление с окончательной задачей разгрома противника на его территории. Я против, но вопрос уже решен.

— Хорошо, ставь мою подпись. Жду докладов, — сказал Жуков и положил трубку.

Ватутин тяжело вздохнул и посмотрел на стоящего рядом Василевского.

— За работу, товарищи, — сказал он. — Кстати, как ты себя чувствуешь? Установите очередность, надо отдыхать. Свяжитесь с семьями. Им сейчас очень нужны ваши звонки, ведь мы не на фронте, а совсем рядом.

— Спасибо, Николай Федорович. Дома все в порядке, а отдыхать будем после войны.

Вот как описывает эти дни в Генштабе сам А.М. Василевский: «Наше Оперативное управление превратилось в настоящий «улей», куда прилетавшие с линии фронта «пчелы» доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке. Информация распределялась по трем отделам, сложившимся соответственно трем главным направлениям боевых действий: Северо-Западному, Западному и Юго-Западному. Не переставая работали Бодо — телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало. Главная работа сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживающие связь с войсками. Всюду карты — географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима боевая техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке...»

23 июня была образована Ставка Главного Командования. В нее вошли Сталин, Тимошенко, Буденный, Ворошилов, Жуков, Кузнецов, Молотов. Одновременно при Ставке создавался институт военных советников в составе Вознесенского, Воронова, Жданова, Жигарева, Кулика, Мерецкова, Микояна, Шапошникова. Во втором списке нашел себя и Ватутин.

Четверо последующих суток он провел у операторов, ни на минуту не сомкнув глаз. Теперь уже Василевский и Маландин по очереди уговаривали его лечь отдохнуть, но он категорически отказывался. Положение на фронтах становилось все более угрожающим. 26 июня, докладывая Жукову, Ватутин сообщал:

— Дела в Прибалтике и Белоруссии сложились крайне неблагоприятно. 8-я армия Северо-Западного фронта отходит на Ригу. 11-я армия пробивается в направлении Полоцка; для усиления фронта

из Московского военного округа перебрасывается 21-й механизированный корпус. Положение 3, 10 и 4-й армий Западного фронта чрезвычайно тяжелое. Неорганизованный отход 3-й армии из района Гродно и 4-й армии из района Бреста осложнили ситуацию в 10-й армии. Она продолжает драться в окружении, опираясь на Осовецкий укрепрайон. Организованы контрудары в направлении Гродно, Молодечно, Пинска, но, по последним данным, противник вышел к Минску. Товарищ Сталин нервничает и склонен винить во всем командование Западного фронта, его штаб, упрекает в бездеятельности маршала Кулика. Маршал Шапошников находится при штабе Западного фронта. Кулик где-то в 3-й армии. Сегодня приказано сформировать Резервный фронт и развернуть его на линии Сущево — Невель — Витебск — Могилев — Жлобин — Гомель — Чернигов — река Десна — река Днепр. В состав фронта включаются 19, 20, 21-я и 22-я армии. У вас дела получше, а на Западном фронте — плохо.

— Знаю, Николай Федорович, — устало проговорил Жуков. — Сегодня говорил с товарищем Сталиным. Приказал мне возвращаться в Москву, встретимся в Генштабе.

Но встретились они в кабинете Сталина. Когда Жуков вошел в кабинет, Тимошенко и Ватутин стояли уже два часа навытяжку и выслушивали горькие упреки Сталина. Усталый, с покрасневшими от бессонницы глазами Ватутин едва держался на ногах, и только сила сталинского гнева, незаслуженная обида еще поддерживали в нем последние силы.

Поздоровавшись с Жуковым, Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке?

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал Жуков.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Генералы вышли в соседнюю комнату. Обстановка на карте была сложная, но они не знали, что в действительности она еще сложнее. Передовые части противника углубились в нашу территорию на 120—130 километров, а местами и на все 250... Западнее Минска в окружении дрались остатки 3-й армии генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова и 10-й армии генерал-майора К.Д. Голубева. Разбитые части 4-й армии генерал-майора А.А. Коробкова отходили в Припятские леса. Некоторые части двигались уже восточнее Минска к реке Березина.

— Надо организовывать оборону восточнее Березины, перед Резервным фронтом, создавать эшелонированные в глубину оборонительные рубежи, изматывать противника и остановить на одном из рубежей, — предложил Ватутин.

— Как за Березиной? Ведь там еще не начались бои.

— Уверен, что начались, — возразил Ватутин,— и, возможно, где-то немцы уже форсировали реку. Ведь полнокровных, хорошо организованных частей там нет. Только окруженцы. Конечно, надо сдерживать противника и там, но прочной обороны не построить.

— Тем самым усилим отступательные настроения, — не сдавался нарком.

— Это все эмоции, товарищ маршал, а нужны действенные меры.

— Ватутин в целом прав, — вступил наконец в разговор Жуков. — Предлагаю организовать оборону за Березиной, но основываться на позициях Резервного фронта. Другого нам не дано. Предлагаю немедленно занять оборону на рубеже Западная Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь, используя для обороны 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того, срочно приступить к созданию рубежа обороны по линии Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий Ставки. Следует также сформировать две-три армии из дивизий Московского ополчения.

— Георгий Константинович, что мы только о Западе говорим, ведь у Кузнецова тоже плохо? — сказал Ватутин.

— Запад — это Москва, и именно здесь хуже всего дела, фронт-то распался, — устало возразил Жуков. — А что на севере?

8-я армия генерала П.П. Собенникова и 11-я армия генерала В.И. Морозова избежали окружения, но из-за отсутствия должной организации и управления несли большие потери и отступали по расходящимся направлениям. В тяжелом положении оказалась 27-я армия генерал-майора Н.Э. Берзарина. Она стояла насмерть в районе Даугавпилса, но ее уже со всех сторон охватывали немецкие танковые дивизии.

Ватутин показал это на карте.

— А это что? — указал Жуков на небольшую красную стрелку, нацеленную из района Опочка, Идрица на Даугавпилс.

— Это мое предложение выдвинуть 21-й мехкорпус Лелюшенко с задачей отбросить противника от Даугавпилса и не допустить форсирования Западной Двины.

— Предложение толковое, — сразу ответил Жуков. — Один мехкорпус, конечно, мало, но в настоящее время и это серьезная сила. А генерал Лелюшенко — командир хороший.

Сталин без замечаний утвердил решение по Западному фронту и, посмотрев предложения по 21-му мехкорпусу, сказал:

— Это Ватутин уже предлагал, но раз настаиваете, я согласен.

Лелюшенко форсированным маршем двинулся к Даугавпилсу, но 56-й мотокорпус Манштейна уже форсировал Западную Двину и захватил город. И все же 21-й мехкорпус не подкачал. С ходу вступив в бой, Лелюшенко серьезно потрепал Манштейна, остановил

его продвижение и, по сути дела, спас армию Берзарина от окружения. Правда, под давлением превосходящих сил противника, ударов авиации корпус вынужден был занять оборону, но держал ее прочно вплоть до 2 июля.

Сам фельдмаршал Эрих фон Манштейн через много лет в своей книге «Утерянные победы» писал: «Вскоре нам пришлось на северном берегу Двины обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот».

Это было первое, пока еще заочное столкновение Ватутина с Манштейном. Потом они встретятся в непосредственном единоборстве под Псковом и Сталинградом, на Курской дуге и Левобережной Украине, Днепре и под Корсунь-Шевченковским.

Старый прусский генерал Эрих фон Манштейн начал службу в генеральном штабе за 22 года до того, как начал ее Ватутин, был одним из наиболее талантливых гитлеровских генералов. Любимец фюрера, автор плана танкового прорыва через Арденны на тылы французской армии и выхода к Дюнкерку. Удара, который Черчилль назвал «удар серпом». Во Французскую кампанию он командовал корпусом, который первым вышел к Сене, форсировал ее, прорвался к Ла-Маншу и разорвал фронт на Сомме. Во главе корпуса двигалась знаменитая 7-я танковая дивизия генерала Роммеля — «дивизия призраков». В Россию Манштейн тоже вошел во главе корпуса. И здесь сошлись пути заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии и заместители начальника генштаба германской армии. Это противоборство в конечном счете выиграл крестьянский сын Николай Ватутин.

К сожалению, меры, принятые Ставкой Главного Командования, не привели к улучшению положения дел на фронте. 30 июня был снят с должности и предан суду вместе со своим штабом командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов. На его место был назначен маршал Тимошенко. В тот же день в качестве представителя Ставки Ватутин отправился на Северо-Западный фронт.

— Мы не получаем от Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и нахождении его танковых и моторизованных соединений, — напутствовал Ватутина Жуков. — Гадать на кофейной гуще равносильно преступлению. Поэтому принято решение направить группу представителей Генштаба, разобраться на месте в обстановке и принять все меры к наведению порядка. Выезжай немедленно!

Николай Федорович позвонил домой, сказал жене, что уезжает сегодня в ночь на фронт, и попросил собрать вещи. Татьяна Романовна тихо ойкнула, но тут же взяла себя в руки.

Давно собраны вещи, тщательно и с любовью упакован чемодан, уже легли спать дети, а Татьяна Романовна сидела на кухне, прислушиваясь, не стукнет ли дверь в подъезде. Но вот на лестнице послышались знакомые шаги, и Татьяна Романовна бесшумно открыла дверь. В первый раз с начала войны переступил Николай Федорович порог своей квартиры. Покрасневшие глаза, осунувшееся, плохо выбритое лицо без слов сказали Татьяне Романовне о бессонных ночах. Она включила свет в ванной, бросилась на кухню, но Николай Федорович остановил ее ласковым движением руки.

— Не надо, Таня. Ужинать не буду. Меня внизу ждут люди. Успею только побриться, попрощаюсь с детьми — и в дорогу...

Через пять минут выбритый, посвежевший генерал на цыпочках вошел в детскую. Едва касаясь губами, поцеловал горячие щечки дочери, потный лобик сына и несколько минут молча всматривался в родные лица. Сердце сжалось от тоски. Сзади всхлипнула жена, и он, взяв себя в руки, вышел из детской. Быстро поцеловал жену, взял чемодан, шинель. Уже в дверях еще раз обернулся и сказал:

— Не волнуйся, Танюша. Все будет хорошо. Вернусь с победой, береги себя и детей.

Из Москвы Ватутин со своей группой выехал на нескольких машинах. Пока ехали по городу, он мысленно перебирал в памяти последние данные по Северо-Западному фронту. Остатки 11-й армии и 27-я армия с боями отходили на Псков и Новгород, и Ватутин впервые подумал об угрозе Ленинграду. 8-я армия, окончательно потеряв связь с другими войсками фронта, отходила на север к Таллину. Создавалась угроза главной базе Балтийского флота. А где же немцы? Где наши войска? Неужели никто не смог противостоять врагу? Да нет, есть сведения о достойном сопротивлении.

«Все, хватит себя терзать!» — подумал Ватутин. Машина вырвалась на Ленинградское шоссе.

— Дуй что есть силы, — сказал он водителю и закрыл глаза. Сон мгновенно сморил его...

Не полностью укомплектованные 8-я и 11-я армии Северо-Западного фронта выдержали небывалой силы удар группы армий «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба. 1389 танков и 1070 самолетов, почти 8000 орудий и минометов, более 650 тыс. солдат, опьяненных победами в Польше и во Франции, ринулись на территорию Советской Прибалтики. Противник имел двойное превосходство в личном составе и полуторное в артиллерии, не говоря о качественных параметрах оружия. Удар был настолько силен, что уже на восемнадцатые сутки войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию, часть территории РСФСР. Создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которо-

му с юга были практически не укреплены и не прикрыты войсками.

И все-таки несправедливо говорить о полнейшей неспособности войск фронта к сопротивлению. Там, где войска успели занять оборонительные рубежи, они сражались стойко и наносили противнику значительный ущерб. Части дивизии полковника Голубева 23 июня перешли у Таурогена в контратаку, разбили противника и гнали его 18 километров. К сожалению, не имея поддержки, дивизия вынуждена была отойти. Насмерть стояли 67-я стрелковая дивизия и моряки под Лиепаей. Южнее Шяуляя противотанковая бригада полковника Полянского остановила врага и сорвала все его попытки ворваться в город. Первый бой принял и полковник Черняховский, будущий полководец этой войны. Его 28-я танковая дивизия не только остановила врага в районе Колтинекай, но и вклинилась в его боевые порядки более чем на 5 километров, уничтожив при этом 14 танков, 20 орудий и около полка пехоты. Юго-западнее Шяуляя он долго сдерживал противника, обеспечив отход 8-й армии на рубеж Западной Двины. Успешные боевые действия 27-й армии генерала Берзарина и механизированного корпуса генерала Лелюшенко тоже нанесли противнику значительный урон.

Несколько лет спустя, в 1947 году, на процессе над военными преступниками в Полтаве бывший командир танковой дивизии СС «Мертвая голова» Гельмут Беккер свидетельствовал: «В первый же час войны мы двинулись из Восточной Пруссии в Прибалтику, рассчитывая безостановочно идти к Ленинграду. Достигнув Двинска, дивизия вынуждена была остановиться. В этот день мы вели тяжелый бой, и поле боя осталось за нами, но мы заплатили очень дорогой ценой за победу. За всю войну во Франции дивизия не имела таких потерь. Я хотел узнать, как русские строят оборону, и со своими офицерами обошел поле боя. Мы увидели высокое искусство инженерных сооружений и особенно маскировки: подходя к самым огневым позициям, трудно было их заметить. В окопах у пулеметов и на огневых позициях батарей лежали стрелки и артиллеристы, не покинувшие солдатского поста и раздавленные нашими танками. Силу огня русской артиллерии мы узнали сразу. К этому прибавились действия танков КВ и Т-34, против которых были бессильны немецкие танки Т-III и Т-IV. Здесь я впервые увидел, что русские закапывают танки в землю и тогда их можно подбить только с ближней дистанции с большими для себя потерями...»

Если бы на этот героизм наложить четкую организацию и управление войсками, итоги даже первых боев были бы иными. В отчетных документах 3-й танковой группы немцев указывалось: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом, сопротивление оказыва-

лось отдельными, разобщенными друг от друга вражескими группами. Многочисленные укрепления были недостаточно обеспечены гарнизонами или же не имели их вовсе. Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное и храброе сопротивление, стоял насмерть»[1].

Вот для восстановления целенаправленного и планового руководства и спешил на фронт Ватутин. Проснулся он, когда машина уже свернула с Ленинградского шоссе на проселки и, петляя лесными дорогами, устремилась к Псковскому шоссе. На нем творилось что-то невообразимое. По шоссе, обочинам вперемежку с беженцами отходили разрозненные подразделения и просто группы солдат. Полковые двуколки перемешались с крестьянскими подводами, велосипедами, тележками обывателей. У мостов бурлили непробиваемые пробки. И над всем этим скоплением людей кружили самолеты со свастикой. Разрывы бомб и пулеметные очереди на какое-то мгновение разгоняли толпу, но, едва самолеты уходили, она вновь собиралась у моста. Возле одной из переправ Ватутин не выдержал, приказал остановиться и направил офицеров для наведения порядка. Сам же подошел к группе бойцов, расположившихся чуть в стороне у дороги.

Увидев генерала, вскочил молоденький лейтенант и подбежал с докладом, но Николай Федорович остановил его:

— Отставить, товарищ лейтенант! Откуда люди?

— Из-под Даугавпилса, товарищ генерал. Трое суток стояли насмерть, потом немец обошел и подавил танками. Вот, можно сказать, что осталось от полка. — Лейтенант показал на несколько десятков бойцов. — Вы не думайте, что мы бежим. Нам бы какой сборный пункт, ведь с нами знамя полка.

— Хорошо, лейтенант. Будете отвечать за порядок на переправе. Всех проходящих бойцов отправлять к Пскову, там будет открыт сборный пункт. Выставить боевое охранение, пулеметы. Пока я оставляю с вами своего офицера. Скоро пришлю подмогу. За знамя — спасибо!

С большим трудом нашел Ватутин в лесу южнее Пскова штаб Северо-Западного фронта. Лес после бомбежки горел, зияли свежие воронки, распространяя удушливый запах взрывчатки, белели посеченные осколками стволы деревьев. Некоторые, вырванные с корнем, создавали причудливые завалы. Несколько палаток, штабных машин, медпункт опутывали висящие прямо на ветках деревьев телефонные провода. Вокруг расхаживали люди. Все это лишь отдаленно напоминало штаб какого-нибудь тылового формирования, но уж никак не орган управления войсками фронта.

[1] Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 500, оп. 12478, д. 231, л. 5.

После короткого, но серьезного разговора с автоматчиками роты охраны и их командиром Ватутин в отвратительном настроении с трудом разыскал в одной из палаток руководство.

Начальник штаба фронта генерал П.С. Кленов выглядел подавленным и не мог толком доложить обстановку даже вокруг командного пункта фронта, не говоря уж о войсках. Член Военного совета фронта корпусной комиссар П.А. Диброва только мучительно краснел и разводил руками. Никто в штабе не знал, где находится командующий фронтом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов.

— Какие сведения из армий? Где находится противник? Где мехкорпус Лелюшенко? — не выдержал Ватутин. — Вы хоть знаете, где 11-я армия и то, что она потеряла до 75 процентов боевой техники и до 60 процентов личного состава?

— Да. Сейчас вроде бы есть сведения, — доложил Кленов.

— Откуда?

— Пришла телеграмма из Ставки.

— Дайте! — Ватутин открыл папку.

Тимошенко телеграфировал командующему Северо-Западным фронтом: «В районе станции Довгилишки, Контыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать.

Ставка Главного Командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод этой армии из района Свенцяны в район севернее Десны...»[1]

— Вот видите, Ставка через делегатов связи, забрасываемых с радиостанциями, добывает сведения, а вы здесь, на фронте, ничего не знаете. Позор! Командующий видел телеграмму Ставки?

Ватутин говорил спокойно, не повышая голоса, но от этого спокойствия еще тяжелее становилось на душе у генерала Кленова.

— Никак нет, — ответил он. — Командующий где-то в районе 27-й армии. Только вчера получили его приказ войскам, оборонявшим правый берег Двины, отходить в Псковский, Островский и Себежский укрепрайоны. А уже сегодня он отменил это распоряжение и потребовал со 2 июля перейти в наступление с целью восстановления обороны...

— Все ясно, — прервал его Ватутин. — Буду докладывать в Ставку и, не скрою, просить о замене командования фронта.

Однако Москва опередила Ватутина. Аппарат Бодо выдал очередную телеграмму. Решением Ставки ГК командующим войсками фронта назначался генерал-майор П.П. Собенников, членом Военного совета — корпусной комиссар В.Н. Богаткин, начальником штаба — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. Телеграмма заканчива-

[1] ЦАМО. Ф. 8, оп. 930688, д. 41, л. 152.

лась словами: «...до прибытия Собенникова фронтом командовать Ватутину...»

Отдать свое первое распоряжение в новой должности Ватутин не успел. Над лесом раздался гул подходивших бомбардировщиков. Скоро гул превратился в отвратительный визг. Самолеты начали пикировать, и грохот разрывов потряс лес. Перед Николаем Федоровичем в клубах дыма и пыли вздыбились деревья. В воздухе мелькали обрывки палаток, ветки деревьев, провода. Тугая волна толкнула генерала, сорвала фуражку и потянула к земле. Но он устоял. Бомбы начали ложиться все дальше и дальше. Прислонившись к дереву, Ватутин отряхнул китель, поднял иссеченную осколками фуражку и подозвал генерала Кленова:

— Я вас попрошу до убытия заняться наведением порядка в районе командного пункта. Прежде всего организуйте помощь и эвакуацию раненых, вышлите рекогносцировочную группу в район Новгорода. Пусть начинают там оборудовать новый командный пункт, причем не забывают о запасном КП, и главное, чтобы оборудовали несколько узлов связи. Вслед за группой отсюда немедленно отправить все лишние машины. Оставшиеся надежно замаскировать. На новом месте провести все инженерные работы, а здесь немедленно отрыть щели. Штаб в любых условиях должен являть собой образец организованности и порядка. Ко мне вызовите летчиков и офицеров связи...

Через несколько минут вокруг начальника штаба собрались офицеры.

— Товарищи, — тихо сказал Ватутин, — не буду лишний раз повторять о сложности обстановки, но вынужден напомнить, что потеря управления — катастрофа для войск и самое тяжелое преступление командира. Мы обязаны восстановить управление. Летчикам приказываю искать не только штабы армий и дивизий, но и полков, отдельных частей. Знаю, что выполнить задачу трудно, что садиться и взлетать придется не с аэродромов, зачастую под огнем, но другого выхода нет. По вашей радионаводке на мотоциклах и броневиках отправятся офицеры оперативной связи. Больше инициативы, самостоятельности, смекалки, больше мысли. Думайте, как лучше выполнить приказ. Мы очень на вас надеемся, товарищи. Маршруты получите в оперативном отделе...

Офицеры разошлись, и в штабе началась кропотливая, принимающая черты осмысленности работа.

Николай Федорович понимал, что один человек, какими бы способностями он ни обладал, не сможет разобраться сразу со всем, что происходит на огромном участке фронта. Невозможно одному генералу отдавать приказания, контролировать их выполнение, организовывать разведку, снабжение частей, отрабатывать планы будущих сражений. Это под силу только мощному, хорошо

организованному штабу — коллективу подготовленных, опытных, трудолюбивых офицеров. И эффективность работы такого коллектива во многом зависит от атмосферы, царящей в штабе, от степени взаимодействия людей и даже их личных симпатий и антипатий.

Как опытный психолог, Ватутин не стал менять старых работников, не винил подчиненных в неудачах, а нашел среди офицеров людей, умеющих трезво и верно оценивать обстановку, не терявшихся в трудных условиях, и, опираясь на них, начал строить всю работу штаба. Скоро и остальные штабисты обрели уверенность.

Стали поступать первые донесения из войск. Николай Федорович впервые почувствовал, что получает настоящую информацию, сведения, которые можно обрабатывать и на их основе готовить серьезные предложения по организации отпора врагу. Сведения были немедленно доложены в Ставку, а Ватутин начал выводить резервы на УРы.

Правда, сведения были в основном неутешительные. Настолько неутешительные, что, так и не успев отрыть щели и создать нормальные условия для работы, штаб был вынужден переместиться в район Новгорода. Немцы, ударив в стык 8-й и 27-й армий, устремились к Пскову. Боевые действия на линии укрепленных районов по реке Великая тоже не принесли ожидаемых результатов. Отходившие соединения опаздывали с выходом в назначенные районы, задерживались с подходом резервы. А немецкие моторизованные части опережали наши войска, рвали слабые цепи прикрытия, использовали разрывы между отходившими войсками. Укрепрайоны оказались разоруженными. 6 июля передовые части 4-й танковой группы немцев заняли Остров, 9 июля — Псков. 8-я армия окончательно оторвалась от частей фронта и отошла на линию Пярну — Тарту. Генерал Собенников в этих условиях пока не мог прибыть на КП фронта. Остатки 11-й и 27-й армий отходили. Создалась угроза прорыва группы армий «Север» к Ленинграду.

Ставка требовала во что бы то ни стало остановить неприятеля, выстоять до создания Лужского рубежа обороны. Но Ватутин не хотел просто стоять, в его голове уже зрел план возможного контрудара. Вечером при докладе в Ставку он долго не решался сказать о своей задумке. Жуков же как всегда лаконично и строго говорил о мероприятиях Ставки:

— Для создания глубоко эшелонированной обороны на дальних подступах к Ленинграду Ставка привлекает часть сил Северного фронта, объединенных в Лужскую оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта Пядышева. Какие в связи с этим мысли, Николай Федорович?

— Мысли есть, — решил-таки выговориться Ватутин. — Немцы рвутся вперед, по сути дела, двумя колоннами — 41-й и 56-й кор-

пуса. Думаю, есть возможность их потрепать. Если Лужская оборонительная линия окажется устойчивой, то 41-й корпус там завязнет, а я в это время ударю по Манштейну.

— Под Лугу выходят четыре стрелковые дивизии, — немедленно ответил Жуков, — три дивизии народного ополчения, Ленинградские стрелково-пулеметное и пехотное училища и отдельная горно-стрелковая бригада. Сила серьезная. Относительно Манштейна продумай все лучше, посоветуйся с комфронтом. Думаю, действовать можно. Жду докладов. Кстати, есть решение о создании главных направлений и главных командований. У вас во главе будет стоять Ворошилов, на Западе — Тимошенко, на Юге — Буденный. Будете докладывать Ворошилову, но в копии давайте телеграммы мне.

— Обязательно доложу, Георгий Константинович...

Вскоре после этого разговора на КП прибыл наконец командующий фронтом генерал П.П. Собенников. Петр Петрович был старым, опытным солдатом. Еще в первую мировую войну вахмистр Собенников в составе конногвардейской саперной бригады воевал в этих местах. Совсем недавно он даже обнаружил недалеко от Риги свою бывшую землянку. В годы Гражданской войны он командовал дивизией, потом в мирное время корпусом, 8-й армией. Армию Собенников оставил в сложном положении, когда начались бои за Таллин.

До войны Ватутин занимал более высокую должность, но понимал, что боевого опыта командования крупными соединениями у Собенникова больше, и принял его назначение с пониманием. Вообще для Николая Федоровича было характерно отсутствие чрезмерного тщеславия.

Командующий фронтом тоже несколько настороженно ожидал совместной работы с бывшим заместителем начальника Генерального штаба, хотя был наслышан о его профессионализме, эрудиции. Но оба генерала в тяжкий для родины час оказались выше личных амбиций, и отношения между ними с первых минут сложились не только деловые, но и дружественные.

Аргументированные предложения Ватутина неизменно встречали поддержку командующего фронтом. Разговор о контрударе Николай Федорович решил не откладывать.

— На чем основываются ваши предложения? — спросил Собенников.

— Вчера партизаны через разведчиков передали карту с оперативной обстановкой 4-й танковой группы противника. Взята у убитого офицера. Как мы и предполагали, 41-й мотокорпус рвется на Ленинград через Лугу по кратчайшему пути, а 56-й корпус Манштейна — в обход через Новгород.

— Соревнуются, мерзавцы...

— Вроде того. И в этом соревновании потеряли всякую осторожность. Думаю, под Лугой 41-й корпус завязнет, а Манштейна надо бить.

— Какими силами?

— 11-я армия у нас сейчас доукомплектована. Ставка разрешает взять часть сил с Северного фронта, обещает авиацию.

— Ну, ну, — заинтересованно протянул Собенников, и Ватутин развернул перед ним карту.

— Удар будем наносить по сходящимся направлениям по флангам Манштейна: с севера из района Городище на Ситню, а с юга — вот сюда... севернее Дно.

— Надо провести точный расчет сил и средств, доложить наверх и...

— Жуков в принципе не против, я с ним говорил. А расчет готов. Звоните.

Собенников кивнул, и генералы пошли на узел связи. Ставка одобрила идею. Для усиления фронту передавались несколько стрелковых дивизий и авиаполков.

Через несколько часов Ватутин доложил командующему фронтом замысел операции. Для нанесения контрудара с севера привлекались 21-я танковая и 237-я стрелковая дивизии — из района Городище на Ситню. Из района Уторгоши на Сольцы должна наступать 70-я стрелковая дивизия. С юга по правому флангу корпуса Манштейна наносила удар 183-я стрелковая дивизия. Поддерживало операцию более 200 самолетов.

В момент подготовки операции штаб Северо-Западного фронта посетили главнокомандующий направлением Ворошилов и член Военного совета Жданов. Собенников был в войсках 11-й армии, и докладывать пришлось Ватутину. К удивлению Николая Федоровича, главком не стал до конца слушать предложения штаба фронта по контрудару.

— Все ясно, — прервал Ворошилов Ватутина в самый ответственный момент доклада. — Главное — это усилить оборону, строить ее глубоко. На фронте и в тылах установить железную дисциплину и порядок. Передайте войскам, что Ленинград устоит и гитлеровцам никогда не бывать на его улицах.

Ворошилов еще долго говорил общие фразы, иногда в его речь вклинивался Жданов. Николая Федоровича несколько удивила эта ненужная декларативность, но он решил промолчать.

После этого общего разговора Ворошилов и Жданов сразу засобирались в войска, и Николай Федорович безуспешно пытался их уговорить не ездить на передовую. В воздухе свирепствовали «мессершмитты», гонявшиеся за каждой машиной. Уговоры не помогли. Взяв сопровождающих, Ворошилов и Жданов уехали. Больше со стороны руководства направления указаний фронту не поступа-

ло. Впрочем, скоро главные направления были расформированы. Позже Николай Федорович слышал о безрассудном участии Ворошилова в штыковых атаках на Лужской линии, но, восхищаясь храбростью маршала, сомневался в его способностях руководить крупными воинскими формированиями в условиях современной войны.

14 июля 1941 года дивизии 11-й армии нанесли мощный контрудар по флангам 56-го моторизованного корпуса Манштейна. Удар был настолько неожидан и так хорошо организован, что противник в первое время был буквально парализован. Прорвав слабые фланговые прикрытия, советские войска отсекли главную группировку корпуса — 8-ю танковую дивизию, 3-ю моторизованную, часть сил дивизии СС «Мертвая голова» — и начали ее планомерное уничтожение.

За четыре дня боев эти соединения были практически уничтожены, а их остатки отброшены более чем на 60 километров. Лишь пришедшие на помощь части 16-й немецкой армии сумели остановить отход, а точнее, бегство своих танкистов. Наши войска захватили первые крупные трофеи, на поле боя осталось большое количество уничтоженной боевой техники врага. Так, только от ударов авиации Манштейн потерял более 30 танков. В 8-й немецкой танковой дивизии после боев под Сольцами из 200 танков в строю осталось лишь 80.

В разгар боев Николай Федорович впервые увидел пленных эсэсовцев. Взяты они были, что называется, тепленькими, когда беззаботно двигались по Новгородскому шоссе. То ли от жары, то ли от чрезмерного употребления шнапса немцы сидели в боевых машинах в одних трусах, горланили песни, и даже когда подбили их головной танк, а сами они автоматными очередями были выгнаны из машин, многие из них не верили, что попали в плен. Так, в трусах, с растерянными лицами, они и предстали перед русским генералом.

Ватутин с интересом рассматривал немцев, стараясь понять их психологию, а те постепенно приходили в себя, и вот уже в их взглядах появилась надменность, брезгливо опустились уголки рта, неприкрытой злобой вспыхнули зрачки. Высокий белокурый немец шагнул вперед и что-то начал говорить, потом закричал, заплакал.

— Что это он? — спросил Ватутин.

— Ругается и жалеет, что так глупо попал в плен, — ответил переводчик. — Он — лейтенант, воевал в Польше и во Франции, имеет два Железных креста. Говорит, что, когда немцы войдут в Ленинград, они жестоко отомстят за это унижение, а он готов к расстрелу...

— Переведите, что мы пленных не расстреливаем... Для меня он не лейтенант. Лейтенанты в трусах не воюют. Ленинград им не ви-

дать, как собственных ушей. И пусть не жалеет, а радуется, что остался жив. Пройдет время, мы войдем в Берлин, и тогда он будет благодарить судьбу, что она бросила его в русский плен в самом начале войны.

Дивизии Манштейна были сняты с фронта на переформирование и отдых и более месяца не участвовали в боях. Это было первое и не последнее поражение, которое нанес генерал Ватутин «лучшему представителю германского генерального штаба», «лучшему стратегу Восточного фронта». Крепко досталось на Лужском рубеже и 41-му корпусу. Немцы впервые на этом участке перешли к обороне.

Жуков в своих мемуарах писал: «Контрудар 11-й армии был хорошо организован. Его поддержала авиация. От неожиданности противник повернул вспять и начал поспешный отход. Преследуя вражеские войска, части 11-й армии нанесли им большое поражение. Если бы не помощь подоспевшей 16-й армии, 56-й мотокорпус Манштейна был бы уничтожен. С подходом дополнительных сил противника 11-й и 27-й армиям Северо-Западного фронта пришлось отойти на рубеж Старая Русса — Холм.

Группа армий «Север», наступавшая в составе двух армий и одной танковой группы, встретив упорное сопротивление на Лужском укрепленном рубеже, в районе Дно, на рубеже Старая Русса — Холм, а также в районе Кингисепп — Сиверский, понесла большие потери и без дополнительного усиления уже не могла наступать на Ленинград».

Немцам понадобилось более трех недель, чтобы начать новое наступление. 8 августа противник атаковал по всему фронту. 18-й немецкой армии удалось рассечь в Эстонии на две части 8-ю армию и выйти к Финскому заливу. Началась героическая оборона Таллина. Три недели мужественно сражались части 10-го корпуса 8-й армии, морская пехота, сводный полк латышских и эстонских стрелков против почти в три раза превосходящего противника. 29 августа Таллин был оставлен. Корабли Балтийского флота под огнем артиллерии и авиации противника ушли с войсками на борту на Кронштадт. Потери в транспортах и вспомогательных судах были значительны, но боевое ядро флота сохранилось полностью. Другая часть 8-й армии отходила от Нарвы и Кингисеппа на Ораниенбаум.

Но самый мощный удар гитлеровцы нанесли с юга и юго-запада. 8 августа с небольшого плацдарма на реке Луга немцы устремились в сторону Красногвардейска (Гатчины), а 10 августа перешли в наступление на лужско-ленинградском и новгородском направлениях. Под Лугой завязались тяжелые бои. В это время 1-й армейский корпус 16-й армии врага рвался к Новгороду.

Штаб Северо-Западного фронта ждал этого наступления. Ватутин даже готовил новый контрудар, возлагая особые надежды на приданную фронту 6 августа 34-ю армию.

— Если немцы не прорвут Лужскую линию в лоб, то полезут в обход, это их обычный маневр, — докладывал он генералу Собенникову. — А значит, удар на Новгород предрешен. Будем держать его, нет слов, но нельзя ограничивать себя пассивными действиями. И где гарантии, что пассивной обороной выдержим удар?

— Там у нас 28-я танковая дивизия Черняховского, — не удержался Собенников. — Если подбросим ему войск, он выстоит. Сейчас не до жиру, быть бы живу в обороне.

— Позвольте с вами не согласиться, Петр Петрович. Черняховского знаю, один из лучших командиров, и дивизия у него боевая, но пополнить ее можем только людьми, каждый танк на учете. Иван Данилович, конечно, будет стоять насмерть, но гораздо большей помощью для него будет контрудар из района Старой Руссы, Демянска силами 34-й и 11-й армий в направлении Дно. Мы обязаны наносить контрудары. Они не только задерживают противника, но и отвлекают силы с других участков фронта. Надо отвлекать противника от Ленинграда.

— Ну хорошо, Николай Федорович, готовьте расчеты.

— Они у меня уже готовы, — улыбнулся Ватутин и развернул карту.

Генералы склонились над ней, и через два часа у командующего фронтом не осталось никаких сомнений.

— Докладывайте Ворошилову, — приказал Собенников Ватутину, — а я буду звонить в Ставку.

«Добро» было получено и из Ленинграда и из Москвы. Контрудар намечалось нанести 14 августа, но противник опередил события. 10 августа немецкие танки рванулись к Новгороду, а только 12 августа во фланг и тыл прорвавшегося противника ударили войска 34-й и 11-й армий. Николай Федорович не уходил с узла связи. Из войск приходили обнадеживающие донесения. Звонил вновь назначенный начальником Генерального штаба Шапошников, передал, что 8 августа образована Ставка Верховного Главнокомандования во главе со Сталиным. Верховного заинтересовал удар под Старой Руссой, но больше беспокоило новгородское направление. К 14 августа контрнаступающие войска 34-й армии совместно с частями 11-й продвинулись вперед на 60 километров и начали всерьез угрожать прорывавшейся к Новгороду группировке врага. Немцы немедленно предприняли контрмеры.

— Что не радуетесь, Николай Федорович? — спросил у Ватутина командующий фронтом. — Разведка докладывает, что под Старой Руссой появились части из Франции и Бельгии.

— Это все хорошо, но главное, кажется, все-таки развернулось у Новгорода. Немцы оттуда не сняли ни одной дивизии. Прошу разрешения съездить к Черняховскому. Жаль, помочь ему нечем. Впрочем, заберу с собой танковый взвод охраны штаба. Для такого танкиста, как Иван Данилович, два КВ — это уже сила.

— Хорошо, езжайте, — не без сомнения разрешил Собенников, — но сразу назад. Чувствую, еще придется повозиться с нашим контрударом. Сегодня 15 августа, продержаться бы до 20-го...

— Почему до 20-го?

— Немцы начали 8-го. По всем законам у них на операцию уходит две недели. Если не прорвутся за это время, значит, остановили...

— Не будем гадать, — пожал плечами Ватутин.

Подбежал вызванный командир танкового взвода.

— Просим в танк, товарищ генерал, — обратился он к Ватутину.

— Нет-нет, мне надо все видеть и слышать, а у вас темновато, да и тесновато, — отказался Ватутин, — я уж лучше в своей «эмке».

— Может, возьмем броневик? — не унимался лейтенант. — Все-таки самолеты...

— Я же сказал — нет! Броневики нужнее делегатам связи.

К Черняховскому Ватутин добрался в один из самых драматических моментов боя — немцы ворвались на западную окраину Новгорода. Над городом висели немецкие бомбардировщики, воздух сотрясался от разрыва бомб, горели дома, деревья.

Наблюдательный пункт командира 28-й танковой дивизии располагался на втором этаже полуразрушенного кирпичного здания недалеко от городского вала. В амбразуру заделанного кирпичами окна хорошо просматривалась Новая Мельница и слобода Покровская. Когда к дому подкатили «эмка» и танки, Черняховский оторвался от бинокля и хотел спуститься вниз. Но дверь отворилась, и вошел Ватутин.

— Отставить! — прервал он рапорт Черняховского и выглянул в амбразуру. — Что делается, Иван Данилович? — указал он рукой на блестевшие в огненных сполохах купола древней Софии.

— Тяжело, товарищ генерал...

— Не то слово, Иван Данилович. Привел тебе два танка, но зато каких — КВ! Это все, что может выделить Военный совет фронта. Вот и делай выводы. Но есть и хорошие вести. На юго-западе мы контрударом подрубили тылы вашего противника, рассчитываем, что он остановит атаку Новгорода. На долю 28-й дивизии выпала ответственнейшая задача — продержаться два-три дня.

— Есть! — коротко ответил Черняховский.

Ватутин обнял комдива и через несколько минут покинул НП дивизии...

Черняховцы держались до последнего. К концу дня они отбили тринадцатую атаку. Два КВ, пришедшие с Ватутиным, поработали на славу. Неуязвимые для немецких пушек, они наводили страх одним своим появлением, но враг был силен, и остаткам дивизии пришлось отойти за Волхов. В общем-то Ватутин не ошибся — встали и немцы, но, к сожалению, не надолго.

Немецкое командование все-таки перебросило под Старую Руссу с новгородского направления и из-под Луги две дивизии и 8-й бомбардировочный авиакорпус. Со смоленского направления из состава 3-й танковой группы подошел 39-й моторизованный корпус (танковая и две моторизованные дивизии). Этих сил было более чем достаточно, чтобы не только остановить, но и отбросить контрнаступающие советские войска. К 25 августа они организованно отошли на реку Ловать. Уже во время этого отхода немцы вернули моторизованный корпус на новгородское направление. 20 августа немецкие танки вышли к Чудово и перерезали железную и шоссейную дороги Москва — Ленинград.

Николай Федорович почернел за эти дни. Но что можно было сделать при такой катастрофической нехватке сил и средств? Воспаленный мозг искал выхода, просчитывал варианты, и каждый звонок из Москвы заставлял думать о самом плохом.

— Николай Федорович, голубчик, — устало говорил Шапошников, — принято решение о создании Ленинградского фронта под командованием генерала Попова. Верховный недоволен. Главные направления расформированы, и Ворошилова направили на Ленинградский фронт. Выделяется отдельный Карельский фронт. На восточном берегу Волхова развертываются две армии — 54-я и 52-я. К сожалению, снят Собенников, у вас новый командующий генерал-лейтенант Курочкин. В общих чертах ваша задача — прочно сесть на Валдайской возвышенности. И готовьтесь встречать гостей — представителя Ставки генерала Мерецкова. Все пока...

Ватутин представлял, что означают слова «Верховный недоволен». Порадовала лишь одна весть — едет Мерецков. Николай Федорович знал об аресте Кирилла Афанасьевича и других военачальников — Штерна, Смушкевича, Рычагова. Поверить в вину Мерецкова было просто невозможно, но после тридцать седьмого года все было в порядке вещей. Тут и за себя нельзя было ручаться.

Ныне не сохранилось свидетельств, что против Ватутина собирался компромат, но исключать такую возможность не стоит. Особенно если сопоставить атмосферу доносительства и подозрительности того времени с принципиальностью Николая Федоровича.

Как бы то ни было, но реабилитацию, возвращение в армию видных военачальников, в том числе К.К. Рокоссовского, К.А. Мерецкова, Л.Г. Петровского, А.В. Горбатова и других, люди восприняли с большим удовлетворением и как торжество справедливости.

Проводы Собенникова и встреча нового командующего фронтом генерал-лейтенанта Курочкина прошли быстро и буднично. Обстановка на фронте не позволяла отвлечься даже на несколько часов. Павел Алексеевич Курочкин пользовался в войсках заслуженным авторитетом. Его 20-я армия достойно показала себя в Смоленском сражении. Курочкин и Ватутин знали друг друга давно, вместе учились в Академии Генштаба, и вопроса о сработанности просто не стояло.

Конфигурация линии Северо-Западного фронта определялась его оборонительными позициями по Ильменю и реке Ловать. Новгородская оперативная группа генерал-майора И.Т. Коровникова стремилась вернуть Новгород; 11-я армия генерал-лейтенанта В.И. Морозова пыталась освободить Старую Руссу; 34-я армия генерал-майора К.М. Качанова занимала оборону к западу от реки Пола; 27-я армия генерал-майора Н.Э. Берзарина прикрывала город Холм.

Доложив обстановку, Николай Федорович тяжело вздохнул и, поймав вопросительный взгляд Курочкина, добавил:

— Очень беспокоит недоукомплектованность частей личным составом, остро не хватает боеприпасов, танков, самолетов, и ко всему этому никак не могу наладить должного управления. Командармы и их штабы еще не научились управлять войсками, часто теряют связь с дивизиями, с соседями. Мало мы занимались этим до войны, не донесли до каждого командира огромную важность умелого использования средств связи... Вот теперь и пожинаем плоды.

— Не переживай, Николай Федорович, — успокоил его Курочкин, — научимся и будем бить врага.

— Я и не сомневаюсь, но учиться надо было в мирное время. Сейчас за эту учебу платим солдатской кровью. Солдат-то в чем виноват? Он воюет неплохо. Какими жертвами все обернулось на западе, на юге? Да и у нас — враг под Ленинградом...

— Знаю. Сам только что с Западного фронта. Обстановка там не улучшается. И под Киевом положение — хуже некуда. Но что говорить, надо воевать! Как ведет себя противник?

— Противник зашевелился. Опять появился 56-й корпус Манштейна, в авангарде 16-й армии этот старый знакомый стоять не будет. Немцы прорвали оборону на Ловати и рвутся к Селигеру. Тяжелее всего будет Качанову.

— Вот и давай думать. Тем более к нам следуют представители Ставки. Не люблю контролеров, но, может, подбросят резервов?

9 сентября на фронтовом аэродроме Военный совет Северо-Западного фронта встречал представителей Ставки К.А. Мерецкова, Н.А. Булганина и Л.З. Мехлиса. По дороге в штаб фронта в машине Николай Федорович в общих чертах доложил Мерецкову обстановку. Глядя на Кирилла Афанасьевича, Ватутин не смог скрыть удивления. Ватутин помнил его плотным высоким красивым мужчиной, всегда подчеркнуто аккуратным, даже щеголеватым. Сейчас тот выглядел изможденным, с ужасными мешками под глазами и какой-то внутренней тоской во взгляде. Николай Федорович взял в ладони руку Мерецкова и почувствовал, что она дрожит.

— Ничего, ничего, — быстро сказал Мерецков, — если бы вы знали, как я рад. Сразу по приезде доложите обстановку подробнее. Меня очень беспокоит 34-я армия.

В штабе около карты Ватутин почувствовал себя уверенней и спокойно продолжил доклад:

— 27-ю армию отделяет от противника система озер, заливов и водных рукавов севернее Селигера. Здесь немцам наступать трудно. Нужен большой перевес сил, а создать они его не могут — все силы бросили под Ленинград. На правом фланге 11-я армия зарылась в землю северней населенных пунктов Парфино, Пола и Лычково. Здесь немцы увязли в болотах и потеряли наступательный темп. Больше всего нас беспокоит левый фланг 11-й армии и весь участок 34-й армии, прикрывающий путь на Крестцы, Валдай и Бологое. У начала Валдайской возвышенности место сравнительно сухое, мы предполагали подготовить здесь хороший контрудар, но немцы нас опередили. Обстановка там сложная. Войска сильно ослаблены, потеряли до 60 процентов личного состава, испытывают недостаток в технике, вооружении, боеприпасах и с трудом держат оборону...

Ватутин замолчал, собираясь с мыслями, но заговорил Мерецков:

— По-моему, товарищи, все ясно. Сейчас главная задача — стабилизировать линию фронта, укрепить позиции и не дать врагу пробиться к Вышнему Волочку. Командующий 16-й немецкой армией генерал-полковник фон Буш уже мечтает обойти наши соединения, стоящие у реки Волхов, и, наступая в сторону Рыбинска, разъединить наши Западный и Северо-Западный фронты. Нужно учесть, что Ставка не может сейчас дать крупных подкреплений. Начинается крупное сражение западней Москвы. Немцы вышли к Ладожскому озеру и окончательно замкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда. Обстановка крайне тяжелая, и все-таки Ставка сочла возможным укрепить вас резервами, подойдет и немного танков. Руководить танковыми частями будет сам командующий бронетанковыми войсками Федоренко. Предлагаю немедленно

отправиться по армиям и на месте, выяснив обстановку, принимать решение. Ваше мнение, Павел Алексеевич? С какой армии начнем?

Курочкин от неожиданности вздрогнул.

— Только что звонил в 11-ю армию. Морозов докладывает уверенно, настроение бодрое, на вопросы отвечает без заминки. Думаю, 11-я подождет. Беспокоит только, что штаб армии находится западнее деревни Лычково, а в ней уже немцы. Но связь работает... Командующий Новгородской оперативной группой докладывает, что у них обстановка спокойная, — продолжал Курочкин. — Поэтому предлагаю ехать на юг в 27-ю и по пути посмотреть, что происходит в 34-й.

— Решено! — хлопнул ладонью по столу Мерецков.

— Кирилл Афанасьевич, — встал из-за стола Ватутин, — прошу разрешения все же съездить на север. Есть сведения, что войска отходят с рубежа реки Волховец. Там 28-я дивизия Черняховского. Я в него верю, но хотелось бы посмотреть. Помогу хотя бы авиацией.

— Если командующий фронтом не против, я не возражаю.

Когда Николай Федорович прибыл на НП Черняховского, обстановка на участке дивизии была сложная. Ее части вели бой в нескольких километрах восточнее Новгорода. Полки соседних дивизий действительно отходили с рубежа реки Волховец, и немцы сразу начали выходить на фланги 28-й дивизии. В обороне образовались бреши, которые нечем было закрыть. Связь с соседями часто нарушалась, и положение становилось просто критическим. Поэтому, когда над полем боя появились наши самолеты, Черняховский даже вскрикнул от радости. А вскоре отступавшие соседи не только остановились, но и перешли в контратаку. Немедленно атаковал врага и Черняховский. Прорвавшиеся немецкие части были зажаты в тиски и уничтожены. В этот момент и появился на НП Ватутин.

— Товарищ генерал! — обратился было с рапортом Черняховский, но Ватутин обнял его и сказал:

— Как я с твоими соседями повоевал? Славно? Спасибо за помощь, Иван Данилович. Правильно действуешь. Сам погибай, но соседу помогай...

— Товарищ генерал, это вы нам помогли. Я никак не мог понять, что за чудо произошло: отступающие вдруг переходят в контратаку, будто подменили людей.

— Люди те же, но есть некоторая добавка. — Николай Федорович показал на сопровождавшего его полковника в авиационной форме. — Хорошо поутюжили фашиста наши летчики. Ничего, будет у нас скоро и самолетов и танков достаточно. Вот тогда немец почувствует настоящую силу нашего удара.

Короткая встреча еще больше сблизила этих людей. Судьба будет постоянно сводить их вместе, вместе будет расти их военный талант и, к сожалению, уготовит им одинаковую мученическую смерть...

В штаб фронта Ватутин возвращался в неплохом настроении, но оно сразу испортилось, как только он увидел командующего. Курочкин буквально почернел лицом, в землянке политуправления что-то пронзительно кричал Мехлис. Только Мерецков оставался спокоен и сосредоточен.

— Что случилось? — тихо спросил Курочкина Ватутин.

— Дела хуже некуда, — так же негромко ответил тот. — По пути в 27-ю армию совсем недалеко от нашего КП, у совхоза Никольского, встретили начальника штаба 34-й армии полковника Озерова. Из беседы с ним поняли, что он не знает, где находится штаб и большинство дивизий армии. Командарм Качанов послал его нам навстречу. Прямой связи со своими дивизиями они не имеют уже трое суток.

— А что же нам не докладывали?

— Откуда я знаю. Мехлис хотел немедленно отдать Озерова под суд. Мерецков отстоял, сказал, что знает его с хорошей стороны еще по службе в БВО. Озерова отстранили от должности и назначили командиром полка. А вот Качанова, видимо, не спасти. Мехлис без разговора с Мерецковым доложил о нем в Москву. Берзарин тоже не может похвастаться хорошим управлением, в штабе отсутствует план действий на ближайшее время...

— Я же говорил. Это наша недоработка. Мы виноваты, — сокрушенно ударил кулаком по колену Ватутин. — Не умеем воевать. Поэтому нас и бьют. Как сражаются бойцы! Ведь нашим солдатам нет цены! А мы не умеем. Но надо учить людей, а не отдавать их под суд...

— Вот и Мерецков так думает, но обстановка...

Николай Федорович во многом оказался прав. Тот же Ф.П. Озеров впоследствии показал себя с очень хорошей стороны, дослужился до генерала, командовал дивизией, армией, возглавлял штаб Волховского фронта. О судьбе Н.Э. Берзарина сейчас знает каждый школьник. А вот несомненно способному генералу К.М. Качанову так и не суждено было больше подняться.

— Ну хватит шептаться, — прервал разговор Курочкина и Ватутина Мерецков. — Нужно принимать меры по выводу войск из окружения.

Много лет спустя Кирилл Афанасьевич Мерецков будет вспоминать: «По моему заданию один из штабных командиров перелетел на самолете По-2 через боевые порядки врага и обнаружил в лесу трех командиров этой армии — двух генералов и одного полковника. Разделив окруженные части армии на три колонны, они повели

их на прорыв. Из окружения вышли 163-я мотострелковая дивизия, 257-я и 259-я стрелковые дивизии, 270-й корпусной артполк с материальной частью, а также остатки нескольких других соединений, возглавленные начальником оперативного отдела штаба армии полковником Юдинцовым.

11 сентября неподалеку от деревни Заборовое мы установили контакт со вторым эшелоном штаба 34-й армии. Здесь оказались начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров и командарм К.М. Качанов. Оба они ничего толком о своих войсках не знали и выглядели растерянными. Через день армейское руководство было заменено...

Благодаря срочно принятым мерам, помощи представителей Ставки 34-ю армию удалось спасти, и Ватутин опять занялся любимым делом — подготовкой новой контрнаступательной операции. 12 сентября 11-я и 27-я армии пополнились каждая двумя дивизиями. Появились обещанные Ставкой танковые подразделения, которые привел сам Я.Н. Федоренко. Но сил было, конечно, маловато. В дивизиях насчитывалось не более 5 тыс. человек, а танков набрали всего около 50. Тем не менее по противнику было нанесено несколько контрударов, которые в определенной мере стабилизировали положение на Северо-Западном фронте. Войска прочно закрепились на линии от озера Ильмень до озер Селигер и Волго. Правда, немцы сумели создать демянский плацдарм, за который потом шла борьба вплоть до конца 1943 года, но в целом фронт отбил все вражеские попытки выйти на Валдай.

За Ватутиным прочно установилась репутация мастера контрударов, но сам он невысоко оценивал свои действия, как и действия командиров всех степеней в тяжелые дни 1941 года. Тогда нервозная обстановка, возникавшая из-за частых и не всегда оправданных перемещений, а то и расправ над командирами, не способствовала их успешной деятельности. Это было единодушное мнение многих военачальников, но в то суровое время не у многих из них хватало мужества высказать его. Уже через много лет после войны А.М. Василевский писал: «Надо заметить, что первоначальные неудачи Красной Армии показали некоторых командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложной обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться. Сталин же исходил из того, что, если боевые действия развиваются не так, как нужно, значит, необходимо срочно произвести замену руководителя. Перемещения касались всего аппарата Наркомата обороны, Генерального штаба и руководства войсками, однако такое отношение к кадрам в первые месяцы войны далеко не всегда давало положительные результаты».

Ватутин очень болезненно воспринимал все неудачи, как свои лично, так и своих подчиненных. Многие из них приводили к гибели людей. Так, однажды на одном из участков наступления загорелся торф. Выгорев снизу, он почти не изменил поверхности земли. Во время атаки бойцы проваливались в горящее месиво. Чудовищная ловушка поглотила и несколько боевых машин. А командиры наступающих подразделений, не разведавшие заранее пути наступления, все гнали людей на смерть. Очень сокрушался по поводу этой преступной нелепицы Николай Федорович.

В боевых порядках полков, где Ватутин бывал регулярно, он не лез безрассудно под огонь, но, если того требовала обстановка, пулям не кланялся. Ему — начальнику штаба фронта — пришлось на реке Волховец в одном из боев останавливать бегущих солдат и вести их в контратаку.

О том, насколько умелым руководителем штаба был генерал Ватутин, есть масса свидетельств. Все их можно свести примерно к следующему. Для Николая Федоровича не существовало в штабе второстепенных служб, не было пренебрежения и равнодушия к докладу любого офицера, и люди, видя это, старались изо всех сил. Ватутина всегда отличала исключительная правдивость в докладах. Этого он требовал от своих подчиненных, этого придерживался сам, какая бы горькая правда ни стояла за тем или иным событием на фронте. Не было напускным и его спокойствие в критических ситуациях, хотя, конечно, он нервничал, срывался, но это никогда не отражалось на его подчиненных. Задерживая доклады высшему штабу, он экономил часы, а то и дни, в которые могли вылиться, например, лишние передвижения в бою или операции.

В критические дни сражений, подготовки операций Ватутин не спал сутками, позволял себе забыться часа на два, поставив рядом телефон.

— Когда же он спит? — удивлялись офицеры штаба.

Были ли у него ошибки? Несомненно были, но он умел делать правильные выводы, быстро перестраивать свою работу, мыслить творчески, нестандартно. Поэтому даже в жестокие сорок первый и сорок второй годы Николай Федорович остался в числе немногих военачальников довоенного периода, доказавших способность руководить большими массами войск в современной войне и добиваться успеха.

Даже обычное письмо домой может проиллюстрировать силу духа этого человека. В те суровые дни он писал с фронта:

«Милая Танечка!

Шлю сердечный горячий привет и крепко целую тебя и Ленусю. Горячий привет и Витюше.

Не удивляйтесь, пожалуйста, и не обижайтесь, что пишу редко. На фронте работы очень много. Все мысли заняты тем, как бы лучше организовать и побольше уничтожить врага, не упустить ни одного случая, чтобы нанести ему поражение. Часто нам это удается... Мы на фронте твердо настроены бить врага до конца. Вы в тылу также не падайте духом.

Русский народ никогда не будет побежден.

Теперь коротко о себе. Пока здоров. Очень часто вспоминаю вас, дорогие мои! Ленусечку прошу получше заниматься. Не забывайте меня. Я без вас скучаю. Пишите, как здоровье. Горячо целую, любящий твой Коля, твой папа.

До свидания».

На Северо-Западном фронте наступило затишье. Взоры страны, да и, наверно, всего мира были прикованы к Ленинграду и Москве, Тихвину и Ростову. Советско-германский фронт сжался, как пружина. Все чувствовали, что где-то что-то должно произойти. Ожидание достигло последнего предела. И началось...

Сначала немцам не удалось замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда, их остановили буквально на пороге Москвы. Потом последовала серия сокрушительных ударов под Тихвином, Ростовом, в Крыму — и, наконец, Московское наступление. Как же облегченно вздохнули тогда люди! И не потому, что были грандиозны масштабы проведенных операций, а потому, что уверились: непобедимых немцев, находящихся в зените могущества, можно бить, и бить крепко. Соответственно, утвердилась в людях вера в окончательную победу.

В октябре 1941 года Ватутину посчастливилось участвовать в одной операции. Для предотвращения удара немцев из района Калинина на Торжок, что давало им возможность выйти в тыл Северо-Западного фронта и к Бологому, по указанию Ставки была создана оперативная группа войск. Командовать ею доверили генерал-лейтенанту Ватутину. Он временно передал свои обязанности заместителю начальника штаба и приступил к срочной подготовке операции. В районе Медного, между Калинином и Торжком, группа нанесла противнику сильный удар и сковала его силы. Немцы перешли на этом участке к обороне. Николай Федорович вернулся к своим обязанностям и практически до конца года провел время в перипетиях позиционной борьбы и трудных раздумьях об итогах первых месяцев войны...

Длительное время в истории и литературе — в зависимости от того, кто стоял у руководства страны, — по-разному трактовали причины неудач Красной Армии в начальный период войны.

Либо все сводилось к субъективному фактору — преступления и просчеты Сталина, его некомпетентность, — либо всему отыскивались «объективные причины», в том числе и те, которых не существовало. И сейчас некоторые историки бросаются в крайности, договариваются до абсурда. И гуляют по страницам газет, журналов, книг цифры пленных, превышающие общую численность действующей армии, ставится под сомнение правомочность приказа № 227, зачитанного в свое время в каждой роте и принятого как должное фронтовиками. Уже ставится под сомнение целесообразность проведения Берлинской операции, отрицается всенародный размах партизанского движения. Есть авторы, иронизирующие над «мудрой стратегической мыслью советских военачальников» и объявляющие ее «легендой и мифом». Другие безапелляционно заявляют, что мы просто завалили противника горами трупов. Вот как оказывается все просто! А между тем из неоднократно опубликованных документов можно сделать определенные выводы, не прибегая к домыслам и не фантазируя об ошибках военачальников, трусости солдат, как это делают те, кто и пороха-то не нюхал.

А правда в том, что, захватив 12 европейских государств, Гитлер заставил воевать против нас фактически всю Европу. Военно-экономический потенциал противника во много раз превосходил потенциал СССР. Это позволило фашистам вооружить армию численностью в 8,5 млн человек, из которых 5,5 млн были сосредоточены у наших границ. Это была лучшая в мире армия с двухлетним боевым опытом, высоким морально-боевым духом, воспитанная на расовой теории превосходства немцев над остальными народами. Германия начала войну с полностью переведенной на военный лад экономикой, всем жизненным укладом страны. Мы начинали войну, что называется, с листа. Нельзя без горечи вспоминать наши неудачи, которые смело можно назвать катастрофами: окружение трех армий западнее Минска, Уманский котел, трагедия Юго-Западного фронта восточнее Киева и Западного в районе Вязьмы, отступление на сотни километров и потеря всей Прибалтики, Белоруссии, Молдавии, Украины. Враг стоял у стен Москвы и Ленинграда. «За период с 22 июня по сентябрь 1941 года советские войска потеряли около двух миллионов человек только пленными...» Это данные противника, но думается, они не преувеличены.

В чем же причина столь суровых испытаний, выпавших на долю советского народа? Вот уже без малого полвека размышляют об этом полководцы и историки, рядовые и генералы, политические деятели, писатели, обыватели. И вопрос остается открытым. Сложно сказать всю правду о войне. Да и можно ли?

Серьезные просчеты политического руководства, и прежде всего Сталина, военного командования несомненно главные субъектив-

ные причины. Во всех смертных грехах обвиняется Ставка. Здесь и потеря управления с первых часов войны, и запоздалые, а зачастую и необоснованные директивы, и неправильное расположение войск в приграничных округах. Подвергается сомнению и сам принцип централизации управления в годы войны. Хочется в этой связи напомнить высказывание авторитетнейшего полководца, который, не снимая с себя ответственности за поражения сорок первого года, мучительно пытался отыскать истину. Этим полководцем был Г.К. Жуков. Он писал: «В последние годы принято обвинять Ставку в том, что она не дала указаний о подтягивании основных сил наших войск из глубины страны для встречи и отражения удара врага. Не берусь утверждать, что могло получиться, если бы это было сделано: лучше или хуже. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспеченными противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, чем войска противника, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком тяжелом положении, в каком оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда в последующем сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на юге.

К этому следует добавить, что гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это была главная цель плана «Барбаросса» в начале войны».

Такой высокий авторитет, профессионал не берется утверждать, а некоторые наши исследователи запросто берутся.

Нельзя забывать и о том, что кроме крупнейших просчетов высшего военного командования была и большая безответственность низшего командного звена. Разве не знали руководители ВВС приграничных округов о необходимости рассредоточения самолетов по полевым аэродромам? Разве не знали некоторые командующие армиями о недопустимости отхода с позиций без приказа? Несанкционированный отход 3-й и 4-й армий Западного фронта — одна из причин окружения и гибели 10-й армии. Разве не знали командиры всех степеней о важности вопросов управления? И как тут не согласиться с горькими словами того же маршала Жукова: «...ошибки, допущенные руководством, не снимают ответственности с военного командования всех степеней за оплошности и просчеты.

Каждый военачальник, допустивший неправильные действия, не имеет морального права уходить от ответственности и ссылаться на вышестоящих. Войска и их командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить бое-

вую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указаний свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц...»

Все это говорится не для того, чтобы переложить вину с больной головы на здоровую, а для осмысления сложного клубка взаимоотношений и событий, сложившихся накануне войны. Кстати, от этой болезни — указаний свыше — мы не освободились и до сего времени.

Так же, через мучительные раздумья приходил к своим выводам о первых днях войны и соратник Жукова, тоже блестящий полководец А.М. Василевский.

«Если бы наши войсковые части и соединения, — писал он, — были своевременно отмобилизованы, выведены на предназначенные для них планом боевые рубежи, развернулись на них, организовали четкое взаимодействие с артиллерией, танковыми войсками и авиацией, то можно предположить, что уже в первые дни войны были бы нанесены противнику такие потери, которые не позволили бы ему так далеко продвинуться по нашей стране, как это имело место. Но отступать нам пришлось бы, так как немецко-фашистские войска все же имели ряд серьезных преимуществ, в том числе таких, как милитаризация экономики и всей жизни Германии, превосходство по ряду показателей в вооружении, численности войск и опыту ведения войны. И неправильно объяснять неудачное начало войны исключительно ошибками Сталина».

Рассматривая причины неудач, некоторые историки зачастую тщательно анализируют политические, военно-стратегические, личностные мотивы, но почему-то уделяют мало внимания такому фактору, как умение воевать. Да, были крупные просчеты, внезапность, отсутствие должного количества и должного качества вооружения. Но ровно через год, весной и летом 1942 года, уже внезапности не было, уже войска в значительном количестве получили и новые танки, и новые самолеты, и жизнь страны полностью перешла на военный лад, а нам опять пришлось испытать горечь тяжелейших поражений. Шутка ли сказать, гитлеровцы на Волге и Кавказе! Что мы, не знали о предстоящем летнем наступлении врага? Знали, пусть даже ошибаясь в направлении главного удара. Знали и даже сами пытались наступать, перехватить инициативу. А в результате? Нет, не научились еще к тому времени воевать должным образом ни солдаты, ни маршалы. А вот еще через год они выдержали куда более мощный удар. И не только выдержали, но и обрушили на врага такой ответный удар, после которого он уже не оправился до конца войны. Спросите у любого воевавшего в ту вой-

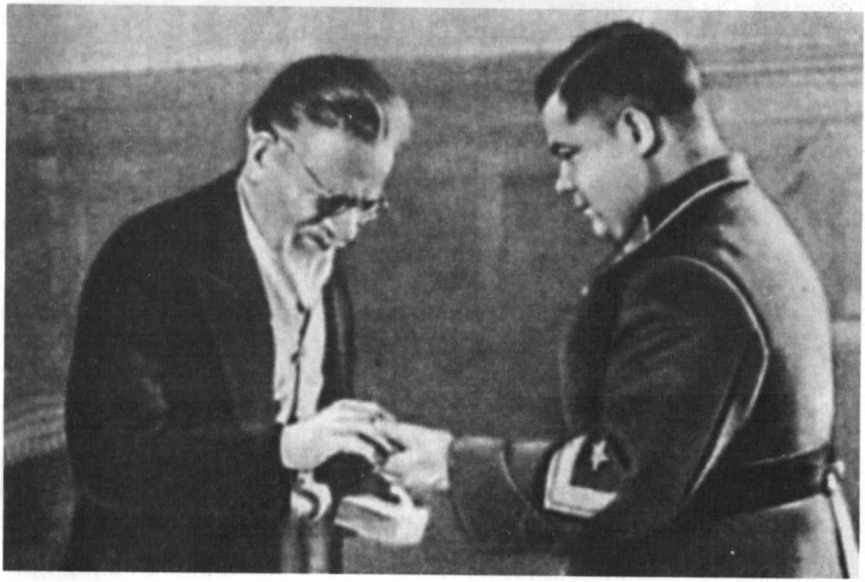

Родная земля...

Н.Ф. Ватутин с женой Татьяной Романовной

М.И. Калинин вручает Н.Ф. Ватутину государственную награду. 1941 г.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко

Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников

Начальник оперативного управления — зам. начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин

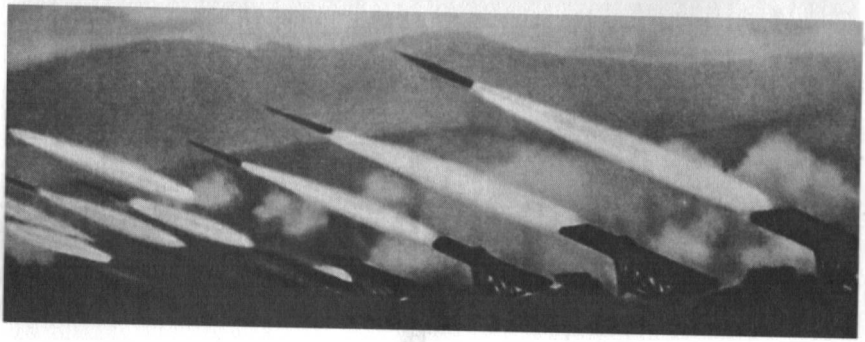

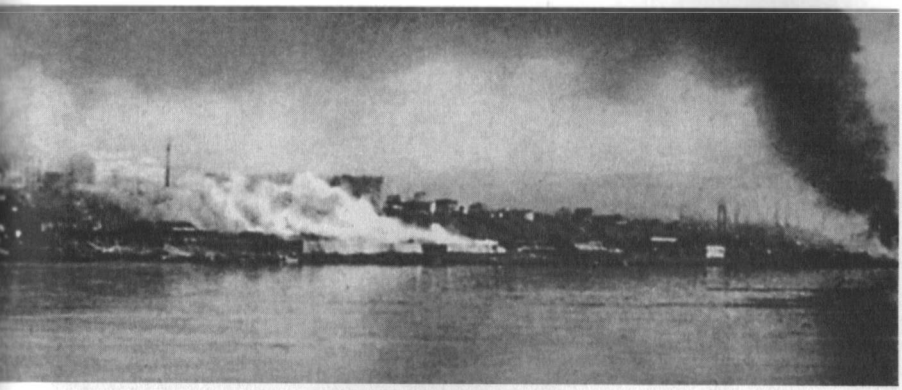
Заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба генерал-майор А.М. Василевский

Сталинград в огне. Август 1942 г.

◄Военный совет Юго-Западного фронта (слева направо): генерал-лейтенант М.М. Попов, генерал армии Н.Ф. Ватутин, генерал-майор М.В. Рудаков, генерал-лейтенант А.С. Желтов, генерал-лейтенант П.С. Иванов. 1943 г.

◄*Слева внизу*: Залп реактивной артиллерии, возвестивший о начале контрнаступления под Сталинградом 19 ноября 1942 г.

Встреча войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов во время окружения немецко-фашистской группировки. 23 ноября 1942 г.

Пленные немцы в Сталинграде

Воронежский фронт. На командирских занятиях. 1943 г.

Н.Ф. Ватутин в дни Курской битвы

Воронежский фронт. Атакуют воины 5-го гвардейского танкового корпуса. Август 1943 г.

Внизу: Кладбище немецких танков под Курском

Гитлер и командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн разрабатывают экстренные меры, чтобы удержать правый берег Днепра. Запорожье, сентябрь 1943 г.

Сплошные траншеи врага опоясали правый берег Днепра

Отступление немецких солдат с демянского плацдарма. Март 1943 г.

Бросок на правый берег Днепра. Сентябрь 1943 г.

Вперед на Киев!

Н.Ф. Ватутин на наблюдательном пункте под Киевом

Представитель ставки ВГК Г.К. Жуков, командующий 1-м Украинским фронтом Н.Ф. Ватутин (справа) и начальник штаба фронта А.Н. Боголюбов уточняют план проведения Корсунь-Шевченковской операции

Многотысячная колонна немецких пленных в Киеве после освобождения города

Так закончилось для гитлеровцев сражение под Корсунь-Шевченковским

Памятник генералу армии Н.Ф. Ватутину в Киеве

На похоронах Н.Ф. Ватутина: А.Ф. Федоров, С.А. Ковпак и А.Н. Сабуров несут боевые награды погибшего

Генерал армии Н.Ф. Ватутин

ну, спросите у молодых ребят, прошедших школу Афганистана, Чечни, что такое умение выполнять боевую задачу под пулями, осколками снарядов, гранат, под бомбовыми ударами. Спросите, сколько нужно умения, опыта, чтобы подняться в атаку и выжить...

Наконец, о главном, субъективном факторе, который у всех на устах — культ личности Сталина. Вина Сталина за поражения начального периода войны безмерна. Об этом немало говорится в воспоминаниях полководцев, людей, близко знавших Сталина в годы войны. Так, Жуков, давая характеристику Сталину, отмечал, что его военные познания «были сугубо дилетантскими», что, «плохо зная практическую сторону подготовки операций фронта, армии и войск, он ставил совершенно нереальные сроки начала операций, вследствие чего многие операции начинались плохо подготовленными, войска несли неоправданные потери, а операции, не достигнув цели, затухали». Любопытны воспоминания И.С. Конева, где о Сталине говорится: «Он не был человеком поля боя, он неважно разбирался в топографии, не чувствовал ее...»

Но, даже если учесть все последние исследования о войне, думается, будет ошибкой утверждать незначительность роли Сталина в достижении победы. Ведь он был и Председателем ГКО и Верховным Главнокомандующим! Поэтому, когда некоторые исследователи договариваются даже до того, что Сталин больше помогал Гитлеру, чем своей армии, что делал он все только для личного благополучия, и вообще, народ воевал как-то подпольно, вопреки воле и решениям Верховного, в душе ненавидя его, то, честное слово, становится по меньшей мере неловко за таких, с позволения сказать, исследователей.

Тот же Жуков писал: «Деятельность Ставки неотделима от имени Сталина... Мне очень нравилось в работе И.В. Сталина полное отсутствие формализма. Все, что делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями... И.В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками... Могу твердо сказать, что И.В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И.В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы... Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для ведения войны Верховный Главнокомандующий, прямо

скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему в этом должное».

Характерно, что аналогичные высказывания есть у великого русского писателя М.А. Шолохова. В интервью газете «Комсомольская правда» в дни 25-летия победы над фашистской Германией он сказал: «Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине».

Подобные оценки есть и в воспоминаниях Конева, Рокоссовского, Мерецкова. Трудно заподозрить этих людей в неискренности. Нет оснований полагать, что они чего-то не знали, находились под каким-то гипнозом. Достаточно претерпели от Сталина и его окружения и Жуков, и Конев, и Шолохов, не говоря уж о Рокоссовском и Мерецкове. Эти мужественные люди не хотели кривить душой, не хотели полуправды, и в этом их сила. Их высказывания о Сталине нельзя замолчать, исказить, дискредитировать. Это тоже часть правды, к которой мы стремимся.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Сталина помимо действительно выдающихся людей окружали и бездарные полководцы, такие, как Ворошилов, Буденный, Голиков, Тюленев, такие «мудрые политики и советники», как Молотов, Каганович, Маленков, Берия, Жданов, Микоян, Мехлис и другие. «Мне казалось, — вспоминал Жуков, — что Сталин, будучи органически не связанным с народом и его трудовой деятельностью, с его жизненными условиями, с думами и переживаниями, познавал жизнь народа по докладам членов Политбюро и Секретариата. Ну, а так как Сталину обычно докладывали вопросы в приукрашенном виде, естественно, он не знал истинного положения в стране, в глубинах жизни народа». Примерно в том же духе свидетельствовал Конев: «Сталин очень верил людям, как это ни странно звучит. Он был очень доверчивым человеком. Это была своеобразная сторона его мании величия, его очень высокого мнения о самом себе. И когда он смотрел на человека, разговаривал с ним, он считал, что человек, глядя ему в глаза, не может ему соврать, что он должен сказать ему правду и говорит ему правду. Вот почему он оказывался доверчивым, и люди преспокойно ему лгали и втирали очки».

Все это пишется не для того, чтобы обелить Сталина. В истории личность нельзя ни обелить, ни очернить. Со временем все становится на свои места. Более того, нельзя считать абсолютной истиной и высказывания самих полководцев. Оценки их безусловно субъективны. Кроме того, и сами они были совсем не ангелы, имели серьезные ошибки, просчеты и в практической деятельности, и в поведении.

Вот каким непростым, даже в первом приближении, оказывается переплетение объективных и субъективных факторов, приведших к трагедиям начального периода войны.

Думается, было бы не совсем верно оценивать этот период только как цепь неудач и поражений. Да, мы не умели воевать так, как научились позже, но воевали и наносили врагу более чем чувствительный урон.

Да, были минский, уманский, киевский, вяземский котлы, миллионы пленных, огромные территории, захваченные врагом, но была и Одесса, Смоленск, Ельня, Тихвин, Ростов, Керчь и, наконец, Москва. Что ни говори, а план «Барбаросса» — вершина военной мысли фашистской Германии — рухнул. Написать новую или полную правду о войне, как нам обещают некоторые писатели, не значит свести ее только к нашим бедам и поражениям. И если уж мы перестали верить своим исследователям, не грех обратиться к свидетельствам бывших гитлеровских военачальников. Группа таких бывших в книге «Мировая война, 1939—1945 годы» писала: «Солдатские качества русского воина, особенно его дисциплина, способность действовать, не обращая внимания на огонь противника и собственные потери, его стойкость в перенесении лишений и тягот войны были, вне всякого сомнения, очень высокими. <...> В результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска несли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны, были совсем непохожими на те, с которыми немцы встречались в предыдущих «молниеносных войнах», приведших к успехам, изумивших весь мир».

3 июля 1941 года начальник генерального штаба германской армии Гальдер в своем дневнике записал: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Но уже через месяц тон его записей изменился: «Ожесточенность боев, которые ведут наши подвижные соединения, действующие отдельными группами... не говоря уж о большой усталости войск, с самого начала войны непрерывно совершающие длительные марши и ведущие упорные кровопролитные бои, — все это вызвало известный упадок духа у наших руководящих инстанций...»

Было от чего упасть духу. К середине июля немецкие войска потеряли половину своих танков и 1300 самолетов, а потери личного состава к концу августа составили 441 тыс. человек, а к началу зимы — уже 800 тысяч.

После битвы под Москвой фашистские генералы стали более откровенны. Немецкий генерал Вестфаль признавался, что «немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани

уничтожения». Об этом же потом писали К. Типпельскирх, Г. Гудериан, Ф. Мантейфель, Г. Блюментрит и другие. В этой битве немцы в общей сложности потеряли более 500 тыс. человек, около 1300 танков, 2500 орудий и были отброшены от советской столицы на расстояние до 300 километров.

Таковы реальности, о которых тоже не следует забывать, углубляясь в подробный анализ наших тяжелейших поражений начального периода войны.

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

Новый, 1942 год в штабе Северо-Западного фронта встретили в напряженной обстановке. К этому времени некоторая растерянность гитлеровского руководства и психологический шок от ударов Красной Армии начали проходить. Сопротивление противника возросло, а наступательная мощь наших войск упала.

К 1 января 1942 года войска фашистской Германии вместе с союзниками насчитывали на Восточном фронте 3 909 тыс. человек, около 35 тыс. орудий и минометов и 1500 танков. Им противостояли с советской стороны 4 199 тыс. человек, 27,7 тыс. орудий и минометов, 1784 танка (в том числе 506 современных).

Общее соотношение сил было примерно равным, но задачи перед воюющими сторонами стояли разные. Гитлеровское командование основной задачей на зиму считало удержание занимаемых позиций и выигрыш времени на подготовку новых резервов, необходимых для будущего весеннего наступления. Из активных действий только группе армий «Юг» предписывалось, прочно удерживая рубежи, «добиваться взятия Севастополя, для того чтобы высвободить резервы и перебросить их из Крыма на другие участки фронта».

Советское Верховное Главнокомандование считало, что вермахт, деморализованный поражениями и плохо подготовленный к боевым действиям в зимних условиях, не сможет оказать должного сопротивления без восполнения понесенных потерь. Ставка приняла решение начать общее наступление на широком фронте от Ленинграда до Крыма. Войскам Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов предстояло нанести поражение группе армий «Север» и деблокировать Ленинград. Войскам левого крыла Северо-Западного фронта, Калининского, Западного и Брянского фронтов надлежало окружить и уничтожить главные силы группы армий «Центр». Юго-Западный и Южный фронты должны были решать задачу освобождения Донбасса, а Крымский и Кавказский фронты совместно с Севастопольским оборонительным районом завершить освобождение Крыма.

Ставка во многом исходила из военно-стратегической и политической необходимости. Слишком велико было желание освободить

из оккупации миллионы советских людей, вырвать из кольца блокады Ленинград, вернуть Донбасс и индустриальные районы юга страны. Вопрос об общем наступлении решался на совместном заседании Ставки и Политбюро ЦК ВКП(б),где все решило выступление Сталина, который прямо заявил, что «немцы в растерянности от поражения под Москвой, очень плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление». К сожалению, Ставка и прежде всего Верховный Главнокомандующий недооценили врага и переоценили состояние и качество боевой подготовки своих войск. Немцы располагали значительным количеством живой силы, техники, вооружения и боеприпасов для организации прочной обороны. Мы же были во всех отношениях не готовы к таким масштабным наступлениям. Ведь даже в годы наших последующих побед, мы не проводили одновременно подобных операций. Но слово Сталина было законом, а из военных никто не выступил против. Правда, пытался протестовать Жуков, но и то не против самого принципа, а только против такого количества операций. Да еще начальник Генерального штаба несколько раз повторил, что надо больше думать.

А думать было над чем. Тот же Северо-Западный фронт должен был участвовать одновременно в двух операциях на разных стратегических направлениях, нанося расходящиеся удары. Вот почему был так озабочен штаб фронта даже в новогоднюю ночь. Еще 18 декабря, в разгар Московского наступления, Ватутин получил директиву Ставки, которая предписывала: «Не позднее 26 декабря 1941 года нанести удар силами не менее шести усиленных стрелковых дивизий из районов Осташков в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудню, дабы во взаимодействии с войсками Калининского фронта отрезать пути отхода противнику и не дать ему возможности задержаться для обороны на заранее подготовленном рубеже оз. Оталово, Андреаполь, западный берег реки Западная Двина, Ярцево. В дальнейшем ударом на Рудню отрезать Смоленск с запада». Одновременно 11-я армия должна была нанести удар на Старую Руссу с ближайшей задачей овладеть этим городом и с последующей, наступая на Дно, Сольцы, «во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противнику со стороны Новгород и Лучи». 34-й армии предстояло «сковать противника на демянском направлении».

Более всего Николая Федоровича волновало направление главного удара по группе армий «Центр». Где взять те шесть полнокровных дивизий, если стоящая на этом направлении 27-я армия сильно ослаблена?

— Сорвем операцию, — озабоченно сказал, глядя на карту, Курочкин.

— Не имеем права, — ответил Ватутин, но и в его словах чувствовалась озабоченность. — Будем готовить, хоть с нашими крохами. Придется оголять 34-ю, подойдут маршевые батальоны. Эх, танков бы! Может, обратиться в Ставку?

— Другого выхода нет. Готовь данные.

Сколько передумал в эти дни Ватутин, сколько перебрал вариантов, но без усиления войск фронта даже думать о серьезном успехе было бессмысленно. С тяжелым чувством отрабатывал Николай Федорович оперативные документы, и только большое самообладание позволяло ему оставаться по-прежнему спокойным, доброжелательным. Хорошие вести все-таки пришли с директивой Ставки — о переносе времени наступления.

— Звонил Василевский, — удовлетворенно сообщил Курочкин. — Мы получаем новые 3-ю и 4-ю ударные армии. Это же такая силища! Да еще намечается передать нам 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса. Они сейчас формируются под Москвой. Ну, что думаешь?

— А что тут думать? — впервые за много дней улыбнулся Ватутин. — Конечно хорошо. Поставим их на направление главного удара. А как с танками, артиллерией, боеприпасами?

— Просил, но что в одном разговоре скажешь? Теперь ты просишь.

— И буду. Если говорить откровенно, радоваться особенно рано. На какое число перенесено наступление?

— На 7 января. Военный совет фронта сделает все, чтобы выработать правильное решение, мобилизовать бойцов, командиров, но главная сейчас работа твоя, Николай Федорович.

До Нового года штаб фронта трудился с огромной нагрузкой. Ватутин спал не более двух часов. В ежесуточных докладах в Ставку упрямо просил подкреплений.

— Не давите вы на меня так, — твердо отказывал Шапошников. — Все, что могли, дали. Вы же знаете, голубчик, эти вопросы решает сам Верховный. Две ударные армии, разве мало? Ведь в них по восемь—десять дивизий.

— Десять? — не унимался Ватутин. — Если учесть, что в каждой по 5 тысяч человек, то десять превратится в пять полнокровных.

— Сейчас везде так, голубчик. Зато какие командармы! Генералы Пуркаев, Еременко...

— Я понимаю. Конечно, и армии неплохо укомплектованы и командармы хорошие. Но у меня ведь еще две армии совсем слабые, а боевой техники на фронте, стыдно сказать, кот наплакал. Вы же знаете. На 250 километров фронта 800 орудий, 510 минометов и 170 танков. Авиация фронта насчитывает всего 69 исправных

самолетов. Боеприпасов всего на несколько суток, а мы собираемся наступать...

— Николай Федорович, вы опытный генштабист. Посмотрите на крупномасштабную карту. Сопоставьте задачи всех фронтов с нашими возможностями и поймете, что большего вам дать не можем. Думайте, думайте. Я уверен, что вы выработаете самое перспективное решение...

И Ватутин думал. Перед ним, как наяву, стояли вытянутые в одну тонкую линию войска. Сумеет ли слабо пополненная 11-я армия генерала В.И. Морозова осуществить прорыв почти на 110-километровую глубину к Сольцам без поддержки соседа справа и слева? А разве не нужны будут силы для наращивания удара 3-й и 4-й ударных армий на торопецком направлении? Ведь расположенная между ударными группировками 34-я армия, которой теперь командует генерал Берзарин, в лучшем случае может быть использована для прикрытия и служить связующим звеном. Еременко после осенней катастрофы Брянского фронта, которым командовал, будет выжимать из армии все, чтобы реабилитировать себя. Пуркаев тоже не забыл лета сорок первого. С ними трудностей не должно быть, а вот 11-я армия тревожит. Сил у немцев еще достаточно, и местность способствует более обороне, чем наступлению...

Ватутин знал, что сплошной обороны перед войсками фронта нет, но все населенные пункты превращены в очаги сопротивления, дороги блокированы. Между опорными пунктами существует хорошо налаженная связь и огневое взаимодействие, в условиях суровой зимы и бездорожья маневр больших масс войск затруднен и преодолеть даже очаговую оборону весьма трудно.

Значит, нужно рассчитывать на маневр мобильных, небольших, но хорошо вооруженных и подготовленных частей. Таких, как лыжные батальоны, десантные бригады. Эти летучие отряды должны прорываться между опорными пунктами, рвать связь, совершать диверсии, захватывать плацдармы. Войска же, входящие в прорыв, при упорном сопротивлении противника блокируют его очаги сопротивления и уничтожают их по частям уже после выхода на намеченные рубежи.

Обо всем этом вместе с планом операции Ватутин и доложил командующему фронтом.

— Кроме этого, — уже в заключение сказал Ватутин, — в сложившихся условиях возлагаю большие надежды на внезапность перехода войск в наступление. Зима, так выгодная противнику для обороны, должна стать нашим союзником. Снег, вьюги, метели помогут нам скрытно проводить маневр. Надо довести до командиров всех степеней, чтобы передвигались только ночью или в плохую погоду. Резервы до начала наступления держать в населенных пун-

ктах в глубоких тылах. Надо заставить немцев поверить, что перед ними все тот же ослабленный противник...

— Не забывать об экипировке личного состава, — добавил Курочкин.

— Безусловно. И о снабжении, особенно боеприпасами. И наконец, главное. Предлагаю начать операцию не с рассветом, а вечером. Это усилит внезапность. Немцы консервативны и считают, что наступать можно только с утра.

— Но Ставка определила срок 7 января!

— А мы и начнем седьмого, только вечером...

7 января 1942 года в 16 часов ударила вся артиллерия фронта, и дивизии первого эшелона 11-й армии южнее озера Ильмень атаковали противника. Наступление Северо-Западного фронта началось.

Фактор внезапности сработал хорошо. Используя всю мощь артиллерии, выбрасывая вперед лыжные батальоны, войска 11-й армии уже в ночь прорвали оборону противника и к исходу следующего дня продвинулись вперед на 6—10 километров. Еще через сутки наступления ударная группировка армии в составе трех дивизий подрезала правый фланг 290-й пехотной дивизии врага и завязала бой на северо-восточной окраине Старой Руссы. Одновременно лыжные батальоны и десантные бригады перерезали дороги от Старой Руссы на Шимск, две дивизии вышли к берегам Ловати, блокировав расположенные там опорные пункты.

Настроение на фронтовом КП поднималось с каждым новым сообщением, поступавшим из армий. Судя по тому, как принимал донесения Генштаб, в Ставке тоже были удовлетворены развитием событий. 8 января ударная группировка Калининского фронта прорвала вражескую оборону западнее Ржева и устремилась на Сычевку. Сообщив об этом Ватутину, заместитель начальника Генштаба Василевский добавил:

— Теперь дело за вами. Догоняйте Конева.

— Догоним и перегоним! — весело ответил Ватутин.

На следующий день в полосе более 100 километров перешли в наступление войска левого крыла фронта. 3-я ударная армия генерала Пуркаева устремилась в направлении Холм, Великие Луки. 34-я армия генерала Берзарина наступала в районе Демянска, обеспечивая правый фланг ударной группировки. Войска с упорными боями по льду форсировали озеро Селигер, прорвали тактическую оборону противника. Продвижение войск левого фланга отслеживал командующий фронтом. За правым флангом наблюдал начальник штаба. Дела вроде бы шли хорошо и поэтому, когда на пятые сутки наступления Курочкин увидел растерянное лицо Ватутина, он догадался, что что-то произошло.

— Неужели встали? — спросил он, озабоченно потирая бритую голову.

— Пока не встали, но притормозили серьезно. Из 11-й армии донесения тревожные — не могут взять Старую Руссу. 84-я дивизия отстала от основных сил армии, артиллерия и танки застряли в глубоком снегу.

— Меры приняли?

— Так точно. Генералу Морозову направлена телеграмма. — Николай Федорович открыл папку и начал читать: — «Для решения вопроса по захвату Старой Руссы крайне необходимо форсировать действия 84-й стрелковой дивизии. Кроме того, полк второго эшелона 188-й стрелковой дивизии также может быть брошен для атаки Старой Руссы. Все другие силы армии — по вашему усмотрению...»

— Достаточно. Что еще?

— К сожалению, Павел Алексеевич, как мы и предполагали, замедлила наступление 34-я армия, а это оголяет фланги 3-й ударной. Вообще, мне кажется, надо сосредоточивать усилия на демянском выступе. Надо его срезать и зажать немцев в котел. На Сольцы прорваться 11-й армии будет трудно, точно так же, как 34-й догнать 3-ю ударную. Берзарин распыляет силы на мелкие стычки. Буду с ним связываться...

В тот же день Ватутин вызвал на связь командарма 34-й и самым серьезным образом указал ему, что для нанесения фланговых ударов он выделяет недостаточные силы, но и те «распыляются на блокирование и атаку мелких населенных пунктов, вместо того, чтобы смело обходить их, выходить в тыл и продвигаться вперед, в тыл демянской группировки противника».

К сожалению, даже после принятия надлежащих мер 34-я армия не смогла выполнить все указания штаба фронта. Говорить о какой-то поддержке правого крыла 3-й ударной армии не имело смысла. Берзарин отчаянно сражался с нависшим из демянского выступа 2-м армейским корпусом немцев. Более того, теперь уже 3-й ударной армии пришлось обеспечивать фланги 34-й армии, вступив в ожесточенные затяжные бои за населенные пункты Ватолино и Молвотицы.

На левом фланге 3-я и 4-я ударные армии продолжали успешное наступление. Особенно удачно действовала группировка 4-й ударной армии. Немцы получили на этом участке ряд неприятных сюрпризов. Так, в районе города Пено они создали мощные укрепления, соединив их с опорными пунктами своеобразным огневым мешком, который исключал фланкирующие удары наших войск. Но, укрепляя стены мешка, фашистские стратеги не уделили должного внимания его основанию. Действительно, с точки зрения здравого смысла наносить здесь удар было невозможно. Но Ватутин нашел здравый смысл как раз в том, чтобы ударить именно здесь. И оборона врага была смята в считанные часы.

Еще более неожиданным для врага оказалось наступление одной дивизии и двух лыжных бригад по лесному бездорожью на правом фланге 4-й ударной. Несколько небольших опорных пунктов, оборудованных немцами на этом направлении, лыжники обошли, блокировали и ушли вперед. К 12 января войска генерала Еременко выполнили задачи, поставленные командованием фронта. 9-я немецкая армия отступала и смогла организовать сопротивление только на участке Дроздово, Давыдово, Колобово, Бор.

Успешно, хотя и с более скромными результатами, наступала 3-я ударная армия. Из-за отставания 34-й армии ее войска растянулись на 90—100 километров по фронту. За восемь дней боев ее дивизии продвинулись всего на 20—40 километров на правом фланге, в центре — на 70 и на левом фланге — на 60—70 километров. Все это беспокоило командование фронта.

— Обстановка опять усложняется, Павел Алексеевич, — докладывал Ватутин 17 января Курочкину. — Разрыв между Пуркаевым и Еременко увеличивается и достиг уже 35 километров. Прикрывает его только 31-я стрелковая дивизия, в штабах дивизий и полков чувствуется недостаточная слаженность, оперативность, за исключением разве что 245-й стрелковой дивизии. Причина все та же. Не умеем воевать: отсутствует опыт, командиры имеют слабую подготовку. Да что говорить? 20-я стрелковая бригада долбит в лоб по Ватолино, хотя давно его надо было обойти и двигаться на Щеглово... Такие примеры не единичны.

— Что делать, Николай Федорович, науку воевать постигаем в боях. Я ведь понимаю, как трудно избавиться от стереотипов. Наш командир пока просто не может представить оставленный у себя в тылу опорный пункт, да еще не подавленный.

— Не только это. Зачастую просто тянет в населенный пункт, будь то деревня или город. Престижно освободителем быть, да и погреться не грех.

— И это верно. Нужно еще раз указать командующим армиями о недопустимости этого и потребовать увеличения темпа наступления.

18 января Ватутин от имени Военного совета фронта направил Пуркаеву и Берзарину директиву, в которой указывал: «Вы ведете бои за обладание отдельными пунктами неправильно. Это наглядно видно на примере боев за Молвотицы и Ватолино. Вместо глубокого обхода населенных пунктов вы их окружаете, непосредственно сковывая при этом крупные силы и замораживая их. Противник этим очень умело пользуется. Еще три-четыре такие операции, как операции под Молвотицы и Ватолино, и все ваши силы будут заморожены. Двигаться вперед будет нечем... Необходимо объяснять командирам частей и соединений эти ошибки и впредь их не допускать...»

Конечно, было бы неверно говорить, что именно эти указания Военного совета фронта кардинально изменили обстановку. Но не без них войска с каждым днем осваивали более совершенные приемы боя. Маневр, обходы, охваты стали применяться более умело, и сразу фронт двинулся вперед. К 20 января войска ударных армий продвинулись на 120 километров и глубоко обошли с юга демянскую группировку 16-й немецкой армии. 4-я ударная, разгромив врага, освободила города Андреаполь, Торопец. 3-я ударная армия вышла к городу Холм, где совместно с партизанами окружила 218-ю пехотную дивизию врага. На широком фронте войска армий подошли к важной коммуникации группы армий «Центр» — железной дороге Ржев — Великие Луки. Вновь вздохнули свободно в штабе фронта и вновь ненадолго.

— Опять хмуришься, Николай Федорович? — улыбнулся Курочкин.

— Приходится. Посуди сам. Полоса наступления фронта возросла до 300 километров. Плотность боевых порядков снизилась почти в два раза, фланги наступающих группировок почти не обеспечены. Мы же теряем управление, а сие смерти подобно.

— Ну, не драматизируй так. Все же наступаем.

— Я, Павел Алексеевич, хорошо научен сорок первым годом и тем, как мы тогда «управляли». При нашей нынешней подготовке войск, особенно командного состава, при таком слабом материальном обеспечении и наступление может быстро перейти в поражение. Ты же видишь, как мы, с позволения сказать, кряхтим. Звонил Василевскому, просил резервов. У Ставки их нет. Просил сузить полосу наступления. Фронт бьет растопыренными пальцами по расходящимся направлениям и назло всему наступает. Но любую науку, в том числе и военную, не обманешь. Она нас накажет. Александр Михайлович обещал доложить Верховному...

К счастью, просьбы Ватутина не остались без внимания. 22 января по указанию Ставки в состав Калининского фронта передавались 3-я и 4-я ударные армии. Взамен их Северо-Западный фронт принимал 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса. Войска фронта получили задачу ударами из района Старой Руссы в южном направлении и из района Молвотицы в северном окружить и уничтожить войска 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии на демянском плацдарме.

Своевременность и правильность принятого Ставкой решения позволили не только выровнять положение, но и добиться нового успеха. Войска 3-й и 4-й ударных армий начали развивать энергичное наступление на витебском и смоленском направлениях. В первых числах февраля эти армии вышли на подступы к Великим Лукам и Демидову, а 249-я стрелковая дивизия 4-й ударной армии даже прорвалась к Витебску.

Всего неделю потребовалось штабу Северо-Западного фронта на перегруппировку сил, налаживание новых цепочек управления. 29 января войска фронта возобновили наступление, и к середине февраля кольцо окружения вокруг демянской группировки противника сомкнулось. В окружении оказалось 6 дивизий 2-го армейского корпуса, всего около 95 тыс. человек. Это была первая серьезная операция по окружению крупных сил немцев, закончившаяся удачно. В штабе фронта не скрывали радости, как и в Ставке. Так Николай Федорович впервые осуществил операцию по окружению.

Думал ли он тогда, что в скором времени будет участвовать в окружении и не таких группировок, что превратится в настоящего мастера охватывающих ударов?

Войска фронтов за время наступления понесли значительные потери, а немцы, опираясь на многочисленные опорные пункты, вынуждали блокирующих рассредоточивать свои усилия по отдельным очагам сопротивления, тянули время. Во фронте начала сказываться острая нехватка боеприпасов, материально-технических средств. На орудие выделялось по два снаряда в сутки, да и те на огневые позиции артиллеристы носили на себе. Авиация фронта к началу уничтожения окруженной группировки не могла оказать сколько-нибудь существенной помощи. Из 69 самолетов в строю осталось меньше половины. Поэтому противник практически беспрепятственно перебрасывал на самолетах окруженным пополнение, боеприпасы и продовольствие. Войска вели тяжелейшие бои, и Ватутину стало ясно, что ликвидация демянского котла в лучшем случае затянется на долгое время. Переговоры со Ставкой оставляли на душе тяжелый осадок. Москва требовала завершения операции, а сил и средств для укрепления фронта не предоставляла. Ватутин доложил Шапошникову несколько вариантов, но для их осуществления требовалось хотя бы минимальное пополнение, особенно танками.

— Я понимаю вас, голубчик, но резервов нет, — тихо говорил Шапошников. — Верховный считает, что вы в состоянии и так завершить операцию.

— Так вы доложите, — не выдержал Ватутин, — что в скором времени мы не только наступать, но и удерживать противника в котле не сможем. Борис Михайлович, я уверен, что немцы скоро пойдут на прорыв. Разведданные говорят об этом.

— Держитесь, голубчик. Положение сложное и в Донбассе, и в Крыму, и на западе. Наступление тормозится по всему фронту. Верховный недоволен, не хочет и слышать об обороне.

Предчувствия не обманули Ватутина. После месяца ожесточенных боев обстановка вокруг демянского котла осложнилась. Воспользовавшись ослаблением натиска советских войск, немцы создали в районе Старой Руссы корпусную группу «Зейдлиц» в составе

пяти полнокровных, хорошо вооруженных дивизий. Основные силы авиации группы армии «Север» переориентировали на район Демянска. 20 марта группа нанесла удар в стык 11-й и 1-й ударной армий в направлении на Рамушево. Через сутки в этом же направлении, но уже из района Залучья, ударили окруженные дивизии. Встречный удар поддерживали сотни самолетов. 23 апреля противник соединился с окруженной группировкой. Образовался так называемый Рамушевский коридор, который к 1 мая был расширен до 8 километров. Произошло то, что следовало ожидать. И если уж говорить до конца, то остается только удивляться, как еще войска Северо-Западного фронта смогли в течение месяца сдерживать атаки врага и не допустить значительного расширения горловины котла. Более того, практически обескровленный фронт готовил новую наступательную операцию, которая должна была начаться 3 мая.

В самый разгар апрельских боев в штаб Северо-Западного фронта прибыл представитель Ставки, заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Василевский. За прошедший год генералы поменялись должностями. Теперь уже Александр Михайлович был старшим по должности, но это нисколько не повлияло на отношения между ними... Встречать представителя Ставки поехал Ватутин.

По пути на аэродром на одной из разбитых фронтовых дорог Николай Федорович встретил маршевую роту. Машина застряла в глубокой колее, и генерал вылез на обочину. Пожилой длиннорукий лейтенант, видимо командир роты, остановил бойцов и подбежал с докладом, хлюпая по растаявшему снегу мокрыми валенками. Голос у лейтенанта был хриплым или простуженным. Глаза слезились и лихорадочно блестели.

— Вы не больны? — спросил Николай Федорович, обходя вместе с ним строй роты.

— Никак нет, товарищ генерал, — прохрипел лейтенант.

Перед Ватутиным в шинелях с подоткнутыми полами, в ватных штанах и мокрых валенках стояло более сотни бойцов. Большей частью это были совсем молодые ребята или пожилые люди. Вид у бойцов был не просто усталый, а прямо-таки измученный. Винтовки с примкнутыми штыками щетинились неровной линией. У левофлангового солдатика, которого каска, вещмешок и прочая амуниция пригнули к земле, винтовка вдруг выпала из рук, клацнув затвором. Подхватив ее, он неловко поскользнулся и чуть не сел в грязный снег. Лейтенант тяжело засопел за спиной генерала.

«Господи! — подумал Николай Федорович. — А ведь им сегодня в бой! Что же это такое?» Но вслух он сказал:

— Как дела, славяне? Вас сегодня кормили?

— Так точно! — вразнобой ответил строй.

— Товарищи бойцы! Я начальник штаба фронта генерал Ватутин. Вы вливаетесь в ряды героической 1-й ударной армии Северо-Западного фронта. Ваши однополчане зажали фрицев в котел и уже несколько недель давят врага. Пока дело идет туго, но бойцы и командиры очень надеются на ваше пополнение, и я вижу, надеются не напрасно...

Строй дружно рассмеялся.

— Ваш смех воспринимаю как подтверждение моих слов. Почему в валенках? — спросил он лейтенанта.

— Не успели получить сапоги. Сказали, выдадут на дивизионном складе.

— Хорошо, я проверю. Как только прибудете на место, передайте мой приказ: немедленно переобуть людей, выдать водки и горячую пищу. Можете двигаться.

Лейтенант козырнул, повернул колонну, и она двинулась, стараясь держать строй и ногу.

«Пополнение сырое, совсем сырое, — думал всю оставшуюся до аэродрома дорогу Ватутин. — Их еще учить и учить, а мы их сразу в бой. Нет, видимо, не набрала еще страна полную силу. Второго фронта, судя по всему, и не предвидится. Трудно придется в этом году. Если и сравнялись с немцами количественно, то качественно еще не дошли до их уровня...»

Николай Федорович был недалек от истины.

Положение, сложившееся к весне 1942 года, было весьма противоречивым. Международное и внутреннее положение СССР улучшилось: антифашистская коалиция сплотила под своими знаменами 26 стран, с США и Англией была заключена договоренность об открытии в этом году второго фронта. Советский народ, воодушевленный победой под Москвой, еще больше сплотился, заканчивалась перестройка хозяйства на военные рельсы. Шло массовое производство танков Т-34, самолетов Ла-5, Як-7, новых реактивных систем залпового огня, противотанковых орудий. Однако зимнее наступление Красной Армии заканчивалось из-за отсутствия необходимых резервов, материально-технических средств. Обе стороны перешли к обороне, укрепляли позиции. Командиры и штабы отрабатывали вопросы управления, взаимодействия, совершенствовали систему огня. В Ставке и Генштабе не сомневались в весенне-летнем наступлении врага и строили планы предстоящей кампании. Начали создаваться воздушные и танковые армии, изменялись штаты стрелковых и авиационных соединений, улучшалась подготовка пополнения в запасных полках.

Между тем по завершении зимней кампании Красная Армия выполнила далеко не все поставленные задачи, а точнее — не выполнила их. Ленинград оставался в блокаде. Удачное наступление Северо-Западного и Западного фронтов смазалось неудачами с де-

мянским котлом и ржевско-вяземской группировкой. На юге, в том числе в Крыму, успехов вообще не было. Войска по численному составу и особенно технической оснащенности все еще значительно уступали вермахту, готовых резервов и значительных материальных средств не было. Немцы лучше подготовились к весенне-летней кампании. На Восточном фронте враг имел 6,2 млн человек (в том числе 810 тыс. войск союзников), 3229 танков, 57 тыс. орудий и минометов и 3395 самолетов. В нашей действующей армии было 5,6 млн человек, 3882 танка, 44,9 тыс. орудий и 2221 самолет. Враг превосходил нас по всем показателям, кроме танков, но в качественном отношении немецкое вооружение все еще было лучшим.

В этих условиях в середине марта Генеральный штаб подготовил все обоснования и расчеты по плану ведения весенне-летней кампании 1942 года. Главная идея заключалась в активной обороне, накоплении резервов с последующим переходом в решительное наступление. В целом Ставка согласилась с таким предложением, однако Сталин потребовал провести ряд частных операций в Крыму, в районе Харькова, на льговско-курском и смоленском направлениях, а также в районе Ленинграда и Демянска. Жуков и особенно Шапошников протестовали, твердо отстаивали свою позицию, но решающее слово принадлежало Верховному...

Самолет из Москвы задержался на полчаса, и Николай Федорович начал уже волноваться, но вскоре из-за леса показались истребители сопровождения, а за ними тяжелый «Дуглас». Генералы встретились как старые друзья, обнялись и поцеловались. В ответ на вопросительный взгляд Ватутина Василевский сказал:

— Поговорим в машине.

— К нам из-за Рамушевского коридора? — спросил в машине Ватутин.

— И из-за него тоже. Ты как оцениваешь обстановку на лето? Я имею в виду все фронты. Впрочем, об этом на месте.

В штабе фронта командующего ждали с минуту на минуту, и генералы вышли погулять.

— Знаешь, Александр Михайлович, — сразу заговорил Ватутин. — Даже с моей колокольни видно, что мы еще не готовы к серьезным наступательным операциям. Надо переходить в прочную оборону, наращивать резервы, готовить войска, особенно командно-штабной состав. Ну разве что провести не более одной частной операции. Я бы направил все силы на прорыв блокады Ленинграда или ликвидацию ржевско-вяземского выступа. Заметь, даже не говорю о своем фронте, хотя на нас висит демянский котел. О Ленинграде после зимнего голода даже говорить больно. Ну а Ржев — и так ясно, всего в 70 километрах от Москвы.

— В целом ты попал в точку. Принято решение обороняться, и основную массу резервов сосредоточить вокруг Москвы. По разведданным, у немцев здесь около 70 дивизий. Но беспокоят в этой ситуации два момента. На Юго-Западном направлении противник имеет 102 дивизии, из них 9 танковых, 7 моторизованных, 3 эсэсовских, 3000 танков и более тысячи самолетов. Однако Верховный уверен, что немцы пойдут на Москву.

— А вы, Генеральный штаб?

— Мы в принципе согласны с Верховным, вот только эти 102 дивизии. Второй момент, который беспокоит не меньше. Верховный требует проведения не одной частной операции, а нескольких. Под Ленинградом, у вас, на Западе, под Харьковом и в Крыму.

— Александр Михайлович, я лично сомневаюсь, чтобы на других фронтах войска были подготовлены лучше, чем у нас, а значит, и успех таких наступлений весьма проблематичен, они съедят все резервы, тогда ни о каком решительном контрнаступлении не может быть речи. Неужели никто не возражал?

— Возражали, особенно Жуков и Борис Михайлович. Георгий Константинович предлагает лишь одну наступательную операцию, а Борис Михайлович вообще против. Но Верховный неумолим. Сам понимаешь, что это значит. Да и все командующие фронтами заверяют нас в полном успехе. Вы тоже обещаете добить немца в Демянске. Операцию подготовили?

— Обещаем, но при наличии значительного подкрепления, а такового, судя по вашим словам, не предвидится.

— Не обижайся, сейчас больше всего требуют Тимошенко и Хрущев. Они выходят на Верховного, минуя Ставку, и, думаю, уже убедили его, что не только возьмут Харьков, но и разгромят немцев, выйдут на Средний Днепр, Черкассы, Николаев...

— Заманчиво, — не удержался Ватутин, — но уж очень опасно. Наступать из оперативного мешка, каковым является барвенковский выступ, по меньшей мере рискованно. Видимо, Юго-Западное направление хорошо усилено?

— Ты прямо повторяешь Бориса Михайловича, а относительно усиления не сказал бы. Личным составом усилили нормально, а остальным в меру. Да и где взять? В общем, думаю, Верховный утвердил частную операцию Юго-Западного фронта с целью разгрома харьковской группировки врага наличными средствами. Ну, у нас с тобой свои дела — демянский котел. После разговора с командующим прошу представить мне все документы по предстоящей операции...

В разгар подготовительной работы по ликвидации демянской группировки началось наступление Крымского фронта. Это была уже третья попытка освободить Крым. Василевский, ежедневно переговаривавшийся с Генеральным штабом и Оперативным управ-

лением, все больше мрачнел. Войска фронта под командованием генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова, не добившись успеха, несли большие потери. Ставка приказала фронту перейти к обороне, но оперативное построение фронта не отвечало задачам обороны, а командование фронта оставляло свою группировку наступательной, убеждая, что фронт скоро будет наступать более решительно. А оборона в полосе 44-й армии, особенно левого фланга, примыкающего к Черному морю, была совсем слаба. Представитель Ставки Л.З. Мехлис только препирался с командующим фронтом, внося еще больше неразберихи и сумятицы.

24 апреля с Василевским связался Сталин и сообщил ему, что из-за ухудшения здоровья Шапошникова Александр Михайлович временно назначается исполнять обязанности начальника Генерального штаба. Далее разговор свелся к обстановке в Крыму. Александра Михайловича беспокоила обстановка на Северо-Западном фронте, и он поспешил выехать в войска. Через два дня Ватутин встретил его с хорошими вестями. В штаб фронта пришел приказ о назначении Василевского врио начальника Генштаба и присвоении ему звания генерал-полковник. Николай Федорович первый поздравил друга, скромно по-фронтовому отметили это событие и первомайский праздник. А 3 мая войска фронта перешли в наступление на демянскую группировку. Поначалу наметился успех, но далее, как говорится, нашла коса на камень. Тогда же события в Крыму отвлекли Василевского от демянского котла. 8 мая, безошибочно определив слабое место в обороне 44-й армии, немцы, нацелив сюда крупные силы авиации и танков, нанесли удар, прорвали наши позиции и стали быстро развивать успех. 9 мая Верховный вызвал к аппарату ВЧ Василевского. Разговор был более чем короткий.

— Вызывают в Москву, — объяснил Александр Михайлович Курочкину и Ватутину. — Обстановка в Крыму очень тяжелая. И что особенно обидно... Ведь мы знали о приготовлениях немцев. Фронтовая разведка даже установила точный день их перехода в наступление. Однако ни Козлов, ни Мехлис не приняли должных мер. Вот она — наука побеждать. У тебя, Павел Алексеевич, — повернулся он к Курочкину, — дела идут неплохо. Думаю забрать Николая Федоровича, буду рекомендовать его на Оперативное управление. Вижу, что ты против, но положение на фронтах усложняется. Николай Федорович нужен в Ставке...

Предложение Василевского было неожиданным не только для Курочкина, но и для Ватутина, хотя Александр Михайлович и намекал об этом еще неделю назад. Но пока это было только предложение.

Несколько дней после убытия Василевского Ставка не беспокоила Северо-Западный фронт, но 12 мая Ватутина отозвали в Москву.

Николай Федорович прибыл в Генеральный штаб, когда началось печально известное наступление Юго-Западного фронта. Ставка, Оперативное управление Генштаба работали с повышенной нагрузкой, и Ватутин предполагал, что потребуется его помощь, но был разочарован — его назначили заместителем начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку. Заниматься хоть и важным, но мирным театром в такое серьезное время было невыносимо. Однако он пересилил себя, собрал волю в кулак и скоро без ущерба для основных обязанностей включился в оперативную работу по действующей армии.

— Это положение временное, — успокаивал его Василевский. — Я сам временный, а к Верховному сейчас не подступиться.

— Наверное, он не может мне простить неудач под Демянском, — сокрушался Ватутин.

— Не думаю, хотя возможно и это. Насколько мне известно, отношение к тебе доброжелательное, но его трудно понять. Наступление под Харьковом развивается успешно. За трое суток войска продвинулись на 30 километров к Змиеву, Красноград. Хорошо начал наступление со своей 28-й армией и генерал Рябышев — рвется из района Волчанска к Харькову. Знал бы ты, сколько упреков я выслушал от Верховного из-за того, что по-нашему настоянию он чуть было не отменил столь удачно начавшуюся операцию. А тут еще неудачи в Крыму...

— Эх, можно только позавидовать Семену Константиновичу! — вздохнул Ватутин. — Ведь взять Харьков — это значит нависнуть над Донбассом, над всей южной группировкой немцев. И все же чувствую какое-то беспокойство. Боюсь, как бы немцы чего не замыслили. Сил-то у них более чем достаточно.

— Ты прав, я тоже просто места не нахожу. Сосредоточив такую массу войск, немцы просто обязаны замыслить серьезный контрудар...

Разговор этот состоялся 16 мая, и скоро самые худшие опасения Василевского и Ватутина подтвердились. Наша разведка проглядела сосредоточившуюся в районе Краматорска армейскую группу Клейста в составе одиннадцати дивизий из 1-й танковой и 17-й полевой армий с большим количеством танков. Она-то утром 17 мая перешла в наступление из района Славянск—Краматорск против 9-й и 57-й армий Южного фронта. Прорвав оборону, враг всего за двое суток вышел в тыл войск Юго-Западного фронта в районе Петровского.

Василевский, которого такое начало службы во главе Генерального штаба удручало вдвойне, уже вечером 17-го числа связался со своим бывшим сослуживцем, а теперь начальником штаба 57-й армии генералом А.Ф. Анисовым и узнал, что обстановка там критическая. Александр Михайлович сразу доложил об этом Сталину и

предложил прекратить наступление Юго-Западного фронта и направить усилия на ликвидацию прорыва из района Краматорска. Но Сталин не любил менять свои решения. Да и его переговоры 18 мая с Тимошенко, а позже с Хрущевым способствовали этому. Военный совет Юго-Западного фронта считал, что опасность прорыва краматорской группировки противника преувеличена и прекращать наступление нет оснований.

Впоследствии появятся версии, что и командование Юго-Западного фронта было обеспокоено немецким контрударом. Так, Василевский пишет, что вечером ему звонил Хрущев: «Он кратко проинформировал меня об обстановке на барвенковском выступе, сообщил, что Сталин отклонил их предложение о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об этой их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом и что, ссылаясь как раз на противоположные донесения Военного совета Юго-Западного направления, Сталин отклонил мои предложения. Поэтому я порекомендовал Н.С. Хрущеву, как члену Политбюро ЦК, обратиться непосредственно к Верховному. Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным через Г.М. Маленкова состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении наступления». А вот свидетельство Жукова: «Мне довелось присутствовать в этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И.В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже четко выразил С.К. Тимошенко серьезное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска.

К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н.С. Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного».

Как бы то ни было, но уже 19-го числа, когда отдали приказ о прекращении наступления, положение на Юго-Западном направлении стало катастрофическим. А 23 мая 6-я, 57-я армии, часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала Л.В. Бобкина оказалась в окружении. Некоторые части с боями прорвались к своим, но в целом повторилась трагедия сорок первого года. Вместе с поражением в Крыму это резко изменило положение на юге страны.

Беда, как известно, не приходит одна. Следом за Харьковом последовала катастрофа 2-й ударной армии под Любанью и 33-й армии на Западном фронте, сдача Севастополя. Инициатива вновь перешла к противнику.

Сейчас усиленно дебатируются вопросы: кто же виноват в трагедиях сорок второго года? Сталин или Тимошенко? Сталин или Генштаб? Думается, ответить однозначно на этот вопрос непросто. Виноваты все, но нет сомнения, что Сталин, как Верховный Главнокомандующий, руководитель государства, слово которого было решающим, несет большую часть вины.

В июне продолжались ожесточенные бои на всем Юго-Западном направлении. Ватутин к тому времени возглавил Оперативное управление, одновременно занимая должность заместителя начальника Генерального штаба. В должности начальника Генштаба 26 июня приказом Ставки был утвержден Василевский. Вот как он описывает обстановку того времени: «После неудачи под Харьковом наши войска перешли к обороне. 28 июня гитлеровские войска группы генерал-полковника Вейхса перешли в наступление из районов восточнее Курска. Фашистское командование рассчитывало этим наступлением и ударами из Волчанска на Воронеж окружить и уничтожить войска Брянского фронта, прикрывавшие воронежское направление, а затем поворотом на юг, с дополнительным ударом из района Славянска, уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов и открыть себе дорогу к Волге и на Северный Кавказ. С этой целью врагом была создана за счет группы армий «Юг» группа армий «Б» (под командованием возвращенного на советско-германский фронт генерал-фельдмаршала фон Бока) в составе 2-й и 6-й полевых, 4-й танковой немецких и 2-й венгерской армий. Для действий на северо-кавказском направлении была создана группа армий «А» во главе с прежним командующим оккупационными войсками на Балканах, одним из организаторов фашистских преступлений в Югославии и Греции генерал-фельдмаршалом В. Листом, в которую входили 11-я и 17-я полевые,1-я танковая немецкие и 8-я итальянская армии. Всего противник сосредоточил для решения первой задачи к 1 июля 1942 года 900 тыс. солдат и офицеров, более 1200 танков, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. У нас в составе войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов к тому времени насчитывалось в общей сложности 1715 тыс. человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов».

Приведенное Василевским соотношение сил говорит о том, что советские войска должны были успешно противостоять натиску врага. Но сказалась старая, еще не изжитая беда, о которой уже упоминалось — неумение воевать.

Война пришла на малую родину Николая Федоровича. Штаб Юго-Западного фронта располагался в знакомых ему Валуйках, а к родному селу рвались немецкие танки. Широкие наступательные действия противник развернул 28 июня. Армейская группа Вейхса нанесла из района Курска удар в воронежском направлении и, прорвав оборону на стыке 13-й и 40-й армий, уже в первые сутки продвинулась на 40 километров. Через два дня из района Волчанска перешла в наступление 6-я немецкая армия. Положение наших войск на воронежском направлении становилось катастрофическим. Командование Брянского и Юго-Западного фронтов вновь оказалось не на высоте.

«Еще в апреле и первой половине мая, — отмечал Василевский, — Брянский фронт дополнительно получил четыре танковых корпуса, семь стрелковых дивизий, одиннадцать стрелковых и четыре отдельные бригады, а также значительное количество артиллерийских средств усиления. Все эти соединения, поступившие из резерва Ставки, были неплохо укомплектованы личным составом и материальной частью.

В результате к концу июня командование Брянского фронта имело в своем резерве пять танковых и два кавалерийских корпуса, четыре стрелковых дивизии, четыре отдельные танковые бригады. Кроме того, в полосе этого фронта располагалась находившаяся в резерве Ставки полностью укомплектованная и предназначенная для нанесения контрудара 5-я танковая армия.

Можно ли после этого говорить, что Ставка обошла своим вниманием Брянский фронт? Таких сил и средств, которыми он располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско-воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогали».

Не только командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Голиков, но и командующий Юго-Западным фронтом маршал Тимошенко допускал серьезные просчеты и никак не мог организовать должного управления войсками. Тяжело было Ватутину, получая сводки с фронта, видеть ошибки своего бывшего командира, человека в военный талант которого он верил. Но обстановка не оставляла времени для сантиментов.

«Генеральный штаб быстро определил угрозу, возникшую на стыке двух фронтов, — пишет в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» С.М. Штеменко. — Прежде всех забеспокоился Н.Ф. Ватутин... враг держал в руках оперативно-стратегическую

инициативу. В данных обстоятельствах это было чрезвычайно большое преимущество, обеспечивающее гитлеровскому командованию свободу выбора направления удара и возможность создать решительное превосходство сил и средств на этом направлении.

Понимая, насколько сложно маневрировать наличными силами наших фронтов в создавшихся условиях, Н.Ф. Ватутин немедленно доложил И.В. Сталину об угрожающей обстановке...»

Николая Федоровича очень беспокоили сходящиеся удары немцев на Старый Оскол, что ставило под угрозу окружения 40-ю армию Брянского и 21-ю армию Юго-Западного фронтов. Верховный согласился с Ватутиным и сразу направил Тимошенко предупреждение об этом. Тем не менее оборона на стыке двух фронтов была прорвана на глубину до 80 километров, что втянуло в бои фронтовые резервы. Немцы не стали окружать наши войска западнее Оскола, их ударные группировки рвались дальше на восток — к Дону и Воронежу.

Уже первое донесение с Брянского фронта подтвердило эту опасность, и слово «Воронеж» теперь не сходило с уст операторов Генштаба. Верховный дал на обсуждение предложений два часа.

— Можем выдвинуть на левый берег Дона 3, 6 и 5-ю резервные армии, — сразу предложил Василевский. — Две из них передадим Голикову, одну с линией обороны до Клетской — Тимошенко. Необходимо усилить войска 75-го и 53-го УРов...

— Надо выдвигать 5-ю танковую армию из района Ельца для контрудара во фланг немецкой группировки, — добавил Ватутин.

— Я так и знал, что ты предложишь контрудар, — улыбнулся Василевский. — Безусловно и обязательно. Лизюков храбрый и опытный генерал. Его армия при поддержке 17-го танкового корпуса должна нанести немцам серьезный контрудар.

— А мы ведь передаем фронту еще 18-й танковый корпус...

— Вот, вот. Сила могучая. Сотни танков в одном кулаке.

Верховный утвердил предложение Генштаба. Было видно, что он поверил в возможность такого контрудара, способного изменить обстановку на фронте и перехватить у врага инициативу.

Немедленно в войска пошло распоряжение. В ночь на 3 июля корпуса 5-й танковой армии заканчивали сосредоточение в районе южнее Ельца. В разговоре с командующим фронтом генералом Ф.И. Голиковым Сталин подчеркнул: «Запомните хорошенько. У вас теперь на фронте более 1000 танков, а у противника нет и 500 танков.

Это первое, и второе — на фронте действия трех танковых дивизий противника у нас собралось более 500 танков, а у противника 300—350 танков самое большее.

Все зависит теперь от вашего умения использовать эти силы и управлять ими...»

— Немедленный и решительный удар, — повторял Ватутин. — Основные силы немецкой группировки уже понесли значительные потери и, растянувшись на широком фронте, связаны боями.

Но время шло, а донесений с фронта не было. Наконец Лизюков доложил, что танковая армия никаких задач от командования фронтом не получала. Верховный обрушил весь свой гнев на Генеральный штаб и командарма Лизюкова. На фронт немедленно вылетел Василевский с задачей ускорить ввод в сражение танковой армии. Утром 4 июля Александр Михайлович был уже на КП 5-й танковой армии с начальником штаба фронта генерал-майором М.И. Казаковым. После проведенной рекогносцировки армии была поставлена задача одновременным ударом всех сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки противника, прорвавшейся к Дону, и сорвать ее переправу через реку, а также помочь войскам 40-й армии отойти к Воронежу.

К сожалению, Александру Михайловичу не удалось принять участие в организации контрудара. 5 июля он был отозван в Москву.

Между тем 6-я немецкая армия вышла к Каменке и начала развивать наступление на юг вдоль Дона. Стало понятно, что немцы стремятся во что бы то ни стало выйти в большую излучину Дона, окружить и уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов. Создалась критическая обстановка.

5-я же танковая армия своей задачи не выполнила. Одновременного мощного удара во фланг ударной группировки немцев не получилось. Танковые корпуса вводились в бой по частям, действовали нерешительно, боясь оторваться от пехоты. Все еще сказывалось отсутствие опыта вождения крупных масс танков командованием армии и корпусов. Командующий фронтом генерал-лейтенант Голиков Лизюкову не помогал и не направлял его работу. Он даже не организовал поддержку фронтовыми средствами усиления — артиллерией и авиацией.

Сколько же жизней унесла эта так называемая нераспорядительность?

7 июля решением Ставки фронт был разделен на два — Брянский и Воронежский. Временное командование Брянским фронтом возлагалось на генерала Н.Е. Чибисова, Воронежский возглавил генерал Ф.И. Голиков. А основной свой гнев Сталин обрушил на Лизюкова. Александр Ильич — один из первых в этой войне Героев Советского Союза, несомненно талантливый военачальник — тяжело переживал свою неудачу и гнев Верховного. Находясь в непрерывных боях в передовых порядках танковых бригад, он 24 июля сгорел в танке. Обвиненный чуть ли не в предательстве, незаслуженно ошельмованный Сталиным, он был реабилитирован лишь много лет спустя.

Ватутин стал представителем Ставки на Воронежском фронте. А тем временем продолжавшиеся неудачи под Воронежем, прорыв 6-й немецкой армии, трагедию Севастополя Сталин ознаменовал очередным перемещением командного состава. А.М. Василевский писал: «Командующим Брянским фронтом стал К.К. Рокоссовский, а войсками нового, Воронежского фронта — работавший с 15 мая по 11 июля 1942 года в должности моего заместителя по Генштабу генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин.

Вопрос о назначении командующих был предрешен на совещании в Ставке. Я и Н.Ф. Ватутин называли возможных кандидатов, а И.В. Сталин комментировал. На должность командующего Брянским фронтом подобрали быстро: К.К. Рокоссовский был достойным кандидатом, он хорошо зарекомендовал себя как командующий армиями. Сложнее оказалось с кандидатурой на командующего Воронежским фронтом. Назвали несколько военачальников, но Сталин отводил их. Вдруг встает Николай Федорович и говорит:

— Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

— Вас? — И.В. Сталин удивленно поднял брови.

Я поддержал Ватутина, хотя было очень жаль отпускать его из Генерального штаба.

И.В. Сталин немного помолчал, посмотрел на меня и ответил:

— Ладно. Если товарищ Василевский согласен с вами, я не возражаю».

Позже Николай Федорович и сам удивлялся, как у него тогда вырвалась эта просьба. Но была ли она такой уж неожиданной?

— Не могу оставаться в тылу, когда немцы подошли к родному порогу, — сказал он Василевскому после совещания. — Никогда не мог подумать, что война подойдет к моему Чепухино. Сердце болит.

— Родные в селе остались?

— По последним сведениям, мать и сестры. Братья воюют.

— Что же ты раньше ничего не говорил? Надо было вывезти родных. Ведь не пощадят их немцы, если узнают, чьи они родственники.

— Не знаю. Неудобно как-то было. Разве они одни под немцем остаются? Люди у нас в деревне золотые. Ватутиных всегда уважали, должны помочь.

14 июля 1942 года Ватутин был назначен командующим войсками Воронежского фронта, в состав которого входили 60, 40 и 6-я общевойсковые армии, 4, 17, 18 и 24-й танковые корпуса и 2-я воздушная армия. К этому времени стало ясно, что главные силы гитлеровских войск перенацелены на Сталинград, но тяжелые бои за Воронеж продолжались. Ватутин знал, что его фронт приобретает

вспомогательное значение и должен переходить к стабильной обороне. Но, мысля стратегическими категориями, он понимал, насколько важны будут для того же Сталинграда удары, которыми он предполагал беспокоить противника, сковывать его силы, отвлекать резервы от главного направления. Да и задачу, поставленную перед фронтом еще генералу Голикову — выбить немцев с восточного берега Дона, никто не отменял. На полевом аэродроме Ватутина встретил представитель Ставки.

— Генерал Голиков в войсках, приказал мне встретить вас, — сообщил он после доклада. — Вопрос о передаче дел просил оставить на ваше усмотрение.

— Хорошо, — быстро ответил Ватутин. — Я бы вас попросил коротко доложить обстановку на сегодняшний день.

— Обстановка, товарищ командующий, продолжает оставаться тяжелой. Воронеж в руках врага. За городом обороняется 18-й танковый корпус генерала Черняховского. Оперативно корпус подчинен 60-й армии. Черняховского вы должны знать.

— Знаю, прекрасный командир, настоящий военный талант.

— Согласен. Надо сказать, что Черняховский назначен командиром корпуса недавно. Прибыл в корпус, как и вы, прямо с самолета, когда его части уже втянулись в бои. Надо быть действительно талантливым и решительным командиром, чтобы сразу пойти против решения командующего 60-й армии генерала Антонюка и командующего фронтом.

— А в чем дело? — насторожился Ватутин.

— Антонюк заручился поддержкой командующего фронтом и, исходя из обстановки, по мере прибытия бригад корпуса на станции выгрузки, с ходу бросал их в бой, затыкая где можно дыры. Таким образом корпус растянулся по всему фронту. Черняховский возмутился. Решать пришлось нам — фронтовому командованию, представителям Ставки. Я сам был тогда у Ивана Даниловича. Спрашиваю его: «Почему не согласны с решением командарма 60-й?» А он мне: «Товарищ комиссар, жидкой обороной по всему фронту мы только облегчаем задачу противнику. Ему не представляет труда прорвать такой заслон своим бронированным кулаком. Если бы у меня была пехота, тогда другое дело. Но у меня танковый корпус. Зачем же лишать его преимуществ? О них вы знаете не хуже меня. Танки должны быть в кулаке. Никто не дерется растопыренными пальцами, да еще если каждый палец — танковая бригада. Разрешите организовать контрудар силами корпуса?» Дело было, еще когда немцы рвались к Воронежу. Мы посоветовались с командующим фронтом и дали «добро». Черняховский при мне поставил задачу командирам 181-й и 110-й танковых бригад фланговым ударом остановить противника в районе совхоза «Удар-

ник» и поселка Малышево. В 3 часа 30 минут танки построились ромбом и пошли в атаку...

— Ромбом? — переспросил Ватутин. — Такой боевой порядок позволяет наращивать силы по мере уяснения обстановки. Немцы его часто применяют.

— Вот, вот. Вел бригады сам Черняховский. Ну что сказать? Танковая эсэсовская дивизия «Великая Германия» не выдержала удара и повернула, оставив на поле боя более тридцати сгоревших машин. Черняховский и в городе не сплоховал, дольше всех удерживал северную окраину Воронежа. У него и сейчас обстановка надежная. Несколько хуже на левом фланге 60-й армии.

— Все ясно, — остановил его Ватутин. — Вот туда и едем прямо сейчас. Дела успеем передать и принять.

На передачу дел времени ушло немного. Голиков торопился, не скрывал своей обиды, и Николай Федорович старался сгладить возникающую в таких случаях нервозность.

И вновь, как год назад на Северо-Западном фронте, Ватутин сразу поехал в войска. Вновь бессонные ночи, налеты вражеской авиации, пробки на дорогах, нестерпимая жара, пыль, смерть, поджидающая на каждом шагу. Он ездил из дивизии в дивизию. Вместе с командирами проводил рекогносцировку переднего края, изучал противника, соизмерял количество войск, подсчитывал свои возможности вплоть до роты и количества снарядов на батарею. Начальники штаба, разведки, инженерных войск, командующий артиллерией почувствовали на себе ватутинскую требовательность, компетентность, пристальное внимание даже к мельчайшим подробностям боевой жизни. Николай Федорович пришел к выводу, что многое еще напоминает сорок первый год, боевое мастерство и особенно подготовка командиров недостаточны. Танков и самолетов, артиллерии в войсках стало больше, наладилось управление, а значит, пора учить войска не только обороняться, но и наступать.

Встреча с Черняховским получилась дружеской, теплой. Генералы обнялись, расцеловались.

— Вот что, Иван Данилович, давай договоримся приказы впредь выполнять. Тебе командарм одно говорит, а ты другое, — шутливо нахмурил брови Ватутин. — Так недалеко и до партизанщины докатиться.

— Никак нет, товарищ командующий, — обиделся Черняховский. — Приказ для меня закон. Но я — живой, мыслящий человек. И если вижу, что приказ вреден, что за ним стоит гибель тысяч людей, а у меня в запасе отличный вариант, я должен бороться за свою идею против такого приказа. У нас, к сожалению, аккуратность, точность и требовательность часто путают с неумелым администрированием, стремлением неукоснительно выполнить букву инструкции. А это уже зло. Хотите, расскажу пример из моей практики?

— Что ж, изволь.

— Не так давно, когда в полосе моего корпуса гитлеровцы прорвались к одному тыловому складу, начальник его приказал склад сжечь, так как вывести имущество не было возможности. На складе находились новенькие кожаные регланы, сапоги, офицерское обмундирование. Летчики с соседнего аэродрома, узнав, что склад с минуты на минуту сожгут, прибежали к начальнику, просят заменить старое обмундирование на новое. И представьте, этот чинуша им отказал. «Не могу, товарищи, — говорит им. — Как хотите, не могу. У вас не вышел срок носки. Раздам, а меня обвинят в разбазаривании народного имущества. У меня приказ и согласно приказу составлю акт и сожгу». И сжег ведь, негодяй, склад, будучи в полной уверенности, что поступил верно. Я, как только об этом узнал, немедленно переправил этого интенданта ближе к передовой, чтобы он узнал на практике, какие у солдата сроки носки, да и ума поднабрался...

Ватутин весело рассмеялся:

— А ты, Иван Данилович, оказывается, либерал. У меня бы он мигом под суд угодил. Ну да ладно. Если говорить серьезно, действовал ты под Воронежем правильно. Для военного человека инициатива многое значит. Без нее не бывает успеха в бою. Ты, помнится, на северо-западе жаловался, что у тебя танков нет. Сейчас есть, а где же победы?

— Дело не только в нас, товарищ командующий. Командование армии не обеспечивает поддержку корпуса авиацией и артиллерией. Они почему-то считают, что танковая броня и так укроет, а мы несем большие потери, особенно от ударов с воздуха. В танке какой обзор? А в бою и того хуже. Да хоть бы пехоту давали для прикрытия...

— Еще причины?

— В корпусе совсем нет зенитной артиллерии и, значит...

— Ясно, — перебил Ватутин. — Ну а еще?

— А еще командиры бригад не обладают достаточным опытом в управлении крупными танковыми соединениями. К ним же отношу и себя. Опыта мало.

— Правильно, товарищ Черняховский. Это главное, и я с тобой согласен, кроме одного. Себя ты зря ругаешь. У Военного совета фронта на этот счет иное мнение. В общем, наводи порядок, учи комбригов, а пока будем прощаться.

— Есть, товарищ командующий. Сделаем все, что от нас зависит.

Черняховский тогда не придал особого значения последним словам командующего, а Николай Федорович твердо решил назначить молодого генерала на армию. Вскоре после этого разговора к Черняховскому приехал представитель штаба фронта. Иван Данило-

вич лежал в землянке, укутавшись в бурку. Охваченный жесточайшим приступом малярии, он, несмотря на болезнь, продолжал руководить боем. Выслушав представителя штаба о своем назначении на армию, Иван Данилович решительно заявил:

— Отказываюсь. Рано мне еще. Есть генералы более опытные и достойные. Передайте командующему фронтом мою благодарность за доверие...

Но Ватутин сам в тот день навестил больного.

— Что это вы, товарищ генерал, вытворяете? — шутливо набросился он на Черняховского. — Командующий фронтом должен лично просить вас принять армию...

— Виноват, товарищ командующий, что оторвал вас от дел, но отказываюсь решительно. Я чуть более месяца командую корпусом, не набрался опыта. Есть более заслуженные товарищи, они могут обидеться.

— Я вас, товарищ Черняховский, не уговаривать приехал. Это приказ, и вызван он необходимостью. Месяц на войне совсем не мало. А об обидах не время сейчас думать. Родине грозит смертельная опасность. Современная война требует умения управлять войсками, оснащенными новой боевой техникой. Командующий армией должен по-новому подходить к целому ряду вопросов, и здесь старые заслуги не помогут. Военный совет фронта предложил вашу кандидатуру не просто так, а в уверенности, что именно вы достойны такой должности.

Через несколько дней вопрос был решен. Бывший комиссар 17-го танкового корпуса генерал-майор В.Г. Гуляев вспоминал: «Мне хорошо запомнилось заседание Военного совета армии, на которое были вызваны все командиры и комиссары соединений. Антонюк открыл его... И как раз в этот момент позвонил по ВЧ Верховный. Командующий прервался на полуслове и поспешил к аппарату. Вернулся он скоро чуть бледный и чрезвычайно взволнованный.

— Черняховский, вас... — Антонюк жестом показал на дверь, за которой находился телефон, связывающий армию прямо с Москвой.

Участники совещания молча переглядывались. Каждый, по-видимому, строил про себя всяческие догадки. Молчал и Антонюк. Лишь когда вернулся Иван Данилович, он объявил, что Черняховский назначен командующим 60-й армией, и тут же уступил ему свое председательское место...»

А Ватутин, продолжая готовить войска к контрударам, стал чаще заезжать в 60-ю армию и скоро убедился, что новый командующий осваивает свои обязанности быстро и толково. Только один раз он обратил внимание командарма на неудовлетворительную работу штаба 195-й стрелковой дивизии.

Направляясь в эту дивизию, уже в машине Ватутин обратился к своему адъютанту капитану Семенчуку:

— Послушай, Семенчук. У меня к тебе просьба личного характера. Приказывать не могу. В полосе нашей 6-й армии немцы заняли мое родное село Чепухино. У меня там оставались мать, сестры, племянники. Хотелось бы узнать их судьбу. Очень прошу, Семенчук.

— Есть, товарищ командующий, — ответил капитан. — Будет исполнено. Голову сложу, а узнаю.

— Не надо голову складывать, не вздумай ходить за линию фронта. Поработай с разведчиками. И, повторяю, это не приказ, а просьба...

В воздухе загудели моторы. На безоблачном горизонте показались все увеличивающиеся точки. Они медленно росли, перестраивались в змеевидную цепочку. И вот уже первый самолет ринулся с пронзительным воем вниз. Грохнула бомба.

— Всем из машин! — скомандовал Ватутин.

Николай Федорович добежал до первой попавшейся воронки и упал в нее. Однако «юнкерсы», сбросив несколько бомб, вновь перестроились и начали быстро уходить на юг.

— На Сталинград пошли, — мрачно сказал Ватутин, когда машины тронулись. — Теперь все силы туда бросают.

— Слава богу, — облегченно вздохнул Семенчук. — Зароемся в оборону, опутаемся проволокой. Попробуй нас возьми тогда.

— Ну нет, Семенчук. Здесь я с тобой не согласен. Отсиживаться нам никак нельзя. Скорее наоборот. Надо атаковать немца любыми силами: ротой, батальоном, полком, армией. Будем оттягивать резервы от Сталинграда...

Машина заехала в лес, впереди показался опущенный шлагбаум. Вдруг сбоку затрещали ветки кустов, и из зелени выбрался медведь, фыркнул, крутнул головой, повел носом и пошел прямо на них. Машина встала. Семенчук выхватил пистолет.

— Капитан, не вздумай стрелять! — крикнул Ватутин. — Можешь промахнуться, да и бесполезен здесь пистолет.

Между тем мишка подходил все ближе, поднялся на задние лапы, и тут из-за кустов выбежали офицер с солдатами. Один из солдат молодецки свистнул, медведь повернул к нему голову, опустился на четыре лапы и побежал к нему. Взволнованный, покрасневший офицер подошел с докладом к вышедшему из машины Ватутину.

— Вы что же, дорогой товарищ, шлагбаумов понаставили, а за медведем не следите? — улыбнулся Ватутин, выслушав доклад. — Цирк тут у вас?

— Извините, товарищ командующий. Наша дивизия формировалась в Сибири. Земляки подарили нам медвежонка. Вот он и рас-

тет у нас. Солдаты его очень любят. Да и он их. Ручной почти, не боится ни артналетов, ни бомбежек. Привык, бедолага.

— Ладно, — усмехнулся Ватутин. — Пусть живет. Когда немца бить начнете? Или медведя готовите в помощники?

— Никак нет, товарищ командующий. Управимся сами. Только прикажите.

— Вот, Семенчук, видишь, какой быстрый. Ну что ж, оправдаем надежды медвежьей дивизии?..

С командиром дивизии Ватутину переговорить так и не удалось. Он был в полках, а на НП Николая Федоровича ждала радиограмма из штаба фронта. Москва давала согласие на начало частных операций.

Обстановка того требовала. Под Сталинградом начались тяжелейшие бои, а группа армий «А» ворвалась на Северный Кавказ. Решением Ставки Юго-Западный фронт был ликвидирован и создан Сталинградский фронт в составе 62, 63 и 64-й резервных армий. Для усиления фронта ему были переданы формировавшаяся 1-я и 4-я танковые армии, уцелевшие части 28, 38 и 57-й армий бывшего Юго-Западного фронта. Войска, растянувшиеся более чем на 700 километров, отступали, и скоро враг вышел к Сталинграду. Возникли трудности с управлением, и Сталинградский фронт был разделен на два: Сталинградский и Юго-Восточный. Фронтами командовали генерал-лейтенант В.Н. Гордов и генерал-полковник А.И. Еременко.

Им противостояла 6-я немецкая полевая армия, и хотя в ней было всего 18 дивизий против наших 38, но зато каких! Соотношение сил было в пользу противника: в людях — 1,2:1, в танках — 2:1, в самолетах — 4:1. А еще позже, после упорного сопротивления наших войск на подступах к Сталинграду, немцы перебросили с Кавказа для удара со стороны Котельниково 4-ю танковую армию, развернули дополнительные части союзников.

В Сталинградскую битву, как в гигантскую мясорубку, втягивались почти все резервы воюющих сторон. Стало ясно, что здесь решается судьба кампании, а может быть, и всей войны.

В эти тяжелейшие дни, когда враг вышел к Волге и развалины Сталинграда превратились в арену ожесточеннейших боев, Ставка организует ряд контрударов на Калининском, Западном, Воронежском фронтах.

Ватутин бросал войска в отчаянные контратаки. Не все тогда понимали, зачем нужно брать безымянные высоты, сожженные села и станицы. Зачем терять людей, если нет большого успеха и враг только усиливает сопротивление, выдвигая свежие части? Но у войны свои законы. И не будь этих кровавых атак за сотни, тысячи километров от Сталинграда, возможно, взяли бы фашисты го-

род, и кто знает, сколько тогда пришлось бы принести жертв нашему народу.

Николай Федорович это понимал, и профессиональный долг, честь военного заставляли его не просто воевать, а добиваться успеха. Вот почему он так болезненно переживал неудачную операцию фронта по освобождению Воронежа в сентябре 1942 года. Ему казалось, что войска 60-й и 40-й армий, танковые корпуса способны взять город и отбросить противника за Дон, но пробивная мощь войск оказалась недостаточной, да и управление оставляло желать лучшего. А ведь он лично провел занятие с командармами, командирами дивизий и проиграл с ними на карте и рельефном плане всю динамику предстоящей операции. Фронтовой удар не получился. Чувство вины усугублялось еще и тем, что при проработке операции в Ставке он отказался от варианта соседа справа — Рокоссовского. Кто знает, может, он был бы более удачен?

Сам Константин Константинович по этому поводу писал: «Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и нашего соседа слева Н.Ф. Ватутина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предлагал иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависнет над противником севернее Воронежа...

Но Ватутин упорно отстаивал свой план, а мои доводы, по-видимому, оказались недостаточно убедительными... Сталин утвердил предложение Ватутина».

Наверно, Рокоссовский был прав, и Николай Федорович понимал, что в своем стремлении добиться успеха силами только своего фронта он не способствовал успеху. Ставка его особенно не укоряла, ибо помнила, что в самый разгар подготовки операции забрала с Воронежского фронта четыре полнокровные дивизии и отправила их в Сталинград. Слабым утешением стал и разговор с Василевским, в котором начальник Генштаба благодарил войска фронта за помощь Сталинграду.

В эти нелегкие дни оборонительных боев, больших неудач и частных успехов Николай Федорович испытал два серьезных потрясения. Первое было связано с тем, что он достоверно узнал о судьбе своих родственников: мать, сестры, племянники остались в окку-

пированном врагом Чепухино и это будет чудо, если они выживут. Второе событие, пожалуй, потрясло не только Ватутина, но и весь личный состав действующей армии. Это вышедший 28 июля приказ народного комиссара обороны № 227, зачитанный в частях и подразделениях до роты (эскадрильи) включительно. Приказ требовал «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток». Приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами, предписывались суровые меры к командирам всех степеней — от командующего армией до командира отделения — за оставление войсками без приказа боевых позиций. Вводились штрафные роты, батальоны, заградительные отряды.

Сейчас, когда приказ вновь опубликован полностью, вокруг него развернулись нескончаемые дискуссии. Каких только точек зрения здесь не услышишь! Известные историки, солидные ученые объявляют его чуть ли не людоедским, представляют, как одну из кощунственных сталинских акций и т.п. Такая точка зрения не удивляет, хотя бы потому, что высказывается она людьми не военного поколения. А ведь существуют оценки этого приказа тысяч фронтовиков, они единодушно считают его важным и своевременным, отмечают глубокое нравственное его воздействие на фронтовиков. Вот что говорит об этом А.М. Василевский: «Приказ этот сразу же привлек внимание всего личного состава Вооруженных Сил. Я был очевидцем, как заслушивали его воины в частях и подразделениях, изучали офицеры и генералы. Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности...

Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость и категоричность оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас прежде всего привлекало его социальное и нравственное содержание. Он обращал на себя внимание суровостью правды, нелицеприятностью разговора наркома и Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина с советскими воинами, начиная от рядового бойца и кончая командармом. Читая его, каждый из нас задумывался над тем, все ли силы мы отдали борьбе? Мы сознавали, что жестокость и категоричность требований приказа шли от имени народа, Родины, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбу своего социалистического Отечества. А те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, уже перестали быть непременной, настоятельной необходимостью еще до перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом...»

А вот свидетельство Героя Советского Союза генерала П.Н. Лащенко: «Сегодня кое-кто говорит, что ошеломляет его (приказа. — *С.К.*) жестокость, ведь приказом вводились у нас штрафные роты, штрафные батальоны и заградительные отряды. Верно, вводились. Было и это. Но в сорок втором году мы восприняли приказ № 227 как управу на паникеров и шкурников, маловеров и тех, для кого собственная жизнь дороже судьбы своего народа и близких, пославших их на фронт...

Законы войны объективны. В любой армии солдата, бросившего оружие, всегда ждало суровое наказание. Штрафные роты и батальоны, если не усложнять — те же роты и батальоны, только поставленные на наиболее тяжелые участки фронта. Однако фронтовики знают, как все условно на войне: без жестокого боя немцы не отдавали ни одной деревни, ни одного города, ни одной высоты. Кстати, командиры штрафных подразделений и штрафниками никогда не были, а самих штрафников никто не зачислял в уголовные преступники...»

Точно так же рассуждают и рядовые бойцы. «Как ветеран войны, я хорошо помню этот приказ сурового времени, — пишет В.Н. Конькин. — Он явился значительной вехой на долгом и трудном пути к Победе... Оголтелый враг, не считаясь с потерями, рвался к Сталинграду... Положение становилось все более критическим... Я тогда служил рядовым в отдельной артиллерийской части и хорошо помню, как бойцов изматывали непрерывные отступления, как приходилось чуть ли не ежедневно оборудовать новые огневые позиции... Лейтмотивом приказа было требование «Ни шагу назад!». Таким я на всю жизнь запомнил приказ № 227...»[1]

Во второй половине октября Ватутина неожиданно вызвали в Москву. Дорогой, в самолете, он мучительно думал о причинах вызова, терялся в догадках. Зачем? В общем-то все сводилось к худшим предположениям, хотя в последнее время срывов на Воронежском фронте не было и Ставка даже благодарила Военный совет фронта за руководство вверенными ему войсками.

«Это все расплата за Воронеж», — в последний раз подумал Николай Федорович, когда самолет начал заходить на посадку.

В Генеральном штабе он, однако, чутьем старого генштабиста почувствовал какое-то особое настроение, а когда Василевский встретил его улыбкой, понял — надвигаются серьезные и радостные события.

— Томить не буду, — сказал Василевский, крепко пожимая Ватутину руку, — окончательно утвержден план наступательной операции по окружению и разгрому немцев в районе Сталинграда. Тебе придется принять командование над одним из вновь создавае-

[1] Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 76—78.

мых фронтов, перед которым будет стоять одна из основных задач. Первые предложения по плану мы с Георгием Константиновичем обсуждали у Верховного еще месяц назад. Сейчас настало время ознакомить всех командующих и приступить к непосредственной подготовке.

— Наконец-то! — не удержался Ватутин...

В СРАЖЕНИЯХ У СТАЛИНГРАДА

Сталинград привлек к себе внимание всего мира. К середине сентября 1942 года, в самые тяжелые для сталинградцев дни, когда 13-я гвардейская дивизия генерала Родимцева стабилизировала оборону, Ставка почувствовала, что враг выдыхается. Немецкое командование не решило главной задачи — не овладело Сталинградом. Наступление гитлеровцев застопорилось, причем наиболее боеспособные, хорошо вооруженные и управляемые войска 6-й и 4-й танковой немецких армий сосредоточились компактной группировкой на узком участке в непосредственной близости к городу. На флангах же у них находились менее боеспособные румынские, венгерские и итальянские части. Было также достоверно известно, что значительные потери, которые понес и продолжает нести враг, и отсутствие у него значительных резервов не только затрудняют его дальнейшее наступление, но и ограничивают оборонительные возможности. За июнь—ноябрь немцы потеряли под Сталинградом 700 тыс. солдат и офицеров, более тысячи танков, 2 тыс. орудий, 1400 самолетов. Впервые враг подумал об остановке наступления. 11 сентября в ставке Гитлера под Винницей командующий группой армий «Б» Вейхс и командующий 6-й армией Паулюс добились принятия так называемого среднего решения, суть которого сводилась к оставлению попыток полного овладения Сталинградом, но уничтожению города как центра военной промышленности и узла коммуникаций. А еще через месяц немецкое командование подписало приказ о переходе к обороне: «Во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 году». Немцы предполагали, что советские войска серьезно ослаблены и смогут провести значительную наступательную операцию лишь на Западном фронте.

Логика в таких рассуждениях была. Действительно, наши войска тоже понесли большие потери. Не менее миллиона бойцов Красной Армии сложили голову только под Сталинградом. Но враг просчитался, недооценив возможности нашей страны. В глубине

европейской части, на Урале, в Сибири и Средней Азии заканчивалось формирование крупных резервов. Эти части и соединения, особенно танковые, представляли собой значительную силу. Страна стала давать войскам в достаточном количестве танки Т-34, современные самолеты, противотанковые и зенитные орудия, автоматическое оружие. Так что возможность проведения большой контрнаступательной операции, способной резко изменить обстановку не только в районе Сталинграда, но и на всем южном участке фронта, была вполне реальна. Суть стратегического замысла, сложившегося в результате обмена мнениями между Сталиным, Жуковым и Василевским, сводилась к тому, чтобы из района северо-западнее Сталинграда (от Серафимовича) и из района южнее Сталинграда (дефиле озер Баскунчак и Цаца) в общем направлении на Калач нанести встречные концентрические удары по втянувшейся в затяжные бои немецкой группировке, окружить и уничтожить ее основные силы.

За две недели до подписания Гитлером приказа о переходе вермахта к обороне план контрнаступательной операции под Сталинградом в общих чертах был готов. Василевский потом писал: «Эта работа была завершена в конце сентября. Тогда же, в сентябре, основные положения плана наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования и ГКО. Выполнение плана было решено возложить на войска вновь создаваемого Юго-Западного фронта (командующий Н.Ф. Ватутин, член Военного совета А.С. Желтов и начальник штаба Г.Д. Стельмах, впоследствии С.П. Иванов), Донского фронта, бывшего Сталинградского (командующий К.К. Рокоссовский, член Военного совета К.Ф. Телегин, начальник штаба М.С. Малинин), и Сталинградского фронта, бывшего Юго-Восточного (командующий А.И. Еременко, член Военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.С. Вареников). Фронты непосредственно подчинялись Ставке. В целях сохранения военной тайны официальное оформление решения о создании Юго-Западного фронта было отнесено на конец октября. Юго-Западному фронту предусматривалось передать из Донского фронта 63-ю и 21-ю армии и дополнительно 5-ю танковую армию. Исходным рубежом для его наступления намечался участок фронта по Дону от Верхнего Момона до Клетской с главной группировкой на плацдарме юго-западнее Серафимовича. После образования этого фронта за войсками Донского фронта должен был остаться участок от Клетской до Ерзовки, то есть почти до самой Волги, с плацдармами на западном берегу Дона возле Ново-Григорьевской и Сиротинской. Сталинградский фронт обязывался главный удар нанести из дефиле между озерами Цаца и Баскунчак. Решающая роль в операции отводилась танковым и механизированным вой-

скам. В связи с этим предусматривалось и считалось возможным передать из резерва Ставки в район Сталинграда к началу операции 4 танковых и 2 механизированных корпуса, доведя общее количество танков во фронтах сталинградского направления до 900. Решено было также значительно усилить эти фронты артиллерией и авиацией».

Всего этого в полном объеме Ватутин еще не знал, но будущую задачу фронта понял мгновенно.

— Вот такие дела, Николай Федорович,— улыбнулся Василевский после того, как в общих чертах рассказал Ватутину замысел Ставки.— Можешь на практике претворять свои наступательные идеи. Что они у тебя есть, в Генштабе знают, по-моему, все. Сегодня 24 октября, завтра будет подписано решение о создании Юго-Западного фронта. Тебе надлежит принять войска, сформировать управление фронта и приступить к подготовке предложений по использованию своих войск в операции «Уран». Рад?

— Не то слово, Александр Михайлович. Начинаю работать сейчас же.— Ватутин радостно потер руки и вдруг на какую-то минуту задумался. —Неужели немцы не понимают всей сложности своего положения? — сказал он наконец. — Неужели не догадываются?

— Думаю, что кое-что понимают, но, судя по данным разведки, контрнаступления не ждут.

— Должны догадываться, но не считают нас способными провести такую операцию. Не по Сеньке-де шапка.

— Согласен с тобой, но режим секретности должен оставаться самым строгим. К подготовке предложений привлекать минимум людей. Об этом Верховный предупреждал особо. В секретности большая доля будущего успеха.

Генералы не ошибались. В конце сентября немецкое командование предприняло ряд мер для укрепления флангов ударной группировки, не надеясь на стойкость своих союзников. Так, для того чтобы заставить румын сражаться лучше, предполагалось создать новую группу армий «Дон» под командованием самого Антонеску, был даже создан штаб этой группы, но дальше дело не продвинулось. Начали немцы подумывать и о выводе части войск, особенно 14-го танкового корпуса, из Сталинграда. Это могло бы повысить маневренность всей группировки и, как считали гитлеровские стратеги, свести на нет все усилия русских. Пока же бои в городе продолжались с большим упорством. По окончании войны один из главных руководителей вермахта фельдмаршал Кейтель признавал: «Сталинград был настолько соблазнительной целью, что казалось невозможным отказаться от него». И немцы остались в городе. Самоуверенное упование на превосходство немецкой военной мысли еще сохранялось у большинства гитлеровских стратегов.

На следующий день Ватутин вылетел из Москвы и уже вечером вместе с адъютантом прибыл на глухую железнодорожную станцию Филоновская встречать штаб 1-й гвардейской армии. Вскоре в небольшом городке Серафимович, что на правом берегу Тихого Дона, начал работать штаб Юго-Западного фронта. Ватутин прекрасно понимал, что на первом этапе контрнаступления его фронту предстоит выполнить главную задачу. Это особенно подчеркивали Василевский и Жуков во время последнего разговора в Ставке.

— Верховный сначала не верил, что мы сможем осуществить столь большое окружение,— сказал Жуков,— предлагал ограничиться ударами навстречу вдоль Дона.

— Но ведь тогда Паулюс может парировать удар своими танковыми корпусами...

— Я так и доложил. Вся суть в том и состоит, что, ударив западнее Дона, мы не дадим возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать резервами, чтобы выйти навстречу нашим группировкам. Времени, Николай Федорович, у тебя мало, а задачи серьезные, наступление тебе придется начать раньше Сталинградского фронта, ибо до точки встречи надо пройти большее расстояние. Курировать подготовку твоего и Донского фронтов поручено мне. В первых числах ноября будь готов доложить свои предложения...

Ватутин вправе был сослаться на недостаток времени, но у него даже не мелькнуло такой мысли. Слишком велико было доверие Ставки, слишком долгожданна полученная задача, и какой военачальник не позавидовал бы сейчас Николаю Федоровичу! Словом, Ватутин, не задумываясь, включился в напряженнейшую работу. Спать приходилось урывками, большей частью в машине при объезде войск... За короткий срок предстояло создать гибкий, слаженный механизм руководства, подтянуть и принять резервы, накопить нужное количество боеприпасов и материально-технических средств. И делать все приходилось на практически открытой местности, в бездорожье. К фронту подходила единственная узкоколейная дорога, и Николай Федорович приказал выгружать части, не доходя до фронтовой полосы, и ночью колоннами направлять их в районы сосредоточения. Также ночью проводилась скрытая перегруппировка войск. И везде он старался побывать сам. Адъютант уже знал, что только во время ночных переездов командующий успевает соснуть часок-другой, и устроил для Ватутина на заднем сиденье своеобразное спальное место. Николай Федорович, не любивший повышенного внимания к своей особе, на сей раз не противился. Слишком серьезны и велики стоявшие перед ним задачи, и решать их можно только со свежей головой. Днем отдыхать было некогда. С начальником штаба фронта, членами Военного совета, операторами Ватутин не отходил от карты.

Войскам фронта предстояло нанести удар по правому флангу немецкой группы армий «Б», державшей оборону на фронте почти в полторы тысячи километров. На самом левом фланге, в районе Воронежа, оборонялась 2-я немецкая армия. Правее, по правому берегу Дона, прикрывала харьковское направление 2-я венгерская армия. Далее — от Новой Калитвы до Вешенской — стояла 8-я итальянская армия и — от Вешенской до Клетской — 3-я румынская армия. Вот по ней и предстояло нанести удар Ватутину. Николай Федорович знал, что румынские войска менее стойки, но на легкий успех не рассчитывал. Противник построил глубоко эшелонированную оборону, располагал мощными огневыми средствами, да и из глубины в любой момент могли подойти значительные резервы уже немецких войск. Трудности усугублялись еще и тем, что наступать предстояло с плацдармов, а значит, возрастала роль переправ. Осень в тот год выдалась капризной. Заморозки чередовались с оттепелью. Днем от дождя набухали солдатские шинели, ночью покрывались ледяной коркой. Начавшийся ледостав фактически парализовал связь с плацдармами. С чувством щемящей боли, горечи и гордости смотрел Николай Федорович на стоявших по плечи в ледяной воде саперов, деловито рубивших мосты. «Их муки не должны пропасть, — думал он. — Удар должен быть сокрушителен». И командующий фронтом сосредоточивал на участке прорыва более половины стрелковых дивизий фронта, два кавалерийских и три танковых корпуса, почти всю артиллерию РВГК и всю реактивную артиллерию. В результате ударная группировка превосходила противника по личному составу в 2,5 раза, по танкам и артиллерии в 5 раз.

В состав ударной группировки Ватутин включил 5-ю танковую армию генерал-лейтенанта П.Л. Романенко и 21-ю армию генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. Армии, наступая с плацдармов в районе Серафимовича и Клетской, должны были прорвать оборону 3-й румынской армии в общем направлении на Калач и к исходу третьего дня операции соединиться с ударной группировкой Сталинградского фронта. Для обеспечения наступления ударной группировки с юго-запада и запада командующий фронтом выделял правофланговую 1-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко. В последующем к Лелюшенко должны были присоединиться основные силы 5-й танковой армии. Этим частям и соединениям, выйдя на рубеж рек Чир и Кривая, предстояло создать активно действующий внешний фронт окружения. Действия наземных сил поддерживала авиация 17-й воздушной армии генерал-майора авиации С.А. Красовского и 2-й воздушной армии генерал-майора авиации К.Н. Смирнова, а также самолеты авиации дальнего действия.

1 ноября в штаб фронта прибыл Жуков. С ним приехали представители Ставки: по вопросам артиллерии — Н.Н. Воронов, авиации — А.А. Новиков и А.Е. Голованов, по бронетанковым войскам — Я.Н. Федоренко. Все генералы тут же начали помогать командованию фронта в отработке вопросов взаимодействия и применения своих родов войск. 3 ноября, по прибытии в Серафимович Василевского, на совещании заслушивалось решение командующего Юго-Западным фронтом. Руководил совещанием Жуков. Помимо командования фронта и армий на нем присутствовали командиры корпусов и дивизий.

Николай Федорович заметно волновался, но начал доклад четко, уверенно формулируя свои мысли.

— Силы и средства армий, осуществляющих прорыв, глубоко эшелонированы,— докладывал Ватутин. — Оперативное построение 5-й танковой армии следующее: две из шести ее дивизий развернуты в полосе 25 километров на второстепенных участках. На десятикилометровом участке прорыва сосредоточены остальные четыре дивизии: две дивизии, усиленные танковой бригадой и танковым батальоном, — в первом эшелоне; еще две — во втором. 1-й и 26-й танковые и 8-й кавалерийский корпуса составляют мобильную группировку армии и предназначены для завершения прорыва тактической зоны обороны противника и развития успеха.

Находясь в первом эшелоне ударной группировки фронта, армия, наступая в полосе 35 километров, прорывает оборону противника на участке всего лишь в десять километров.

21-я армия прорывает оборону противника на участке чуть большем — в 12 километров. В первом эшелоне находятся четыре стрелковые дивизии со средствами усиления. Во втором — две стрелковые дивизии, в мобильную группировку армии входят 4-й танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса.

1-я гвардейская армия наступает...

Николай Федорович докладывал еще несколько минут, за ним докладывали командующие армиями, начальники служб, отвечали на вопросы. План Ватутина был утвержден с незначительными изменениями.

На следующий день такое же совещание прошло в штабе 21-й армии. В его работе приняли участие командующий Донским фронтом Рокоссовский с группой офицеров своего штаба. 10 ноября подобное совещание проводилось с руководящим составом Сталинградского фронта при штабе 57-й армии. Совещания принесли немалую пользу.

«Вопросы перед командирами ставились интересные, смелые,— вспоминал Рокоссовский,— на совещании царила подлинно творческая обстановка...» Более определенно высказался Василевский: «На этих совещаниях еще раз были тщательно проверены точность

понимания командующими поставленных перед ними задач и их решения. Буквально с каждым из них вновь были рассмотрены вопросы организации взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией при прорыве обороны противника; обеспечения флангов в ходе операции; взаимодействия с соседними войсковыми объединениями и соединениями; организации управления войсками на всех стадиях операции. Были заслушаны подробные доклады участников совещания о состоянии войск, боевом и материальном обеспечении, готовности соединений к выполнению ответственнейшего задания...»

В ходе этой организационной работы Николай Федорович установил тесную связь с командующими Донским и Сталинградским фронтами. Несколько бессонных ночей было потрачено на разработку детального плана взаимодействия.

Представители Ставки после подведения итогов работы в войсках убывали в Москву для доклада на заседании Политбюро ЦК партии.

— Ну что, Николай Федорович, дело осталось за малым — начать и кончить,— пошутил Жуков в момент прощания.— Теперь наверняка помчишь в войска?

— Непременно,— улыбнулся Ватутин.— Сами знаете, все кажется, чего-то не предусмотрел. Пока только не решил куда.

— Верховный очень обеспокоен авиационным прикрытием после моего доклада о недостатках в воздушных армиях. Сегодня получил телеграмму с самыми серьезными указаниями. Ты их в общем знаешь, но дело действительно важное...

— Вот с воздушной армии и начну,—ответил Ватутин, пожимая Жукову руку.

С Василевским Николай Федорович толком поговорить не успел.

— Скоро наверняка встретимся,— только и сказал Александр Михайлович, прощаясь. — В войсках долго не задерживайся. Ты в штабе нужнее...

Проводив представителей Ставки, Ватутин сразу выехал в 17-ю воздушную армию. Семенчук по привычке распахнул дверцу «виллиса», приглашая генерала на спальное место, но Николай Федорович отказался:

— Нет, Семенчук, хватит, подремали. Теперь уж совсем не до сна.

Сев на привычное место рядом с водителем, Ватутин вдруг попросил у адъютанта папироску, закурил ее, закашлялся и выбросил в окно. Семенчук понял, что генерал волнуется. Ехали так около часа, пока не послышался шум танковых моторов.

— Прижмись-ка! — скомандовал Ватутин водителю. Машина остановилась, и он вышел на обочину.

Идущий впереди колонны танк осветил подфарниками стоящую на обочине машину, остановился. Лязгнул башенный люк, и голова в ребристом шлеме выглянула наружу.

— Чье хозяйство? — крикнул Ватутин.

— А с кем говорю? — ответила вопросом голова.

— Командующий фронтом Ватутин.

Голова дернулась, и через мгновение перед Ватутиным стоял высокий танкист.

— Виноват, товарищ командующий! Не узнал! Докладывает командир 45-танковой бригады 4-го танкового корпуса подполковник Жидков!

— Ничего, подполковник, вы и не обязаны узнавать всех в темноте. А виноваты потому, что едете со светом и слишком медленно. Дорога каждая минута, не то что час.

— Я вас заметил и в темноте, товарищ командующий. Смотрю, машины. Думаю, как бы не раздавить, и включил подфарники. Могли ведь в кювет столкнуть.

— И правильно бы сделали. Для вас главное выйти в срок в намеченный район, чтобы днем и следа от вас не было. Продолжайте движение...

Танковая колонна ушла, но через какие-то полчаса Ватутин наткнулся на артиллеристов. Опрокинулся тягач, загородил дорогу, и целый артполк застрял на месте, стараясь вытащить трактор и пушку.

— Мне же трибунал за потерю тягача и орудия, товарищ командующий!—оправдывался командир полка.

— Бросьте все немедленно, столкнуть в сторону и продолжать движение!— приказал Ватутин.— Вам что, не довели до сведения мой приказ о порядке совершения маршей?..

Потратив около часа на артиллеристов, Николай Федорович все больше хмурился.

— Что-то у Чистякова начались перебои,— буркнул он, усаживаясь в машину.

— Может, свернем в 21-ю? — спросил Семенчук.

— Нет, сначала к Красовскому.

На КП 17-й воздушной армии добрались задолго до рассвета, но весь штаб был на ногах.

Над картой колдовали сам С.А. Красовский, его заместитель по политчасти генерал-майор авиации В.Н. Толмачев и начальник штаба полковник К.И. Тельнов.

Увидев штаб за работой, Ватутин сразу повеселел.

— Ну вот и хорошо,—улыбнулся Николай Федорович. — Карта на столе, командующий за картой. Надеюсь, план боевого применения готов?

— Так точно, товарищ командующий,—ответил Красовский.— Может, сначала позавтракаете?

— Нет, если только горячего чаю, покрепче и послаще.

После короткого чаепития все подошли к карте и Красовский начал доклад:

— Для завоевания и удержания господства в воздухе, обеспечения других родов авиации и прикрытия сухопутных войск выделяю две истребительные дивизии. Удары по аэродромам и боевым порядкам противника будут наноситься силами 221-й и 222-й бомбардировочных дивизий. Непосредственную поддержку ударных группировок и подвижных соединений возлагаю на глубоко эшелонированные группы штурмовиков. Для борьбы со вторыми эшелонами и резервами противника выделяю одну бомбардировочную дивизию и четыре полка ночных бомбардировщиков...

— Массирование сил на направлении главного удара просматривается четко,— вмешался в доклад Ватутин. — А как намереваетесь организовать взаимодействие с наземными войсками?

— Пункты управления воздушных армий — мой и 2-й воздушной — разворачиваются недалеко от вашего КП. В штабы 21-й и 5-й танковой армий, а также в штабы корпусов и дивизий будут направлены наши представители со средствами связи. Все они тщательно проинструктированы и уже провели пробные сеансы связи.

— А как подготовлены аэродромы? Защищены ли от налетов авиации противника?

— Основные взлетно-посадочные полосы замаскированы, личный состав БАО оборудовал ложные аэродромы. С них в ночное время запускаем шары-пилоты с горящими лампочками.

— Как материально-техническое обеспечение?

— По норме.

— Ну что же,— удовлетворенно подытожил разговор Ватутин,— вижу, что готовы. Давайте карту.

Быстро утвердив план боевого применения авиации, Николай Федорович в углу карты размашисто написал: «Боевой авиации вести разведку на себя, искать объекты противника (резервы, колонны, районы сосредоточения). Быть готовой наносить массированные удары всей авиацией при обнаружении крупных резервов, особенно танковых и моторизованных дивизий...»

Тепло попрощавшись с летчиками, Ватутин поспешил в 21-ю армию.

— Надо торопиться,— сказал он Семенчуку,— пока не рассвело окончательно. Заодно посмотрим, как передвигаются войска. Скрытность для нас сейчас важна, как никогда.

Но до И.М. Чистякова добрались только днем. Командующий самым внимательным образом осматривал фронтовые дороги и нигде не встретил движущихся колонн. Голая, покрытая первым сне-

гом равнина, казалось, вымерла, только в небе натужно стрекотал маленький У-2. Все это окончательно подняло настроение Ватутина, и он решил не напоминать Чистякову о ночной встрече с его подчиненными.

Зная о постоянной нехватке времени у командующего фронтом, Чистяков сразу после доклада предложил пройти к карте.

— Э, нет, Иван Михайлович!— неожиданно отказался Ватутин.— Думаю у тебя остаться до вечера, переговорить успеем. А сейчас неплохо бы пообедать. Вторые сутки во рту ничего горячего не было, кроме чая. Хорошо бы похлебки какой, а то меня Семенчук закормил тушенкой.

— Как же так? — укоризненно обратился к адъютанту Чистяков.

— А что я могу? Все время на колесах,— оправдывался Семенчук. —В машине, что ли, керосинку ставить?

— Не обижайся, Семенчук,— остановил его Ватутин. — Что ты мой ангел-хранитель, по-моему, весь фронт знает.

После плотного фронтового обеда генералы засели за картой, Николай Федорович уже в который раз внимательно рассматривал красные и черные значки, линии, синие зубчики рубежей противника.

— Вроде сил достаточно,— не выдержал молчания Чистяков,— в сорок первом об этом можно было только мечтать.

— Да, ты прав, но, думаю, в сорок первом трудно было бы таким количеством войск управлять. Сознайся, Иван Михайлович.

— А что сознаваться? Я всегда говорю об этом открыто. Пока нам немец не набил сопатку, воевать не научились. У меня и сейчас не все командиры дивизий соответствуют на все сто процентов.

— А вот это уже плохо. Почему не доложил? Немедленно бы заменили.

— Да нет, вы меня не так поняли. Комдивы — орлы, но некоторые в первый раз пойдут в наступление. Одно дело держать фронт, другое наступать. Да и откуда опыту взяться? Только-только начинаем...

— Ну это не так страшно. Я операцию такого масштаба тоже впервые провожу. Все будем учиться. Для нас в этой науке главное — управление войсками и организация взаимодействия. Кстати, как у тебя отношения с летчиками? Красовский докладывал, что все организовано.

— Так точно. Связь налажена и с летчиками, и с Романенко, и с Донским фронтом. Командарм 65-й Батов звонил прямо перед вашим приездом.

— Ну и хорошо. Давай еще поколдуем на карте, проверим все планы, Таблицы стрельб. Прогоним все цепочки связи...

Долго беседовал Ватутин с командующим 21-й армией, его начальником штаба, начальником артиллерии, инженерных войск, тыла, связи. Всех выслушал самым внимательным образом, доброжелательно. Сам тоже не удержался, чтобы не поработать с картой. Вечером того же дня, тепло попрощавшись с Чистяковым и его штабом, уехал в 5-ю танковую армию. С Романенко провел такую же работу. Обговаривали все детали операции. И опять Ватутин выслушивал подчиненных внимательно, тактично высказывал свои соображения.

Много лет спустя генерал И.М. Чистяков вспоминал: «И еще было одно замечательное качество у Николая Федоровича. Он умел слушать других, не давить своими знаниями и авторитетом. С ним мы, его подчиненные, чувствовали себя свободно, что, понятно, развязывало инициативу. Даже когда он подсказывал верное решение, то делал это... так незаметно и в то же время убедительно, что подчиненный принимал его решение как свое».

19 ноября залпы 15 тысяч орудий и минометов, что в два раза больше, чем действовало под Москвой, обрушились на врага.

Утро этого знаменательного дня выдалось туманным. Вскоре пошел густой липкий снег, и Ватутин, прислушиваясь к морозной тишине, с горечью думал о том, что авиацию из-за нелетной погоды эффективно применить не удастся. Правда, он отдал команду авиации действовать мелкими группами, но артиллерии все же пришлось добавить целей. В 7 часов 30 минут первым залпом «катюш» началась артподготовка. 80 минут шла обработка переднего края. Николай Федорович сидел в углу командного пункта и не отрывал глаз от светящегося циферблата часов. Время тянулось томительно.

— Из Москвы ничего нет? Как подготовлен пункт управления для представителей Ставки? — спросил он у начальника штаба.

— Москва молчит, командный пункт готов, ждем прибытия Василевского.

— Ну хорошо,— сказал Ватутин и снова посмотрел на часы.

Наконец командующий артиллерией доложил, что переносит удар в глубину вражеской обороны.

— Вперед! — воскликнул Ватутин и, ударив кулаком по колену, поднялся со стула.

Вперед пошла пехота и танки Чистякова и Романенко. Через два часа пришли первые доклады, пока неутешительные. Передовые полки дивизий Романенко хоть и наступали, но темпы были низкими.

— Я к Романенко,— не выдержал Ватутин.— Поддерживайте постоянную связь со Ставкой. Как только прибудет Василевский, доложите и позвоните мне...

Романенко встретил командующего с удивлением и удовлетворением. Удивлялся, что Ватутин уже в начале операции приехал именно к нему, а удовлетворен был тем, что может переговорить с командующим с глазу на глаз.

— Пехота и танки вклинились в оборону противника пока на 2—3 километра,— докладывал Романенко. — Румын мы смяли, но за ними оказались немецкие части, и пехота затормозила.

— Что предлагаешь?

— Прошу ввести в прорыв танковый корпус.

— Но ведь прорыва-то еще нет.— Ватутин задумался на минуту. — А, впрочем, ты прав. Вводите, и не один, а оба. И 1-й, и 26-й, да как можно энергичней!

Романенко пошел отдавать приказание, и танкисты увидели наконец красную ракету. В это время на КП появился Василевский с группой офицеров. Ватутин поспешил с рапортом, но Василевский остановил его:

— Не надо, Николай Федорович. Добрался до твоего КП, а там пусто. Я тогда сюда. Что предприняли?

— Ввожу в дело танковые корпуса.

— Но ведь по плану они предназначены для развития успеха армии, а успех у Романенко пока минимальный.

— Согласен, Александр Михайлович, но надо наращивать усилия, бить кулаком, а не растопыренными пальцами. Авиация почти вся на земле, артиллерия бьет только по наблюдаемым целям. Противник не только обороняется, но и контратакует. Сейчас помочь могут только танки. И потом в народе говорят: «Каков запев, такова и песня». Запев нужен удачный.

— Что ж, может, ты и прав...

Через час генерал Романенко доложил, что танки смяли противника. Танкисты 1-го танкового корпуса генерала В.В. Будкова и 26-го танкового корпуса генерала А.Г. Родина с ходу прорвали оборону врага и, разгромив стоявшую на пути румынскую пехоту, устремились вперед.

— Ну, кажется, дело пошло,— улыбнулся Ватутин.— Предлагаю вернуться на КП фронта. Как, Александр Михайлович, согласен?

— Охотно,—тоже улыбнулся Василевский. Надо узнать подробнее, как дела у Чистякова, и докладывать в Москву.

У Чистякова дела тоже шли успешно. Артиллерия и пехота взломали оборону, и устремившийся в прорыв 4-й танковый корпус генерала А.Г. Кравченко неукротимо рвался вперед.

К концу дня ударные группировки фронта, прорвав оборону 3-й румынской армии, вырвались на оперативный простор. 2-й и 4-й румынские корпуса были уничтожены практически полностью, а

6-й блокирован в районе Распопинской. Танкисты Родина и Кравченко продвинулись вперед на 25—30 километров.

В штабе фронта царило оживление, и только Василевский был чем-то озабочен.

— Не все пока ладно у Рокоссовского,— ответил он на вопросительный взгляд Ватутина. — 65-я армия Батова довольно легко заняла передовые траншеи, но далее наткнулась на цепь опорных пунктов, расположенных по склонам меловых высот, и встала. С большим трудом Батов сломил сопротивление противника. В районе Мало-Клетской взял группу высот, но дивизии его продвинулись только на пять километров.

— Выходит, даже не прорвали первую линию обороны? — спросил Ватутин.

— Выходит, так. А ведь немцы будут усиливать сопротивление, возможно, снимут часть сил из-под Сталинграда...

— А знаешь, Александр Михайлович, я думаю, успешное продвижение Чистякова должно помочь Батову. Возьмут ли немцы войска у Паулюса — еще вопрос, а вот забрать часть сил, стоящих против Донского фронта, сам бог велел. Значит, завтра Батову надо усиливать нажим. Уверен, фронт он прорвет.

— Хорошо бы, но вам-то от этого только труднее будет.

— Ничего, есть у меня одна задумка. — Если можно—доложу завтра. Все будет зависеть от того, как поведет себя противник...

Оба генерала оказались правы. Немцы действительно сняли с направления Донского фронта часть сил 3-й мотодивизии, 16-й танковой дивизии и бросили их против 21-й армии Юго-Западного фронта. Кроме того, командование группы армий «Б» начало перегруппировку сил, находящихся непосредственно у Сталинграда. Уже вечером 19 ноября Вейхс приказал Паулюсу прекратить наступательные действия и выделить из состава 6-й армии не менее двух моторизованных и одного пехотного соединений со средствами усиления, подчинить их командиру 14-го танкового корпуса. Эти войска с утра 20 ноября должны были нанести контрудар по прорвавшимся дивизиям Юго-Западного фронта. Все продумали немецкие стратеги, но не учли полководческого таланта советских военачальников.

Ватутин и не сомневался, что немцы усилят сопротивление. Поэтому еще вечером 19 ноября, услышав от синоптиков благоприятную метеосводку, он решил нанести контратакующему противнику мощный авиационный удар.

Вот эту задумку он и доложил Василевскому в ночь на 20 ноября, когда поступили первые донесения о контратаках противника.

— Очень прошу твоей поддержки, Александр Михайлович. Мне на день-два надо подчинить еще и 16-ю воздушную армию. Завтра погода обещает быть летной. Поддержи в Ставке.

Василевский все сразу понял и дал «добро»:

— Хорошо задумано, но одной авиации мало.

— Конечно, будем расширять прорыв и пехотой. Вот только отстает она. Правда, есть еще конница.

— Я тебя безусловно поддержу. Теперь, если и Сталинградский фронт пойдет успешно, плохо будет фашистам...

Ставка согласилась с Ватутиным, и 20 ноября с первыми лучами солнца вся штурмовая авиация трех воздушных армий обрушилась на выдвигающиеся резервы противника. Одновременно в прорыв вводились 8-й и 3-й гвардейский кавалерийские корпуса генералов М.Д. Борисова и И.А. Плиева. Немцы не ожидали такого массированного воздействия авиацией, на какое-то мгновение растерялись, и Юго-Западный фронт вновь двинулся вперед. Оправиться от этого шока немецкое командование не успело, так как его ожидали еще большие потрясения. В наступление перешла ударная группировка Сталинградского фронта, да так удачно, что теперь и немцы поняли весь ужас своего положения.

А инициатива продолжала оставаться у советского командования, и оно использовало ее блестяще. 21 ноября 26-й и 4-й танковые корпуса вышли в район Манойлина. Ватутин приказал им повернуть на восток и юго-восток. Танкисты устремились по кратчайшему пути к Дону в район Калача. 1-й танковый и 8-й кавалерийский корпуса, двигавшиеся на юг, повернули на запад и разошлись широким веером по донским степям.

— Семен Павлович,—теребил Ватутин заместителя начальника штаба генерала Иванова,— теперь главное внимание на танкистов. Докладывай об их продвижении каждый час. У меня должна быть прямая радиосвязь — до командира бригады включительно. К исходу дня генерал Иванов докладывал:

— Передовые части 4-го танкового корпуса подошли к Голубинскому. 26-й танковый корпус стремительно продвигается к Калачу. Передовой отряд корпуса — усиленная мотострелковая бригада подполковника Филиппова...

— Филиппов должен твердо знать свою задачу — захватить переправу через Дон и удержать ее до подхода главных сил корпуса. И предупреди Родина, чтобы он подгонял танкистов, а то Филиппов долго не продержится. Я займусь ликвидацией распопинской группировки. Чистяков не выходит из связи...

Ватутин возложил ликвидацию окруженной румынской группировки под Распопинской на 21-ю армию и приказал завершить операцию до 10 часов 23 ноября. Но задача эта оказалась непростой. Румыны от безысходности дрались отчаянно. У Чистякова было два выхода: либо просить у командования резервы, либо предложить противнику ультиматум. Впоследствии он вспоминал: «Я обратился к командующему фронтом Н.Ф. Ватутину. Доложил

обстановку. Он со свойственным ему спокойствием выслушал меня и сказал:

— Да, Иван Михайлович, положение у тебя очень тяжелое, но помочь тебе ничем не могу. Нет у меня сейчас таких возможностей...

Я доложил ему:

— Товарищ командующий, мне советуют направить к противнику парламентеров. Может, и правда пошлем... Он подумал — и согласился...»

Ультиматум парламентеры капитан Е.И. Иткис и И.К. Сулин доставили генералу Стенеску, но тот отклонил его.

— Буду атаковать и любой ценой разобью врага! — горячился Чистяков.

— Не суетись, Иван Михайлович,— остановил его Ватутин. — Любой ценой — значит, жизнью бойца, и ты об этом не должен забывать никогда. У меня есть идея. Танков во фронтовом резерве нет, зато есть несколько десятков тракторов и тягачей. Попробуй обмануть румын. Они еще помнят удары наших танков. Уловил?

— Понял, товарищ командующий! Есть! — радостно воскликнул Чистяков.

Вот как он сам описывает эти события: «Несколько часов ушло на подробную разработку ложной операции. С наступлением темноты к переднему краю противника потянулись десятки светящихся парных точек, сопровождаемых гулом моторов. К линии фронта машины шли с зажженными фарами, а обратно — с потушенными. А поскольку машин было все-таки маловато, то к каждой из них мы прицепили по нескольку саней с фонарями. Гул танков имитировали тракторы. Движение вкруговую продолжалось до рассвета.

Кочующие батареи, меняя позиции, не давали покоя противнику короткими огневыми налетами. По радио и по телефону отдавались ложные приказания и распоряжения.

И противник клюнул на нашу хитрость. Генерал Стенеску решил, что мы подтянули крупные механизированные войска, дальнейшее сопротивление бесполезно, надо сдаваться».

В разгар ликвидации распопинской группировки пришло страстно ожидаемое известие от командира 26-го танкового корпуса. Передовой отряд корпуса захватил переправу через Дон и ведет бой за город Калач. Ох, как хотел тогда Николай Федорович знать подробности этого беспримерного героического броска, но пришлось ограничиться сухими фразами донесения. Мы же можем рассказать об этом подробней.

На рассвете 22 ноября отряд подполковника Г.Н. Филиппова вышел к Дону. Всю ночь неслись по степи его танки и автомобили с автоматчиками. Дорогу указывали старые казаки — пастухи. Еще летом угнали они колхозный скот на левый берег Дона и до глубо-

кой осени тосковали по родной, поруганной врагом земле. Разведчики танковых корпусов разыскали стариков в прифронтовой полосе. Отобрали только тех, кто хорошо знал дороги на Перелазовский, Калач, Суровикино. И вот теперь на башнях танков, в кабинах грузовиков восседали седобородые донцы, знавшие в степи каждую балочку, каждый холм, гордые от мысли, что несут освобождение родному краю.

Целью наступления танкистов были два моста, расположенные почти рядом против города Калач. Других переправ через Дон не было. Сначала разведчиков Филиппова постигло разочарование: первый мост, к которому они вышли, оказался взорван. Что делать? Хорошо, что среди них был старый казак — местный житель. Он вывел отряд к другому мосту, что северо-западнее города. Казак переговорил с невесть откуда взявшимся мальчишкой и доложил, что этот мост тоже заминирован.

Филиппов решил пойти на хитрость. В голову колонны он поставил несколько трофейных грузовиков и с включенными фарами двинул бригаду прямо на мост. Охрана моста ждала с нетерпением смену и приняла за нее подходившую колонну, а когда разобралась — было уже поздно. Бой получился жестоким и скоротечным. Перебив охрану, бригада захватила мост и заняла оборону на восточном берегу Дона. Что тут началось! Немцы контратаковали отчаянно, по нескольку раз за час, но сбить отряд Филиппова с моста не смогли. В самый критический момент боя на помощь передовому отряду подошли танки 19-й танковой бригады подполковника Н.М. Филиппенко. Эти силы уже могли не только обороняться, но и атаковать. До Калача оставалось всего два километра, и Филиппенко решил взять город с ходу. Но немцы уцепились за Калач намертво. Бой шел всю ночь, и только с подходом главных сил 26-го и 4-го танковых корпусов Калач был взят.

— Родин взял Калач,— сухо докладывал Иванов Ватутину, — а Кравченко, обойдя город с востока, двинулся к хутору Советский. Сталинградцы сообщают, что нам навстречу рвутся танковые бригады 4-го мехкорпуса генерала Вольского. Они уже взяли Верхне-Царицынский и на пути к Советскому.

— Отлично! — не скрывал радости Ватутин.— Прежде всего немедленно подготовьте представление к званию Героя Советского Союза на Филиппова и Филиппенко. Второе. Расстояние между фронтами сократилось примерно до 80 километров. Наша главная задача — перерезать последние коммуникации группировки Паулюса. Для этого 26-й корпус, вслед за 4-м, всеми силами форсирует Дон, 8-й кавалерийский корпус развивает наступление в направлении Обливской, 1-му танковому корпусу — выбить немцев с железнодорожной станции Суровикино. Быстрота, и еще раз быстрота —

это сейчас главное. Бросьте вперед конников, мотоциклистов полковника Белика, все, что есть под рукой.

Мотоциклисты вошли в прорыв, обогнали танковые бригады и по глухим, неконтролируемым дорогам устремились в рейд по тылам противника. В общей сложности они углубились на 100 километров.

И вот наступил исторический день 23 ноября 1942 года. В 16 часов 45-я танковая бригада уже знакомого нам подполковника Жидкова из 4-го танкового корпуса, сметая все на своем пути, подошла к хутору Советский. Навстречу ей с северной окраины хутора рвались танки и пехота 36-й мотострелковой бригады подполковника М.И. Родионова из 4-го мехкорпуса Сталинградского фронта. С обеих сторон раздались предупредительные выстрелы, в воздух взлетели красные ракеты. Этот своеобразный салют возвестил о том, что через 100 часов после начала контрнаступления советские войска замкнули кольцо окружения вокруг сталинградской группировки врага. В котле оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей, входивших в состав 6-й и частично 4-й танковой немецких армий.

Ватутин смеялся заразительным детским смехом. Так он смеялся последний раз в Чепухино, когда узнал, что снова пойдет в школу. Но разве сравнимы те детские радости с огромным чувством, охватившим его от этой победы?

К исходу 23 ноября создать окружение сплошного внешнего фронта не удалось, но и у немцев сплошного фронта не было. Более того, разведка докладывала, что в результате активных действий наших войск на огромном участке от Лихой до Ростова образовалась брешь, не занятая противником. Сведения эти немедленно пошли в Ставку, а в штабе Юго-Западного фронта собралось все фронтовое командование для обсуждения плана дальнейших действий. Говорили долго, увлеченно, и все указывали на образовавшуюся в обороне врага брешь.

— Гитлеровцы безусловно примут все меры, чтобы выручить свои войска, — подвел итог обсуждения Василевский.— Поэтому считаю важнейшей для нас задачей скорейшую ликвидацию окруженной группировки Паулюса и освобождение своих войск, задействованных для этого. Но прежде необходимо создать прочный фронт внешнего обвода кольца с запасом резервов из подвижных войск. К ликвидации котла привлечь войска всех трех фронтов, находящихся на внутреннем обводе. Об этом буду докладывать Верховному Главнокомандующему. Какие вопросы у командования фронта?

— Вопросов нет, Александр Михайлович! — ответил Ватутин.— Вы уж меня простите, но не дает покоя эта брешь. Ведь можно ударить на юг, на Ростов, пока противник деморализован. Смущает

одно обстоятельство — хватит ли сил для столь масштабной операции?

— Узнаю ватутинское нетерпение и не удивляюсь,— улыбнулся Василевский. — Я обязательно доложу о разрыве в немецкой обороне и ваших мыслях.

Василевский ушел на узел связи, а Ватутин, распустив людей, приказал подготовить крепкий чай. Александр Михайлович вернулся скоро.

— Ну что? — спросил Ватутин.

— Верховный одобрил наши выводы и действия. Приказал мне дать директиву всем трем фронтам на ликвидацию котла...

— Отлично! — воскликнул Ватутин.

— Это еще не все,— загадочно улыбнулся Василевский. — Исходя из благоприятной обстановки, сложившейся для нас в среднем течении Дона, Верховный предлагает проработать наметки наступательной операции силами вашего и левого крыла Воронежского фронтов. Цель — расширить фронт нашего наступления и нанести врагу еще более чувствительный удар в общем направлении на Миллерово и Ростов. В случае удачи это может создать условия для полного разгрома противника на южном крыле советско-германского фронта. Так что в Ставке уже шел разговор, совпадающий с вашими предложениями. Верховный даже назвал эту операцию «Сатурн».

— Это совсем здорово! — обрадовался Ватутин.

— Подожди радоваться. Вот получишь завтра мою директиву — не так запоешь. Надо будет одновременно бить Паулюса и готовить предложения по «Сатурну».

— Ничего, нам не привыкать...

Директива предусматривала привлечь к выполнению операции по ликвидации котла: с запада — 21-ю армию Юго-Западного фронта, усиленную 2-м и 4-м танковыми корпусами; с севера — 65, 24 и 66-ю армии Донского фронта; с востока — 62, 64, 57-ю армии Сталинградского фронта. Удар нанести в общем направлении на Гумрак, расчленить группировку Паулюса и уничтожить по частям.

Для обеспечения операции со стороны внешнего фронта войска 1-й гвардейской и 5-й танковой армий Юго-Западного фронта прочно закреплялись на занятых рубежах по рекам Кривая и Чир с целью предотвращения контрудара противника с юго-запада; войска 4-го кавалерийского корпуса и 51-й армии Сталинградского фронта держали оборону с юга по линии Громославка, Аксай, Уманцево.

С утра 24 ноября войска приступили к выполнению боевой задачи. Штабы фронтов работали с большим напряжением, а Николаю Федоровичу приходилось еще выкраивать время на работу по под-

готовке «Сатурна». «В эти дни мы вместе с командующим Юго-Западным фронтом Н.Ф. Ватутиным работали над замыслом будущей Среднедонской операции», — вспоминал впоследствии Василевский.

В котле перемалывались войска противника, и к 30 ноября территория, занимаемая им, сократилась более чем вдвое. Теперь ее протяженность с севера на юг составляла 30—40, а с запада на восток — 70—80 километров. Но сопротивление немцев возрастало.

В эти тяжелые дни Василевский успел слетать на Воронежский фронт, где провел рекогносцировку с командованием фронта и 6-й армии, которой предстояло принять участие в наступательной операции. По возвращении в Серафимович такую же рекогносцировку провел с Ватутиным.

Тот был озабочен, непривычно хмурился.

— Что с тобой, Николай Федорович? — спросил Василевский.

— Да сам не знаю. Заболеваю, что ли. Но главное не в этом. С котлом дело застопорилось. Расчленить немцев не удалось. Паулюс сумел-таки вывести дивизии из малой излучины Дона и хорошо укрепился на позициях западнее реки Россошка. Сидят прочно. Я тут посмотрел на отбитые нами траншеи. Оборудованы блестяще. У командира дивизии крыша блиндажа в двенадцать накатов бревен. Где они только в этой степи столько леса взяли. У нас большие потери. Ведь наступаем десятые сутки по бездорожью, с боями. Морозы ударили.

— Знаю, Николай Федорович. Сюда еще присовокупи плохое взаимодействие фронтов и хорошо налаженный воздушный мост из Тацинской. Вот и надо быстро подготовить наступление, создать новое кольцо. Сейчас буду докладывать Верховному. У тебя еще что есть?

— Предлагаю для удобства управления оперативную группу генерал-лейтенанта Кузнецова разделить на две армии:1-ю гвардейскую под командованием самого Кузнецова и 3-ю гвардейскую во главе с Лелюшенко. Тем более что на практике он и командует этими войсками.

— Согласен, но у тебя заберем 21-ю армию, 26-й и 4-й танковые корпуса в Донской фронт. Рокоссовскому будет проще управлять.

Ватутин хоть и неохотно, но согласился.

В тот же день Василевский доложил предложения фронта Верховному и тот одобрил их. В заключение разговора Сталин предложил Василевскому сосредоточить все внимание на окруженной группировке как первостепенной задаче. Александр Михайлович сразу засобирался на Сталинградский фронт и тепло попрощался с Ватутиным:

— Все, Николай Федорович, «Сатурном» Верховный приказал заниматься тебе лично. Кто поедет в Генштаб докладывать план операции?

— Замначштаба генерал Иванов. Верховный разрешил. У меня пока дела с Паулюсом не закончены.

— Да, дело вышло непростое, но ты все же больше внимания уделяй «Сатурну».

Много объективных причин обусловили задержку уничтожения окруженной группировки, но, думается, главная заключалась в ошибке исходных расчетов. По разведданным фронтов и Генерального штаба, общая численность окруженных в Сталинграде войск оценивалась в 90 тыс. человек. На самом же деле вражеская группировка насчитывала более 300 тыс. солдат и офицеров. Преуменьшено было и количество боевой техники, особенно артиллерии и танков. Достаточно сказать, что не смогли учесть целую дивизию ПВО, саперные батальоны, части полевой жандармерии, тайной военной полиции. И конечно, такая масса хорошо организованных, вооруженных войск была уверена, что победит. Ведь в первое время Паулюс даже не думал о прорыве, а продолжал атаки на Сталинград.

2 декабря Ставка без каких-либо особых изменений утвердила план операции «Сатурн». Он предусматривал, нанесение двух ударов, сходящихся в общем направлении на Миллерово, Каменск-Шахтинский. Первый — с осетровского плацдарма — наносила 1-я гвардейская армия Юго-Западного фронта и 6-я армия Воронежского фронта. Второй — из Боковской — войска 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта. Ближайшая цель операции состояла в разгроме 8-й итальянской армии и немецкой оперативной группы «Холлидт». В дальнейшем — с выходом на Северский Донец и захватом переправ и станицы Лихая — создавалась благоприятная обстановка для последующего наступления на Ростов. Представителем Ставки при Юго-Западном фронте был назначен Н.Н. Воронов. Срок начала операции определялся 10 декабря. К этому времени предполагалось передать в распоряжение фронтов значительные пополнения, но уже первые сроки прибытия резервных частей срывались из-за отсутствия рокадных дорог и сильных морозов. Николай Федорович не вылезал из машины, не спал сутками, мотаясь вдоль фронта и по ближайшим тылам. Все силы были брошены на принятие пополнения, но уже стало окончательно понятно, что к назначенному сроку фронты к наступлению не будут готовы. Поняли это и в Ставке и перенесли операцию на 16 декабря. Как много будет впоследствии стоить эта вынужденная задержка! А войска все прибывали. Только Юго-Западный фронт получил к 12 декабря 5 стрелковых дивизий, 18, 24, 25-й танковые и 1-й гвардейский механизированный корпуса,6 отдель-

ных танковых и 16 артиллерийских и минометных полков. На Воронежский фронт прибыли 3 стрелковые дивизии, стрелковая бригада, 17-й танковый корпус, 7 артиллерийских и минометных полков.

Всю эту внушительную силу надо было не только принять, но и сосредоточить в указанных районах, наладить управление, взаимодействие, подготовить командный состав. На одной из рекогносцировок с командирами 7 декабря Николай Федорович получил радостное известие. Ему было присвоено звание генерал-полковник. Впоследствии работники штаба фронта вспоминали, что они радовались этому известию больше, чем сам командующий. Отметили событие накоротке, по-фронтовому. Николай Федорович поблагодарил сослуживцев и попросил немедленно продолжить работу. Ватутин спешил не без оснований.

Гитлеровское командование для деблокады группировки Паулюса, восстановления утраченного положения под Сталинградом и создания условий для отвода с Кавказа войск группы армий «А» сформировало специальную группу армий «Дон» во главе со старым знакомым Ватутина — генерал-фельдмаршалом Манштейном. В нее вошли оперативная группа «Холлидт», остатки 3-й румынской армии, армейская группа «Гот», в которую были сведены избежавшие окружения части 4-й танковой и 4-й румынской армий, а также войска, окруженные в районе Сталинграда. Кроме того, в состав группы срочно перебрасывались части с других участков Восточного фронта, из Франции и Германии. Поддерживало группу армий «Дон» около 500 самолетов 4-го воздушного флота.

Надо отдать должное Манштейну, он сумел в короткий срок создать мощную боеготовую группировку и предложил довольно смелую операцию. По его мнению, одновременно с деблокирующим контрударом 6-я армия должна была нанести встречный удар и через образовавшийся коридор выйти из окружения. Однако его предложение не было принято в ставке Гитлера, да и сам Паулюс отказался от встречного удара, все еще надеясь сломить сопротивление защитников Сталинграда.

Трудно сказать, как бы сложилась обстановка под Сталинградом, если бы Манштейн добился осуществления своего плана. Не получив поддержки, Манштейн все же намеревался пробить коридор к Паулюсу. Он предпринял попытку создать две группировки: одну — в районе Котельниково, другую — в районе Тормосина. Однако создание группировок шло медленно. Вермахт испытывал острый недостаток в людских резервах, коммуникации были растянуты, и на них активно действовали партизаны. Операция по деблокированию армии Паулюса, получившая кодовое наименование «Зимняя гроза», находилась под угрозой срыва. И тогда Манштейн решил, не дожидаясь полного формирования тормосин-

ской группировки, ударить из района Котельникова вдоль железной дороги. В котельниковскую группировку он включил 6-ю, 23-ю, а затем и 17-ю танковые дивизии, отдельный батальон из танков «тигр», четыре пехотные дивизии. На флангах группы действовали две румынские кавдивизии.

Утром 12 декабря 6-я и 23-я танковые дивизии врага нанесли удар на узком участке фронта вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград по боевым порядкам 302-й стрелковой дивизии 51-й армии Сталинградского фронта и, прорвав оборону, устремились вперед. К концу дня передовые части 6-й танковой дивизии вышли к южному берегу реки Аксай, а 23-я танковая дивизия подошла к Круглякову. Через три дня боев противник уже продвинулся к Сталинграду на 45 километров и переправился через реку Аксай. В районе Верхне-Кумского разгорелись ожесточенные бои. Враг рвался вперед, не считаясь с потерями. Наши войска стояли насмерть, несмотря на явное неравенство сил. Против 76 тыс. человек и 500 танков 51-я армия могла выставить только 34 тыс. человек и 77 танков. Введенная Манштейном в бой 17-я танковая дивизия при авиационной поддержке потеснила наши войска уже за реку Мышкова. Манштейн находился всего в 40 километрах от Сталинграда и не сомневался в победе, но снова просчитался.

Решением Ставки на угрожаемое направление срочно выдвигалась 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, сформированная из отборных соединений для разгрома южного крыла немецко-фашистских войск и уничтожения окруженной группировки. Но обстановка заставила повернуть ее против Манштейна.

В ночь на 14 декабря Ставка внесла изменения в план операции «Сатурн», перенеся главный удар в тыл деблокирующей группировки Манштейна. Операция получила название «Малый Сатурн» и должна была начаться не позднее 16 декабря.

Ватутин, по получении директивы Ставки, принял решение нанести главный удар силами тех же 1-й и 3-й гвардейских армий на тех же участках прорыва, но по сходящимся направлениям на Тацинскую и Морозовск. 6-я армия Воронежского фронта после прорыва обороны должна была обеспечивать действия Юго-Западного фронта с запада.

Николай Федорович в этот критический момент заболел, но, скрывая недуг, все время проводил в войсках. Дон замерз, и переправляться на плавсредствах было невозможно. Лед же еще не окреп, не выдерживал танков и артиллерийских орудий. Переправы находились под огнем артиллерии и авиации противника. Плацдармы на южном берегу, с которых предполагалось начать наступление, были малы, местность на них изрезана глубокими оврагами. Все это видели командующий фронтом, командармы, и они в

метельные ночи переправляли войска по редким мостам через Дон. Бойцы на руках тащили по обледенелым скатам оврагов орудия, долбили закаменевшую землю.

Семенчук и особенно ординарец генерала Митя Глушаков переживали в эти дни не меньше Ватутина. Командующий чувствовал себя плохо, но категорически запретил говорить об этом.

— Корми меня любыми таблетками, делай что угодно, но я должен быть на ногах, и не одна душа не должна знать о моей болезни, — говорил он адъютанту.

— Как можно, товарищ командующий! Вы же весь горите. Член Военного совета узнает сразу.

— Не узнает, если вы не проболтаетесь. В общем, разговор окончен. А члену Военного совета передайте обращение к войскам. Я там кое-что подправил. Перед началом наступления его прочитать во всех ротах...

Накануне наступления воины 1-й и 3-й гвардейских армий получили газету с текстом обращения к войскам Военного совета фронта. «Вы слышите стоны замученных, обездоленных советских людей: отцов и матерей, жен и детей наших, — читали агитаторы в промерзших траншеях. — Ваши сердца преисполнены священной ненавистью к фашистской мерзости, отродью рода человеческого. Так же, как и в боях под Москвой, Ростовом и Тихвином, вы ждете приказа — идти вперед на разгром врага, на освобождение наших городов и сел, наших семей.

Настал грозный час расплаты с лютым врагом. Приказ дан. Вперед всесокрушающей лавиной, славные воины!»

Утром 16 декабря Ватутин находился на командном пункте 1-й гвардейской армии. В теплой бекеше, шарфе, глубоко надвинутой на уши папахе, он все же дрожал от мелкого озноба. По степи клубился туман, сливался с морозной мглой, и вся эта белая пелена скрывала вражеские позиции не только от взора командующего, но и от артиллерийских наблюдателей. Как и в памятный день 19 ноября, о применении авиации нечего было и думать. Стрелки часов подошли к заветной черте — и сразу ударила артиллерия. После артподготовки поднялась пехота. Ватутин пытался следить за ее продвижением в стереотрубу, но бросил это занятие и стал ждать докладов. То ли болезненное состояние, то ли плохая погода , а скорее внутреннее чутье подсказывали ему, что они будут неутешительными. И действительно, эффективность артогня оказалась низкой, а без огневой поддержки пехота топталась на месте. За первую половину дня войска продвинулись всего на 2—3 километра.

— Топчемся? — зябко поеживаясь и глотая горячий чай, спросил Ватутин Кузнецова. — Батов тоже так топтался под Сталингра-

дом, но сумел собрать в кулак танки и прорвал-таки фронт, а у тебя ведь танковые корпуса.

— Так точно, товарищ командующий. Я уже ввел 25-й танковый корпус, но танки начали неожиданно подрываться. Сразу потеряли пять машин.

— Как же так? Ведь ты докладывал, что проходы в минных полях проделаны. Я сам видел вешки ограждения. Значит, не организовали охрану и немцы снова заминировали проходы. Разберитесь немедленно!

— Уже разобрались. Немцы здесь еще летом ставили мины, а потом уже в замерзшую землю над ними. Эти мы сняли, а те, под глубоким снегом, не заметили. Да и пехотинцев они выдерживают, а вот танки...

— Значит, здесь многослойный пирог? И Лелюшенко застрял?

— Выходит, так.

Ватутин на минуту задумался. Выглянул в бойницу. Короткий зимний день клонился к концу. Наступать в темноте по неразминированным проходам было более чем рискованно, но противник за ночь может подтянуть резервы, закрепиться. Правда, проясняется небо, а значит, можно будет пустить в дело авиацию...

— Танки вернуть на исходные, — повернулся он к Кузнецову. — Стрелковые части тоже. Проходы за ночь разминировать. Артиллерии вести беспокоящий огонь. Я немного отдохну, а завтра до света начнем все сначала. С первыми лучами солнца авиация должна быть над противником...

Утром 17 декабря после артиллерийской и авиационной подготовки соединения 1-й гвардейской армии генерала В.И. Кузнецова и 6-й армии генерала Ф.М. Харитонова возобновили наступление. Следом за ними поднялись гвардейцы Лелюшенко. Поддержка авиации и хорошо скорректированный артиллерийский огонь, мощный рывок четырех танковых корпусов сокрушили врага. За три дня боев ударные группировки взломали оборону противника. На участке 1-й гвардейской и 6-й армий прорыв составил 60 по фронту и до 40 километров в глубину. В полосе наступления 3-й гвардейской армии оборону прорвали на фронте 20 километров. Две немецкие и две итальянские дивизии были разгромлены полностью. Обстановка потребовала от немецкого командования принятия срочных мер, и Манштейн вынужден был снять с котельнического направления 6-ю танковую дивизию и бросить ее против Ватутина. После ухода дивизии натиск деблокирующей группировки резко ослаб, и еще до подхода 2-й гвардейской армии немцы практически были остановлены в каких-то десятках километров от Сталинградского котла. Николай Федорович принял сообщение разведки о появлении танков 6-й танковой дивизии спокойно. Более того, даже обрадовался. Связавшись со Ставкой,

он доложил о перегруппировке сил противника и попросил подчинить себе 6-ю армию Воронежского фронта. Этого требовала обстановка. Получив «добро», он немедленно связался с командармами и потребовал повысить темпы наступления, особенно танковых корпусов, приказал организовать в каждой стрелковой дивизии передовые отряды, посадить их на автомобили и пустить вслед за танками. Только вперед — вот главное требование командующего.

И войска подхватили призыв Ватутина. Танковые корпуса, не ввязываясь в бои за отдельные опорные пункты, рванулись по тылам 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт». Пехота на автомобилях быстро блокировала узлы сопротивления.

В самый разгар столь удачного наступления Николай Федорович слег окончательно. Температура доходила до 40°, ломило суставы, голова раскалывалась от боли. Он лежал на топчане в закутке командного пункта, укрывшись бекешей, и говорил начальнику медслужбы фронта:

— Ни о каком госпитале не может быть и речи. Если хотите, лечите здесь. Обязуюсь, что не встану с этого топчана, буду выполнять все ваши предписания, но от этих телефонов уйти не могу. Скажу вам по секрету, доктор, наступление идет успешно и доклады командармов для меня лучшее лекарство...

Ватутин был непреклонен, и начмед сдался.

Трудно сказать, что больше помогло — круглосуточное дежурство у постели больного лучших терапевтов фронта или хорошие известия с переднего края, но Ватутин скоро поднялся на ноги.

Немцы бросили против вырвавшихся вперед советских танковых корпусов всю авиацию. В район Ворошиловграда, Миллерово, Тацинской прибывали свежие пехотные, танковые, альпийские дивизии. В общей сложности с других участков Восточного фронта и из Западной Европы немцы перебросили сюда 8 дивизий, из них 4 танковые. Но и они не могли спасти положение. «Докладывая по Бодо 28 декабря Ставке о ходе наступательной операции, — вспоминал Г.К. Жуков, — командующий Юго-Западным фронтом Н.Ф. Ватутин так характеризовал обстановку:

— Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, не менее этого убито; таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления за редким исключением.

Перед войсками фронта противник продолжает упорно обороняться на фронте Обливская — Верхне-Чирская. В районе Морозовска сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко. Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и

нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельникова переправились через реку Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский — Морозовск — Скосырская — Тацинская. Эти войска противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. А может быть, противник при благоприятных для него условиях попытается вообще удержать за собой весь этот выступ, с тем чтобы потом выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы отрезать этот выступ.

Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах Россоши, Старобельска, Ворошиловграда, Чеботовки, Каменска, Лихой, Зверева. О намерениях противника судить трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северский (Северный) Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь шириной по прямой 350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением «Малого Сатурна», а для «Большого Сатурна» нужны дополнительные силы.

У телеграфного аппарата находились Верховный и я.

— Первая ваша задача — не допустить разгрома Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал И.В. Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати.

Для того чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который вы хотите направить в Скосыревскую, лучше оставить его в районе Миллерово — Верхне-Тарасовское вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальние расстояния парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова.

— Где сейчас 18-й танковый корпус? — спросил я Ватутина.

— Он находится непосредственно восточнее Миллерова и не будет изолирован.

— Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало!

— Приму абсолютно все возможные меры, и Баданова выручим, — заверил Н.Ф. Ватутин...»

Что же произошло с 24-м танковым корпусом генерала В.М. Баданова? 17 декабря в 18 часов 30 минут корпус вошел в прорыв северо-западнее Богучара и рванулся на Тацинскую — главную фронтовую базу гитлеровских войск, с аэродрома которой самолеты снабжали армию Паулюса боеприпасами и продовольствием. Громя по пути тыловые части, обходя очаги сопротивления, корпус на трофейном горючем прошел около 300 километров и на шестые сутки вышел к станице Скосырской, находившейся в нескольких километрах от Тацинской. Была ночь, танкисты смертельно устали, и командиры бригад рассчитывали на отдых. Они имели на это право. Корпус прошел сотни километров, уничтожил около 7 тыс. вражеских солдат и офицеров, захватил богатые трофеи. Но Баданов не дал ни минуты отдыха, справедливо опасаясь лишиться своего главного козыря — внезапности.

В ночь корпус двинулся к Тацинской, а утром 24 декабря, подойдя к станции, с ходу атаковал ее с разных сторон. Первыми на станцию ворвались бойцы гвардии капитана И.А. Фомина. Уничтожив охрану, они захватили эшелоны с новыми разобранными самолетами и танками, склады с боеприпасами, продовольствием, горючим. Гвардейцы вступили в неравный бой и победили. Жаль, что в этом бою пал смертью храбрых их командир капитан Фомин.

Не менее успешно действовал танковый батальон капитана М.Е. Нечаева. Он ворвался на Тацинский аэродром, где стояло более 200 самолетов. Полураздетые фашистские летчики выбегали из домиков, спасались в балках и большей частью гибли от ружейно-пулеметного огня. Одному самолету удалось подняться в воздух, но, подбитый снарядом танковой пушки, он рухнул на землю. Другой вырулил на старт и начал разбег, но за ним помчался танк, догнал и раздавил хвост. Также действовали танкисты и на стоянках, тараня транспортные самолеты и дальние бомбардировщики.

После этого боя Николай Федорович шутил, что Баданов прижал хвост Гёрингу, — шутку подхватил весь фронт.

Самим фашистам было не до шуток. Много лет спустя в газете «Дойче золдатен цайтунг» бывший летчик люфтваффе Курт Штрайт, совершивший 39 ночных вылетов на Сталинград и чудом спасшийся тогда в Тацинской, вспоминал: «Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди.

Все, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны.

Кто же даст приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада?

Стартовать в направлении Новочеркасска — вот все, что успел приказать генерал.

Начинается безумие... Со всех сторон выруливают на стартовую площадку и стартуют самолеты. Все это происходит под огнем и в свете пожаров. Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие.

Вот один Ю-52, не успев взлететь, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени. Вот в воздухе сталкиваются «юнкерс» и «хейнкель» и разлетаются на маленькие куски вместе со своими пассажирами. Рев танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями в чудовищную симфонию. Все это создает полную картину настоящей преисподней.

Только через некоторое время немецкая танковая группа подходит к Тацинской и после тяжелых боев снова занимает деревню и аэродром. Тем не менее Тацинская остается на переднем крае и не может служить базой для воздушного моста в Сталинград.

Проходит много дней, покуда спасшиеся экипажи смогли собраться на аэродроме в Сальске. Но оттуда до Сталинграда 320 километров, а летчики совершенно вылетались, самолеты пора сдавать на свалку».

После столь ошеломляющего удара танкисты Баданова оказались в сложном положении. Манштейн бросил на Тацинскую резервы, в том числе 11-ю танковую дивизию. Превосходящие силы противника перешли в наступление. Корпус Баданова, отрезанный от основных сил фронта, имея в строю только 54 танка с ограниченным запасом боеприпасов и горючего, занял круговую оборону. Пять суток стояли танкисты насмерть. Ватутин держал прямую связь с корпусом, двинул на помощь бадановцам 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса. 29 декабря Баданов, получив приказ Ватутина, пошел на прорыв. Танкисты вывели из строя все подъездные пути, сожгли станцию, депо, аэродром, взорвали эшелоны с танками и самолетами и вырвались из вражеского кольца. Корпус в полном порядке отошел к Ильинке и уже через несколько дней громил врага у Морозовска.

«Прошу бадановцам самой высокой награды», — телеграфировал Ватутин в Ставку, и награда не заставила себя ждать.

24-й корпус был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и получил почетное наименование Тацинского, а гене-

рал-лейтенант Василий Михайлович Баданов стал первым в стране кавалером ордена Суворова 2-й степени.

Николай Федорович ликовал и не скрывал этого. Стрелковые дивизии 1-й и 3-й гвардейских армий во взаимодействии с 18-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами добивали в районе Алексеево, Лозовое основные силы 8-й итальянской армии. 6-я армия генерала Харитонова, усиленная 17-м танковым корпусом генерала П.П. Полубоярова, расчленила и разгромила группировку врага в районе Арбузовка и Кантемировка. Днем и ночью рвались танкисты вперед. Командиры бригад лично вели передовые отряды. В ночь перед штурмом Кантемировки, находившейся на стыке вражеских фронтов, радисты всех танков приняли радиограмму командира корпуса: «Родина нам приказывает, честь корпуса требует немедленно ворваться в Кантемировку!»

Ночная атака кантемировцев — так стали называть танкистов — была сокрушительной и станция взята с первого удара. Танки устремились дальше на Волошино, Таловую.

К Новому году после напряженных двухнедельных боев войска генерал-полковника Н.Ф. Ватутина, пройдя более 200 километров, вышли на рубеж Новая Калитва, Кризское, Чертково, Волошино, Миллерово, Морозовск и создали прямую угрозу кавказской группе армий «А» противника. Операция «Малый Сатурн» победоносно завершилась. Вторая встреча Ватутина с Манштейном закончилась очередной победой молодого генерала. Войска Юго-Западного фронта освободили 1246 населенных пунктов, уничтожили и захватили 485 самолетов, 350 танков, 2200 орудий, 8500 автомашин. Противник потерял убитыми и пленными свыше 100 тыс. солдат и офицеров.

Разбитая котельниковская группировка немецких войск покатилась к Ростову. Армия фельдмаршала Клейста начала отход с Кавказа.

ГОРЕЧЬ И РАДОСТЬ ВОЕННЫХ БУДНЕЙ

Зима 1942/43 года вновь, как и год назад, триумфом пронеслась по советско-германскому фронту, вдохнула надежду в сердца миллионов бойцов, тружеников тыла, друзей и союзников нашей страны. Эхо сталинградской победы звучало незатухающим громом.

В декабре Ставка принимает решение поручить ликвидацию группировки Паулюса войскам Донского фронта под командованием Рокоссовского. В его распоряжение передавались три армии Сталинградского фронта. Такое решение вызвало вполне понятную обиду командования Сталинградского фронта, особенно генерал-полковника Еременко, но с таким же успехом мог обидеться и Рокоссовский, если бы предпочтение было отдано войскам Сталинградского фронта. Надо сказать, что на протяжении войны таких ситуаций возникало много, и в каждой из них обязательно кто-то оказывался обиженным. В своих послевоенных мемуарах бывшие командующие фронтами неизменно доказывали свое неоспоримое преимущество перед соседом, зачастую забывая случаи, когда приоритет отдавался им в ущерб тому же соседу.

Как бы то ни было, но 10 января 1943 года, после предъявленного и отклоненного ультиматума, началась операция по уничтожению окруженного противника и войска Донского фронта перешли в наступление. Сначала группировку Паулюса расчленили на две части. 31 января был закончен разгром ее южной части, остатки которой во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, а 2 февраля та же участь постигла северную часть.

В плен было взято 90 тыс. солдат и офицеров, захвачено 5762 орудия, 744 самолета, 1666 танков, около 100 тыс. автомашин и мотоциклов, огромное количество материально-технических средств. Одновременно в плен попало 24 генерала.

«Поражение под Сталинградом, — писал генерал Вестфаль, — повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

12 января началась долгожданная операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. Почти семь суток шла ожесточенная борь-

ба. Наши войска взяли Шлиссельбург, ряд других населенных пунктов, превращенных противником в мощные узлы сопротивления. Наконец 18 января в районе Рабочих поселков № 5 и № 1 наступавшие войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились. Блокада Ленинграда была прорвана! Впервые город-герой, город-мученик вздохнул свободно.

В наступление перешли войска Воронежского фронта. Острогожско-Россошанская операция развивалась весьма успешно. 2-я венгерская армия была рассечена и окружена в двух районах — под Россошью и Алексеевкой. Под угрозой окружения оказалась и 2-я немецкая армия, оборонявшаяся в районе Воронежа. Последовала незамедлительно Воронежско-Касторненская операция, закончившаяся разгромом 2-й немецкой армии. А советские войска пошли дальше на Курск и Харьков по плану операции «Звезда». 60-я армия молодого талантливого генерала Черняховского 8 февраля освободила Курск, и главные силы фронта вышли на подступы к Харькову. С 1 января по 18 февраля успешно прошла Ростовская операция по освобождению Ростова-на-Дону, с 3 января по 4 февраля — Нальчикско-Ставропольская операция, в результате которой враг был изгнан с Северного Кавказа и освобожден Ставрополь. 11 января началась Краснодарско-Новороссийская операция по освобождению Прикубанья. Перешли в наступление войска Северо-Западного фронта с целью ликвидации демянского плацдарма, Калининский и Западный фронты — многострадального, обильно политого кровью ржевского выступа.

Не остался в стороне от главных событий и Юго-Западный фронт Ватутина. Зима 1942/43 года выдалась многоснежной, метельной, холодной, но ватутинцев это не смущало. Это была зима победы, зима необыкновенного подъема и наступательного порыва. Донбасс встречал своих освободителей, а Ватутин, оправдывая свою репутацию романтика, смотрел все дальше и дальше. После выхода войск фронта в район Старобельск, Лисичанск, Ворошиловград Николай Федорович загорелся новой идеей. Поколдовав две ночи над картой, он вызвал нового начальника штаба генерала Иванова.

— Смотри, Семен Павлович, — Ватутин ткнул остро оточенным карандашом в карту, — войска фронта нависают на Донбассом, а старобельский участок противника довольно слаб. Именно здесь я думаю бросить сильную подвижную группу в направлении Мариуполя и отсечь врага в Донбассе.

— Это же котел побольше Сталинградского! Дело весьма серьезное.

— И серьезное и заманчивое. Поэтому надо все тщательно сосчитать. И главное — противник. Каковы разведданные?

— Самые положительные. Разведка считает, что противник крупными силами отходит на запад. Одним словом, бежит за Днепр.

— Что ж, это возможно. Именно за Днепр, чтобы закрепиться на западном берегу большой водной преграды. Я связывался со Ставкой, командующими других фронтов. Все единодушны во мнении, что противник после наших ударов не способен организовать сколько-нибудь значительное контрдействие на Левобережной Украине. Но все равно сосчитать надо очень тщательно.

Через несколько дней план операции был готов, и 19 января Ватутин доложил его в Ставку. Москва с интересом отнеслась к предложениям фронта. К тому времени стало ясно, что окруженная в районе Россоши вражеская группировка обречена и у Ватутина есть шанс провести операцию, получившую название «Скачок».

Вот как сформулировала Ставка задачи операции: «Армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар с фронта Покровское, Старобельск на фронт Краматорская, Артемовск и далее в направлении Сталино, Волноваха, Мариуполь, а также нанося мощный удар из района юго-западнее Каменск в направлении Сталино, отрезают всю группировку противника, находящуюся на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская выхода ее на запад и вывоза какого бы то ни было имущества».

Уже на седьмой день наступления предполагалось выйти в район Мариуполя. Для нанесения этого удара создавалась подвижная группа во главе с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом М.М. Поповым.

Одновременно силами подвижных фронтовых резервов намечалось захватить переправы и плацдармы на Днепре. С левого фланга операция обеспечивалась наступлением Южного фронта вдоль Азовского моря.

Сейчас, по прошествии многих лет, с чувством глубокой досады читаешь сводки, донесения, распоряжения штаба Юго-Западного фронта и Ставки. Весь замысел операции, возникший на основе ложной оценки возможностей противника, не соответствовал реальной обстановке, сложившейся к тому времени у противоборствующих сторон. В действительности, ведя оборонительные бои, гитлеровское командование не собиралось отводить войска за Днепр, а готовило контрнаступление. Поражения в донских степях и под Воронежем, наоборот, вынудили немцев принять энергичные меры. Чтобы выиграть время для переброски крупных резервов из Западной Европы, создания ударных группировок и оснащения их первоклассным вооружением, немцы перешли к обороне, создав оборонительную линию по реке Миус. На этот рубеж сели войска бывшей группы армий «Дон» (с 12 февраля переименованной в группу армий «Юг») под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна, представлявшие собой значительную силу. В группу

вошли все танковые части 4-й и 1-й танковых армий и моторизованные дивизии, составившие могучий маневренный кулак. Манштейн имел большое количество авиации, базировавшейся на прекрасных аэродромах. Тыловые базы противника находились в непосредственной близости от войск. Конечно, не все у противника шло гладко, но то, что он сумеет скрытно подтянуть резервы и подготовит контрудар, предположить было можно.

К сожалению, разведорганы фронтов и Генерального штаба не обнаружили этого, а командование и Ставка неправильно оценили обстановку. Даже переход группы армий «Юг» к обороне не вскрыли своевременно, а движение колонн противника при перегруппировке зачастую оценивалось, как отход, а то и как паническое бегство за Днепр.

Знал ли Ватутин об истинном положении дел? В отношении своих войск — безусловно. Еще просчитывая план операции с начальником штаба и операторами, он обратил внимание на недостаток сил и средств, привлекаемых к выполнению боевой задачи. Разрыв между передовыми частями и пунктами снабжения на некоторых участках превышал 300 километров, а в распоряжении фронта имелось всего 1300 автомобилей и 380 автоцистерн. Неповрежденных железных дорог во фронтовых тылах не было. Имевшийся автотранспорт мог подвезти только 900 тонн горючего вместо положенных 2000. А ведь фронту были необходимы еще боеприпасы, продовольствие, другие материально-технические средства! Плохо было и с авиацией из-за отсутствия хороших аэродромов. Да и войска после тяжелейших боев не получили пополнения. Даже подвижной группе Попова не удалось создать мощный пробивной кулак. Несмотря на то что в ее состав вошли четыре танковых корпуса (3-й,4-й гвардейский, 10-й и 18-й) и три стрелковые дивизии (5-я гвардейская, 38-я и 52-я), она имела всего 180 танков с одной заправкой горючего и двумя боекомплектами. Срочно сформированный штаб группы был снабжен разнокалиберными радиостанциями, не достиг требуемой оперативности и слаженности. Оперативное построение армий было линейным, да оно и не могло быть другим при таких силах. В резерве у фронта находилось всего два танковых корпуса, сосредоточенных за правым флангом.

На что же рассчитывал командующий Юго-Западным фронтом, начиная 29 января наступательную операцию? Были ли у Ватутина шансы на успех? С точки зрения нынешнего исследователя, знающего все и вся, — безусловно не было. Сейчас с полной уверенностью можно сказать, что Военный совет Юго-Западного фронта и прежде всего сам Николай Федорович Ватутин допустили серьезный просчет в подготовке и проведении операции «Скачок». Но, если поставить себя на место командующего Юго-Западным фронтом, то можно понять его действия. Третий месяц войска

фронта вели успешные наступательные действия, побеждая врага не столько за счет численного превосходства, сколько за счет боевого мастерства командиров и красноармейцев. Внезапность, маневр, смелость позволяли даже глубоко оторвавшимся от тылов подвижным группировкам, уступающим противнику по многим показателям, бить его. Отход противника, поражение его на различных участках советско-германского фронта, наконец, данные разведки все больше убеждали командование фронта в том, что достаточно лишь преследовать противника. Кстати, этого мнения придерживалось все военное руководство страны. Рассчитывал Николай Федорович и на большую поддержку Ставки, и уж, конечно, на то, что в ходе операции сумеет поправить дело с обеспечением боеприпасами и материально-техническими средствами, как это было во время «Малого Сатурна». Одним словом, если без эмоций попытаться проследить ход мыслей Ватутина, то можно понять его надежды на успех.

И результаты первых боев еще более подкрепили уверенность командования фронта. Правда, подвижная группа М.М. Попова продвигалась не столь быстро, как хотелось, но продвигалась. Танковые корпуса утопали в снегу, останавливались из-за нехватки горючего, подвергались ударам авиации, но неуклонно двигались вперед. 11 февраля 9-я гвардейская танковая бригада и 4-й гвардейский кантемировский танковый корпус захватили важный узел дорог Красноармейское и перерезали коммуникации противника. До Мелитополя оставалось полпути.

И уж совсем хорошо шли дела на правом фланге: 6-я армия, наступавшая южнее Харькова, неудержимо рвалась вперед. Ватутинцев подстегивал успех соседей — Воронежского фронта, — взявших 16 февраля Харьков. Знал бы Николай Федорович, что эта победа достигнута соседом на последнем издыхании! Но мудрено ему было это знать, если сам командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Голиков находился в роковом заблуждении. В переговорах с Ватутиным он не преминул похвалиться своими успехами.

Ставку такое положение дел тоже устраивало. Еще 8 февраля Ватутин получил директиву, которая предписывала: не допустить отхода противника на Днепропетровск, Запорожье, загнать его донецкую группировку в Крым. И это уже после его доклада о катастрофическом положении с резервами и автотранспортом! Кстати, Воронежский фронт получил задачу развивать наступление с выходом на линию Чернигов — Кременчуг. Стоит ли удивляться, что, выполняя указания Ставки, Ватутин бросил к днепровским переправам последние подвижные силы 6-й армии и весь свой фронтовой резерв — 1-й гвардейский и 25-й танковый корпуса? 18—19 февраля танкисты и мотострелки вышли к Днепропетровску и За-

порожью, готовились форсировать Днепр, но вынуждены были остановиться.

19 февраля немцы, закончив формирование и подготовку ударных группировок, начали контрнаступление. Главный удар наносил 2-й танковый корпус СС, прибывший с Запада. Лучшие гитлеровские танковые дивизии «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх» — перешли в наступление из района Красноград, а подвижная группировка 4-й и 1-й танковых армий ударила из района южнее и юго-западнее Красноармейского. Удары семи полнокровных танковых и моторизованных дивизий противника по частям 6-й армии и группы Попова вынудили наши войска отходить с большими потерями к югу от Харькова и на Барвенково. Остановлены были наши войска и на реке Миус. Ставка потребовала от Воронежского фронта помочь соседу слева, но повернутые на юг весьма слабые 69-я общевойсковая и 3-я танковая армии не только не смогли улучшить положение, но и сами начали откатываться назад. 4 марта противник, перегруппировав силы, устремился на Харьков и Белгород.

К тому времени Ватутин уже полностью осознал тяжесть обстановки и прилагал все силы для спасения положения, чего нельзя было сказать о Голикове. Тот все еще продолжал слать в Ставку оптимистические доклады.

Жуков в своих воспоминаниях писал: «Н.Ф. Ватутин оттянул назад вырвавшиеся вперед части 3-й танковой армии и 69-й армии и организовал более плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Воронежский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Ф.И. Голиков, такой отвод войск не осуществил».

Эсэсовские танковые дивизии, головные батальоны которых были укомплектованы тогда еще малоизвестными «тиграми», 16 марта захватили Харьков, вырвались на Белгородское шоссе и устремились на север. 18 марта пал Белгород. В это время на фронт прибыли представители Ставки Жуков и Василевский. Под Обоянь срочно выдвигались 21-я, 64-я и только что сформированная 1-я танковая армии. 20—21 марта части 21-й армии прочно встали севернее Белгорода, а в районе Обояни сосредоточилась 1-я танковая армия. До 27 марта противник отчаянно атаковал наши войска, но безуспешно. Фронт стабилизировался по рубежу Гапоново, Трофимовка, Белгород, Волчанск, образовав южный фас Курской дуги.

Примерно в это же время, после такого же неудачного наступления войск Центрального фронта под командованием Рокоссовского на Орел, образовался северный фас Курской дуги.

Стало понятно, что зимняя кампания заканчивается и положение фронтов стабилизируется. Произошли и некоторые кадровые перемещения. «Чтобы укрепить руководство Воронежским фрон-

том, — писал Г.К. Жуков, — Верховный приказал назначить командующим генерал-полковника Н.Ф. Ватутина. Вступив в командование, Николай Федорович с присущей ему энергией взялся за укрепление войск фронта и создание глубоко эшелонированной обороны».

Вот так, «чтобы укрепить руководство». Значит, и после относительных зимних неудач вера в полководческий талант Ватутина не пошатнулась.

После войны во многих мемуарах, исследованиях весьма противоречиво оценивались события той зимы, и многие винили в неудачах только командование Юго-Западного фронта. Так, С.М. Штеменко в своих мемуарах «Генеральный штаб в годы войны» бездоказательно говорит о том, что у Генштаба сразу появились сомнения в успехе операции «Скачок». Выгораживая Ставку, Генштаб, Сталина, он пишет: «До сих пор остается загадкой, как это Ватутин — человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной его убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий».

Правда, далее он говорит о недооценке возможностей противника со стороны всех инстанций руководства Вооруженных Сил, но гораздо откровеннее по этому вопросу высказался А.М. Василевский: «Ставка и Генеральный штаб допустили ту же ошибку, что и командующие Юго-Западным и Воронежским фронтами: не ожидали наступательных операций врага, считая его разбитым. Ставка не только согласилась с предложениями командующих по развитию дальнейшего наступления, но в своих директивах даже расширяла планы фронтов. При этом Ставка никаких мероприятий по усилению их войск не предпринимала (разрядка моя. — *С.К.*). В результате Юго-Западный фронт продолжал с боями продвигаться в западном и юго-западном направлениях, с каждым днем увеличивая ширину фронта наступления, к началу контрнаступления врага достигшую уже более 400 километров. К тому же наши войска в результате непрерывных и длительных наступательных боев несли большие потери в живой силе и технике и из-за чрезмерной удаленности от баз снабжения испытывали острый недостаток в боеприпасах».

Спору нет, двоякое впечатление оставляют итоги зимней кампании 1942/43 года. В этой связи хочется еще раз вспомнить о так часто забываемом слагаемом успеха — умении воевать. Наступать сложнее, чем обороняться, и не раз еще предстояло нашим военачальникам испытать горечь неудач, чтобы преодолеть в общем-то объяснимое головокружение от успехов. Не следует

забывать и о том, что всякая война есть противодействие двух сторон, и очень часто, анализируя свои действия, мы начисто забываем о противнике, впадая в ту же самую ошибку, в которую впадали военачальники. Пока немцы воевали лучше. И ошибки Ставки, командующих покажутся не столь обидными, если мы уясним, что воевали они с очень сильным и искусным противником. Конечно, остаются горечь и глубокие переживания от гибели десятков, сотен тысяч людей. Эти переживания не будут давать покоя, пожалуй, до конца жизни военачальникам, командирам. И кто оценил ту степень мучений, которые они испытывают, посылая одного бойца, сотню, тысячу на гибель? Конечно, хорошо бы одерживать победы без бессмысленных жертв, а еще лучше вообще без них. Но на войне так не бывает, у нее свои законы...

Николай Федорович более всего страдал не от своих личных неудач, а как раз от тех неоправданных потерь, жестокой прозы похоронок, к которым никогда не привыкает ни один нормальный человек.

По воспоминаниям сослуживцев, он, всегда невозмутимый, спокойный, на сей раз переживал открыто. Часто задумывался, смотрел в одну точку, искал уединения, принимался курить и без всякой охоты возвращался к работе.

Заметили это состояние и Жуков с Василевским. После сталинградских боев и «Сатурна» Николай Федорович встретился с ними впервые.

— Можно взаимно поздравить друг друга, — улыбнулся Жуков, пожимая руку Ватутину.

— От всей души поздравляю, — улыбнулся Ватутин.

— Так-то лучше, а то все перестукиваемся по телеграфу.

Причин для поздравления у старых товарищей было достаточно. За Сталинградскую операцию Георгий Константинович получил орден Суворова 1-й степени за № 1. Таким же орденом были награждены Василевский, Воронов, Ватутин, Еременко, Рокоссовский. За короткое время все они были повышены в воинских званиях. 18 января Маршалом Советского Союза стал Жуков, а 16 февраля Василевский, получивший за месяц до этого звание генерала армии. 12 февраля воинское звание генерала армии было присвоено Ватутину.

Взаимные поздравления подняли настроение Николаю Федоровичу, а Жуков с обычной прямотой сказал:

— Переживать можешь сколько угодно. Мы все переживаем. Но сейчас надо готовиться к летней кампании. Ставка не случайно перевела тебя на Воронежский фронт, ему предстоят большие дела. А чтобы окончательно развеять хандру, поезжай в родную деревню.

Я вот в сорок первом году проехал мимо родного дома. Но сейчас сорок третий и, по большому счету, зимняя кампания за нами...

— В этом я не сомневаюсь, как и в нашей окончательной победе, — заверил маршала Ватутин. — А по Воронежскому фронту у меня есть предложения...

— Вот это другое дело. Узнаю Николая Федоровича Ватутина...

Итоги зимней кампании, несмотря на несбывшиеся надежды, были ощутимыми. Под Сталинградом ликвидирована 300-тысячная группировка Паулюса, прорвана блокада Ленинграда, срезаны демянский и ржевский выступы, враг изгнан с Кавказа и из донских степей. Войска Красной Армии освободили около 500 тыс. кв. километров своей территории, продвинулись на некоторых участках фронта на 700 километров. По свидетельству самих гитлеровцев, их потери в России за зиму составили 1 млн 200 тыс. человек, а вместе с союзниками 1 млн 700 тыс. Враг потерял 24 тыс. орудий, более 3500 танков и 4300 самолетов. За время зимнего наступления было разгромлено 100 вражеских дивизий, что значительно ослабило силы вермахта на западе. Англо-американские войска начали активные действия в Тунисе, но и только. О втором фронте лишь велись разговоры. Между тем на востоке Гитлер продолжал держать 70 процентов всех своих войск — 194 дивизии из 273. В январе 1943 года в Германии была объявлена тотальная мобилизация.

Николай Федорович знал, что танкисты генерала П.С. Рыбалко освободили от врага Валуйский район, знал, что живы его родственники. Еще когда принимал фронт, он попросил начальника штаба генерала Ф.К. Корженевича узнать об их судьбе. Через несколько дней Ватутину доставили записку от родных. Николай Федорович сразу узнал почерк младшей сестры — любимицы Лены. Она от имени матери писала, что все живы, здоровы, просила разузнать подробнее о судьбе братьев. Уже тогда Николай Федорович решил съездить домой, но неотложные дела заставляли откладывать поездку. Разговор с Жуковым подтолкнул его, и в тот же день Ватутин собрался домой. Вызвал Семенчука.

— Через час выезжаем в Чепухино, — сказал он улыбаясь. — С собой берем оперативную группу, бронетранспортер охраны и радиостанцию. Если моя хата цела, она и будет временным пунктом управления. Связь со штабом фронта поддерживать постоянно. Да, скажи там Глушакову, чтобы собрал кое-что из продуктов. Родственников у меня много, да все село, по сути, родное...

Ровно через час машина бежала по хорошо укатанной, еще не размытой весенним паводком дороге. Вот и Валуйки. Когда-то маленький уездный городок, а теперь мощный железнодорожный

узел. Даже огненный вихрь войны не смог окончательно уничтожить, изменить знакомые с детства места. Машина съехала с отрогов меловых гор, и перед взором генерала открылись вспученная вешними водами река Валуй, заречный простор с черными корявыми кустами и знакомыми до боли вербами. Вон и поворот реки, перекат, где он пацаном удил рыбу. Правда, теперь там переправляются по понтонному мосту танки. Но все равно картина знакомая. Вот и дорога, по которой не раз ходил из Валуек в Чепухино. По ней же вернулся домой, когда лишился стипендии в коммерческом училище. По ней мать в лютую стужу носила ему, больному, за двадцать верст домашнюю снедь, по ней ушел он в армию.

Мама, милая мама. После смерти отца, деда Григория, тяжелой болезни, приковавшей к постели старшую сестру, в отсутствие служивших в армии Павла и Николая она не пала духом, не опустила маленьких натруженных рук, а, взвалив на плечи непосильный груз, несла его безропотно и терпеливо. Это была не рабская покорность, как любят сейчас выражаться некоторые публицисты, а высокая сила духа, нравственная чистота, до которой многим из нас, нынешних, расти да расти. В колхозе она была лучшей дояркой, потом поварихой в детских яслях, и везде рядом с ней шла трудовая наследственная слава Ватутиных. В любви к труду, в приверженности высокому чувству долга воспитывала Вера Ефимовна не только своих детей, но и малышей, с которыми возилась в детском саду, яслях. Пришел из армии Павел — и семье стало легче, подросли Афанасий, Семен. Николай уже с первого командирского жалованья купил сестре Матрене швейную машинку, и она до сей поры обшивает всех домашних и односельчан. Ежемесячно посылал родным деньги, в голодные годы отдавал последнее, чтобы спасти семью. Он помог любимице Лене поступить в медицинский институт, немало сил и энергии потратил на младшего брата Семена, уговаривал мать переселиться к себе. Вера Ефимовна приезжала к сыну не раз и в Киев, и в Москву. Дивилась красоте городов, богатству генеральской квартиры, хоть и не было в ней ничего, кроме казенных вещей. Любила проехать с сыном-генералом в блестящей черной машине, повозиться с внуками, но остаться навсегда категорически отказывалась.

— Что, ты, сынок! — вздыхала она. — Как же я без Чепухино. И хата там, и земля наша, и могилки родимые. Работа також держит. Здесь у тебя и делать нечего. А я без работы не могу. Не работают только мертвые... Ты уж позаботься о братьях, сестрах. Им оно нужнее...

Вот и сейчас, в первом после долгой разлуке письме, мать спрашивала о братьях. Что сказать? Воюют братья, пишут друг другу письма. Павла не видел давно и даже не знал, что тот наблюдал за ним издалека несколько месяцев назад. Генерал Ватутин инспек-

тировал одну из дивизий, где в строю артиллеристов стоял его брат, наводчик Павел Ватутин. Старший брат с любовью и гордостью смотрел на младшего, но постеснялся даже товарищам сказать о своем близком родстве с командующим. Николай Федорович же, не зная этого, просто уехал в другую дивизию. Брат Семен сообщал, что служит в танковой бригаде на одном с ним фронте. Но пока братья списывались, выбирали время для встречи, Николая перевели на другой фронт. А вот Афанасия видел. Получив после излечения в госпитале краткосрочный отпуск, он заехал на двое суток к брату. За крепким чаем, хорошим ужином, быстро организованным Митей Глушаковым, братья просидели всю ночь. Вспоминали родителей, сестер, которых война собрала под крыло матери. Афанасий показал изрезанное рубцами предплечье, где еще сидел осколок, и Николай Федорович чувствовал, как комок подкатывает к горлу. После памятного падения в голодный год с дерева Афанасий хорошим здоровьем не отличался, но сейчас тянул суровую лямку сапера. Что это такое — генерал знал. Под огнем неприятеля, в ледяной воде держать на своих плечах бревна строящегося моста или на ощупь рыскать по напичканной минами нейтральной полосе... Как хотелось ему тогда предложить Афанасию место в штабе, но не повернулся язык, ибо был уверен — откажется брат. Так и написал матери, не скрывая ничего. А та в ответ только попросила: «Ты уж последи за ними, Коля».

Когда Николай Федорович увидел первые дома родного Чепухино и на косогоре хату деда Григория, слезы невольно навернулись на глаза. В хате его конечно не ждали. Вера Ефимовна сидела за ткацким станком, Матрена стрекотала на швейной машинке. Средняя сестра Дарья — счетовод колхоза — что-то писала, приткнувшись у лучины. Лена подметала пол. На печке звенели детские голоса, поблескивали глазенки ребятишек. В хате расположились остановившиеся на постой солдаты. Вот они-то и подняли суматоху при виде вошедшего в комнату генерала. Сестры заголосили в один голос, кинулись обниматься. Николай с трудом отбился от них и шагнул к матери. Вера Ефимовна обняла сына, и слезы обильно потекли по ее коричневым морщинистым щекам.

— Подождите, мама, дайте раздеться, — с трудом сдерживал себя сын.

Отстранив Веру Ефимовну, он повернулся к двери, снял шинель, фуражку, повесил ее на обломок штыка, вбитый в стену еще дедом Григорием. Заблестели в тусклом свете лучины ордена, и солдаты вновь вытянулись по стойке «смирно».

— Вольно, вольно, — скомандовал Ватутин. — Не смущайтесь. Вы мне не мешаете. Я не надолго. А поужинаем вместе. Да, мама? — повернулся он к Вере Ефимовне. — У меня братья такие

же красноармейцы, как вы. Видите, и я не во дворце вырос. Согласны?

— Так точно! — вразнобой ответили бойцы.

— Вот и отлично. Глушаков! — крикнул он ординарца. — Тащи наши припасы.

Митя с трудом втащил два огромных фанерных чемодана.

— Это еще что? — удивился Ватутин. — Да тут целый фронтовой склад.

— Никак нет, товарищ командующий. Член Военного совета приказали все получить по списку, составленному ими, и никаких разговоров...

Ватутин улыбнулся. С членом Военного совета фронта Никитой Сергеевичем Хрущевым спорить было действительно бесполезно.

Ужин получился на славу. Собрались все родные, дальние родственники. Николай Федорович, чтобы не смущать бойцов, снял китель и в белой рубашке выглядел каким-то своим, домашним. Солдаты видели, как бережно по-крестьянски подставлял он под ложку кусок хлеба, как вытирал рукавом рубахи вспотевший лоб. Старушка мать — обычная деревенская женщина, сестры, такие же как у них, оставленные в далеких селах. Простая хата с неизменной русской печкой и почерневшим от времени ткацким станком. Все это как-то не вязалось с генеральским кителем, блеском золотых погон и орденов, малиновыми лампасами, развернутой тут же в углу радиостанцией и щеголеватыми офицерами-порученцами, даже во время ужина нет-нет да и беспокоящими генерала. В этот момент крестьянская хата перевесила в умах солдат холодную непостижимость крупного штаба. И близок им стал командующий фронтом, которого они прежде если и знали, то по фотографии. И сразу появилась уверенность. Уж такой-то, свой, не подведет, не пошлет солдата ни за понюх табака под бомбежку, артобстрел, под пулеметы. Такой все понимает не по докладам, а нутром, сердцем...

Давно улеглись спать бойцы-квартиранты. По старой привычке забрались на печь сестры, а мать с сыном все не могли насмотреться друг на друга.

— Ты бы, Коля, все же помог братьям, — тихо просила Вера Ефимовна. — Афанасий совсем плох, ну какой из него солдат? Может, куда полегче?

— Нельзя, мама. Что люди скажут? Как я этим бойцам в глаза смотреть буду? — Николай Федорович кивнул на перегородку, за которой устроились на полу солдаты. — Ведь мне на смерть их посылать приходится...

— Да я умом все понимаю, сынок, а сердце все хочет деток спасти. Ты не слушай меня, старую. Ватутины всегда были перед миром чистыми и будут. Бог даст, живыми останетесь...

Вера Ефимовна с любовью разглядывала сына. Это был ее родной Коля. Те же глаза с хитрым ватутинским прищуром, высокий, как у деда Григория, лоб, добрая улыбка, вот только посеребрила виски седина, прорезали морщины лоб и щеки. Много, видимо, лиха приходится на его долю. Даром, что окружен почетом...

— Что, мама, постарел? — угадал материнские мысли Ватутин. — Это не страшно. После победы все помолодеем. Нам бы только фашиста кончить. Уж и боюсь вас спрашивать, как прожили под немцем. Натерпелись?

— А что бояться. Жили как все люди. И терпели со всеми одинаково.

— Как же это немцы до генеральской семьи не добрались?

— Так и не добрались. У нас и немцы всего раза два были. Известное дело — глубинка. Они ведь и колхоза не распускали, колхоз-то сподручнее грабить. Тут не до генеральских семейств. Но главное дело — люди. Люди спасли. У нас, считай, все чистыми остались, к немцам не пошли. Один только нехристь — конюх колхозный, горький пьяница — в полицаи пошел. Уж таким лютым оказался. Так и прозвали Каюк. Вот он председателя нашего немцам выдал, Щеголева, и меня стращал. Но до нас не успел добраться. Тут у нас парнишка один квартировал, теперь, сказывают, партизан. Он этого иуду и прикончил. А так, что говорить? Тяжко, голодно, и работа проклятущая. Даже больную Матрену гоняли. Не поверишь, всем семейством на руках ее носили... Бога благодарим, что живы остались...

Вера Ефимовна всхлипнула, и из глаз брызнули слезы.

— Ну что вы, что вы, все хорошо теперь, — успокаивал мать Николай Федорович. — Вы, мама, собирайтесь в Москву. За вами приедет Таня. До конца войны поживете без забот, а дальше видно будет.

— Нет уж, Коленька. Как я в таком горе дочерей, внучат брошу? Да и как мне без забот? На том свете отдохнем.

— Ну хорошо, — не стал спорить Николай Федорович. — Но Таня все равно приедет, поможет по хозяйству, привезет кое-что из одежды, обуви. Это уж обязательно. И не думай отказываться. Здесь ты мне не указ.

— Хорошо, хорошо! Спасибо, сынок. Дай бог тебе здоровья. У меня вот одна просьба. Люди на селе волнуются. Хотят тебя видеть. Ты уж уважь, сынок...

— Ну что же, я согласен. Вот только времени нет. Завтра в обед, то бишь уже сегодня, мы убываем. Дел, мама, страшно сказать сколько. Ведь на мне сотни тысяч людей. Если соберутся с утра, то поговорим. А сейчас давайте поспим часок-другой.

Николай Федорович лег на свежую, пахнущую детством холстину и мгновенно заснул, а Вера Ефимовна так и просидела до рассвета, поправляя непокорные вихры и укрывая ноги спящего сына.

Как на селе узнали, что утром сам генерал Ватутин собирает народ, трудно сказать. Но еще до света к избе деда Григория потянулись люди. Стар, млад да женщины составляли на тот момент население Чепухино. Впереди степенно вышагивали два старика — Иван Лыков по прозвищу дед Базар, сосед Ватутиных, и Игнат Балашов — дед Балаш. Наперед стариков все забегала дочь деда Базара Евгеша, подружка Николая Федоровича по детским играм, но Базар, не церемонясь, отгонял ее клюкой. У ворот дома Ватутиных стоял автоматчик-часовой. Во дворе расположились замаскированные штабные машины, тихо гудел движок радиостанции. Автоматчики взвода охраны, бывшие пограничники, способные скрутить любого приблизившегося к штабу, в растерянности наблюдали за собиравшимися людьми.

Дед Базар остановился, не доходя нескольких шагов до ворот, и, показывая свою осведомленность в военных порядках, крикнул часовому:

— Сынок, кликни разводящего! Пущай будют чепухинского генерала. Земляки пришли.

Из дверей выбежал Митя Глушаков. Для этого молодого солдата командующий был больше чем отец. После тяжелого ранения взял его к себе Ватутин и обращался как с родным сыном. В редкие часы затишья читали книги, занимался с юношей математикой, всерьез обещал подготовить к поступлению в институт. Митя отвечал сыновьей любовью. Он не только следил за хозяйством генерала, готовил для него постель, обмундирование, доставал газеты, настраивал радио, затачивал карандаши, но и оберегал сон командующего. В штабе все знали, что, если около закутка командующего на цыпочках ходит Митя, подходить к углу не стоит даже ближайшим помощникам Ватутина.

— Дайте поспать командующему и позавтракать! — крикнул Митя. — Генерал третью ночь на ногах и сегодня лег всего час назад...

— Мы подождем, сынок, — успокоил его дед Базар. — Ты только, как встанет, намекни ему. Сам-то небось здесь командир какой?

Автоматчики дружно рассмеялись, а Митя мгновенно покраснел. Но дед, как бы не замечая смеха, начал объяснять ординарцу родословную командующего и какое отношение к ней имеет он — дед Базар. В разговор моментально ввязались бабы, и скоро около ватутинского дома голосил настоящий птичий базар.

Сколько бы он продолжался, неизвестно, но открылась дверь и выглянул Ватутин, одетый по форме.

— Товарищ Глушаков! — крикнул он. — Прекращайте базар. Прошу гостей в избу.

Через несколько минут изба Ватутиных была буквально набита людьми. В красном углу под иконами, рядом с портретами Сталина и Ворошилова, на краешке лавки притулился виновник торжества.

— Ой, Коля! — не выдержала Евгеша Лыкова. — Блестишь, как угодник, небось не помнишь, как по грибы ходили. Теперь и тронуть тебя опасно...

— Цыц, шалава! — прикрикнул на нее дед Базар. — Что с глупостями лезешь?

— Ничего, ничего, — рассмеялся Ватутин, обнимая женщину. — Помню, Женя, и про грибы и как пели в школьном хоре. Ну как же не помнить подружку жены? Вместе ведь батрачили...

— Вместе, Коля. Только теперь Танюшка — генеральша, а я, как есть, скотница. Где уж нам.

— Цыц! — крикнул дед Балаш. — Ты, Николай Федорович, не слушай ее, дуру. Рази ей понять диспозицию? Вон мы с твоим дедом Григорием по десять лет царю-батюшке отслужили, а даже лычки на погоны не заслужили. Ты же эвон, в полные генералы вышел.

— А помнишь, Николай Федорович, — вмешался дед Базар, — как в армию уходил, я тебе пророчил стать генералом? Сбылось ведь.

— Все помню, дорогие мои, — ответил Ватутин. — Скажите лучше, как горе под немцем мыкали, как думаете восстанавливать колхоз?

— А что говорить? — сразу вступил в разговор дед Базар. — Известное дело, какая может быть жизнь под супостатом. Председателя нашего Щеголева не по-божески кончили. Лютовали над ним долго. Я так и не пойму, как он после таких мук еще жил. Только и просил мучителей расстрелять за селом, чтобы семья не видела. Нашел кого просить. Расстреляли сердешного посреди родного двора, и не токмо семью — все село согнали смотреть. А как наши пришли, так перенесли Щеголева на кладбище. Колхоз, что ж, поднимем. Нам бы скотину какую, то исть лошадок бы.

— Хорошо дед, пришлю трофейных лошадей и трактор. Обещаю...

— Вот за это — спасибо. Вот это по-божески...

До полудня беседовал Николай Федорович с односельчанами, шутил, смеялся, слушал стариков, рассказывал о Красной Армии, о Москве, о втором фронте. В конце разговора твердо обещал гнать гитлеровцев на запад и добить врага в Берлине. Закусив в последний раз домашней картошкой, в два часа дня командующий фронтом отбыл из села. Уехал генерал, а чепухинцы долго еще вспоминали эту встречу. «Без воображения из себя», — говорил

дед Балаш. «Самый смирный хлопец на селе, вежливый, ласковый, а смотри в какие генералы вышел», — вторили ему бабы...

«Эх, мало мы работаем с людьми, что под немцами остались, — думал Николай Федорович по дороге. — А ведь их миллионы. Им в Красную Армию вливаться, восстанавливать хозяйство и вообще жить дальше. Ну это село командующего фронтом. К нему теперь особое внимание будет, не упустят момента подхалимы. А таких сел тысячи. И всем надо нести свое слово».

Надо сказать, что Ватутин еще во время зимнего наступления писал прокламации к населению оккупированных областей. В одной из них говорилось: «Дорогие товарищи! Наши отцы, матери, братья и сестры! Для фашистских гадов наступает час расплаты. Красная Армия бьет и гонит немцев на Дону, на Северном Кавказе и на Центральном фронте.

Бандитская армия Гитлера трещит по всем швам... Красная Армия успешно очищает советскую землю от фашистских захватчиков. На юге наши войска подходят к Донбассу... час вашего освобождения близок. Ждите прихода вашей родной Красной Армии и всеми средствами помогайте ей в борьбе против гитлеровцев. Не давайте немцам увозить хлеб и угонять скот. Разрушайте мосты и дороги, по которым будут удирать немцы. Поджигайте немецкие склады с боеприпасами и продовольствием. Помогайте партизанам громить фашистских захватчиков.

Красная Армия наступает. Она несет вам освобождение от тяжелой фашистской неволи. Она несет вам радостную и счастливую жизнь на родной земле».

В штабе фронта обстановка была напряженная. Вновь прибыл представитель Ставки Жуков. Всех беспокоил вопрос: как поведет себя противник в летней кампании и что следует предпринять советским войскам? Николай Федорович сразу включился в эту работу, мгновенно забыв о поездке в родное село. Напомнил ему об этом член Военного совета Хрущев.

— Как съездил, Николай Федорович? — спросил он Ватутина, который по привычке расположился поколдовать перед сном на карте.

— Очень хорошо, Никита Сергеевич. Вам большое спасибо от семьи и земляков. Продуктов всем хватило...

— Вот видишь, а твой ординарец отказывался. Как живут люди?

— Плохо. Впечатление такое, что погибают. Все лежит на плечах женщин и стариков. На себе пашут. Смотреть страшно. Я им обещал лошадей и трактор. Вы как думаете?

— Правильно сделал. Я непременно распоряжусь и лично прослежу. Эх, сколько еще горя увидим на земле русской! А скоро Украину освобождать. Я уже подготовил будущих партийных работников. Сейчас я их бросил на наши тылы. Много еще там безобразий, особенно в санитарной службе. А?

— Вам виднее. Мне неудобно давать вам политические советы.

— Ну это ты брось. Фронтом командуешь ты...

Когда Николай Федорович узнал, что членом Военного совета у него будет Хрущев, то одновременно обрадовался и насторожился. Прошлая совместная работа до войны на Украине оставила приятные впечатления. Демократичность Хрущева, простота и вместе с тем высокая активность, огромный политический опыт и авторитет во многом помогли тогда Ватутину. Дистанция между первым секретарем компартии республики и начальником штаба округа все же значительная. Но теперь первым человеком на фронте мог быть только командующий, его слово должно быть решающим, и Ватутин боялся некоторых сложностей. Однако жизнь опровергла его сомнения.

Н.С. Хрущев оставался членом Политбюро ЦК ВКП(б). Он сумел поставить дело так, что не только не подавлял, но и не заслонял своим авторитетом командующего. Наоборот, всячески поднимал его. Сам беспрекословно подчинялся, особенно в военных вопросах, воле Ватутина, что делало распоряжения командующего еще более убедительными. А близость к высшему руководству страны позволяла ему сделать для фронта много такого, чего не могли добиться другие члены военных советов.

Хрущев, обладавший особым политическим чутьем, умением разбираться в людях, увидел в молодом генерале не только выдающегося военачальника, но и близкого себе по духу и характеру человека. Он не просто хвалил Ватутина, но отзывался о нем с глубоким почтением.

Работая с многими документами, архивными материалами, воспоминаниями современников, мне пришлось столкнуться с удивительной закономерностью. Никто из вспоминавших Ватутина ни разу не сказал о нем плохого слова. Это касается и солдат и маршалов. А среди них были люди, не только любившие его, но и относившиеся с предубеждением и даже завистью. В среде военачальников очень немногие завоевали такое всеобщее уважение. Может быть, только Фрунзе, Шапошников, Уборевич, Василевский и Рокоссовский.

Какие же задачи предстояло решать войскам Воронежского фронта и что так волновало командование фронтов, Ставку в те весенние дни сорок третьего года?

После тяжелейших зимних поражений, кое-как скрашенных частными успехами, гитлеровские стратеги напряженно искали варианты стратегического плана дальнейшего ведения войны. При всех разногласиях и спорах он в конце концов свелся к одному: развернуть новое победоносное наступление на Востоке, чтобы вырвать стратегическую инициативу из рук русских и добиться перелома в войне в свою пользу. Было решено упредить советское наступление и провести крупную наступательную операцию в районе Курской дуги.

Уже 13 марта Гитлер подписал приказ № 5 на ведение боевых действий на Восточном фронте. В нем предписывалось группе армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна создать мощную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр» генерал-полковника Клюге — такую же южнее Орла. Эти группировки должны были встречным ударом окружить и уничтожить войска русских на Курской дуге.

Через месяц эта операция приобрела четкие очертания, получила условное наименование «Цитадель» и была оформлена оперативным приказом Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 года.

Для решения намеченных задач немецкому командованию предстояло восполнить зимние потери в личном составе и вооружении, оснастить войска новейшими образцами боевой техники. Германия приложила для этого максимум сил. Начатая еще в январе тотальная мобилизация принесла свои плоды. К лету 1943 года численность вермахта на Восточном фронте была доведена до 4,8 млн человек, да еще 500 тыс. союзников. На советско-германском фронте сосредоточилось 232 дивизии, 5850 танков и штурмовых орудий, 54 тыс. орудий и минометов, 2980 боевых самолетов. Необходимо отметить, что немецкое командование особое внимание уделило качественным характеристикам вооружения. Гитлеровский танковый бог Гейнц Гудериан, натерпевшийся от советских Т-34 и КВ, теперь в должности генерал-инспектора танковых войск постарался дать вермахту лучшие танки. Еще с весны 1942 года фирмы Круппа начали конструирование новых тяжелых танков Т-VI «Тигр» и Т-V «Пантера», превосходящих советские по бронезащите, вооружению и оптике. Теперь эти танки начали поступать в войска, немецкие конструкторы улучшили баллистические характеристики противотанковых пушек, появилась самоходная артиллерийская установка «Фердинанд», было изобретено мощное противотанковое оружие ближнего боя — фаустпатрон. Как и всегда, большие надежды гитлеровцы возлагали на авиацию, которая получила на вооружение новые самолеты «Фокке-Вульф 190А», «Хейнкель-129».

Для операции «Цитадель» отводилось все лучшее. Были привлечены 50 наиболее боеспособных дивизий, из них 16 танковых и

моторизованных, 3 отдельных танковых батальона, укомплектованные «тиграми» и «пантерами», 8 дивизионов штурмовых орудий. Свыше 20 процентов пехотных, 70 процентов танковых, 30 процентов моторизованных дивизий вермахта сосредоточивались на узком участке фронта. Это составило 900 тыс. человек, 10 тыс. орудий, 2700 танков и штурмовых орудий, 2000 боевых самолетов (почти 70 процентов самолетного парка Восточного фронта) поддерживало эту армаду.

Конечно, советское командование не знало всех подробностей, но многое предвидело, опираясь на разведданные и оперативные прогнозы. Ставка спокойно восприняла подготовку врага, укрепляя свою группировку войск. В составе действующей армии насчитывалось 6,6 млн человек, 105 тыс. орудий и минометов, 2200 реактивных установок, более 10 тыс. танков и САУ, свыше 10 тыс. самолетов. Концентрировались и крупные резервы. На 1 апреля в резерве Ставки числилось до девяти армий, из них две танковые. В качественном отношении вооружение советских войск также улучшалось. Войска получили современные самолеты Ла-5, Як-9, Пе-2, Ту-2, Ил-4. Новые модели реактивных систем залпового огня, зенитной и противотанковой артиллерии, стрелкового автоматического оружия составили основную часть вооружения. Артиллерия в основном была переведена на механическую тягу, а появление в достаточном количестве автомобилей, особенно американских «студебекеров», позволило резко повысить маневренность боевых и работоспособность тыловых частей.

Перед советским командованием стояли три вопроса: где, когда и как действовать? С вопросом *где* трудностей не было. Конечно, под Курском. Там сосредоточились главные силы противника. С этим были согласны и Ставка и командующие фронтами. С двумя остальными вопросами было сложнее, особенно с последним.

Первым выдвинул свои предложения Жуков. «В конце марта и начале апреля, — писал он потом в мемуарах, — мы с Н.Ф. Ватутиным побывали почти во всех частях фронта. Вместе с командирами частей и соединений оценивали обстановку, уточняли задачу и необходимые меры, если противник перейдет в наступление. Меня особенно беспокоил тот участок обороны, где находилась 52-я гвардейская стрелковая дивизия, и я побывал там дважды. Я считал, что этой дивизии придется принять на себя главный удар противника. Командование фронтом и армией было того же мнения, и мы решили всемерно укрепить этот ответственный участок артиллерийскими средствами. Пора было готовить предварительные соображения по плану Курской битвы».

Свои соображения после совета с Ватутиным и Рокоссовским Жуков направил в Ставку Верховному Главнокомандующему:

«Товарищу Васильеву
5ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 1942/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого охвата Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свое наступление на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению...

6. ... Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

№ 256 Константинов».

Василевский, прибывший в штаб Воронежского фронта, был согласен с таким предложением. Верховный своего мнения не высказал, а распорядился созвать 12 апреля в Ставке совещание по этому вопросу, предварительно затребовав соображения фронтов.

К назначенному времени командующие фронтами и начальники штабов подтвердили положение войск противника и его намерение наступать под Курском. О действиях же своих войск были различающиеся мнения. Командование Центрального фронта высказалось за упреждающий удар с целью разгрома орловской группировки противника. У Военного совета Воронежского фронта было несколько предложений и, хотя Ватутин больше склонялся к идее Жукова, мысль об упреждающем ударе не покидала его. Видимо, поэтому в докладе в Ставку он не спешил с предложениями по своим войскам и ограничился характеристикой противника:

«Начальнику Генштаба КА
на № 011990 12.4.43.

Перед Воронежским фронтом в настоящее время установлено:

1. Пехотных дивизий в первой линии девять (26, 68, 323, 75,255, 57, 332, 167-я и одна дивизия невыясненной нумерации).

Эти дивизии занимают фронт Красно-Октябрьское — Большая Чернетчина — Краснополье — Казацкое. Дивизия неизвестной нумерации, по показаниям пленных, выдвигается к району Солдатское и должна сменить 332-ю пехотную дивизию.

Эти данные проверяются. Есть непроверенные данные, что во втором эшелоне имеются шесть пехотных дивизий. Положение их пока не установлено, и эти данные пока проверяются.

В районе Харькова, по данным радиоразведки, отмечается штаб венгерской дивизии, которая может быть выдвинута на второстепенное направление.

2. Танковых дивизий всего шесть («Великая Германия», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх», 6-я и 11-я), из них три дивизии в первой линии. По данным радиоразведки, штаб 17-й танковой дивизии переместился из Алексеевского в Тащаговскую, что говорит о выдвижении 17-й танковой дивизии на север. По наличию сил противник имеет возможность вывести дополнительно в район Белгорода до трех танковых дивизий с участка Юго-Западного фронта.

3. Таким образом, следует ожидать, что противник перед Воронежским фронтом сможет создать ударную группу силой до 20 танковых дивизий и не менее 6 пехотных дивизий, всего до 1500 танков, сосредоточения которых следует ожидать в районе Борисовка — Белгород — Муром — Казачья — Лопань. Эта ударная группа может быть поддержана сильной авиацией численностью примерно до 500 бомбардировщиков и не менее 300 истребителей.

Намерение противника — нанести концентрические удары из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород — Курск...

Таким образом, перед Воронежским фронтом противник вероятнее всего будет наносить главный удар из района Борисовка — Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь и Курск. Вспомогательные удары следует ожидать в направлении Волчанск — Новый Оскол и Суджа — Обоянь — Курск. Для крупного наступления противник сейчас не готов. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с. г., а вероятнее всего в первых числах мая. Однако частных атак можно ожидать в любое время. Поэтому от наших войск требуем постоянной, самой высокой готовности.

№ 55

Федоров (Ватутин. — *С.К.*),
Никитин (Хрущев. — *С.К.*),
Федотов (Корженевич. — *С.К.*)[1].

[1] ЦАМО. 48-А, оп. 1147, д. 2, л. 4—7.

Вечером 12 апреля на совещании в Ставке Жуков, Василевский, Антонов докладывали соображения по плану ведения кампании. Обсуждение шло тяжело, ибо Верховный очень беспокоился за устойчивость нашей обороны, но в конце концов было принято предварительное решение о преднамеренной обороне в районе Курской дуги с целью измотать силы противника и перейти в наступление. Тогда же решился вопрос о развертывании резервов. Их располагали в районе Ливны — Старый Оскол — Короча, чтобы подготовить рубеж обороны на случай прорыва врага в район Курской дуги. Часть резервов помещалась за Брянским фронтом. Силы резерва объединились в Степной военный округ, на который Ставка возлагала большие надежды в будущем наступлении.

После совещания Ставка и Генштаб приступили к практической отработке плана кампании и Военный совет Воронежского фронта наконец прислал свои предложения, которые предусматривали использование преднамеренной обороны, не исключая превентивного удара по врагу.

ОГНЕННАЯ ДУГА И «ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

Весну сорок третьего года Николай Федорович встречал в родных краях. Выезжая по утрам к переднему краю и видя на протяжении десятков километров копошащуюся массу людей, слыша монотонный гул от ударов о землю тысяч лопат, ломов, кирок, Николай Федорович чувствовал необыкновенный прилив сил, уверенности не только в том, что остановит врага, но и погонит его с этих рубежей.

В Ставку Военный совет фронта докладывал, что в основу практической деятельности войск положено:

«а) построение глубокой обороны, для чего не только подготавливается ряд рубежей, но эти рубежи теперь же заняты войсками. Это не должно позволить противнику произвести оперативный прорыв;

б) организация плотной и развитой на большую глубину противотанковой обороны, особенно на важнейших танкоопасных направлениях, для чего тщательно отрабатываются планы ПТО, создаются эшелонированные в глубину противотанковые районы, возводятся инженерные противотанковые препятствия, минные поля как перед передним краем, так и в глубине, используются огнеметные средства, подготавливается огонь артиллерии, РС и удары авиации на направлениях возможного движения танков противника. На большую глубину подготавливаются оперативные заграждения. Во всех частях и соединениях имеются подвижные противотанковые резервы...»

Ватутин дневал и ночевал в войсках, ветераны боев на Курской дуге вспоминали, как встречали командующего в самых неожиданных местах. Он интересовался не только боевыми порядками дивизий, но и установкой отдельных орудий. Ползал по-пластунски в стрелковые ячейки к огневым точкам, определяя глазами опытного пулеметчика, как они пристреляны. Он допытывался у командиров всех степеней и рядовых бойцов, как каждый из них будет действовать в различных боевых ситуациях. Вопросы были четкие, требовали конкретного ответа, и обмануть командующего было практически невозможно. Не случайно, все беседовавшие тогда с Ватутиным офицеры вспоминали, что самое трудное для них —

устоять под вопросами командующего, а уж после них появлялось и больше уверенности, что устоишь перед врагом.

Войска не только вели оборонительные работы, но и учились. Здесь Николай Федорович попал в свою стихию. В штабе фронта все знали, что даже при своей чрезвычайной занятости командующий успевает позаниматься с бойцами охраны, обслуживания штаба и делает это с неизменным удовольствием. Теперь же учились все.

Ватутин работал и с командармами, и с командирами полков. Лично прорабатывал с ними важнейшие вопросы маневрирования войсками, уделяя особое внимание управлению и взаимодействию. Командующий требовал не только безукоризненного выполнения своих приказаний, директив, но и инициативы, предложений по укреплению обороны и обучению войск. И такие предложения поступали. Командно-штабные игры охватывали все большее число командиров, штабные тренировки сменялись практическими занятиями с боевой стрельбой, пристреливался каждый бугорок, каждая кочка. Бойцы учились вести артиллерийскую дуэль и отражать нападение танков. Ватутин особенно усиливал противотанковую оборону, ибо понимал, что все начнется с мощнейшей танковой атаки. Макеты «тигров», «пантер» стояли в тылах полков, и каждый солдат должен был изучить их уязвимые места. Началась обкатка бойцов танками. И не раз видели красноармейцы в окопе, через который проходил танк, рядом с молодым бойцом командующего. Сколько памяток бойцу написал в те дни Ватутин по вопросам боевого применения! В одной из них говорилось: «Да, танк идет на мой окоп, но я подорву его противотанковой гранатой, а если не удастся, отбегу по траншее или присяду; танк пройдет надо мной, но я не задохнусь, не погибну в хорошо отрытом окопе, а потом распрямлюсь и вслед танку брошу вторую гранату. Если же испугаюсь, выбегу из окопа, танк уничтожит меня».

Часами не уходил командующий с позиций противотанковой артиллерии, требовал доведения до автоматизма всех операций, умения вести огонь, даже когда танки прорвутся через огневые позиции. Для обучения артиллерии требовались полигоны, и Ватутин создал такие. Почти весь личный состав истребительно-противотанковых полков прошел на них огневую подготовку с боевой стрельбой. Танкисты не только учились вести меткий огонь, но и заучивали все возможные пути маневра, отмечали мосты, овраги, возможные укрытия, ориентиры для стрельбы. От летчиков Ватутин требовал надежного взаимодействия с землей. Не только во всех дивизиях, но и в некоторых полках находились авиаторы 2-й воздушной армии генерала Красовского.

Вечерами, вернувшись в штаб фронта, Николай Федорович, еще не поужинав, садился за карту, придвигал к себе стопку донесе-

ний, других штабных документов. Хрущев в таких случаях возмущался больше всех.

— Так не пойдет, Николай Федорович,— говорил он. — Целый день не евши мотаешься по войскам, ползаешь по переднему краю, а добравшись домой — сразу за бумаги.

— Да кормит меня Глушаков, кормит,— отбивался Ватутин.

— Знаю, как кормит. Всухомятку — не еда. Да и отдыхать хоть пару часов надо. Шутка ли, второй «виллис» загоняешь, а ведь этой машине сносу нет...

— Сдаюсь, Никита Сергеевич, сдаюсь. Но и вы весь день на колесах. За начальника тыла, что ли, работаете или за начмеда?

— За себя работаю. Сейчас мое место там. Такую махину войск и техники вижу впервые...

Действительно, войска получили значительные пополнения. Только Центральный и Воронежский фронты пополнились 10 стрелковыми дивизиями, 10 истребительно-противотанковыми бригадами, 13 истребительно-противотанковыми полками, 14 артиллерийскими полками, 8 полками «катюш», 7 отдельными танковыми и самоходно-артиллерийскими полками. Фронты получили 5635 орудий, 3522 миномета и 1294 самолета.

Армии Центрального фронта генерала Рокоссовского оборонялись на участке протяженностью до 306 километров от Александровки до Коренева. Воронежский фронт держал оборону от Коренева до Волчанска, что составляло 244 километра.

Николай Федорович заметил, что Хрущев хочет еще что-то сказать, но не решается.

— Ну что там вы еще припрятали? Вижу по глазам,— сказал он улыбнувшись. — Плохие новости оттуда? — Ватутин показал пальцем наверх.

— Оттуда,— сказал Хрущев. — Ставка не утвердила наши предложения о наступлении на юго-запад, а ведь совсем было согласилась. Принято решение основной удар наносить на Киев.

— Ну, это не так огорчительно. Мои ночные бдения кое-что значат. Мы действительно поспешили. Здесь Ставка права, ее аргументы более весомы. Я уже начал готовить проработки по новому направлению, но сейчас главное — остановить врага.

«Одновременно с подготовкой обороны,— вспоминал С.М. Штеменко,— продумывались и взвешивались все детали контрнаступления. Особую заботу Ставки и Генерального штаба составлял выбор направления главного удара. Думали над этим основательно и не сразу пришли к лучшему решению.

Первоначально многих заинтересовало предложение командования Воронежского фронта: сосредоточить главные усилия южнее Курска и бить в направлении Харьков, Днепропетровск, стремясь овладеть крупным плацдармом на берегу Днепра, с последующим

выходом на рубеж Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях — на меридиан Черкассы, Николаев. По мнению Военного совета фронта, именно здесь контрнаступление позволяло «достичь решающих для исхода войны результатов». Оно вывело бы из войны группу армий «Юг» — наиболее активную в то время силу немецко-фашистского командования, лишило бы противника богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков, Днепропетровск. Кроме того, мы приблизились бы к границам южных союзников гитлеровской Германии и тем ускорили бы выход последних из войны. В операции предлагалось использовать Воронежский, Юго-Западный, Южный фронты, а на заключительном этапе и Центральный фронт, с соответствующим усилением за счет резервов Ставки.

Идея разгрома южного фланга противника была заманчивой. Но этот план все-таки отвергли. Он не затрагивал центр советско-германского фронта и, главное, западное стратегическое направление, не обезвреживал основную группировку противника — группу армий «Центр», которая в этом случае угрожала бы флангам наших важнейших фронтов, оставлял в стороне направление на Киев, весьма важное в политическом, экономическом и чисто военном отношении.

Удар на Харьков, Полтаву, Киев был, по мнению Генерального штаба, наиболее перспективным. Выход Красной Армии к столице Украины — важному экономическому центру страны — давал большие стратегические результаты. При этом достигалось все, что сулило наступление в направлении Днепропетровска, и вдобавок еще расчленение фронта противника (особенно в случае выхода советских войск к Карпатам), затруднялось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий «Юг», так (что особенно важно!) и правому флангу группы армий «Центр». Наконец, при таком варианте мы приобретали выгодное положение для последующих действий. Он и был принят».

С новым начальником штаба фронта генералом С.П. Ивановым Ватутин часами засиживался за картой, они прикидывали варианты, спорили. Спали уже на заре — не более двух часов. Утром убывали на целый день в войска, а вечерами все начиналось сначала...

— Все, начинаем повторяться,— сказал в одну из таких ночей Ватутин. — Я почти уверен, что у немцев есть три направления для удара. Первое — из района Белгорода на Обоянь, второе — оттуда же на Корочу, и третье — на Волчанск и Новый Оскол. Наиболее вероятны два первых, поэтому будем сосредоточивать усилия именно здесь, на левом крыле фронта. Тебя, Семен Павлович, про-

шу усилить разведку, мы должны знать о противнике все или почти все...

Воронежский фронт имел в своем составе 38, 40, 69, 6 и 7-ю гвардейские, 1-ю танковую и 2-ю воздушную армии, а также 35-й гвардейский стрелковый, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Согласно своему замыслу Ватутин сосредоточил на левом крыле фронта, на участке 164 километра (около 68 процентов общей протяженности фронта), 83 процента стрелковых дивизий, 90 процентов танков и САУ, свыше 86 процентов артиллерии. Войска расположились в два эшелона: в первом — 38, 40, 6 и 7-я гвардейские армии; во втором — 1-я танковая и 69-я армии. В резерве находились танковые и стрелковый корпуса, артиллерийские противотанковые полки и бригады большой мощности.

Уже к середине мая на Курском выступе оборудовали восемь оборонительных рубежей и полос, глубиной до 300 километров. Каждая армия возвела три полосы обороны, каждый фронт имел три фронтовых рубежа. Построили оборонительные рубежи и войска Степного фронта. Только одна полоса обороны на Воронежском фронте включала в себя 5 сплошных траншей полного профиля, соединенных ходами сообщения. В среднем каждая дивизия отрыла до 70 километров траншей. По фронту и в глубину на каждом километре сооружалось до 7 дзотов.

Танкоопасные направления перекрывали противотанковые рвы, берега рек и оврагов ощетинились эскарпами, лесные дороги пересекали завалы. Были полностью заминированы мосты и многие участки дорог.

Разведка работала неплохо, и Ватутин имел сведения, что против его фронта противник сосредоточил 5 пехотных дивизий 2-й армии из группы армий «Центр», всю 4-ю танковую армию и основные силы оперативной группы «Кемпф», входящие в группу армий «Юг». А это еще 15 пехотных, 8 танковых и моторизованных дивизий. Именно на участке его фронта находились два отдельных батальона тяжелых танков и дивизионы новых штурмовых орудий. Потом выяснилось, что сил у немцев было больше... Командовал этими войсками старый знакомый Ватутина фельдмаршал Манштейн.

Все, казалось, было готово для встречи врага, а Николай Федорович продолжал кропотливую работу в штабе и войсках. Генерал С.П. Иванов впоследствии вспоминал: «Генерал Н.Ф. Ватутин с неизменным вниманием относился к нуждам и запросам штаба, с его стороны штабисты всегда встречали полное понимание и всестороннюю поддержку. Да это и неудивительно. Ведь пройдя все ступени штабной службы, вплоть до заместителя начальника Генерального штаба, он знал все профессиональные тонкости, о событиях судил масштабно, сразу схватывал суть дела. Это был на-

стоящий генштабист, человек отменной работоспособности, сильной воли и исключительной деловой целеустремленности. В нем как нельзя лучше сочетались черты командующего и руководителя крупного штаба. Самым тесным образом Н.Ф. Ватутин поддерживал контакты с войсками, куда он часто выезжал, причем о своих поездках ставил в известность и штаб. Он всегда знал о запросах, нуждах, настроениях не только командного, но и рядового состава, и при необходимости оперативно оказывал действенную помощь».

В начале мая появились первые реальные признаки скорого наступления противника. Агентурная разведка доносила, что Гитлер собирает руководство вермахта для принятия окончательного решения о начале активных действий на Восточном фронте. Такое совещание действительно состоялось в Мюнхене 3—4 мая. Вскоре пришли сведения, что наступление начнется 10—12 мая. Эти сведения подтверждала и фронтовая разведка.

Немедленно в войска Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов пошла телеграмма за подписью Сталина и Василевского:

«По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10—12 мая на орловско-курском, или белгородско-обоянском направлении, или на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: к утру 10 мая иметь все войска, как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе.

Получение подтвердить. О принятых мерах донести».

Командующие немедленно подтвердили готовность, а Рокоссовский и Ватутин доложили о спланированной контрподготовке артиллерии и авиации фронтов.

Войска застыли в напряженном ожидании, но ни 10, ни 11, ни 12-го наступления не последовало. Захваченные войсками Воронежского фронта пленные ничего толком сказать не могли, вели себя крайне неуверенно. В этой неуверенности Ватутин усмотрел колебания противника.

— Думаю, надо вернуться к нашему предложению по упреждающему удару, — сказал он на заседании Военного совета фронта 13 мая, когда стало окончательно ясно, что наступление врага задерживается.— Немцы сейчас не ожидают нашего удара, подтягивают резервы, и в этот весьма переменчивый момент войска фронта могут иметь успех. Созданная же оборона дает нам гарантию надежного тыла.

— Думаю, надо согласиться с командующим, — сразу же сказал Хрущев, и после этого вопрос был практически решен.

— Семен Павлович,— обратился Ватутин к Иванову, — готовьте конкретные материалы по операции, а мы с Никитой Сергеевичем будем докладывать в Ставку.

Предложение фронта заинтересовало Сталина. Он все еще не верил в надежность нашей обороны, вспоминая прошлогодние неудачи. И все же Ставка не поддержала инициативы Воронежского фронта. С большим трудом Жуков, Василевский и Антонов отговорили Верховного от упреждающего удара.

Через десять дней Генеральный штаб вновь получил, казалось бы, достоверные сведения о начале наступления в период с 19 по 26 мая. Вновь в войска пошла предупредительная директива, и вновь наступление не состоялось. В напряженной, нервной обстановке прошел май, начался первый летний месяц. Прошел и он, а враг все стоял на месте. Напряжение достигло высшего предела. Нервничали солдаты в передовых траншеях и танках. В который уже раз занимали боевые места номера артиллерийских расчетов, летчики часами не покидали кабин самолетов. Волновались в штабах вплоть до Генерального. Представители Ставки неотлучно находились в войсках: Жуков — на Центральном, Василевский — на Воронежском фронтах.

Николай Федорович с трудом сдерживал волнение и неустанно напоминал о возможности упреждающего удара.

«Особую нетерпеливость начал проявлять командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин, — писал о тех днях Василевский. — Николай Федорович неоднократно ставил передо мной вопрос о необходимости начать самим наступление, чтобы не упустить летнее время. Мои доводы, что переход врага в наступление против нас является вопросом ближайших дней и что наше наступление безусловно будет выгодно лишь противнику, его не убеждали.

— Александр Михайлович! Проспим мы, упустим момент,— взволнованно убеждал он меня. — Противник не наступает. Скоро осень — и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно.

Из ежедневных переговоров с Верховным Главнокомандующим я видел, что неспокоен и он. Один раз он сообщил мне, что ему позвонил Ватутин и настаивает, чтобы не позднее первых чисел июля начать наше наступление; далее Сталин сказал, что это предложение заслуживает самого серьезного внимания; что он приказал Ватутину подготовить и доложить свои предложения по Воронежскому фронту в Ставку...

22 июня Александр Михайлович убыл в Ставку, а Военный совет фронта начал выполнять приказание Верховного. Войска же ждали атаки.

Нет ничего мучительнее ожидания, особенно на войне. Сейчас, по прошествии многих лет, совершенно очевидно, что надо было ждать, терпеть.

Можно ли объяснить нетерпеливость, проявленную Ватутиным? С позиций того времени, думается, можно. Но только объяснить, а не оправдать. Николай Федорович был не прав. На сей раз эмоции возобладали над рассудком, и трудно сказать, чем бы закончилась Курская битва, нанеси мы так желаемый им упреждающий удар.

Справедливости ради надо сказать, что Ватутин отнюдь не отрицал выгоду, которую могли получить наши войска, если бы враг пошел первым. Более того, к первым числам июля у него самого появилась уверенность, что враг начнет наступление в ближайшие дни. Особенно его убедили в этом последние данные фронтовой разведки. Он сразу доложил свои сомнения в Ставку и с ее разрешения снова переключил все внимание на оборону. Сомнения на этот счет были развеяны после того, как в районе Воронежа лейтенант А.А. Кожевников сбил «раму» — немецкий самолет-разведчик. Летчик, на допросе которого присутствовал Ватутин, показал, что наступление непременно начнется в первых числах июля. Такие же сведения поступили и в Генеральный штаб. 2 июля в 2 часа 15 минут из Ставки было направлено войскам третье, очень короткое предупреждение:

«По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника.

3. Об отданных распоряжениях донести».

В тот же день на Воронежский фронт вновь прибыл Василевский. День 3 июля прошел спокойно, а на следующий день после разговора с Жуковым Александр Михайлович поспешил поделиться с Ватутиным новостями, полученными с Центрального фронта.

— Ну что, Николай Федорович, ждем 5 июля. У Рокоссовского разведчики 13-й армии взяли «языка». Тот прямо заявил: «3 часа утра 5 июля». Может, и теперь есть сомнения?

— Теперь нет. Сегодня ночью, когда ты ушел отдыхать, разведчики доставили свежего пленного. Я его лично допросил. Говорит, что им зачитан приказ фюрера. В приказе говорится, что германская армия переходит к генеральному наступлению и этот удар должен иметь решающее значение и станет поворотным пунктом во всей войне. И вообще, что это будет последнее сражение за победу Германии...

— Любит, мерзавец, помпезные фразы,— не сдержался Василевский.

— Что и говорить. Заканчивается приказ словами: «Вперед по трупам, пленных не брать». Кстати, он подтвердил донесения наших саперов. Немцы на нейтральной полосе разминировали все минные поля.

Но уже через несколько часов генералы опять засомневались. В 16.00, когда Ватутин, Василевский, командующий артиллерией фронта генерал Варенцов и командующий 2-й воздушной армией генерал Красовский обсуждали план контрподготовки, артиллерия противника открыла огонь. Обстрел длился примерно десять минут, потом позвонил командующий 6-й гвардейской армией генерал Чистяков. Он доложил, что из района Томаровки на север на его боевое охранение двинулось около 50 танков и до полка пехоты противника.

— Неужели Манштейн начал раньше срока? — задумался Василевский.— Или это демонстрационная атака с ограниченными целями.

— Скорее всего разведка боем. Слишком непродолжительна артподготовка,— согласился Ватутин и приказал занять свои КП.

Скоро Чистяков доложил, что это действительно разведка боем. Пленный из 168-й пехотной дивизии подтвердил это. Он также сказал, что войскам розданы сухие пайки, порции шнапса и что основное наступление начнется в 3 часа 5 июля.

Снова потянулись томительные часы ожидания. Николай Федорович старался не показывать волнения, но скрыть это было трудно. Не отрывал глаз от часов и Василевский.

— Уже два часа, — не выдержал Ватутин.— Я как наяву вижу немцев, выходящих на боевые рубежи. Пора начинать контрподготовку.

Василевский не успел ответить. Резко зазвонил телефон. Александр Михайлович взял трубку. Говорил Верховный.

— Есть! — коротко сказал Василевский и повернулся к Ватутину:— Командуйте, Николай Федорович...

Ватутин быстро подошел к заветному телефону, снял трубку и глухим, незнакомым голосом отдал команду.

На командном пункте установилась тишина. Скоро послышался первый далекий шум, грохот. Он нарастал, набирал силу, и вот уже воздух сотрясала чудовищная какофония звуков.

«Противник, находившийся в исходном для наступления положении,— писал А.М. Василевский,— понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с ней у общевойскового командования также нарушилась. Многими фа-

шистскими командирами сильная контрподготовка была принята за начало нашего наступления. Даже не зная деталей результатов контрподготовки, мы испытывали чувство большого удовлетворения ее общими итогами. Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже».

Манштейн понял, что русские догадались о начале его атаки, но остановить ее было уже невозможно. На него давила вся огромная группировка войск, изготовившаяся к броску. Да и не хотел он останавливаться, будучи абсолютно уверен в успехе. Приказ был отдан.

Примерно в такой же обстановке началось немецкое наступление на Центральном фронте.

Ватутин уже по первым докладам понял, что сражение приобрело ожесточеннейший характер, но оставался спокоен. Успокаивало то, что направление главного, а точнее, двух главных ударов он определил верно. 4-я танковая армия наносила удар на Обоянь по позициям 6-й гвардейской армии силами 5 танковых, 2 моторизованных и 2 пехотных дивизий. В передовых порядках двигались два отдельных батальона тяжелых танков «тигр» и «пантера» и дивизион штурмовых орудий «фердинанд». Второй удар по позициям 7-й гвардейской армии генерала Шумилова в направлении на Корочу наносили три танковые и три пехотные дивизии оперативной группы «Кемпф». Привлекая такие мощные силы, Манштейн как бы давал понять, что намерен прорваться в глубину обороны фронта, одним крылом ворваться по кратчайшему пути к Курску, другим выйти на тылы Юго-Западного фронта.

Донесения из 6-й и 7-й гвардейских армий пока были обнадеживающими. Массовый героизм бойцов и командиров 214-го полка 73-й гвардейской дивизии вызвал восхищение даже у видавших виды фронтовиков. В течение двенадцати часов гвардейцы сдерживали удар 120 танков и двух полков пехоты. 35 «тигров» шли впереди танкового тарана. К вечеру 39 танков и до полка пехоты уничтожили герои. Особенно отличились бойцы 3-го батальона. Только бутылками с горючей смесью они сожгли 12 машин. В живых осталось меньше трети бойцов и командиров. Остановить танковую лавину они не смогли, но значительно ослабили ее пробивную силу.

Николай Федорович приказал немедленно представить всех воинов батальона к наградам, а капитанов А.А. Бельчина, И.В. Илясова и сержанта С.П. Зорина к званию Героя Советского Союза.

Таких примеров было тысячи. В первый день Манштейну так и не удалось прорвать оборону советских войск. Он лишь вклинился на отдельных участках на 8—10 километров.

— Хочу съездить к Чистякову,— сказал после вечернего доклада в Ставку Ватутин Василевскому.— Манштейн на этом не остано-

вится. Надо посмотреть обстановку. Знаю, что в затылок Чистякову стоит танковая армия, а беспокоюсь.

— Думаю, пока причин для беспокойства нет,— ответил Василевский.— Поезжай, только не надолго. Здесь ты нужнее. Какую задачу поставил?

— Прежде всего упорной обороной измотать противника, не допустить расширения участка вклинения. Командующему 1-й танковой армией приказал на второй рубеж обороны 6-й гвардейской армии выдвинуть два корпуса и занять оборону на участке Меловое, Яковлево. Одновременно приказал выдвинуться в район Тетеревино и Гостищево 2-му и 5-му гвардейским танковым корпусам с готовностью к нанесению контрудара...

— Хорошо, завтра вечером встречаемся здесь...

Утром 6 июля Николай Федорович находился у танкистов Катукова в районе Яковлева. Приехал он сюда прямо с командного пункта Чистякова. Над головой пролетели пикирующие бомбардировщики, которых сразу же встретили советские истребители и завязали с ними бой. Грохотали артиллерийские орудия и минометы. С характерным шорохом пролетали снаряды танковых пушек. Казалось, что полоса обороны наших войск вымерла. А со стороны противника от небольшого лесочка выдвигалось значительное количество танков. Все пространство, которое просматривалось в стереотрубу, заполнили немецкие танки. Между ними двигались бронетранспортеры с пехотой, самоходные орудия.

— Да, дело не шуточное,— оторвался Ватутин от стереотрубы.— Сколько же их, сосчитали? — повернулся он к командиру корпуса генералу Гетману.— Думаю, несколько сот, не меньше.

— Около трехсот, товарищ командующий.

— Это же более ста танков на километр фронта.

Николай Федорович достал блокнот и начал быстро набрасывать боевой порядок противника, который уже открыл огонь. Танки построились своеобразным ромбом, внешнюю сторону которого составляли «тигры» и «пантеры». В глубине двигались средние танки, еще глубже — бронетранспортеры с пехотой. На флангах ромба вели огонь с остановок штурмовые орудия «фердинанд».

— Ну как, выдержите? — спросил Ватутин Гетмана.— Этот боевой порядок не нов. Я сам строил нечто подобное еще в сорок первом. Главная опасность — «тигры». Их выбивайте в первую очередь. А пехота у него обречена, если вы, конечно, выстоите. Пехоту они подвозят прямо в зону огня, откуда отступать нельзя. Одинаково: что вперед, что назад.

— Выстоим, товарищ командующий. Для нас главное — маневр. Разрешите?

— Действуйте!

Взревели моторы и, сбрасывая маскировку, танки Катукова устремились вперед. Земля стонала от разрывов снарядов, авиационных бомб и грохота танков. В небе непрерывно находились сотни самолетов, шли ожесточенные воздушные бои. В воздухе висели тучи пыли, поднятой танками, взрывами снарядов и бомб, копоти. Исчезла линия горизонта, скрылось солнце, его диск еле угадывался сквозь мглу.

Николай Федорович поспешил на свой командный пункт. По дороге попал под бомбежку, но все обошлось благополучно, хотя пришлось несколько минут пролежать в неглубокой воронке. «Юнкерсов», налетевших на их небольшую колонну, быстро разогнали советские истребители. Когда колонна тронулась, то уже армада наших бомбардировщиков и штурмовиков пошла в сторону передовых позиций. Только за этот день летчики 2-й воздушной армии совершили 892 самолето-вылета и сбили в воздушных боях около 100 самолетов. А ведь им противостояли лучшие летчики Германии из 4-го воздушного флота фельдмаршала Рихтгофена и ассы генерала Удета. Но к тому времени наши летчики заставили уважать себя любого противника. Здесь блестяще сражался младший лейтенант И.Н. Кожедуб, будущий трижды Герой Советского Союза. Здесь 6 июля совершил свой беспримерный подвиг гвардии лейтенант А.К. Горовец, сбив в одном бою 9 самолетов врага.

В конце дня, подведя итоги, Николай Федорович отмечал, что немцам пока не удалось добиться желаемого успеха, хотя благодушествовать нет оснований. На обоянском направлении, несмотря на стойкость гвардейцев Чистякова и танкистов Катукова, враг продвинулся уже на 18 километров, а на участке Яковлева вышел ко второй полосе обороны 6-й гвардейской армии.

Василевский привез из 7-й гвардейской армии более утешительные сведения, но был тоже озабочен.

— Немцы захватили небольшой плацдарм на восточном берегу Северского Донца и узким клином вышли ко второй полосе обороны армии,— показал он на карте.— Но потери у них значительны. Пока еще обстановка не критическая, но Ставка приняла решение усилить войска фронта 5-й гвардейской танковой армией Степного фронта. Армия к утру 8 июля должна выйти в район юго-западнее Старого Оскола. Из 5-й гвардейской армии передается 10-й, а из Юго-Западного фронта 2-й танковые корпуса. Все танки отдаем вам, Николай Федорович, и вполне справедливо. Думали, основной удар будет на орловском направлении, а вышло — у вас.

— Танки, это хорошо,— обрадовался Ватутин.— Думаю, это только начало. Манштейн будет наращивать усилия, и эти корпуса очень кстати. Пора наносить контрудары. Завтра стоим насмерть, а за это время подготовим контрудары.

— Какими силами?

— Полагаю привлечь 1-ю танковую армию, левофланговые соединения 40-й армии, свой главный резерв — 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Ну и конечно по прибытии — 2-й и 10-й.

— Но это же последний резерв фронта?

— А 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова? Ты же сам сказал.

— Ох и хитер, Ватутин,— улыбнулся Василевский...

На следующий день, 7 июля, атаки Манштейна возобновились. На КП фронта, где Ватутин со штабом готовили контрудар, непрерывно поступали донесения о примерах массового героизма бойцов и командиров. Наводчик противотанкового орудия сержант Данилов, подбивший еще под Сталинградом пять танков, под Обоянью встретил со своим орудием шестнадцать машин и сжег пять из них. Восемь танков сжег расчет, где наводчиком старший сержант Краснов, четырнадцать танков уничтожило орудие сержанта Курган-Малиева.

Ранним утром 8 июля Ватутин снова выехал в войска в район Обояни, куда за сутки боев не удалось прорваться немцам, как и к Короче. Только севернее совхоза «Комсомолец» и в районе села Богородицкое «тигры» прорвали вторую полосу обороны 6-й гвардейской армии и, пройдя 12 километров, вышли к тыловой полосе обороны. На участке 7-й гвардейской армии группа «Кемпф», овладев Беловской и Ястребово, продвинулась всего на 3—5 километров.

— Больше всего меня беспокоит Обоянское шоссе,— сказал Ватутин перед отъездом Иванову.— Но что бы ни произошло, контрудар начинайте строго по плану. Впрочем, к его началу я, наверно, вернусь...

В 6 часов утра вместе с командующим 6-й гвардейской армией генералом Чистяковым Ватутин находился на переднем крае. В бинокль хорошо просматривалась лента Обоянского шоссе, дальше — холмы.

— Манштейн, как и все немцы, очень неохотно отходит от схем,— сказал Ватутин, рассматривая местность,— Обязательно будет рваться по шоссе на Обоянь. За Обоянью он уже видит Курск. Кто у тебя здесь стоит?

— 3-я механизированная и 49-я танковая бригады и 67-я стрелковая дивизия. Силы хорошие, немалые.

— Но и небольшие. Манштейн наращивает удары.

— Бойцы и командиры 6-й гвардейской с честью выполнят свой долг. Не пойму, что это за населенный пункт на горизонте, на карте ведь ничего нет.

— Карта не обманывает, Иван Михайлович. Посмотри внимательно. Это скопище техники и пехоты. Одним словом, стоять на-

смерть. Я убываю в штаб фронта. Сделаем все, чтобы подрубить Манштейну крылья...

Ватутин не ошибался. После мощной артподготовки немецкие танки устремились вперед на прорыв. Более 500 машин сосредоточил Манштейн на участке всего в 30 километров. Немецкая авиация бомбила наши боевые порядки и Обоянское шоссе группами по 40—50 самолетов. Шесть часов непрерывно, стая за стаей, налетали гитлеровцы на шоссе, сбрасывая на наши позиции тысячи тонн бомб. Казалось, все живое после такой бомбежки должно погибнуть, но гвардейцы выстояли, отойдя только к концу дня на новый рубеж южнее Новоселовки, где вновь заняли оборону.

Этому чуду безусловно способствовали два контрудара, которые Ватутин нанес по флангу танкового клина противника в критический момент боя. Конечно, это были не те контрудары, которые он планировал, но значение их трудно не оценить. Удары 2-го гвардейского танкового корпуса севернее Шопино, 5-го гвардейского танкового корпуса севернее Яковлево, 2-го и 10-го танковых корпусов не могли перерасти в контрнаступление, но отвлекли часть сил противника и значительно ослабили его натиск на Обоянское шоссе. Уже вечером 8 июля Манштейн предпринял еще одну отчаянную попытку прорыва вдоль Обоянского шоссе и вышел даже на южную окраину Верхопенья, но Ватутин бросил на врага 200, 112 и 22-ю танковые бригады, два истребительно-противотанковых полка, и они остановили врага.

Сражение постепенно затихало. На левом фланге в полосе 7-й гвардейской армии немцы с большим трудом заняли два села — Мелихово и Мясоедово. А ведь здесь, на участке 92, 94 и 81-й стрелковых дивизий, действовало около 300 танков.

— Завтра для Манштейна решающий день,— уверенно сказал Ватутин на подведении итогов четвертого дня сражения.— Думаю, Гитлер не может быть доволен действиями своих войск. Но, что бы он ни думал, Манштейн потерял главное — темп.

День 9 июля действительно отличался высочайшим напряжением. К этому времени стало ясно, что на северном фасе дуги наступление провалилось и у Гитлера осталась одна надежда на Манштейна. Он исступленно гнал любимчика вперед, и тот так же исступленно выполнял его волю. Было от чего прийти в исступление, ведь на четвертый день сражения он должен быть в Курске, а на самом деле не дошел и до Обояни. Теперь Манштейн уже на десятикилометровом участке фронта сосредоточил огромные массы пехоты, которая при поддержке 500 танков рванулась вперед. Почти все самолеты Рихтгофена поднялись в воздух, его летчики совершили более 1500 вылетов. Танковые дивизии атаковали наши позиции пятнадцать раз, но темп был действительно потерян. На обоянском и корочанском направлениях враг продвинулся всего на

6—8 километров. Однако и Ватутин использовал все фронтовые резервы.

В этот критический момент Манштейн наконец оторвал свой взор от Обоянского шоссе. В Берлин полетели срочные телеграммы с просьбой о подкреплении. Манштейн уверял верховное командование вермахта, что если получит помощь, то непременно выиграет «третье наступление на Востоке». Помощь он получил.

Лучшие танковые силы, эсэсовские дивизии «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», 3-й танковый корпус, вооруженные самыми современными танками, оружием, начали перегруппировку. Манштейн поворачивал основные силы на северо-восток, чтобы, двигаясь вдоль железной дороги Белгород—Обоянь—Курск, выйти в район Прохоровки, захватить переправы на реке Псел и с прохоровского плацдарма ударить на Обоянь уже с востока, чтобы затем выйти на шоссе Обоянь—Курск.

Не бездействовал и Ватутин. Решением Ставки он получил от Степного фронта (с 24.00 9 июля. — *С.К.*) 5-ю гвардейскую, 5-ю гвардейскую танковую армии и готовил контрудар. В нем предполагалось задействовать 1-ю танковую и 6-ю гвардейскую армии, наносившие удар с рубежа Меловое, Круглик на Яковлево. Из района Прохоровки главный удар наносила 5-я гвардейская танковая армия и часть сил 5-й гвардейской армии. Тремя стрелковыми дивизиями переходила в наступление 7-я гвардейская армия.

Вечером 11 июля Николай Федорович в последний раз перед сражением заслушивал командарма 5-й гвардейской танковой армии генерала П.А. Ротмистрова и командующего 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова.

— Ваш удар будет главным,— сказал он Ротмистрову.— Специфика его в том, что Манштейн тоже наступает. Надо не только выдержать встречный удар, но и опрокинуть противника. Хватит ли сил?

— В строю более 800 танков и САУ,— немедленно ответил Ротмистров.— Построение армии в два эшелона: в первом — три танковых корпуса, во втором — механизированный корпус и мощный резерв.

— Это хорошо. Прошу еще учесть, что «тигры» и «пантеры» особенно опасны на дальней дистанции. Тридцатьчетверка до них не достает.

— Знаем, товарищ командующий. Мы специально отрабатывали приемы сближения, используя лучшую маневренность наших танков...

Так же четко и уверенно докладывал командарм 5-й гвардейской.

Ночью Ватутин выехал на КП Ротмистрова. Василевский убыл в 69-ю армию. Всю ночь кругом горели поля спелой пшеницы, дерев-

ни, а земля и без того не успевала отдохнуть от дневного зноя. Проверив в последний раз систему управления у танкистов, Ватутин заехал к Жадову и к утру вернулся на свой КП. Пожары стихли. Вместе с утренним туманом осел и угарный дым. Из-за леса поднималось горячее июльское солнце, освещая тихие берега речушки Псел, остатки домов деревни с поэтическим названием Прелестное. Ровно в 7 часов утра 12 июля взревели моторы советских танков и пошла, пошла вперед, набирая скорость, несокрушимая лавина. А навстречу ей в последнем отчаянном броске спешили эсэсовские дивизии.

О знаменитом танковом сражении под Прохоровкой, где сошлись в смертельной схватке с обеих сторон около двух тысяч танков, написано и сказано много. Итог его тоже известен всем. Хотелось только привести высказывание бывшего командира танковой дивизии СС «Мертвая голова» группенфюрера Гельмута Беккера: «Я находился на наблюдательном пункте на крыше одного из домов и наблюдал в бинокль за движением своих войск. Все танковые дивизии развернулись точно по плану и двинулись, уверенные в успехе наступления. В этот момент я заметил на горизонте тучи пыли. Нельзя было разглядеть, кто их поднял, но они все увеличивались в размерах, а вскоре из этих туч стали появляться русские танки. «Это русские двинули свои резервы», — сказал я своему начальнику штаба и понял, что теперь наступление будет сорвано и что битву за Курск мы проиграли».

Вот так, еще 12 июля, гитлеровский генерал понял, какой его ожидает финал.

Надо сказать, что наши военачальники к тому времени еще не были уверены в своей победе. 13 июля на КП Воронежского фронта прибыл Жуков. Там же находился командующий Степным фронтом Конев. Все они пришли к единодушному мнению, что об окончательном успехе еще говорить рано.

Николай Федорович в первый раз вздохнул спокойно, пожалуй, только в ночь на 15 июля. Днем фотограф одной из авиационных частей, обрабатывая пленку, обнаружил в глубине боевых порядков противника свежевырытые окопы и траншеи. Но только через несколько дней Ватутин с уверенностью донес в Ставку:

«Контрудар 5 гв. ТА Ротмистрова и 5 гв. А Жадова начался 12.7.43 г. в 8 часов 30 минут. В результате контрудара правый фланг Жадова продвинулся около 4 км, а левый фланг был потеснен танковыми частями противника также около 4 км.

Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2 и 2 гв. тк, непосредственно юго-западнее Прохоровки на узком фронте сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17 тд противника, которые двинулись навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение.

Противник потерпел здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед. Правда, Ротмистров не вводил в бой своего мехкорпуса и отряда Труфанова, которые частично использовались для парирования ударов противника по армии Крюченкина и по левому флангу армии Жадова.

Одновременно с этим Катуков с Чистяковым нанесли ряд ударов по 48 тк противника, причинив ему значительные потери.

В результате этих боев главная группировка противника окончательно была обескровлена и разгромлена. 13.7.43 г. противник производил слабые атаки на прохоровском, обоянском и ивнянском направлениях, а 14.7.1943 г. перешел здесь к обороне и продолжал проявлять активность лишь против Крюченкина. Однако было ясно, что и против Крюченкина он выдохся, силы его были истощены...

На корочанском направлении противник, оттеснив 7 гв. армию Шумилова к востоку от Крутой Лог, силами 3 тк (6, 7 и 19 тд), 167, 168 и 198 пд устремился на северо-восток против армии Крюченкина и к 15.7.43 г. добился здесь некоторого территориального успеха, овладев Мал. Яблоков, Плота, Ржавец, Выползовка и Александровка.

Однако уже 12 и 13.7 армия Крюченкина за счет ресурсов фронта была усилена десятью иптапами, одним полком РС, одним танковым полком, а затем и одной тяжелой пушечной бригадой. Кроме того, части Крюченкина поддерживались частью сил 5 мк и отряда Труфанова из армии Ротмистрова. Это усиление дало возможность нанести большие потери противнику и остановить его наступление.

Противник с утра 16.7 на участке Крюченкина перешел к обороне. 7 гв. армия Шумилова провела несколько контратак, приковывая на себя тем самым часть сил противника...

Как только противник перешел к обороне, начались контратаки наших войск и сильная боевая разведка. Вскоре был обнаружен отход противника. Войска Воронежского фронта начали немедленно преследовать противника и к исходу 23.7.43 г. восстановили положение»[1].

В этом донесении, по сути дела, представлена вся картина Курской битвы на южном фасе дуги, но выводы Ватутин смог сделать только спустя еще несколько дней. После двадцатисуточной тяжелейшей борьбы Николай Федорович докладывал:

«I. План противника сорван. Нигде противнику не удалось прорвать нашего фронта. Он лишь потеснил наши войска на глубину до 40 км.

[1] ЦАМО. Ф. 236, оп. 2673, д. 6, л. 48—51.

Противник втянул в эту операцию все свои резервы с юга, стянул сюда свою авиацию. Это дало возможность в более легких условиях начать наши наступательные операции в районе Орла и на юге.

Противник, стянув в район Белгорода крупные силы и не достигнув цели, понес огромные потери и потерпел поражение...

При отходе противник оставил на поле боя трофеи — орудия, машины и другое военное имущество, большей частью разбитое. Много подбитых танков и машин он эвакуировал. Трофеи подсчитываются.

К настоящему времени противник до пяти-шести довольно потрепанных дивизий направил для действий против ЮЗФ, ЮФ и в район Орла. Остальные его силы сели на старом оборонительном рубеже.

II. Войска фронта проявили большое упорство в обороне... Ни одна часть не погибла и в окружение не попала. Большую маневренность проявили иптаповские полки и ибр. Менее маневренными оказались танковые соединения. Все части фронта налицо...

к 15.7.43 г., т. е. к моменту перехода противника к обороне, а также и в настоящее время войска фронта вполне боеспособны...

к 20.7.43 г. войска Воронежского фронта несколько пополнены людьми и матчастью. Стрелковые дивизии 6 гв. армии имеют каждая по 5300 человек.

III. Работа авиации носила напряженный характер. Авиация Воронежского фронта за период с 5 по 17.7 произвела 10 821 самолето-вылет.

IV. Общий вывод: к настоящему времени войска фронта, нанеся поражение противнику и восстановив свое прежнее положение, способны вести активные наступательные действия...»[1]

Это донесение Николай Федорович писал, когда уже наступали войска Западного, Брянского и Центрального фронтов, когда началось долгожданное освобождение Донбасса Южным и Юго-Западным фронтами. Ох, как хотелось ему, при его столь нетерпеливом характере, тоже рвануться вперед, но он понимал, что фронту в оборонительных боях досталось, как никому, что нужно время для пополнения сил. К сожалению, и тогда и много лет спустя не все военачальники, а позже и историки поняли, почему на северном фасе Курской дуги немцы продвинулись на расстояние несколько километров, а на южном — на 35 и даже 40. Не только мемуаристы, но и серьезные исследователи ставили это в вину командованию Воронежского фронта, упрекали за неспособность правильно построить и организовать оборону. Трудно сказать, с какой целью появились сомнения в полководческом таланте Н.Ф. Ватутина.

[1] ЦАМО. Ф. 236, л. 52—61.

Даже такой глубоко уважаемый военачальник, как К.К. Рокоссовский, писал: «Центральный фронт правильнее расставил силы. Мы сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял главную угрозу, и враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский фронт решал задачу обороны иначе: он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно этим я объясняю причину, почему враг, наносивший удар (как и у нас) на узком участке, смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы и резервы Ставки».

Думается, Константин Константинович в понятном стремлении выделить войска своего фронта ошибался. Все командующие, будучи большими патриотами своих фронтов, подчас теряли объективность. Кстати, и Николай Федорович в этом не исключение. Но мы уже приводили цифры концентрации войск на Воронежском фронте, и говорить о распыленности сил невозможно. Более объективным был Жуков, который, кстати, был представителем Ставки как раз на Центральном фронте. «Что касается оборонительного сражения на фронтах,— писал маршал,— то не надо забывать, что по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес свой удар почти пятью корпусами (2-й танковый корпус СС, 3-й танковый корпус, 48-й танковый корпус, 52-й армейский корпус и часть корпуса «Раус»), тогда как по обороне Центрального фронта — тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода.

В отношении личных способностей в оперативно-стратегических вопросах командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина должен со всей объективностью заявить: это был высокоэрудированный и мужественный военачальник».

Думается, Николай Федорович тоже догадывался о неоднозначной оценке деятельности Военного совета Воронежского фронта и оттого еще более усердно готовился к скорому наступлению. По сути, предстояло ввести в действие ранее разработанный план операции «Полководец Румянцев», правда, не без некоторых уточнений.

В соответствии с этим планом войска Воронежского и Степного фронтов наносили из района Белгорода удар смежными флангами в общем направлении Богодухов—Валки—Нов. Водолага в обход Харькова с запада. С выходом войск в район Харькова переходил в наступление Юго-Западный фронт, 57-я армия которого наносила удар в обход Харькова с юго-запада. После решения этой задачи открывалась возможность продвижения к Днепру и выхода в тыл донбасской группировки противника. Координировал действия

фронтов представитель Ставки Жуков. На подготовку операции отводилось чуть больше недели.

Понятно, что в условиях только что закончившегося оборонительного сражения, когда войска понесли значительные потери, несколько расстроилась работа тыла, поэтому готовить операцию в столь сжатые сроки было чрезвычайно трудно. Но Николай Федорович не замечал трудностей. Снова бегал по фронтовым дорогам его юркий «виллис», снова видели его на станциях выгрузки пополнения и боевой техники. И вновь вечерами он засиживался за картой. В этой операции Ватутин решил применить несколько новинок. Одна из них — проведение масштабных маскирующих и дезинформационных мероприятий. И чтобы отвлечь противника от направления главного удара, командующий приказал имитировать развертывание общевойсковой и танковой армий. Ночами шумели трактора, строились ложные склады, аэродромы. Надо сказать, что это себя оправдало. Уже после начала наступления Воронежского фронта в направлении Богодухов и Валки немцы еще держали на суджанском направлении, где имитировалась концентрация сил, значительные резервы.

1 августа Ватутин докладывал Жукову решение на наступательную операцию Воронежского фронта:

— Главный удар буду наносить силами 5-й и 6-й гвардейских армий, которые наступают в первом эшелоне в общем направлении на Валки и Нов. Водолагу. После того как общевойсковые армии прорвут оборону, ввожу в прорыв 5-ю гвардейскую и 1-ю танковые армии. Плотность артиллерии на участке прорыва общевойсковых армий — 230 орудий и минометов на километр фронта, танков — до 70 машин. Полоса прорыва для дивизии составляет 3 километра. Одновременно на правом фланге переходят в наступление 40-я и 38-я армии при поддержке 10, 4, 5-го гвардейских танковых корпусов в направлении на Грайворон и далее на Тростянец и Ахтырку.

— Ну что ж, Николай Федорович, буду поддерживать твое решение в Ставке. Особенно впечатляет ввод сразу двух танковых армий. Не много ли?

— Никак нет. Я все вспоминаю Манштейна и как он потерял темп. Группировка у немцев серьезная, в общей сложности 18 дивизий, в том числе 4 танковые, двухполосная система обороны. Задержка на передовых рубежах отрицательно скажется и на действиях Степного фронта. Ему практически сразу надо решать задачу по взятию Белгорода. Если мой прорыв будет удачен, немцам придется думать уже не о Белгороде, а о Харькове.

— Хорошо, будем докладывать в Ставку.

Утром 3 августа после мощнейшей огневой подготовки пехота 5-й и 6-й гвардейских армий поднялась в атаку. Эффект от огнево-

го налета был настолько силен, что уже к 13 часам войска 5-й гвардейской армии продвинулись на 5 километров, прорвав первую полосу обороны противника. Сразу же Ватутин ввел в бой две танковые армии. Это была его вторая новинка. Удар их был настолько силен и стремителен, что к исходу дня танкисты Катукова и Ротмистрова продвинулись на 30—35 километров, завершив тем самым разгром тактической обороны врага.

Один из героев прорыва командующий 1-й танковой армией М.Е. Катуков вспоминал: «Во вражеской обороне образовался коридор, в который и были введены войска двух танковых армий — 1-й и 5-й гвардейской. В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв. Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывали с воздуха эскадрильи «яков». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта. Пройдя коридор прорыва, корпуса развернулись и вступили в бой с гитлеровцами».

Развернулись, да так, что только 4 августа мобильная группа фронта прошла с боями 50 километров.

В сорок пятом году суточный темп наступления будет доходить и до 70 километров, но в сорок третьем такой темп можно назвать фантастическим. Рисковал ли Ватутин? Конечно, рисковал. И тогда и сейчас бытует мнение, что Ватутин зарывался при проведении наступательных операций. Думается, это не совсем верно. Во-первых, кому-то надо было рисковать. Во-вторых, так называемая поспешность Ватутина почти всегда поощрялась Ставкой, исходила из ее требований.

Как бы то ни было, а Николай Федорович не ошибся в своих предположениях. Тогда Степной фронт не имел мощных средств прорыва, наступал медленно, пройдя за первые сутки лишь 15 километров и застряв у белгородского оборонительного рубежа. Трудно сказать, сколько бы понадобилось времени на взятие Белгорода, если бы не выход Воронежского фронта во фланг белгородской группировки врага. Почувствовав угрозу окружения, немцы в ночь на 5 августа начали отвод своих войск, и в 6 часов утра первые дивизии Степного фронта ворвались в Белгород. Вечером Москва салютовала в честь войск Брянского, Западного, Центрального фронтов, занявших Орел, и войск Степного фронта, который во взаимодействии с Воронежским фронтом взял Белгород.

В штабе Воронежского фронта не слышали этих салютов. Для Николая Федоровича и его войск лучшим салютом был гром пушек танкистов. 1-я танковая армия, пройдя уже более 100 километров, к исходу 7 августа овладела городом Богодухов — важным опор-

ным пунктом обороны Харькова. 5-я гвардейская танковая армия с боем взяла Казачью Лопань — главный узел сопротивления, прикрывающий Харьков с северо-запада.

Двойной танковый кулак расколол вражескую оборону на две части. Между 4-й танковой армией немцев и оперативной группой «Кемпф» образовалась брешь в 55 километров.

Ватутина перестали интересовать сведения о гибели и пленении гитлеровских генералов, взятии знамен и штандартов, и само донесение о разгроме 19-й танковой дивизии врага он воспринял спокойно. Гораздо больше командующего Воронежским фронтом волновали потери своих войск. Их больнее подсчитывать в минуты побед и торжества.

Обстановка в районе Харькова складывалась в нашу пользу, но чувствовалось, что так просто фашисты город не отдадут. Гитлер приказал Манштейну удерживать Харьков любой ценой, опасаясь за судьбу Донбасса. Генералам разрешалось применять любые репрессивные меры против солдат и офицеров, проявивших слабость и нестойкость в обороне.

Тем временем для усиления группировки Степного фронта, которым командовал Конев, Ставка 8 августа передала ему 57-ю армию генерала Н.А. Гагена из Юго-Западного фронта, а 9 августа — 5-ю гвардейскую танковую армию из Воронежского фронта. О замедлении наступления или приостановке не было и речи. Наоборот, 10 августа Ватутин получил предписание Ставки, которое гласило: «Изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова. Для этой цели 1-й танковой армии — перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа»[1].

Выполняя эти указания, Ватутин приказал увеличить темп наступления. 11 августа его войска перерезали железную дорогу Харьков—Полтава и создали реальную угрозу глубокого охвата всей харьковской группировки. Войска Конева вплотную подошли к внешнему оборонительному обводу Харькова. Но сопротивление врага нарастало. Как ни близок был Степной фронт от Харькова, большую опасность для Манштейна все-таки представляли глубокие прорывы Воронежского фронта. К 11 августа Манштейн сосредоточил в районе Богодухова мощную группировку из лучших танковых дивизий СС — «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг» и нанес удар по передовым частям 1-й танковой армии и левому флангу 6-й гвардейской армии.

[1] ЦАМО. Ф. 135, д. 34, л. 187.

Догадывался ли Ватутин о возможном контрударе противника? Вероятно, догадывался. Не мог не догадываться, думается, он даже ждал его и находился в уверенности, что сумеет выстоять. И это несмотря на то, что 1-я и 5-я гвардейская танковые армии были серьезно ослаблены в предыдущих боях. 1-я насчитывала всего 134 боеготовых танка, 5-я — 155. В этой связи характерен разговор, который состоялся у него с командующим 1-й танковой армией генералом Катуковым.

— Советую обороняться в одноэшелонном построении,— сказал Ватутин. — Разворачивайте на переднем крае все три корпуса, организуйте подвижные засады на высотах, опушках рощ, на окраинах населенных пунктов. Для сведения: против вас действует 3-й танковый корпус противника. Это показал только что захваченный в плен танкист, обер-лейтенант. Он же раскрыл и цель этого контрудара — выйти в тыл ударной группировки нашего фронта и поставить нас в критическое положение. Сил для этого у фашистов более чем достаточно — до 400 танков.

— Да и авиации немало,— вздохнул на другом конце провода Катуков. — Самолеты все время над нами висят. Бомбят беспрерывно.

— Понимаю, трудно, Михаил Ефимович. Но нужно выстоять во что бы то ни стало. На вашу армию сейчас вся надежда.

— Выстоим.

Несмотря на упорные атаки, танковым дивизиям врага, считавшимся лучшими в вермахте, к тому же пополненным новой материальной частью, так и не удалось прорвать оборону советских войск южнее Богодухова и выйти к городу. В боях 11—17 августа они лишь потеснили наши соединения к северу, но, понеся ощутимые потери, вынуждены были перейти к обороне.

На этом испытания Воронежского фронта не кончились. Ватутин не сомневался, что Манштейн нанесет новый удар. Еще шли бои южнее Богодухова, а немцы начали накапливать силы в районе Ахтырки, готовя удар с северо-запада под самое основание нашего клина. Разведка фронта вскрыла замыслы врага. Не знал Ватутин только того, что Манштейн сосредоточил здесь не меньшие силы, чем под Богодуховом: моторизованную дивизию СС «Великая Германия», 10-ю моторизованную, 17-ю , 11-ю дивизии и остатки 19-й танковой, 51-й и 52-й отдельные батальоны тяжелых танков.

В этой сложной обстановке Ватутин был вынужден обратиться к представителю Ставки Жукову с просьбой о помощи. Тот только что прибыл на КП фронта.

— Если говорить только об обороне,— докладывал Ватутин,— то войска фронта выдержат этот контрудар. Я же прошу резервы в расчете на будущее наступление...

— Можешь меня не убеждать,— прервал его Жуков.— Я согласен. Обстановка действительно тяжелая. Буду поддерживать твою просьбу...

В тот же день в распоряжение Воронежского фронта была передана 4-я гвардейская армия и выдвинута 47-я армия.

Поэтому, когда 18 августа Манштейн предпринял из района Ахтырки контрудар, Ватутин оставался относительно спокоен. Удар приняла на себя 27-я армия, значительно ослабленная в предыдущих боях. Николай Федорович убедительно просил командарма генерала С.Г. Трофименко сделать все возможное и невозможное, чтобы удержать врага. Требовалось выиграть время. Однако под напором превосходящих сил врага армия начала медленно пятиться назад. К исходу дня обстановка осложнилась. Враг вклинился в оборону на 24 километра. Манштейн для развития успеха срочно бросил из района южнее Ахтырки в направлении на Колонтаев танковую дивизию СС «Мертвая голова». И все-таки Ватутин оставался спокоен. Забеспокоился он лишь однажды, когда выяснилось, что запаздывает с вводом в сражение 4-я гвардейская армия. Действительно, в то время, как правое крыло Воронежского фронта — 38, 40 и подходившая 47-я армии успешно развивали наступление, охватывая контратакующие части Манштейна, 4-я гвардейская армия отставала. Командовал ею один из выдвиженцев Сталина, его соратник еще по Царицынскому фронту, бывший маршал, а теперь генерал Г.И. Кулик. Это он в предвоенные годы вместе с «первым красным офицером» К.Е. Ворошиловым инициировал расформирование танковых корпусов, способствовал развалу Главного артиллерийского управления, а потом в годы войны с трудом справлялся с командованием армиями, ставя их в тяжелое положение то под Ленинградом, то на юге страны. Вот и в этот сложнейший для Воронежского фронта момент он едва не погубил наметившуюся операцию. Спасло положение вмешательство Жукова. «Для его (прорыва. — *С.К.*) ликвидации,— писал потом маршал,— в сражение была дополнительно включена 4-я гвардейская армия, прибывшая из резерва Ставки. Командовал ею генерал Г.И. Кулик. К сожалению, он плохо справлялся со своими обязанностями, и вскоре его пришлось освободить от командования».

С вступлением в сражение 4-й гвардейской армии, ударившей по Ахтырке с северо-востока, немецкие танки удалось окончательно остановить. Манштейн перешел к обороне. Но Ватутин не зря просил у Ставки резервы. Он продолжал наращивать удары, и в период с 22 по 25 августа его войска разгромили вражескую группировку в районе Ахтырки и взяли город. Срыв двух контрударов Манштейна окончательно вернул инициативу в районе Харькова советским войскам. 22 августа, во второй половине дня, опасаясь возможного окружения, гитлеровцы оставили Харьков. К полудню

23 августа город был полностью очищен от врага частями Степного фронта, как отмечалось в приказе Верховного Главнокомандующего. Вечером того же дня Москва салютовала 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Вновь, как и в битве за Белгород, слава лишь краешком коснулась войск Воронежского фронта, хотя совершенно очевидно, что, не будь блестящих фланговых прорывов ватутинцев, операция, по меньшей мере, затянулась бы на неопределенное время.

Сам Ватутин в ходе боев не раз вызывал недовольство Верховного. Вот одна из разгромных директив Сталина в адрес Военного совета Воронежского фронта и лично Ватутина: «События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям. При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии... и, наконец, противник нанес удар из района Ахтырки на юго-восток, по тылам 27-й армии, 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные потери, а также было утрачено выгодное положение для харьковской группировки противника. Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы ликвидация ахтырской группировки противника как наиболее важная задача была выполнена в ближайшие дни. Это вы можете сделать, так как у Вас есть достаточно средств. Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче — ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали неосуществимы.

И. Сталин»[1].

Слов нет, документ впечатляющий, показывает твердость Верховного, умение держать управление войсками в своих руках. Все так, если бы эта директива пришла в войска 10 или 11 августа. Вот тогда проявилось бы гениальное предвидение Ставки и Верховного. А как мы помним, в то время в войска пошла другая директива, требовавшая наступать и еще раз наступать. Ну а эта директива

[1] ЦАМО. Ф. 13, д. 11556, л. 260.

пришла на Воронежский фронт 22 августа, когда вопрос с ахтырской группировкой врага был уже практически решен.

Все это отнюдь не означает, что действия командующего Воронежским фронтом были безукоризненны. Безусловно, были и просчеты, но они были у всех наших прославленных полководцев.

Небезынтересно отметить, что как раз в эти дни Верховный посылал весьма резкие, обидные телеграммы и Жукову, и Василевскому. Обвинения, которые Сталин выдвигал против них, были необоснованными и не повлекли, как и в случае с Ватутиным, каких-то конкретных мер, но незаслуженно обижали. «Эта телеграмма потрясла меня,— писал впоследствии А.М. Василевский.— За все время своей военной службы я не получил ни одного даже мелкого замечания или упрека в свой адрес».

Думается, к этому времени Сталин уже стал достаточно хорошо разбираться в военно-стратегических вопросах и уверился в будущей победе. А потому стал принижать роль командующих фронтами, представителей Ставки и умело повышать свою. Этими телеграммами он как бы сигнализировал маршалам и генералам, чтобы они не высовывались дальше положенного.

Жуков по этому поводу писал: «Под конец войны, точнее после битвы на Курской дуге, Сталин в целом неплохо разбирался в военных вопросах.

Однако здесь я должен подчеркнуть то, что Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командиров корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленными Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимых операций...

А когда враг был изгнан из пределов нашей Родины и операции были перенесены на территории Польши, Восточной Пруссии, Чехословакии, Сталин вообще ликвидировал институт представителей Ставки...

Расчет был ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим командованием, т.е. повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранивший Кутузова от главного командования и принявший на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Но пока до победного сорок пятого было далеко. Наши войска только-только почувствовали вкус настоящей победы. За пятьдесят дней жесточайших боев на Курской дуге Красная Армия разгромила 30 дивизий, в том числе 7 танковых. Вермахт потерял более полумиллиона солдат и офицеров, 1500 танков, более 3000 орудий и минометов, свыше 3700 самолетов. Первый танкист рейха Гейнц Гудериан впоследствии признавал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на Западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику...»

Вот главный итог летней кампании 1943 года. И войска Воронежского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина внесли большой вклад в общую победу.

В БОЯХ ЗА ДНЕПР И КИЕВ

Отход гитлеровских войск с Курской дуги и из-под Харькова позволил командованию вермахта сократить линию фронта. Это обстоятельство, а также предположение, что русские понесли большие потери, питали у Гитлера надежду, что советское наступление можно остановить, хотя он не исключал возможности, что придется отступать за Днепр. Думается, поэтому еще 11 августа он отдал приказ о форсированном строительстве оборонительного рубежа по Днепру. Сразу после падения Харькова Гитлер заявил: «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его — эту мощную водную преграду 700—900 метров ширины, правый берег которой представляет цепь непрерывных дотов, природную неприступную крепость».

Но его надежды не сбылись. Учитывая благоприятную обстановку, Ставка приказала начать общее стратегическое наступление на фронте от Смоленска до Северного Кавказа с целью освобождения Левобережной Украины, выхода к Днепру, его форсирования и дальнейшего освобождения всей Украины. Эту задачу должны были решить Центральный, Воронежский, Юго-Западный и Южный фронты. Им противостояли войска немецкой группы армий «Юг» в составе 1-й и 4-й танковых, 6-й и 8-й полевых армий и 2-й полевой армии группы армий «Центр». В общей сложности вражеская группировка насчитывала 1 240 тыс. солдат и офицеров, 12 600 орудий и минометов, 2100 танков и штурмовых орудий, 2000 боевых самолетов. Командовал ею фельдмаршал Манштейн.

Наши фронты могли противопоставить 2 633 тыс. человек, 51 200 орудий и минометов, 2400 танков и САУ, 2850 самолетов. Как видим, силы не намного превосходящие противника.

7 августа началась Смоленская операция, а вслед за ней, 13 августа, Донбасская операция Юго-Западного и Южного фронтов. 26 августа перешли в наступление войска Центрального фронта, наносившие главный удар в направлении Новгород-Северский. Продолжали наступать, хотя и несколько медленней, Воронежский и Степной фронты. Особой оперативной паузы противник не получил, а успешное продвижение войск Центрального фронта на

Северную Украину заставило высшее руководство рейха признать главным направлением Киевское.

Ватутин не сомневался, что в ближайшее время войска фронта поведут наступление на Украину. Весь вопрос только — где? Но после разговора с первым заместителем начальника Генерального штаба Антоновым вопрос, кажется, начал проясняться. Разговор этот произошел еще под Ахтыркой. В штабе фронта в это время находился и Жуков. Антонов торопился и, спросив разрешения у Жукова, сразу приступил к главному:

— Прибыл я по указанию товарища Сталина для постановки конкретных задач перед командованием фронтов Юго-Западного направления. Ставка располагает сведениями, что враг надеется отсидеться за Днепром, втянуть нас в позиционную войну. Второго фронта в этом году, видимо, не будет, а события на Сицилии не отвлекли с Восточного фронта ни одной дивизии. Поэтому перед Воронежским фронтом стоит задача с ходу форсировать Днепр и захватить Киев...

— Киев — это главное, — вмешался Никита Сергеевич Хрущев. — Центральный Комитет компартии Украины и правительство республики готово к работе. Взятие Киева — не только военная, но и политическая задача.

— Правильно, — продолжил Антонов, — так думает и Верховный. Какие у вас, товарищи, на этот счет мнения? Что мне доложить в Ставке?

— Я уже докладывал Верховному, — первым прервал молчание Жуков, — что для этого потребуются значительные резервы. Войска измотаны боями, понесли большие потери в людях и технике. Если в короткое время сумеем пополнить войска и накопить резервы, задачу решить можно. Видимо, придется провести некоторую перегруппировку сил и средств между фронтами.

— Потери большие, — поддержал Жукова Ватутин, — надо призывать мужское население освобожденных районов. И еще. Энтузиазм войск после наступательных боев очень высок. Надо поддерживать людей морально. Мы за короткое время форсировали реки Воронеж, Сосну, Сейм, Тим, Хорол, Оскол, Корочу, Северский Донец, но что они по сравнению с Днепром? Не стоит скупиться на награды, за форсирование Днепра в числе первых можно представлять к званию Героя...

— Хорошо, все ваши предложения будут доложены Верховному.

Ставка положительно отреагировала на предложения командующих фронтами. 6 сентября вышла директива, согласно которой Воронежскому фронту передавалась 3-я гвардейская танковая армия. Центральный фронт получил из резерва Ставки 61-ю армию и три кавалерийские дивизии. Так как на полтавском направлении

враг оказывал упорное сопротивление, Ставка усилила наступавший здесь Степной фронт 37-й армией из резерва, 5-й гвардейской армией Воронежского фронта и 46-й армией Юго-Западного фронта. Учтено было и пожелание Ватутина. В директиве Ставки от 9 сентября говорилось: «В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придется преодолеть много водных преград. Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных реке Десна и реке Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск...

За форсирование такой реки, как Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования представлять к наградам:

1. Командующих армиями — к ордену Суворова 1-й степени.

2. Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова 2-й степени.

3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов — к ордену Суворова 3-й степени.

За форсирование такой реки, как река Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза».

Представлять к высокому званию Героя разрешалось и весь личный состав, форсировавший реку в числе первых и проявивший при этом героизм.

Получив эту директиву, Николай Федорович приказал немедленно провести в войсках разъяснительную работу, а сам с Жуковым засел за план наступательной операции Воронежского фронта на киевском направлении. Этот план, вскоре утвержденный Верховным, предусматривал нанесение главного удара правым крылом фронта силами 38, 40, 3-й гвардейской армий, трех танковых и кавалерийского корпусов. Этой группировке предстояло глубоко охватить войска группы армий «Юг» с севера, выйти в общем направлении на Киев к Днепру, форсировать реку на участке Ржищев, Канев и в дальнейшем продолжить операции на Правобережной Украине. Вспомогательный удар наносили 47, 52 и 27-я армии с ближайшей задачей перерезать коммуникации врага Полтава — Киев, развивая наступление на Черкассы. Подвижные соединения должны были выйти к Днепру 26—27 сентября, главные силы общевойсковых соединений — к 1—5 октября. Характерной особенностью являлся широкий фронт наступления. Ватутин считал, что это позволит подойти к реке по всей полосе наступления и облегчит ее форсирование.

10 сентября войска фронта перешли в наступление, прорвав оборону немцев юго-восточнее города Ромны. Уже через трое суток 40-я армия генерала К.С. Москаленко, форсировав на широком

фронте реку Сула, освободила город Лохвица. Наступление советских войск развивалось так стремительно, что верховное командование вермахта пришло к мнению о невозможности задержать русских на Левобережной Украине. 15 сентября Гитлер отдал приказ об отводе войск группы армий «Юг» на линию Мелитополь — Днепр. В конце директивы указывалось: «Эту позицию удерживать до последнего человека». Понимая, что отступление с Левобережной Украины грозит развалом всему южному крылу Восточного фронта, командование вермахта спешно укрепляло это направление. Десять дивизий перебрасывалось сюда с Центрального фронта, две дивизии — из группы армий «Север», пять дивизий — из Крыма и с Таманского полуострова. Сам отвод войск проходил при упорном сопротивлении на промежуточных рубежах. Так что для наших солдат, уставших от предыдущих боев, это была отнюдь не легкая прогулка.

Немцы отходили к постоянным переправам у Киева, Канева, Кременчуга, Черкасс, Днепропетровска, осуществляя изуверский план выжженной земли. В приказе высшему руководству войск СС на Украине Гиммлер требовал: «Необходимо добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не осталось в сохранности ни одного дома, ни одной шахты... ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну... Сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого».

Сколько же мужества, душевных сил надо было иметь нашим бойцам, когда они увидели сожженные родные хаты, тела родных и близких, замученных гитлеровцами! В эти дни только смерть могла остановить солдата. Раненые не хотели идти в госпитали. Об одном из таких случаев рассказывала фронтовая газета «За честь Родины». Командующий фронтом, обгоняя на фронтовой дороге тягач с орудием, увидел на его лафете раненого бойца и остановился.

— Что, брат, тяжело? — спросил его Ватутин. — В госпиталь тебе надо!

Раненый, приподнявшись на локоть, ответил:

— Ось, подывлюсь трохи на Днипро, тоди и в хоспиталь.

Ватутин стал убеждать бойца, и тогда за раненого вступился старший сержант, наводчик орудия:

— Разрешите ему, товарищ генерал, остаться. Он родился тут, не хочет умирать, не увидев Днепра.

— Вылечится, выздоровеет и увидит Днепр, — настаивал Ватутин...

В один из дней стремительного наступления Хрущев принес на утверждение решение Военного совета.

— Душа плачет, Николай Федорович, когда вступили на опаленную землю Украины, — сказал он озабоченно. — Что же творят фашисты? А пора думать и о гражданских делах... Ну сейчас не об этом. Прочитайте решение по фронтовым проблемам.

В решении Военный совет давал указания о развертывании сети новых госпиталей в Сумской области, дабы максимально приблизить их к войскам. Говорилось об оборудовании военных автодорог медицинскими пунктами, банями, помещениями для ночлега, напоминалось начальникам дорог, чтобы они не забыли сделать на контрольно-пропускных пунктах, где скапливаются раненые, приставные лесенки для их подъема на машины.

— Все хорошо, Никита Сергеевич, — удовлетворенно кивнул Ватутин. — Помимо этого я предлагаю издать еще специальный приказ, указывающий командирам на недостатки в обеспечении солдат вещевым имуществом и продовольствием. Несмотря на отрыв от тылов, надо потребовать усиления заготовок продовольствия и улучшения питания бойцов...

Приказы Ватутина выполнялись безукоризненно. Все хозяйственники фронта — от начальника тыла до старшины роты — знали, что их в любой момент может проверить сам командующий фронтом, и уж тогда пощады не жди.

А войска рвались к Днепру. Впереди всех наступали 40-я армия Москаленко и 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко. 20 сентября Ватутин прибыл в 40-ю армию.

— Кирилл Семенович, — сказал он после доклада командарма, — судя по виденным мной щитам и указателям, наглядная агитация у тебя на высоте. Обязательно покажу Хрущеву твои плакаты. — Ватутин достал из кармана листок и зачитал: — «Герои Волги и Дона, вас ждет Днепр! Преследуйте врага, не давайте ему передышки!» Или вот: «До Днепра — один переход. Вперед, советские воины!» Ну, а как на самом деле? Совпадают темпы наступления с плакатами?

— Так точно, товарищ командующий, — ответил Москаленко. — Может быть, не совсем быстро наступаем, но достаточно уверенно. От тылов оторвались, да и подустали солдаты. Вперед идем ведь с боями.

— Согласен с тобой, но надо спешить. Передышка обязательно будет. Надо только выйти на Днепр. Вчера Военный совет ввел в бой подвижную группу фронта. 3-я гвардейская танковая и 1-й гвардейский кавкорпус увеличили темпы наступления, но и ты не отставай. Пока твоя армия ближе всех к Днепру, обогнать тебя может только Рыбалко. Ну как?

— Будем стараться, товарищ командующий.

— Старайтесь. Но главное — не опередить танкистов и быть готовыми к серьезным осложнениям на реке. Судя по разведданным,

вряд ли удастся захватить переправы целыми. Так что рассчитывать надо только на себя, не упустить момента и форсировать Днепр с ходу. Иначе много людей погубим в борьбе за плацдармы. А за танкистами не гонитесь!

Ватутин не ошибся в прогнозах. С введением в бой в направлении Переяславль-Хмельницкий подвижной группы темп наступления правого крыла и центра Воронежского фронта резко возрос. Войска выходили к Днепру в полосе шириной до 70 километров. Впереди главных сил 3-й гвардейской танковой армии на расстоянии 40 километров двигался передовой отряд танков и мотострелков, проходя в сутки по 75 километров. Вечером 22 сентября 51-я танковая бригада вышла к Днепру в районе Ржищева и Вел. Букрина.

Переправы, как и ожидалось, оказались разрушенными, и передовому мотострелковому батальону пришлось срочно ремонтировать полузатопленный паром. Предстояло форсировать реку и захватить населенный пункт Зарубенцы. Уже стемнело, когда командир батальона направил четырех добровольцев на вражеский берег. В темноту ушли бойцы В.Н. Иванов, Н.Е. Петухов, И.Д. Семенов и В.А. Сысолятин. Скоро вся страна узнала об их подвиге. Гвардейцы получили задачу переправиться через Днепр, скрытно выйти на окраину села Григоровка и по сигналу ракеты вступить в бой. Главное — навести среди гитлеровцев панику, отвлечь их внимание и дать возможность переправиться через Днепр основным силам батальона. В помощь разведчикам командир партизанского отряда Примак предоставил лодку и партизана.

Еще совсем молодые ребята шли практически на верную смерть. Василию Сысолятину и Николаю Петухову было по 18, Ивану Семенову — 19, самому старшему, Василию Иванову — 20 лет. На 70—100 метров круто возвышался над зеркалом реки противоположный берег и казался совсем неприступным. Пригнувшись, ребята сбежали к воде. В лодке молоденький партизан обматывал тряпками уключины.

— Это зачем? — спросил старший группы Петухов.

— Чтобы не скрипели, — ответил парень и улыбнулся.

Лодка бесшумно достигла небольшого островка на середине реки. Там гвардейцы пересели в другую лодку. На этой половине дистанции немцы все-таки заметили ребят или, точнее, какое-то движение. Побросав с десяток мин и построчив из пулемета, они замолчали. Храбрецы налегли на весла, достигли мелководья, и Петухов скомандовал: «За мной!» Скрытые отвесным берегом, становясь друг другу на плечи, полезли автоматчики наверх. Бесшумно сняли часовых. До села несколько сот метров преодолели бегом. На окраине Петухов пустил красную ракету и бросил гранату в стоявший у крайней хаты грузовик. Рядом застучали автоматы друзей.

Могли ли знать отважные воины, что в селе разместился целый саперный батальон? Но, если бы и знали, все равно вступили бы в бой.

Около часа длился неравный бой на окраине Григоровки. Пал смертью героя Петухов, разрывная пуля раздробила колено Сысолятину, во второй раз ранило Семенова, но отважные воины дали возможность батальону форсировать реку, с ходу взять Зарубенцы и прийти на помощь героям.

Отважной четверке было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны в Киевском историческом музее установили их мраморные бюсты, а в день их подвига к героям обратился с письмом Военный совет фронта:

«Гвардии рядовым, комсомольцам Николаю Петухову, Ивану Семенову, Василию Сысолятину, Василию Иванову.

Горячо поздравляем вас с замечательным подвигом.

Ваша героическая переправа через Днепр, цепкое закрепление на правом берегу, готовность, не щадя жизни, отстаивать каждый клочок отвоеванной родной земли и неукротимо двигаться все дальше вперед — на запад — служит примером для всех воинов.

Вам выпала великая честь вызволять родную Украину, славный Киев из гитлеровской неволи, сражаться на Днепре — решающем рубеже, где мы должны сломать хребет фашистскому зверю.

Вы действуете, как суворовцы — смело, ловко, стремительно и потому побеждаете.

Благодарим за честную солдатскую службу. Желаем дальнейших боевых успехов!

Командующий войсками Воронежского фронта
генерал армии Н. Ватутин.
Член Военного совета фронта
генерал-лейтенант Н. Хрущев.

23 сентября 1943 года».

Не обманул командующего и генерал Москаленко. В эту же ночь передовой отряд 309-й стрелковой дивизии генерала Д.Ф. Дремина вышел к Днепру у Переяславля-Хмельницкого. Через несколько дней соединения 38-й армии генерала Н.И. Чибисова захватили плацдарм до 8 км по фронту и до 1 км в глубину в районе Лютежа. Кроме того, этой же армии пришлось ликвидировать уже немецкий плацдарм в районе Дарницы (пригорода Киева на левом берегу Днепра). На нем оборонялось семь гитлеровских дивизий. К концу месяца войска Воронежского фронта захватили девять небольших плацдармов севернее и южнее Киева, в том числе лютежский и букринский. Последний — самый большой (16 км по фронту и 6 км в глубину).

Боевые действия подвижных групп фронта проходили в сложной обстановке. Во время броска на Днепр, боев за захват и удержа-

ние плацдармов авиация отставала с перебазированием на передовые аэродромы и не могла осуществлять поддержку войск. Форсирование Днепра в основном происходило на подручных средствах, и поэтому танки и артиллерия большей частью оставались на левом берегу. Первый понтонный батальон подошел к реке только 25 сентября, когда и началась переправа танков. К этому времени противник подтянул значительные силы. Прибывший в штаб Манштейна Гитлер собрал всех генералов и обвинил их в трусости. Не стесняясь в выражениях, фюрер требовал побороть сталинградский психоз, укрепить оборону. «Днепр отныне будет рубежом, разделяющим обе армии, — кричал Гитлер. — Я прикажу расстрелять каждого солдата, офицера и генерала, виновного в отступлении...»

Николай Федорович прикладывал всю энергию, изощрялся, как мог, в поисках резервов и решений для удержания плацдармов. Так, он приказал севернее и южнее Канева выбросить 3-ю и часть подразделений 5-й воздушно-десантных бригад, но существенного изменения в обстановку эти части не внесли. Немцы наращивали удары, всеми силами стремясь сбросить советские войска с плацдармов. Фронту как воздух нужна была передышка. О том, в какой обстановке оказались войска фронта, говорит такой доклад Ватутина в Ставку:

«Войска Воронежского фронта большинством армий вышли на Днепр, а остальные армии выйдут в ближайшие два-три дня, в то же время тылы армий и фронта растянулись от Белгорода до Днепра на 480 километров, что совершенно не дает возможности нормально обеспечивать войска боепитанием.

Подача боеприпасов и горючего от войск отстает, а также тратится большое количество горючего, потому что от Сум — Лебедина на 330 километров все подается исключительно автотранспортом, в связи с тем, что здесь оканчиваются фронтовые железнодорожные коммуникации.

Наш фронт приступил к восстановлению железнодорожного участка, проходящего по тылам фронта: Нежин — Прилуки — Гребенка — Золотоноша и Бахмач — Прилуки.

24.9 была готова линия к пропуску поездов Нежин — Прилуки, к 30.9 будет готова линия от Гребенки и 3.10 — до Золотоноши. Но линия железной дороги Бахмач — Нежин находится на участке Центрального фронта и в его подчинении, поэтому для пропуска поездов через его участок требуется ваше решение.

Мы обратились в Управление тыла Красной Армии для разрешения пропуска нам через Бахмач — Нежин четырех пар поездов ежедневно до станции Прилуки и с 30.9 с продлением линии железной дороги до Гребенки еще четырех пар, всего 8 пар.

26.9 получили от Управления тыла Красной Армии ответ, что нам разрешено только две пары, со ссылкой на то, что это основная коммуникация Центрального фронта, в то время как Центральный фронт имеет железнодорожные линии Брянск—Бахмач, Бахмач — Гомель, Льгов — Ворожба — Бахмач.

Воронежский фронт в этом направлении не имеет ни одной линии. Полтава—Гребенка, которая нам планируется как основная магистраль, сильно разрушена и потребует длительного времени для восстановления. Фронт же должен передислоцировать тылы армий и фронта сейчас, немедленно и сделать необходимые запасы на линии Нежин — Золотоноша, ибо с продвижением за Днепр наших войск коммуникации еще больше растянулись и мы затрудним успешное выполнение боевых задач из-за недостаточной подачи боеприпасов, горючего и продовольствия.

Исходя из этого, Военный совет просит вас разрешить нашему фронту подачу 8 пар поездов в сутки из Белгорода через Сумы — Ворожба — Бахмач — Нежин на Прилуки — Гребенка — Золотоноша»[1].

В этом донесении явно просматривается обида на Центральный фронт. А в это же самое время командующий Центральным фронтом Рокоссовский обижался на соседа. Его 60-я армия генерала Черняховского, освободив Нежин, выходила на киевское направление. «Каково же было наше разочарование, — вспоминал Рокоссовский, — когда во второй половине сентября по распоряжению Ставки разграничительная линия между Центральным и Воронежским фронтами была отодвинута к северу и Киев отошел в полосу соседа! Нашим главным направлением теперь становилось черниговское.

Я счел долгом позвонить Сталину. Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее...»

Еще больше расстроился Константин Константинович, когда директивой Ставки от 29 сентября 60-я армия Черняховского и 13-я армия Пухова передавались в Воронежский фронт. Но с таким же успехом мог обижаться и Николай Федорович. Этой же директивой из его фронта Степному передавались 52-я и 4-я гвардейская армии.

Эти перегруппировки, перенацеливания фронтов, передачи одному из них права ликвидации окруженных группировок проводились с целью улучшения управления, что было нередко объективной необходимостью. Но зачастую это был и просто произвол Сталина. И обижаться командующим друг на друга было грех-

[1] ЦАМО. Ф. 2673, д. 6, л. 15—16.

но. Что касается возможных при таких перегруппировках неоправданных потерь или чисто человеческих обид, то Верховный не принимал их в расчет.

Как бы то ни было, но войска Воронежского фронта получили некоторую передышку перед решающими боями за Киев. Однако не следует забывать, что этой передышкой воспользовался и враг. Достаточно сказать, что к началу октября командование вермахта сконцентрировало против Воронежского фронта 30 дивизий, из них 7 танковых. Это составляло почти половину дивизий группы армий «Юг». Примерно столько же войск было у врага на южном фасе Курской дуги, но теперь он стоял в обороне, а нашим довольно ослабленным войскам предстояло наступать.

Ватутин ясно представлял эту расстановку сил и торопился с разработкой Киевской операции. Для начала он решил посетить только что полученные от Центрального фронта армии, встретиться с Черняховским, но обстановка не позволила сделать и этого. Пришлось вызывать командующих к себе. Начальник штаба фронта генерал С.П. Иванов обзвонил их и пригласил к 12 часам на совещание.

Совещание началось без командующего фронтом. В это время он докладывал по телефону обстановку в Ставку. Генерал Иванов начал вводить командармов в курс дела по Киевской операции. Ватутин вошел, когда разговор уже заканчивался.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он, пожимая всем поочередно руки. — Очень рад вас видеть, а еще более рад, что вместе будем бить врага. Судя по всему, со своими задачами вы ознакомлены. Повторяться не буду, нет времени. Прошу быстро высказать свои соображения — и по местам...

Командующий 13-й армией генерал Пухов вопросов не имел. Его армия переходила к обороне на захваченном плацдарме, и это устраивало генерала. Войска нуждались в передышке. А вот Черняховский высказал озабоченность состоянием своих войск и малым сроком подготовки операции.

— Иван Данилович, — улыбнулся Ватутин, — а ведь мне Верховный только сейчас говорил, что ты прислал ему письмо, в котором просишь направить тебя под Киев...

Черняховский действительно писал Сталину: «За два с лишним года я никогда и ничего не просил. Сейчас прошу об одном — дать мне направление на Киев...»

— Да я не против наступления, — заволновался Черняховский. — Освобождать Киев — большая честь. Тем более там прошла моя юность, там стал военным, женился, наконец. Но на подготовку удара надо не меньше десяти суток, а вы даете только трое...

— Не я, а Ставка. Ты не волнуйся, Иван Данилович, я тебя очень хорошо понимаю, но пойми и ты нас. Город приказано взять

к ноябрьским праздникам. Приказано, а мы люди военные. Не забывай и того, что каждые сутки промедления усиливают оборонительные возможности врага...

Командармы разъехались через несколько минут, а Ватутин вновь погрузился в раздумья о главном направлении. Он решил наносить главный удар с букринского, а вспомогательный с лютежского плацдарма. Еще во время броска за Днепр букринский плацдарм привлек внимание командующего. Во-первых, он находился ближе всего к Киеву, во-вторых, вдавался в нашу сторону, что позволяло простреливать его с трех сторон. Однако были и недостатки. В ходе боев за расширение плацдарма выяснилось, что местность там сильно пересеченная, затрудняющая маневр войск, особенно танков.

Беспокоило ли это Ватутина? Безусловно. Николай Федорович за последнее время практически не вылезал с плацдарма и все прекрасно видел. Беспокоило это обстоятельство и представителя Ставки Жукова, который в письме Ватутину от 5 октября писал:

«Вводить танковую армию (3-ю гвардейскую. — *С.К.*) раньше, чем будет захвачен рубеж выс. 175,2, высоты прилегающей к западной части Вел. Букрин, Мал. Букрин, Колесище, выс. 209,7, невозможно по следующим причинам:

1. Глубина обороны противника сейчас эшелонирована до Мал. Букрин включительно.

2. Местность настолько пересечена, что танковая армия вынуждена будет двигаться только по тропинкам и дорогам, преодолевая на своем пути большие крутизны высот.

3. Маневр ее по фронту с целью обходов будет невозможен из-за характера местности».

Жуков даже предлагал рассмотреть возможность перенесения удара на другой плацдарм, в том числе и на лютежский. Почему же Ватутин не внял этим предупреждениям, своим сомнениям? Видимо, прежде всего потому, что главные силы фронта были уже стянуты к Букрину и их перегруппировка потребовала бы значительного времени, которого у него просто не было. Кроме того, другие плацдармы были меньшими по размеру и развернуть там значительную группировку не представлялось возможным. Были у него и предчувствия, что немцы больше всего ожидают удара не с Букрина, а с севера, учитывая нависающее положение 60-й и 13-й армий. Ко всему прочему торопила Ставка.

Николай Федорович в который раз продумывал план наступления. Казалось, продумано все, и он, вздохнув, подписал приказ, в соответствии с которым главный удар своим левым флангом наносила 40-я армия. К исходу второго дня ее войска должны были выйти на рубеж Холепье, Черняхов, Переселенье и в дальнейшем соединить букринский плацдарм со щучинским. Левее 40-й армии

наступала 27-я армия, занимавшая восточную часть букринского плацдарма. Она к исходу второго дня должна была выйти на рубеж Кагарлык, Липовец. Именно в ее полосе вводилась в прорыв 3-я гвардейская танковая армия, которой к исходу второго дня наступления Ватутин ставил задачу выйти в район Стовы, Запрудье. 47-й армии, наносившей удар со студенецкого плацдарма предстояло достичь рубежа Зеленьки, Емчеха и соединиться с 27-й армией.

12 октября войска Воронежского фронта начали наступление и сразу натолкнулись на сильнейшее сопротивление противника. В первый день сражения войска всех трех армий продвинулись вперед всего на 1—8 километров. Не помог ввод в бой и танковой армии. В ночь на 13 октября Ватутин приказал перебросить на правый берег всю оставшуюся артиллерию, боеприпасы и горючее, но немцы даже ночью не прекращали бомбить переправы, и должного усиления войска не получили.

Десять суток шли ожесточенные бои на плацдармах и переправах. К 21 октября с большим трудом удалось соединить щучинский плацдарм с букринским и подойти к восточным окраинам населенных пунктов Ульянки и Липовый Рог. Правофланговые части 27-й армии овладели Ромашками. Но на этом исчерпался весь успех.

Николай Федорович находился на КП 40-й армии. Здесь же кроме командующего 40-й армией генерала К.С. Москаленко были командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П.С. Рыбалко и командующий 27-й армией генерал С.Г. Трофименко. Ватутин в бинокль наблюдал за боем. Волна за волной на плацдарм шли немецкие бомбардировщики. Содрогалась земля от взрыва бомб и снарядов. Скрылись в облаке дыма и пыли наступающие части. Николай Федорович повернулся к генералам. Это их солдаты были там в огне...

— Спускайтесь в блиндаж, товарищи, — сказал он, тяжело вздохнув. — Я сейчас подойду. Через несколько минут.

Москаленко хотел было возразить, но, поняв, что командующий хочет остаться один, первый ушел с площадки наблюдения.

О чем думал в эти минуты Николай Федорович, можно только догадываться. Трудно, ох как трудно признаться даже самому себе, что допустил большую ошибку, даже если и существовали объективные причины. Как быть с совестью, с жизнью тысяч солдат, погибших на этом плацдарме по его приказу? Ох, как горько! Но надо думать. Думать и исправлять положение...

В чем же крылись причины неудач? Их анализировал Ватутин, анализировали в Ставке, анализировали и много лет спустя. Уже в наши дни К.С. Москаленко выделял из них две. Первое. Он отмечал, что противник регулярно прослушивал все наши переговоры, а указания Ватутина по дезинформации выполнялись плохо. Раз-

меры плацдарма были весьма ограничены, авиация противника господствовала в воздухе, а самолеты 2-й воздушной армии действовали слабо из-за отдаленности аэродромов и нехватки горючего. В результате немцам удалось разгадать намерения противоборствующей стороны. Второе. За более чем двадцатисуточный промежуток между форсированием Днепра и началом наступления противник перебросил на угрожаемый участок значительные силы. Немцы сконцентрировали от Холопья до Ходорова 34-ю пехотную, 10-ю моторизованную и эсэсовскую танковую «Рейх» дивизии. Непосредственно в букринской излучине оборонялись 72, 112, 167, 225-я пехотные, 7, 19-я танковые и 20-я моторизованная дивизии. В районе Студниц, Бобрица действовали 3-я танковая и 57-я пехотная дивизии. Не говоря уже о подкреплении, которое противник подводил по хорошо проложенным коммуникациям. Не будем также забывать, что в немецких дивизиях почти всегда, и в том числе на Днепре, насчитывалось до 15 тыс. человек, а в наших в то время — не более 5 тысяч.

Всего этого Николай Федорович тогда просто не мог знать. Спустившись в блиндаж, он хмуро оглядел командующих армиями и твердо сказал:

— Приказываю прекратить атаки! Войскам закрепиться на достигнутых рубежах. Дальнейшие указания получите позже. Все...

В последующие часы Николай Федорович придумывал возможные варианты перегруппировки войск 1-го Украинского фронта (приказом от 20 октября 1943 года Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были переименованы соответственно в Белорусский, 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты) и направления главного удара. Пришло на память предложение Жукова. Да он и сам сейчас видел, что вспомогательный удар с лютежского плацдарма проходил довольно успешно, а значит, можно будет его использовать для проведения основной операции. К тому времени 38-я армия вместе с танкистами генерала А.Г. Кравченко расширили плацдарм до 15 км по фронту и до 10 км в глубину. Вспомнил Николай Федорович, что местность там равнинная, а значит, можно будет с большим эффектом использовать танковые части. Созревало принципиальное решение.

23 октября Ватутин по телефону докладывал Сталину обстановку на фронте. Самокритично рассказал о своих просчетах, бесперспективности дальнейших атак на Киев с букринского плацдарма, о своих предложениях по переносу главного удара на лютежский плацдарм. Верховный согласился с его доводами и приказал подготовить предложения командования фронта по этому вопросу.

На следующий день в штаб фронта поступила директива Ставки:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затруднявшие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии...

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладения Киевом».

К моменту поступления этой директивы Ставки Военный совет фронта обсудил и проработал несколько вариантов сосредоточения войск в районе Лютежа. Наконец было принято решение о переброске не общевойсковой, а 3-й гвардейской танковой армии. Хотя перебрасывать ее предстояло на 200 километров вдоль фронта с двойным форсированием рек Днепр и Десна. Присутствовавший в штабе фронта Жуков одобрил это решение.

Командующий 3-й гвардейской армией генерал Рыбалко даже не удивился, получив такую задачу.

— Есть одна просьба, — подумав, сказал Рыбалко. — Я очень хорошо сработался с Москаленко. Хотелось бы и на лютежском плацдарме быть вместе...

Наступила пауза.

— Товарищ маршал, — нарушил ее начальник штаба фронта генерал С.П. Иванов, — есть предложение поменять управление 38-й и 40-й армий.

— А ведь это идея, — поддержал его Ватутин.

— Согласен, — коротко сказал Жуков.

О перегруппировке армии Рыбалко с плацдарма на плацдарм написано много и в целом верно. Хотелось бы только отметить в этой связи важную деталь. Операция эта и подготовка наступления на новом направлении проводились столь скрытно, что противник и после начала наступления долгое время принимал его за вспомогательное. Как вспоминал генерал С.П. Иванов, чтобы скрыть от противника уход с букринского плацдарма 3-й гвардейской танковой армии,7-го артиллерийского корпуса прорыва, 23-го стрелкового корпуса и ряда инженерных и артиллерийских частей, оставшиеся на плацдарме армии соорудили в своих полосах обороны большое количество макетов танков и орудий. Продолжали работать радиостанции 3-й гвардейской танковой армии, почерк радистов которой хорошо изучили немецкие связисты. Немецкая авиация и после начала наступления бомбила ложные объекты, а главное командование было уверено, что русские вообще больше не в состоянии наступать. Отдел по изучению армий Востока генерального штаба вермахта в это время сделал ошибочный вывод: «После неудачных октябрьских боев на букринском

плацдарме основные события в ноябре развернутся в районе Мелитополя и Кривого Рога. Там советские войска попытаются замкнуть кольцо вокруг 6-й и 1-й танковой армий. Второй удар будет наноситься на Псков или Двинск — Рига с целью сокрушить немецкий северный фланг».

Сейчас часто приходится встречаться с мнением, что надо было сразу наступать с лютежского плацдарма, что ошибки командования 1-го Украинского фронта чуть ли не преступны, что немцы нас ждали именно на юге от Киева, а не на севере. Думается, это не совсем верно. Бесспорно, ошибки у Военного совета фронта были, и мы о них говорили. Но рассуждать по прошествии многих лет, когда открыты все замыслы и состояние войск, всегда проще, чем решать задачу со многими неизвестными в боевой обстановке. Да и не так уж много гарантий было у Ватутина, начни он наступление на севере, с лютежского плацдарма. Трофейные документы доказывают, что гитлеровское командование как раз и ожидало главного удара на Киев с северо-востока и наши неудачи под Букрином в какой-то степени усыпили противника и обеспечили успех последующего наступления. Впрочем, это утверждение тоже не бесспорно.

1 ноября началось наступление 1-го Украинского фронта с букринского плацдарма. Враг воспринял его как нечто нежелательное, хотя и ожидаемое, и обрушил на наступавших хорошо организованный огонь. Немцы были в полной уверенности, что и на этот раз русские наносят здесь главный удар. Танковая армия была для этого лучшим аргументом. Ватутин сделал все возможное, чтобы сохранить это заблуждение, и преуспел в этом. Манштейн даже перебросил сюда резервы: три танковые и моторизованную дивизии.

Поздним вечером 2 ноября Николай Федорович отдал приказ о начале наступления с лютежского плацдарма. Ночью командующий выехал на свой НП, а в это время во всех ротах зачитывалось обращение Военного совета фронта: «Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашего Отечества. Здесь много веков назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в руках отстаивали от врагов свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и матери, наши деды и прадеды... 25 месяцев фашистские хищники издеваются, грабят и убивают мирных советских граждан, жгут и уничтожают киевские фабрики и заводы, прекрасные здания и зеленые улицы, оскверняют и поганят памятники и могилы борцов нашей священной земли... За нашу Советскую Родину, за нашу свободу и счастливую жизнь, за Украину, за Киев, вперед на разгром врага!»

Ночью 3 ноября Николай Федорович занял НП на правом берегу Днепра, в 12 километрах севернее Киева, близ села Ново-Петров-

цы, в 800 метрах от переднего края. В 8 часов 40 минут на врага обрушился мощный огневой налет. Поднялась в атаку пехота. Через два часа, воспользовавшись улучшением погоды, на врага пошли самолеты 2-й воздушной армии. Только за этот день они совершили 1150 самолето-вылетов.

Уже совершенно с другим настроением наблюдал Николай Федорович за развитием наступления. К исходу дня ударная группировка продвинулась вперед на 5—12 километров. До Киева оставалось всего ничего. Ватутин торопил командующих армиями, его торопила Ставка. К утру 4 ноября Манштейн, убедившись, что прозевал маневр советских войск и теряет свои позиции, начал гнать к Киеву резервы со всех направлений, но было уже поздно. В районе тихого дачного поселка Пуща Водица, у белых зданий детского санатория, пехота Москаленко пробила брешь в обороне врага, в которую устремились танки. В течение 4—5 ноября Ватутин ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавкорпус. Это позволило уже в тот же день прорвать тактическую оборону врага, а к утру 5 ноября передовые отряды танковых корпусов вышли на шоссе Киев—Житомир, перерезав главную коммуникацию, связывающую вражескую группировку с тылом. «Больше шума, сеять среди врага панику!» — таков был приказ Ватутина, и танкисты с зажженными фарами, включенными сиренами, стреляя из пушек и пулеметов, рвались вперед. Прорыв главной группировки обеспечил успешное наступление 60-й армии.

5 ноября развернулись тяжелейшие бои за Святошино — последний оборонительный рубеж врага. Здесь, несколько оправившись от шока, гитлеровцы попытались организовать сопротивление, но советские войска были неудержимы. Первыми на окраину Киева в районе кинофабрики вышли бойцы 167-й стрелковой дивизии генерала И.И. Мельникова. К исходу дня 5 ноября танкисты 5-го гвардейского танкового корпуса генерала А.Г. Кравченко достигли северо-западной окраины Киева и завязали бои за заводы «Арсенал» и «Большевик».

В 00 часов 30 минут 6 ноября над зданием ЦК ВКП(б) Украины взвилось Красное знамя победы. За трое суток боев войска фронта разбили 9 пехотных, 2 танковые и моторизованную дивизии. Военный совет фронта направил в Ставку телеграмму: «С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

Вечером того же дня радио передало приказ Верховного Главнокомандующего. Москва салютовала воинам 1-го Украинского

фронта 24 залпами из 324 орудий. Такое количество орудий в салюте участвовало впервые.

Советские воины с трудом сдерживали гнев, увидев, во что превратили враги цветущий город. Н.С. Хрущев в своем первом докладе И.В. Сталину от имени ЦК компартии Украины писал: «...Сейчас из окрестных лесов, болот, оврагов и кладбищенских склепов возвращаются большими группами киевляне. Они производят тяжелое впечатление от пережитых ужасов, издевательств и лишений. С непередаваемым волнением встречают жители города бойцов Красной Армии...»

Николай Федорович мог бы подписаться под каждым словом Хрущева. Он помнил Киев в довоенной красе. Теперь же он видел разрушенный Крещатик, охваченный огнем университет, обугливщееся здание Дома обороны. Но люди уже смеялись, глотая слезы горя и радости. Соратник Ватутина генерал-полковник К.В. Крайнюков вспоминал: «В первые часы освобождения Киева, когда туда только что вошли части Красной Армии, город произвел на нас удручающее впечатление. Его улицы были полупустыми: фашисты угнали в лагеря и на каторгу значительную часть населения...

Изможденный, оборванный старик подошел к нам и горько заплакал. Сбивчиво и торопливо он поведал нам об ужасах немецкой оккупации.

— А как дальше будет, не вернется фашист? — спросил он.

Николай Федорович твердо ответил:

— Не вернется, не пустим, погоним дальше. Русские прусских всегда бивали. А с гитлеровцами у нас особый счет. Гром военный прогрохочет и над Берлином.

На площадях, где мы останавливались, вокруг машины командующего собирались местные жители, воины, и порой стихийно возникали короткие митинги. Узнав, что войсками 1-го Украинского фронта, освободившего столицу УССР, командует бывший начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал Н.Ф. Ватутин, люди оживлялись, слышались радостные возгласы и аплодисменты. А Николай Федорович смущенно улыбался и жестами показывал на бойцов как на главных виновников торжества и творцов победы».

Через много лет Г.К. Жуков отмечал: «Большая заслуга в успешном выполнении этой операции принадлежит командующему фронтом генералу армии Н.Ф. Ватутину...»

Поражение под Киевом ухудшило военно-политическое положение гитлеровской Германии. Гитлер рассвирепел. Манштейн собирал все, что только возможно, и бросал под Киев. Из района Вел. Букрина срочно перебрасывались танковая дивизия СС «Рейх», 3-я танковая и 10-я моторизованная дивизии. Прибывали из-под Кременчуга 198-я пехотная и из Франции 25-я танковая ди-

визии. Из Кировограда под Белую Церковь подходила 1-я танковая дивизия. На станции Казатин начали выгружаться части танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». Все эти соединения поступали в распоряжение командира 48-го танкового корпуса.

В этих условиях Ватутин должен был спешить, как можно дальше отодвинуть линию фронта от Киева и днепровских переправ. Темпы наступления приобретали главное значение, и не случайно Ватутин был так категоричен в приказе 3-й гвардейской танковой армии: «Фастов занять во что бы то ни стало в кратчайший срок и немедленно донести».

Фастов на какое-то время приковал внимание противоборствующих сторон. Рыбалко бросил на этот важный железнодорожный узел коммуникаций 6-й гвардейский танковый корпус генерала А.П. Панфилова и 91-ю отдельную танковую бригаду полковника И.И. Якубовского. Навстречу им выдвигалась 25-я танковая дивизия врага под командованием генерала фон Шелла. Шелл — близкий друг Гудериана, его коллега еще по рейхсверу и военному министерству. Он долгое время изучал в США вопросы моторизации и перед войной был даже главным консультантом Гитлера по моторизации вермахта. С началом войны танковому теоретику не терпелось заполучить лавры полководца, и вот теперь мечта его была близка к осуществлению. Гудериан вооружил дивизию лучшими танками. Фон Шелл вел в бой 146-й и 147-й гренадерские полки, 9-й танковый полк, танко-истребительный батальон. В Фастове под его начало поступил танковый полк дивизии «Рейх». Но другу Гудериана и Гитлера не повезло. Советские танкисты в жестоком ночном бою за короткое время сожгли почти все танки 25-й дивизии. В темноте, оглушенный, раздавленный морально, генерал фон Шелл пешком добирался до Белой Церкви, где и пристал к штабу соседнего корпуса.

В ночь на 7 ноября танкисты Якубовского ворвались в Фастов и захватили северную часть города, а к утру вместе с 6-м гвардейским танковым корпусом освободили город полностью. Только 91-я бригада захватила 64 зенитных орудия. На станции было взято 62 паровоза, 22 эшелона с военным имуществом, 3 тыс. тонн горючего.

Через четыре дня советские танки были под Радомышлем, в 90 километрах от Днепра, а еще через два дня части 38-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса ворвались в Житомир. «Широкий и глубокий клин, вбитый русскими в немецкую оборону, грозил отсечь группу армий «Юг» от группы армий «Центр», поэтому необходимо было принимать срочные контрмеры», — писал впоследствии начальник штаба 48-го танкового корпуса генерал Ф. Меллентин.

И они были предприняты. Гитлер в приказе от 29 октября заявил: «Я перебросил на Восток дивизии с Юга и Запада, чтобы обеспечить разгром сил противника, наступающих через Днепр... Это наступление будет означать решающий перелом в обстановке на всем южном крыле...»

В этот месяц Николаю Федоровичу пришлось пережить много неприятных минут. Конечно, он предполагал, что гитлеровцы предпримут мощное контрнаступление и внутренне был готов перейти к обороне. Как вспоминал С.П. Иванов, Ватутин, не скрывая удовлетворения, облегченно вздохнул, получив директиву Ставки о переходе войск фронта на центральном участке к обороне. Во исполнение приказа Николай Федорович начал снимать с букринского плацдарма дивизии и направлять их под Фастов. Туда же направлялись части, ранее предназначавшиеся для усиления 38-й и 60-й армий. С подходом 1-й гвардейской армии и 25-го танкового корпуса эта группировка должна была вновь перейти в наступление, овладеть Попельней, Белой Церковью и далее наступать на Казатин.

Очень тяжело пришлось нашим войскам под Житомиром. Здесь Манштейн сосредоточил 15 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных. И это против нашего ослабленного 1-го гвардейского кавкорпуса. 15 ноября немцы перешли в наступление и через неделю ценой больших жертв овладели Житомиром, а к 25 ноября продвинулись вперед до 40 километров.

На правом фланге продолжала наступать 60-я армия Черняховского. 17 ноября она освободила Коростень, через два дня — Овруч, но уже в начале декабря тоже попала в тяжелое положение. До 200 немецких танков разрезали боевой порядок 30-го стрелкового корпуса, вышли в тылы 15-го стрелкового корпуса генерала И.И. Людникова, и перед армией встала реальная угроза окружения.

Гитлеровская кинохроника вновь запестрела победными кинокадрами. Фашистская печать взахлеб предрекала неизбежное поражение Красной Армии. Особой похвалы удостоился генерал Гассо фон Мантейфель, командир 7-й танковой, бывшей роммелевской, «дивизии призраков». Он, служивший еще Вильгельму II, удостоившийся за войну 25 аудиенций у Гитлера, должен был выполнить личный приказ фюрера — ворваться в Киев.

Как же тяжелы были для нас эти дни! Ватутин знал, что в тылу сосредоточиваются большие резервы. Подходила 1-я гвардейская, 18-я, 1-я танковая армии, два танковых корпуса, но надо было выиграть время. Конечно, очень заманчиво было применить свое излюбленное средство — разящие контрудары, но беспокоила судьба Киева.

Ватутин обзвонил всех командармов, обрисовал обстановку и потребовал — стоять насмерть!

В эти дни ему пришлось выдержать серьезный моральный удар. Перед глазами еще стояло обиженное лицо незаслуженно снятого Ставкой начальника штаба С.П. Иванова. Теперь очередь была за ним. Заканчивалась Тегеранская конференция, и Сталин под впечатлением ее успеха высказал недоверие командующему 1-м Украинским фронтом. Причем сделал это по-иезуитски, послав разбираться с положением под Киевом командующего соседним фронтом Рокоссовского и намереваясь заменить им Ватутина. Верховный целенаправленно стравливал военачальников. Лучшей иллюстрацией этому могут служить воспоминания самого Константина Константиновича: «Должен сознаться, что это распоряжение меня смутило. Почему разбор событий на 1-м Украинском фронте поручается мне? Но раздумывать было некогда...

Штаб фронта располагался западнее Киева — в лесу, в дачном поселке. Ватутин был уже предупрежден о нашем прибытии. Меня он встретил с группой офицеров управления фронта. Вид у него был озабоченный.

Н.Ф. Ватутина я знал давно: в Киевском Особом военном округе он был начальником штаба. Высокообразованный в военном отношении генерал, всегда спокойный и выдержанный.

Как я ни старался, дружеской беседы на первых порах не получилось. А ведь встретились два товарища — командующие соседними фронтами. Я все время пытался подчеркнуть это. Но собеседник говорил каким-то оправдывающимся тоном, превращал разговор в доклад провинившегося подчиненного старшему. В конце концов я вынужден был прямо заявить, что прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, который по-товарищески хочет помочь ему преодолеть общими усилиями те трудности, которые он временно испытывает.

— Давайте же только в таком духе и беседовать.

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла. Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли. Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группировку и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва ВГК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело. Но осторожно намекнул: а когда же я

вступлю в командование 1-м Украинским фронтом? Я ответил, что и не думаю об этом, считаю, что с ролью командующего войсками фронта он справляется не хуже, чем я, и что вообще постараюсь вернуться к себе, так как у нас и своих дел много. Ватутин совсем повеселел.

Меня несколько удивляла система работы Ватутина. Он сам редактировал распоряжения и приказы, вел переговоры по телефону с армиями и штабами. А где же начальник штаба фронта? Генерала Боголюбова я нашел в другом конце поселка. Спросил его, почему он допускает, что командующий фронтом загружен работой, которой положено заниматься штабу. Боголюбов ответил, что ничего не может поделать: командующий все берет на себя.

— Нельзя так. Надо помочь командующему. Это прямая обязанность ваша, как генерала и коммуниста.

Должен прямо сказать, что Боголюбов по своим знаниям и способностям был на месте. Возможно, излишнее самолюбие помешало ему на этот раз добиться правильных взаимоотношений с командующим.

Боголюбов обещал сделать все, чтобы не страдало общее дело. Поговорил я и с Ватутиным на эту тему. К замечанию моему он отнесся со всей серьезностью. Смутился:

— Сказывается, что долго работал в штабе. Вот и не терпится ко всему свою руку приложить.

Сообща наметили, как выправить положение. Забегая вперед, скажу, что Ватутин блестяще справился с задачей, нанес такие удары, которые сразу привели гитлеровцев в чувство и вынудили их спешно перейти к обороне.

Свои выводы об обстановке, о мероприятиях, которые уже начали проводиться войсками 1-го Украинского фронта, и о том, что Ватутин, как командующий фронтом, находится на месте и войсками руководит уверенно, я по ВЧ доложил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения вернуться к себе. Сталин приказал донести обо всем шифровкой, что я и сделал в тот же день. А на следующее утро мне уже вручили депешу из Ставки с разрешением вернуться к себе на Белорусский фронт.

С Ватутиным мы распрощались очень тепло. Оба были довольны, что все окончилось так благополучно. Настроение свое Ватутин выразил в крепком-крепком рукопожатии...»

Лаконичные, даже несколько суховатые воспоминания Константина Константиновича, конечно, не передали всей гаммы чувств, которые терзали в то время командующего 1-м Украинским фронтом. Но и из этих записок ясно, сколько ему пришлось пережить. Обида, унижение, неожиданная смена 13 ноября начальника штаба — и все это в самый тяжелый, ответственнейший мо-

мент. Мы можем только догадываться, что чувствовал Ватутин после его переговоров со Сталиным.

Рокоссовскому Николай Федорович был, конечно, благодарен за понимание, объективность и просто человечность. А в том, что скоро придется наступать, не сомневался. Приближался Новый год.

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Николаю Федоровичу «везло». Третий Новый год ему предстояло встречать не просто на фронте, но в боях.

Заглохнувшее в середине декабря немецкое наступление на Киев еще не свидетельствовало о том, что Манштейн потерял надежду вернуть город и сбросить наши войска в Днепр. Командование вермахта не без основания полагало, что Красная Армия будет продолжать наступление из-под Киева в направлении Днестра и румынской границы. Правда, Манштейн считал, что советские войска сильно ослаблены предыдущими боями и не способны в ближайшее время к активным действиям.

Немецкое командование тем временем срочно усиливало находившуюся на северном фланге группы армий «Юг» 4-ю танковую армию шестью свежими соединениями. Теперь 1-му Украинскому фронту снова противостояло 30 дивизий, в том числе 8 танковых и 1 моторизованная. Командовал этой группировкой генерал танковых войск Э. Раус. Одновременно немцы ускоренно вводили в строй оборонительные рубежи и оборудовали главную полосу обороны на глубину 4—6 километров. На важнейших направлениях в 10—15 километрах готовилась вторая полоса обороны. В оперативной глубине шло строительство по рекам Ингулец, Ингул, Синюха, Южный Буг, Днестр.

Готовились и наши войска. 1-й Украинский фронт удерживал обширные плацдармы западнее Киева. 2-й и 3-й Украинские фронты занимали плацдармы от Черкасс до Запорожья. 4-й Украинский фронт захватил никопольский плацдарм и блокировал в Крыму 17-ю армию. Этим фронтам и предстояло завершить освобождение Украины.

Начал дело 1-й Украинский фронт Житомирско-Бердичевской операцией. Сил для ее проведения Ватутин накопил достаточно. В состав фронта входили 1-я гвардейская, 13, 18, 27, 38, 40 и 60-я армии, 1-я и 3-я гвардейская танковые армии. Всего насчитывалось 63 стрелковых, 6 танковых дивизий, 2 механизированных корпуса, 3 кавалерийские дивизии. В то время не было в действующей армии сильнее фронта, чем 1-й Украинский. Замысел операции Николай Федорович начал разрабатывать еще во время обороните-

льных боев и сейчас быстро довел его до конца. Директива Ставки от 28 декабря требовала: «Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом». Не без сомнений пришел Ватутин к своему решению и был очень доволен, что Ставка утвердила его. Это был первый после взятия Киева доброжелательный разговор с Верховным.

Главный удар силами 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армий наносился на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку. Здесь же вводились в бой обе танковые армии. 60-я армия, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, имела задачу выйти на реку Случь на участке Рогачев, Любар. 13-я армия наступала в направлении Коростень, Новоград-Волынский. 40-я и 27-я армии наносили удар на Белую Церковь, Христиновку, где должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Ватутин уже несколько суток жил этой операцией, забывал есть, спать, даже забросил физзарядку. Митя Глушаков, глядя на командующего, сам почернел и осунулся. Наладились наконец отношения и с генералом Боголюбовым. Тот видел, как переживает Ватутин, страстно желает реабилитировать себя за житомирскую неудачу, и не обижался, когда командующий по нескольку раз просматривал подготовленные штабом документы.

Зима в этом году выдалась капризная. Мороз сменялся оттепелями. Дул пронзительный ветер со снегом или с дождем. Раскисшие дороги быстро замерзали и так же быстро раскисали и были непроходимыми. Ватутин не щадил себя, работал сутками, мотался в любую погоду по войскам, и неудивительно, что скоро заболел. Держался он долго, и только один Митя Глушаков знал, как мучается командующий, сколько раз за сутки меняет мокрое белье. Больше всего Николай Федорович боялся, что свалится окончательно и будет отстранен от руководства операцией. Персональный инструктаж получили начмед фронта и ординарец, который теперь не отходил от командующего даже во время работы.

Жуков вспоминал: «Н.Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив, донесений Верховному Главнокомандующему писал он сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровится.

Коротко познакомив Н.Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав последние его коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив остатки крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба А.Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А.Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н.Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А.Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н.Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

— Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

— Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению,— ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность.

Беспокойным человеком был Н.Ф. Ватутин. Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно...»

Ранним утром 24 декабря после 50-минутной огневой подготовки 1-й Украинский фронт начал наступление. Для гитлеровцев столь быстрый переход наших войск от обороны к наступлению явился полной неожиданностью. Вот когда сказались выдержка Николая Федоровича, его отказ от преждевременных контрударов. Уже к исходу первого дня наступления войска ударной группировки прорвали вражескую оборону на всю ее глубину. В прорыв вошли сразу две танковые армии.

С их выходом на оперативный простор началось наступление на других участках фронта. Уже к 30 декабря фронт прорыва расширился до 300 километров, а глубина достигла 100 километров. Меньше чем за неделю была очищена от врага взятая им во время осеннего контрнаступления территория, и передовые части завязали бои за Житомир, Бердичев, Белую Церковь. 4-я танковая армия врага, рассеченная на три части, откатывалась назад. Не только Манштейн, но и Гитлер понял, что надежды на восстановление обороны по Днепру рухнули. На четвертый день советского наступления Гитлер, выступая в ставке, пожалуй, первый раз со всей откровенностью заявил: «Самое большое, на что возможно рассчитывать — стабилизация положения. Если нам удастся добиться

этого, можно считать, что мы выиграли. Большего ожидать нельзя».

Но это отнюдь не означало, что враг отказывается от борьбы. Манштейн приказал сосредоточить в районе Бердичев, Казатин 48-й танковый корпус и во взаимодействии с 13-м армейским корпусом нанести удар во фланг главной группировки 1-го Украинского фронта. Ожесточились бои под Житомиром. Сюда Манштейн стянул шесть дивизий, в том числе две танковые.

— Как, Николай Федорович, — спросил Жуков,— остановит тебя Манштейн?

Ватутин еще не совсем оправился от болезни. Похудевший, с полотенцем на шее, которым непрерывно вытирал холодный пот, он тем не менее был в хорошем настроении, уверен в себе.

— Ну уж нет, Георгий Константинович. Уверен, что под Бердичевом мы опередим немцев. Корпус сосредоточить не так просто, даже танковый. Нужно время, а его у Манштейна нет. Будем бить его полки по частям на марше, в предбоевых порядках. Я уже дал команду Рыбалко и Катукову. Вот под Житомиром дело серьезней, но у меня здесь приготовлен Манштейну сюрприз.

— Опять сюрпризы? У тебя ведь и так сил достаточно.

— Вот именно, организую удар с фронта и с флангов. Я приказал Гречко атаковать Житомир с востока, Черняховскому обойти город с северо-запада, а Леселидзе с Рыбалко — с юго-востока.

— В котел хочешь загнать?

— Очень хочу, но, наверно, не смогу. После Сталинграда немцы боятся окружения. Думаю, просто отойдут.

— Отлично. Только все же не упускай из виду Бердичев.

— Буду следить лично...

Ватутин не ошибся. При первых же концентрических атаках на Житомир Манштейн испугался окружения и начал отходить. 31 декабря советские войска ворвались в город. Что касается 48-го танкового корпуса, то он действительно, так и не успев сосредоточиться, был разбит в предбоевых порядках. Командир же 13-го армейского корпуса, отброшенного к Бердичеву, докладывал, что его соединение практически не существует: в дивизиях на передовой осталось всего по 150—300 человек, а пехоты в целом не более чем на один полк.

Манштейн искал спасение в переброске резервов, в реорганизации управления. Отрезанные в каневском выступе правофланговые соединения 4-й танковой армии он переподчинил переброшенному из Апостолова в Умань управлению 6-й армии, а остатки соединений последней составили отдельный 44-й корпус. Но это были санитарные меры. Немцы держались только под Бердичевом. На остальных участках ватутинцы шли вперед. 3 января они освободили Новоград-Волынский, 4 января — Белую Церковь.

За Бердичевом Ватутин следил лично. «Здесь, — писал Жуков,— действовали войска 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукова и 18-я армия генерала К.Н. Леселидзе. Ввиду слабой организации боя 1-я танковая армия понесла потери, успеха не добилась, и лишь 5 января, после вмешательства Н.Ф. Ватутина, Бердичев был освобожден».

Разрыв между центром 4-й танковой армии и каневской группировкой достиг 110 километров, и Ватутин немедленно повернул туда 1-ю танковую и 38-ю армии. Танкисты во взаимодействии с 40-й и 27-й армиями получили задачу наступать в направлении Христиновки для соединения со 2-м Украинским фронтом. Выполняя эти указания, войска 10 января вышли на рубеж Винница, Жмеринка, Христиновка, Умань и юго-восточнее Жашкова охватили каневскую группировку гитлеровцев с северо-запада.

Все эти сутки штаб 1-го Украинского фронта работал непрерывно. Даже в новогоднюю ночь отвлеклись на каких-то полчаса. Столь стремительный темп наступления начал беспокоить Ватутина из-за того, что отставал 2-й Украинский фронт. О близком соединении в районе Христиновки говорить пока было рано. Забеспокоился и Жуков, начал собираться к Коневу. Перед отъездом самым серьезным образом обсудил ситуацию с Ватутиным.

— Все это мне очень напоминает Ахтырку,— волновался Ватутин.— Правда, сейчас у меня сил больше, а у Манштейна с резервами плохо. Но если сопоставить разведданные фронта и Генштаба, то мой старый знакомый готовит контрудар. На сегодняшний день с других фронтов и из Германии на винницкое, жмеринское направления и под Умань прибыло четыре корпусных управления, 16 дивизий, значительные силы авиации. Точно установлено, что три дивизии взяты из группы армий «Север».

— Это хорошо,— удовлетворенно заметил Жуков.—Ленинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский фронты сейчас готовят наступление. Считай, что ты им помог. Хуже другое. Вопреки своей же директиве по Западному фронту немцы продолжают снимать войска с Запада и перебрасывать к нам. Так что Манштейн еще получит подкрепления.

— Тогда со дня на день надо ждать контрудара. Или с часу на час.

— Что думаешь предпринять?

— Надо остановиться на достигнутых рубежах и переходить к обороне. Контрудары лучше встречать на подготовленных позициях. Ну и конечно, маневрируя, остановить врага.

— Согласен. Буду поддерживать тебя в Ставке. Видимо, нужна передышка. Это подтверждают и события у Конева.

Николай Федорович оказался прав. 11—12 января Манштейн сильными танковыми группировками при поддержке нескольких сотен самолетов нанес контрудар из районов севернее Умани и восточнее Винницы по флангам выдвинутых вперед 1-й танковой, 38-й и 40-й армий. 14 января контрудары последовали и на других участках фронта. Для Ватутина они не были неожиданными. Он успел отдать приказ войскам остановиться на достигнутых рубежах и сосредоточить все силы на отражение контрударов. На второй день оборонительных боев позвонил Жуков.

— Ну что, Николай Федорович, держишься?

— Так точно. Выдержим. Сил достаточно, хорошо используем авиацию.

— Ну и отлично. Скажу по секрету: можешь начинать подготовку к наступлению. Скоро будет директива Ставки.

— Так ведь идут бои.

— Ничего, Николай Федорович, тебе не впервой. Справишься?

— Так точно...

Две недели шли ожесточенные бои, и хотя немцам на отдельных направлениях удалось продвинуться на 25—30 километров, стоило им это последних сил. Танки Катукова и пехота Москаленко зарылись в землю и сметали с лица земли атакующих гитлеровцев. Летчики Красовского добивали еще на марше подходящие резервы Манштейна. 2-я воздушная армия произвела 4200 самолето-вылетов. И все это время Ватутин готовил новую наступательную операцию. Наконец Манштейн выдохся. Закончилась Житомирско-Бердичевская операция. Итоги ее были внушительны. 1-й Украинский фронт отбросил 4-ю и 1-ю танковые армии врага на 80—200 километров. Было уничтожено 72,5 тыс. германских солдат и офицеров, 1227 танков, 1311 орудий и минометов. Захвачено 5 тыс. пленных, 246 танков, 1087 орудий и минометов, 3246 автомашин. Правым флангом войска фронта вышли на подступы к Ровно и Шепетовке, перерезав важную линию железной дороги Вильнюс—Одесса и прервав сообщение групп армий «Центр» и «Юг». Левофланговые армии нависли над каневской группировкой врага.

Все командующие армиями и начальник штаба фронта были награждены только что введенным орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. Ватутин, как и за Киевскую операцию, остался без награды. Николай Федорович тяжело переживал такую несправедливость, но вида не подавал, глуша обиду в работе.

Директива Ставки от 12 января 1944 года предусматривала в кратчайший срок окружить и уничтожить группировку противника в районе каневского выступа путем наступления армий левого крыла 1-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов по сходящимся направлениям на Шполу, создавая возмож-

ность дальнейшего удара с выходом войск фронтов на Южный Буг. Ставка сознательно уменьшала кольцо окружения. Это должно было позволить наступающим армиям миновать танковые заслоны врага, созданные севернее Умани и северо-западнее Кировограда, и облегчить уничтожение корсунь-шевченковской группировки. Войска всех Украинских фронтов готовились к наступлению. Шло активное пополнение людьми и боевой техникой. 1-му Украинскому фронту были переданы 47-я и 2-я танковые армии. Только за период с 22 января по 3 февраля фронт получил 400 танков. Значительно усиливались и другие фронты. Ставка готовилась провести почти одновременно три операции, объединенные общим замыслом: Корсунь-Шевченковскую, Ровно-Луцкую и Никопольско-Криворожскую.

Небольшая пауза на юге не дала передышки врагу. С середины января на него обрушили удары войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Непрерывно следовали атаки на центральном направлении. На совещаниях высшего руководства рейха шли мучительные поиски путей спасения стратегической обороны на Восточном фронте. Знало ли гитлеровское командование об опасном положении каневского выступа? Безусловно. Но Гитлер видел в нем последнюю надежду удержаться на Днепре и приказал Манштейну выбросить из головы даже мысли об отходе из Канева.

К началу Корсунь-Шевченковской операции в каневском выступе оборонялось 9 пехотных дивизий, танковая дивизия, моторизованная бригада с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й армий. Войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов приходилось готовиться к наступлению в очень сложной обстановке. Особенно тяжело было Ватутину. Ведь он по-прежнему отражал контрудары Манштейна в районе Винницы. Вот пример одного из приказов, направленного в то время в войска Ватутиным:

«Командармам 38, 3 гв. танковой, 2 и 1 танковым. Противник попытается в районе Зозов расширить свой прорыв, и не исключена возможность удара противника из района Зозов в северном направлении на Казатин с целью свертывания наших боевых порядков.

Для воспрепятствования этому к 6.00 29.1.44 Самгородок, Спиченцы вывожу главные силы 3 гв.ТА.

В результате наших перегруппировок на рубеже Голендра, Спиченцы, Оратов действуют четыре армии, из них 3 танковые.

С целью конкретизации задач и лучшего взаимодействия между армиями приказываю:

1. Ответственность за прочное удержание всего рубежа Голендра, Ротмистровка, Андрусовка, Россоша, Оратов возлагается на командарма 38-й, в руках которого оставляю все средства усиле-

ния, приданные мною. Этими средствами обязываю командарма 38 маневрировать и быстро бросать их на угрожающие направления.

2. Командарму 3 гв. танковой отвечать за рубеж Голендра, Ново-Гребля, Ротмистровка, Андрусовка. Главное внимание рубежу: Шендеровка, Ротмистровка, Андрусовка. В этой полосе действий командарму 3 гв. ТА организовать взаимодействие со стрелковыми войсками, действующими на данном рубеже.

3. Командарму 2-й танковой отвечать за рубеж иск. Андрусовка, Россошня, Яблонивицы, Оратов, организовать взаимодействие со стрелковыми войсками 38 армии. Принять в свое подчинение 31 тк 1 ТА.

4. Командарму 1 танковой передать все имеющиеся исправные танки и самоходные установки в состав 31 тк. Все неходовые танки и САУ поставить в оборону первой линии и сдать их 2 ТА. Управление армии, 8 мк без танков и САУ и тылы вывести в район Погребище, где немедленно приступить к укомплектованию 8 мк, район Погребище привести в оборонительное состояние. 31 тк передать в подчинение 2 ТА.

5. Общая задача командиров не допустить прорыва противника, прочно удерживать занимаемые рубежи и уничтожить противника контратаками.

На время этой операции 3 гв. ТА и 2 ТА в оперативном отношении подчиняться командарму 38. Главное — в тесном взаимодействии всех родов войск умелым маневром, активной обороной разгромить винницкую группировку противника и подготовить условия для наступления.

Ватутин, Крайнюков, Боголюбов»[1].

Трудности усугублялись и наступившей неожиданно распутицей, переброска войск, доставка боеприпасов, горючего, продовольствия превратились в сущую муку. Сколько же сил отдало командование фронта на подготовку операции! А сколько их отдали солдаты, на руках, по колено в грязи, под пронизывающим ветром перетаскивая орудия, минометы, боеприпасы!

Для решения задач Корсунь-Шевченковской операции Ватутин создал ударную группировку войск на левом фланге фронта у основания каневского выступа. Она включала 6-ю танковую армию, 27-ю и 40-ю армии.

2-й Украинский фронт собирался наносить удары 5-й гвардейской танковой армией, 4-й гвардейской и 53-й армиями.

О том, как трудился в эти дни командующий 1-м Украинским фронтом, говорит хотя бы тот факт, что помимо оборонительных боев в районе Винницы и подготовки Корсунь-Шевченковской операции приходилось готовить войска на Ровно-Луцкую операцию.

[1] ЦАМО. Ф. 236, оп. 2673, д. 974, л. 248.

Остается только удивляться таланту и работоспособности Николая Федоровича.

24 января перешли в наступление войска 2-го Украинского фронта. Двумя сутками позже ударил Ватутин. Началась Корсунь-Шевченковская операция. Немцы оборонялись отчаянно. Уже 27 января они нанесли первый контрудар. Рвавшиеся вперед 20-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии были даже отсечены от основных сил 2-го Украинского фронта, но гвардейцы не останавливались. В ночь на 28 января 20-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева ворвался в город Шпола, а днем подошел к Звенигородке.

Наступление войск 1-го Украинского фронта шло не так быстро. В этих условиях Ватутин пошел на очень смелый шаг. Навстречу гвардейцам Ротмистрова он бросил в район Звенигородки передовой отряд под командованием талантливого генерала М.И. Савельева. Отряд в составе 233-й танковой бригады,1228-го самоходно-артиллерийского полка, мотострелкового батальона и батареи истребительно-противотанковой артиллерии, умело соединяя маневр и мощный огонь, прорывался через немецкие части в районе Лисянки и 28 января соединился с 20-м танковым корпусом Лазарева недалеко от Звенигородки. Основные тыловые коммуникации противника оказались перерезанными.

Сразу же войска обоих фронтов начали наращивать удары. Успешно продвинулись вперед дивизии 40-й армии генерала Ф.Ф. Жмаченко и 27-й армии генерала С.Г. Трофименко, и Ватутин ввел в прорыв 6-ю танковую армию генерала А.Г. Кравченко.

30 января и Конев, введя в бой дополнительные силы, в том числе 18-й танковый корпус и 5-й гвардейский Донской кавкорпус генерала А.Г. Селиванова, отбросил врага и соединился с Ротмистровым.

Быстро продвигаясь, войска Ватутина и Конева отсекли вражескую группировку и начали сжимать ее к центру окружения. Сразу же стал создаваться внешний фронт окружения. Его образовали 6-я танковая армия и 40-я армия 1-го Украинского фронта, 5-я гвардейская танковая и 53-я армии 2-го Украинского фронта. Внутренний фронт сжимали 27-я и 4-я гвардейские армии этих фронтов.

Все было проделано быстро и своевременно. Манштейн и главное командование вермахта опаздывали с принятием мер по спасению окруженных дивизий. Манштейн уже имел печальный опыт по деблокаде группировки Паулюса и решил создать для этого более мощную группировку прорыва, чем армейская группа «Гот». В ту, как известно, входило 4 танковые дивизии, моторизованная и 9 пехотных. Теперь у командующего 1-й танковой армией генерала Хубе, которому и поручалось прорваться к окруженным, имелось 8

танковых и 6 пехотных дивизий. На острие удара стояла небезызвестная танковая дивизия СС «Адольф Гитлер». Командующий окруженной группировкой генерал Штеммерман готовил прорыв изнутри.

Ватутин и Конев знали об этих приготовлениях и укрепляли внутренний и внешний фронты окружения. Первые попытки Манштейн предпринял уже 3 и 4 февраля, но они были безуспешными.

8 февраля во избежание ненужного кровопролития советское командование обратилось к окруженным войскам с ультиматумом, который в тот же день в 15 часов 50 минут был вручен парламентерами командиру стеблевского участка полковнику Фукке. Над районом вражеской группировки были разбросаны листовки, призвавшие немецких солдат сдаваться в плен. Штеммерман не внял голосу разума. Да и как ему было это сделать, если сам фюрер не скупился на обещания? В телеграмме Гитлер писал: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона». Буквально засыпал Штеммермана радиограммами командующий 1-й танковой армией: «Я вас выручу. Хубе». Регулярно поддерживал связь с окруженными и Манштейн. В одной из радиограмм он сообщал, что в общем направлении на Лисянку выдвигается 3-й танковый корпус, а командир этого корпуса генерал танковых войск Брайт прислал свою радиограмму: «После отражения сильных атак неприятеля 3-й танковый корпус снова перешел в наступление. Во что бы то ни стало держитесь. Мы придем, несмотря ни на что. Генерал Брайт».

В ночь на 12 февраля Штеммерман собрал мощную группировку на узком участке фронта всего в 4,5 километра и предпринял попытку прорыва изнутри. В первом эшелоне прорывалась дивизия СС «Викинг», и Штеммерман возлагал на нее особые надежды. В передовом отряде дивизии двигался фузилерный батальон, усиленный танками и штурмовыми орудиями, за ним — мотополк «Вестланд», мотобригада СС «Валония», батальон «Нарва» и мотополк «Германец». Надежды Штеммермана не оправдались, хотя вначале ударной группировке удалось потеснить наши войска на участке 27-й армии и расстояние между окруженной группировкой и Хубе сократилось до 12 километров. На большее у немцев сил не хватило.

С утра 12 февраля настроение у Николая Федоровича было весьма скверное. И дело было совсем не в попытке прорыва немцев. Ее ликвидировали довольно быстро и успешно. Мучили дурные предчувствия. Не развеял их и звонок Жукова.

— Что у тебя, Николай Федорович?

— Противник, воспользовавшись пургой, неожиданно ударил по нашим войскам, потеснил их на два-три километра и даже занял Хилки. Но сейчас остановлен.

— А что у Хубе?

— Тоже теряет темп. Я думаю, точнее, уверен, что немцев мы не выпустим.

— Это хорошо, но утром я говорил по телефону с Верховным. Конев предлагает передать ему руководство по ликвидации корсунь-шевченковской группировки, а тебе поручить руководство внешним фронтом. Верховный вроде бы согласен удовлетворить его просьбу. Но вопрос пока окончательно не решен. Думаю, я убедил Верховного, что передача управления войсками 27-й армии 2-му Украинскому фронту только затянет ход операции...

Надежды Жукова и Ватутина не оправдались. В полдень пришла директива Ставки, утверждавшая предложение Конева. Прочитав директиву, Ватутин не выдержал, позвонил Жукову и, не скрывая обиды, сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я не смыкал глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

— Николай Федорович, это приказ Верховного,— ответил Жуков,— мы с тобой солдаты, будем безоговорочно выполнять приказ.

— Слушаюсь, приказ будет выполнен.

Ватутину приказывалось сосредоточить внимание на Ровно-Луцкой операции.

Здесь уместно сделать небольшое отступление и вернуться к отношениям Сталина с командующими фронтами. Жуков вспоминал: «Сталин интриговал между маршалами — командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их лбами, сея рознь, зависть и подталкивая к славе на нездоровой основе.

К сожалению, кое-кто из командующих, пренебрегая товарищеской дружбой, нарушая элементарную порядочность, преследуя карьеристские цели, использовал слабость Сталина, разжигая в нем нелояльность к тем, на кого он опирался в самые тяжелые годы войны.

Такие люди нашептывали Сталину всякие небылицы, стремясь выставить перед ним свою персону в самом привлекательном виде. Особенно этим в конце войны занимался маршал И.С. Конев.

Начиная с Курской дуги, когда враг уже не мог противостоять ударам наших войск, Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь своими «героическими» делами при проведении операций, одновременно компрометируя действия своих соседей.

Я вспоминаю Корсунь-Шевченковскую операцию, которая проводилась силами 1-го Украинского фронта под командованием Н.Ф. Ватутина и 2-го Украинского фронта, которым командовал И.С. Конев. Координацию действий фронтов осуществлял я.

Операция шла успешно. Лучше действовали войска Ватутина. Но под конец операции, пользуясь метелью, остатки окруженного противника прорвались через боевые порядки войск Ватутина.

Сталин тут же позвонил мне и в возбужденном тоне спросил: «Известно ли Вам, что противник прорвал фронт Ватутина и выходит из окружения в районе Корсунь-Шевченковского?»

Я ответил: «Нет, неизвестно. Думаю, что это не соответствует действительности».

Тогда Сталин выругал меня и сказал, что ему только что звонил Конев, доложил о прорыве, а затем сказал: «Я думаю передать завершение операции в руки Коневу, а вам и Ватутину лучше сосредоточить внимание на внешнем фронте и Проскуровско-Черновицкой операции».

Я тогда ответил Сталину, что до завершения операции осталось не больше трех дней. Главную роль в Корсунь-Шевченковской операции сыграл 1-й Украинский фронт, Ватутину и возглавляемым им войскам будет обидно не быть отмеченными за их ратные труды.

Сталин положил трубку, прекратив со мной разговор, а через два часа была получена директива о передаче завершения операции.

Нужно ли было это делать в интересах дела?

Нет, не нужно. Это нужно было Сталину для того, чтобы вбить еще глубже клин между Коневым, Ватутиным и мною. Конев в этом вопросе сыграл неблаговидную роль.

Зная мою щепетильность, Сталин при проведении и последующих операций пытался неоднократно натравить меня на Конева, Рокоссовского и других, а их в свою очередь на меня. А.М. Василевскому он наговаривал на меня, а мне на Василевского, но А.М. Василевский, весьма порядочный человек, не шел на провокации Сталина. Зачем это нужно было Сталину? Сейчас я думаю, что все это делалось умышленно, с целью разобщения дружеского коллектива высшего командования Вооруженных Сил, которого без всяких оснований и только лишь по клеветническим наговорам Берии и Абакумова он стал бояться».

До 17 февраля шли ожесточенные бои по уничтожению окруженной группировки противника, а Ватутин занимался Ровно-Луцкой операцией. А что было ею заниматься, если операция уже шла? Началась она еще 27 января. В первый же день наступления дивизии 13-й армии генерала Н.П. Пухова прорвали оборону, и гвардейские кавкорпуса, пройдя по бездорожью более 100 кило-

метров, 2 февраля ворвались в Ровно и Луцк. Несколько подзадержалась 60-я армия Черняховского, встретив в районе Шепетовки упорное сопротивление, но и она к 11 февраля выбила немцев из города. Так что к заключительному этапу Корсунь-Шевченковской операции цели Ровно-Луцкой операции были в основном достигнуты.

17 февраля вражеская группировка под Корсунь-Шевченковским прекратила существование. По официальным данным, противник потерял только убитыми 55 тыс. человек, более 18 тыс. сдались в плен.

18 февраля Москва от имени Родины салютовала 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий войскам 2-го Украинского фронта. В приказе Верховного Главнокомандующего о 1-м Украинском фронте не было сказано ни слова.

Конев получил звание Маршала Советского Союза, генерал армии Ватутин не получил даже благодарности.

Вот так «справедливо» распорядился товарищ Сталин итогами борьбы двух фронтов. Обижен был не только Ватутин, но и тысячи солдат, офицеров 1-го Украинского фронта.

Конечно, Николай Федорович тяжело переживал эту несправедливость, но впереди его ждали новые дела — окончательное освобождение Украины от гитлеровских захватчиков.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

О том, что в первые часы после ранения Ватутин вспоминал детские годы, рассказывал К.В. Крайнюков. Он, как и все сопровождавшие командующего фронтом, были уверены в скором выздоровлении Ватутина. Крайнюков вспоминал: «Доставив раненого командующего фронтом в военный госпиталь в Ровно и проконсультировавшись с врачами, я доложил о происшествии по ВЧ Верховному Главнокомандующему, сообщил о состоянии здоровья Н.Ф. Ватутина и о том, что оперативные документы не попали к врагу. Сталин более или менее спокойно пожурил нас и с укоризной сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы не взяли даже надежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба 13-й армии следующее письменное донесение:

«Тов.Сталину.

Докладываю о происшествии с генералом армии Ватутиным. 29 февраля 1944 года, возвращаясь из штаба тринадцатой армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и личной охраны в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде в северную окраину д. Милятин, что в 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов...

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты. Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга тринадцатой армии ранение относится к категории тяжелых, требующих лечения минимум два месяца. К оказанию медпомощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в 506-м армейском госпитале в Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3 обязательно эвакуировать в Москву самолетом «Дуглас».

Член Военного совета Первого Украинского фронта
генерал-майор *Крайнюков*».

Сейчас мы можем удивляться: как же так, при таком ранении лучшие силы медицины не смогли спасти жизнь человеку? Трудно сказать. Но сколько мы знаем подобных случаев в жизни! Вспомним, как умер в ходе, казалось бы, простейшей операции М.В. Фрунзе, как уже в наше время умер С.П. Королев. Что же, не всегда медицина может помочь, можно много думать, домысливать что-то, но справедливости ради надо сказать — врачи сделали все, чтобы спасти жизнь Николая Федоровича.

Эвакуировали его не в Москву, а в Киев. Туда для лечения были командированы из Москвы опытнейшие специалисты. И вначале дела пошли, казалось бы, на поправку. Выписка из бюллетеня о состоянии его здоровья гласит: «В течение ночи температура больного была нормальная. Больной удовлетворительно спал. Утром больной довольно активен, хорошо покушал».

Николай Федорович почувствовал себя настолько бодро, что потребовал все центральные и по возможности фронтовые газеты. По сводкам Информбюро, фронтовых корреспондентов, он на небольшой географической карте быстро изобразил положение фронтов и начал изучать обстановку. Лечившие его врачи вспоминали, с какой искренностью он радовался победам наших войск, успехам своих друзей-военачальников. Очень хотел поговорить со многими по телефону, а получая отказ, добивался обязательного отправления телеграмм. Александр Михайлович Василевский вспоминал:

«Но даже находясь в тяжелейшем состоянии, он (Ватутин. — *С.К.*) следил за тем, как развертываются события на фронте. 19 марта я получил от него из Киевского госпиталя телеграмму, в которой он поздравлял командование 3-го Украинского фронта и меня как представителя Ставки с успехами. Я тогда ответил Николаю Федоровичу: «Благодарю за поздравления и пожелания. От души, дорогой Николай Федорович, желаю тебе скорее поправиться, чтобы вновь вполне здоровым быть во главе своих войск на этом решающем направлении. Примем все меры, чтобы осуществить твои пожелания».

Но неожиданно состояние больного начало ухудшаться. Бюллетень сообщает: «Пульс — 104. Температура к 12 часам поднялась до 39,3 без озноба. Пульс — 120».

Врачам стало ясно — инфекция. Началась изнурительная, круглосуточная борьба. Консилиум ведущих хирургов для спасения жизни больного признал необходимым провести срочную ампутацию ноги.

5 апреля в штаб 1-го Украинского фронта пришло сообщение:

«В 14.00 была проведена высокая ампутация бедра. Операцию больной перенес удовлетворительно. К концу дня больной постепенно выходит из состояния послеоперационного шока. Пульс ко-

леблется в пределах 120—140, наполнение его улучшилось, синюхи нет, температура 37,6, появился аппетит, и больной поел».

С каким ликованием встретили однополчане Николая Федоровича это сообщение! Но радость была преждевременной. Уже в следующем сообщении появились тревожные нотки. Тревога нарастала. И вот в ночь на 15 апреля 1944 года Николая Федоровича Ватутина не стало.

Утром центральные газеты Советского Союза опубликовали сообщение:

«Совет Народных Комиссаров СССР, Народный Комиссариат обороны СССР и Центральный комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают, что в ночь на 15 апреля после тяжелой операции скончался в Киеве командовавший 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин Николай Федорович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии.

В лице тов. Ватутина государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны.

Похороны генерала армии Ватутина Н.Ф. состоятся в г. Киеве.

Память генерала армии Ватутина Н.Ф. увековечивается сооружением ему памятника в г. Киеве».

В газете «Красная звезда» вышла проникновенная статья, подписанная Г.К. Жуковым, А.М. Василевским и другими военачальниками.

Три дня к дому, где был установлен гроб с телом Ватутина, шли люди. Шли рабочие только что восстановленных заводов, колхозники близлежащих сел, партизаны и воины гарнизона. Катились длинной вереницей на низких, гремящих тележках инвалиды, держась парами, робко ступали дети из детских домов.

У гроба полководца стояли его боевые соратники, руководители ЦК КП(б) Украины. В скорбном молчании сидели родственники.

Что думала в эти минуты Вера Ефимовна? Что думает мать у гроба любимого сына? Когда всего сутки назад над селом Чепухино, над хатой Веры Ефимовны Ватутиной закружился военный самолет, ее уставшее от горя сердце тревожно забилось. В феврале почтальон принес письмо, в котором начальник одного из госпиталей сообщал, что красноармеец Ватутин Афанасий Федорович, находясь на фронте, в бою за социалистическую родину был тяжело ранен и умер от ран 4.2.1944 года. Не прошло и месяца, как пришла похоронка о гибели младшенького — Семена. И вот с самолета сброшен вымпел, предписывающий председателю сельсовета, перевезти мать генерала Ватутина на близлежащий аэродром. Острая боль сдавила сердце Веры Ефимовны. Врач, медсестры, несколько офицеров ожидали у самолета старую крестьянку. Как мог сказать

врач матери, уже потерявшей двух сыновей, что ей предстоит лететь к раскрытой могиле третьего? Не нашел он слов. Да и не нужны они были. Сердце матери чувствовало горе.

Хоронили Николая Федоровича Ватутина в том самом парке, на высоком берегу Днепра, где он еще совсем молодым командиром сидел часами с учебниками, где гулял с любимой женой, где мечтал о подвигах во славу Родины, откуда любовался силой и раздольем красавца Днепра. Днепр и теперь, освободившись от ледового плена, с глухим шумом неторопливо нес свои воды, бился о берег.

Так же неторопливо, как воды Днепра, текла по руинам Крещатика толпа киевлян. Величественные звуки «Реквиема» неслись над землей, днепровскими кручами, улицами и площадями великого и древнего города. За то, чтобы вечно скакал в нем, подняв булаву Богдан Хмельницкий, задумчиво стоял Тарас Шевченко, за то, чтобы жили в нем счастливые люди, отдали свою жизнь тысячи героев, и среди них — Николай Федорович Ватутин.

Впереди траурной процессии на малиновых подушечках герои партизанской войны на Украине А.Ф. Федоров, С.А. Ковпак, А.Н. Сабуров несли боевые награды героя. За ними плыли вереницы венков — от Совета Народных Комиссаров и Центрального комитета партии, от И.В. Сталина и Генерального штаба. Алели на зеленых венках ленты с надписями: «Легендарному воину», «Витязю Красной Армии», «Народному герою».

17 апреля в 16.00 руководители партии и правительства Украины, генералы, Герои Советского Союза подняли гроб с телом полководца и понесли к могиле. Первым выступил Н.С. Хрущев. Проникновенно рассказав о жизненном пути соратника и друга, он в заключение сказал:

«Товарищ Ватутин был военным человеком в полном смысле этого слова, человеком военной дисциплины и военного дела.

Товарищ Ватутин был неутомимым работником. Принимая то или иное решение; он не довольствовался тем, что решение принято и оно правильно, а прилагал все силы к тому, чтобы провести его в жизнь. Вопросу изучения операции, правильной расстановке сил, а главное, контролю за исполнением приказов он придавал большое значение. Товарищ Ватутин никогда не унывал, никогда головы не вешал. Какие бы трудности ни были, он всегда верил в силу Красной Армии, верил в дело, которому он служил, верил в нашу победу.

Товарищ Ватутин был исключительно чутким командиром. Он был глубоко партийным человеком.

Не случайно то, что, на каком бы фронте Ватутин ни был, он всюду пользовался любовью и уважением своих солдат и командиров. Они видели в нем неутомимого и талантливого полководца, беззаветно преданного коммунистической партии и советскому на-

роду, всеми силами души ненавидящего гитлеровских разбойников.

Товарищ Ватутин ушел от нас в дни, когда завершается освобождение украинских земель от ненавистного врага, когда Красная Армия заканчивает освобождение Крыма, когда идет успешное освобождение всех советских земель от немецких захватчиков. Во время болезни он очень жалел, что не может принимать участие в победоносном наступлении Красной Армии. Но он ушел от нас с твердой уверенностью в быстром и окончательном разгроме гитлеровской Германии... Освобожденный украинский народ вместе со всеми народами Советского Союза с благодарностью будет чтить память одного из лучших руководителей Красной Армии — генерала Ватутина».

В те самые минуты, когда над могилой полководца выступали его друзья и соратники, радио Москвы разнесло по миру:

«Приказ Верховного Главнокомандующего.

Сегодня, 17 апреля, в 18 часов, в городе Киеве состоятся похороны генерала армии Ватутина, командовавшего 1-м Украинским фронтом.

Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Ватутина и отдают честь одному из лучших полководцев Красной Армии.

Приказываю: в час погребения генерала армии Ватутина отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре орудийных залпа из двадцати четырех орудий.

Верховный Главнокомандующий
17 апреля 1944 г. Маршал Советского Союза *И. Сталин*».

Грохот орудийных залпов у стен древнего Кремля слился с залпами на берегах Днепра, с артиллерийской канонадой на всех фронтах от Баренцева до Черного моря.

Слова, сказанные в 1944 году на могиле 43-летнего генерала армии, не были обычной данью уходящему в последний путь человеку. Над привольным Днепром возвысился памятник талантливому полководцу. В его честь названы населенные пункты, улицы, пароходы, он навечно вошел в историю Великой Отечественной войны, в историю нашей страны.

В канун двадцатилетия Победы над фашистской Германией Ватутину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Возможно, этого и не следовало делать. Разве только этим званием определяется память народная, заслуга человека перед людьми? Сколько на земле незаслуженно забытых героев без этого высокого звания, и сколько человек незаслуженно носило и носит на груди золотую звезду Героя. Нет, дело не в этом.

Ватутин — народный герой по воле народа. Мы проследили довольно подробно его жизнь. Он был обыкновенным человеком, с недостатками и слабостями, но они полностью покрывались его достоинствами. Даже в полководческой деятельности у него были не только блестящие победы, но и горькие неудачи. И думается, именно поэтому еще более выпукло вырисовывается цельность его натуры, талант, еще более убедителен его авторитет как одного из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны, народного героя. Вообще, пора отходить от стереотипов. Все наши прославленные полководцы имели неудачи, и, закрывая на это глаза, обходя острые углы, мы просто унижаем этих людей, умаляем их талант и подвиг.

Рассказ о Николае Федоровиче Ватутине хочется закончить, может быть, несколько суховатыми, но по-военному точными и лаконичными словами, которые сказал о своем друге и соратнике честнейший человек А.М. Василевский: «Имя талантливого советского полководца генерала армии Николая Федоровича Ватутина тесно связано с Генеральным штабом советских Вооруженных Сил. В августе 1940 года он был назначен начальником оперативного управления, потом первым заместителем начальника Генерального штаба. На этом высоком посту Николай Федорович проявил широту стратегического мышления, свои оперативно-стратегические познания и опыт и своим неустанным трудом внес достойный вклад в подготовку наших Вооруженных Сил. Полководческий талант Ватутина особенно ярко проявился в годы Великой Отечественной войны. Никогда не забыть мне встреч с Николаем Федоровичем на фронте, где ему пришлось столь много и с такой пользой для дела потрудиться, находясь на посту начальника штаба Северо-Западного фронта, а затем командующего войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Хочется особо отметить, что важнейшие задания, которые возлагали на генерала Ватутина ГКО и Верховное Главнокомандование при подготовке и проведении крупнейших военных операций, как правило, выполнялись отлично. Он умел решительно сосредоточивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и тыл вражеским группировкам, искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов Вооруженных Сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками. Генерал Ватутин по заслугам снискал себе общее признание и всенародную любовь. Его имя — имя выдающегося мастера вождения войск, пламенного патриота Отечества, коммуниста, любимца солдат — навсегда связано с нашими победами под Сталинграда-

дом и Курском, при форсировании Днепра и освобождении Киева, на Правобережной Украине. Советские люди свято чтят его память...»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Н.Ф. ВАТУТИНА

16 декабря 1901 г.	Родился в семье крестьянина в селе Чепухино Воронежской губернии.
1910 г.	Закончил чепухинскую школу.
1912 г.	Закончил Валуйское двухклассное земское училище с похвальным листом.
1917 г.	Закончил коммерческое училище в слободе Уразово.
1920 г.	Добровольно вступил в Красную Армию. Красноармеец 3-го запасного полка.
1921 г.	Вступил в РКП(б).
1922 г.	Окончил 14-ю Полтавскую пехотную школу и назначен командиром взвода 67-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии. Женился на Татьяне Романовне Ивановой.
1925 г.	Окончил Киевскую высшую объединенную школу комсостава. Командует ротой.
1929 г.	Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Назначается на должность помощника начальника оперативного отделения штаба 7-й стрелковой дивизии.
1930 г.	Назначен на должность помощника начальника отдела штаба Северо-Кавказского военного округа.
1931 г.	Назначен на должность начальника штаба 28-й горно-стрелковой дивизии.
1935 г.	Окончил курсы усовершенствования комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Назначен на должность начальника отдела штаба Сибирского военного округа.
1936 г.	Поступил в звании полковника в Академию Генерального штаба РККА.
1937 г.	Досрочно выпущен из академии и назначен заместителем начальника штаба Киевского военного округа.
1938 г.	Назначен начальником штаба Киевского военного округа с присвоением воинского звания комбриг.
1939 г.	Участвовал в освободительном походе Красной Армии в Западную Украину.
1940 г.	Назначен начальником Оперативного управления Генерального штаба, первым заместителем начальника Генерального штаба. Присвоено воинское звание генерал-лейтенант.
Февраль 1941 г.	Награжден орденом Ленина.

Июль 1941 г.	Убыл на Северо-Западный фронт как представитель Ставки. Назначен начальником штаба Северо-Западного фронта.
Апрель 1942 г.	Участвовал в Демянской и других операциях Северо-Западного фронта.
12 мая 1942 г.	Назначен заместителем начальника Генерального штаба.
14 июля 1942 г.	Назначен командующим Воронежским фронтом.
25 октября 1942 г.	Назначен командующим Юго-Западным фронтом.
19 ноября 1942 г.	Начало операции «Уран» по окружению войск Паулюса под Сталинградом.
7 декабря 1942 г.	Присвоено воинское звание генерал-полковник.
Февраль—март 1943 г.	Неудачные наступательные операции в Донбассе и на Украине.
12 февраля 1943 г.	Присвоено воинское звание генерал армии. Награжден орденом Суворова 1-й степени.
Март 1943 г.	Поездка в родное село Чепухино.
5—23 июля 1943 г.	Битва на Курской дуге.
3—25 августа 1943 г.	Наступательная операция «Полководец Румянцев».
Октябрь 1943 г.	Битва за Днепр.
6 ноября 1943 г.	Освобождение Киева.
Ноябрь—декабрь 1943 г.	Контрнаступление немцев. Потеря Житомира.
Январь—февраль 1944 г.	Корсунь-Шевченковская операция.
29 февраля 1944 г.	Ранен в бою с бандеровцами.
15 апреля 1944 г.	Умер в Киевском госпитале.
17 апреля 1944 г.	Похоронен в городе Киеве.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Детство и юность 6
Армейская служба 18
Командир 33
От штаба дивизии до штаба округа 55
Накануне 86
Трудные дни сорок первого 129
«Ни шагу назад!» 165
В сражениях у Сталинграда 196
Горечь и радость военных будней 225
Огненная дуга и «Полководец Румянцев» 247
В боях за Днепр и Киев 274
Правобережная Украина 296
Последние дни 309
Основные даты жизни Н.Ф. Ватутина 316

Сергей Павлович Куличкин
ВАТУТИН

Редактор *В.В. Амельченко*
Художественный редактор *Л.Е. Кривокобыльская*
Технический редактор *М.В. Федорова*
Корректор *Г.В. Казнина*

Лицензия ЛР №020872 от 8 июля 1999 г.

Сдано в набор 01.06.01. Подписано в печать 06.08.01
Формат 60×88/16. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 20 + 1 вкл. 1 печ. л. Усл. печ. л. 20,58.
Уч.-изд. л. 21,35. Тираж 3000 экз.
Изд №С/01/400. Зак. 122

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Отпечатано в типографии ОАО «Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, 7